
МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ
Алистер Маклин
«МОРСКАЯ ВЕДЬМА»
АЗБУКА

«Морская ведьма»
Алистер Маклин

Аннотация
Алистер Маклин. «Морская ведьма»
«Морская ведьма». Роман
- Пролог
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9

Пустынное море. Рассказы
- «Дилеас»
- Святой Георгий и дракон
- «Звезда Арандоры»
- «Равалпинди»
- Потопление «Бисмарка»
  - Часть 1
  - Часть 2
  - Часть 3

«Мекнес»
Макхайнери и цветная капуста
«Ланкастрия»
Маккриммон и голубые лунные камни
Чистильщики моря
«Сити оф Бенарес»
Золотые часы
Рандеву
«Джервис-Бей»
Черный шторм
Добрый самаритянин
От автора. Успех: Награды и ответственность

Аннотация

Алистер Маклин (1922–1987) – британский писатель, автор 28 остросюжетных романов и приключенческих рассказов, сценарист. Его имя широко известно читателям всего мира. Книги Маклина разошлись тиражом более 150 миллионов экземпляров, по его романам, сценариям и сюжетам было снято 18 фильмов. В 1983 году Университет Глазго присвоил писателю степень доктора литературоведения.

Бывший моряк королевского флота, Алистер Маклин в своей стихии, когда пишет о море и смельчаках, которые бороздят его просторы.

Уникальная нефтяная платформа под названием «Морская ведьма» – центр огромной империи, гордость владельца-миллиардера, хищного и безжалостного лорда Уорта. Теперь ему не страшны никакие конкуренты. Однако те не дремлют, и вскоре находится человек, желающий свести с Уортом личные счеты. Он похищает дочерей магната и выдвигает свои условия… Роман «Морская

ведьма» стал бестселлером по версии «Нью-Йорк таймс».

Сборник «Пустынное море» охватывает весь творческий путь мастера. Здесь представлены все рассказы Маклина на морскую тематику, включая те, которые не были опубликованы при его жизни.

Впервые на русском!

Алистер Маклин
«Морская ведьма»

Alistair MacLean
SEAWITCH
First published in Great Britain by William Collins Sons & Co. Ltd. 1977 under the pseudonym 'Ian Stuart'
Copyright © HarperCollinsPublishers 1977
THE LONELY SEA
First published in Great Britain by William Collins Sons & Co. Ltd. 1985
Copyright © HarperCollinsPublishers 1985
Alistair MacLean asserts the moral right to be identifi ed as the author of these works
All rights reserved

© Ю. Ю. Павлов, перевод, 2025
© С. Н. Самуйлов, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

* * *

МИР
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Алистер Маклин

«Морская ведьма»

АЗБУКА

Санкт-Петербург

«Морская ведьма»
Роман

Посвящается Лахлану

Пролог

Существует два основных типа сооружений для поиска и добычи нефти на континентальном шельфе. Первый — это самоходные суда, предназначенные для поиска месторождений. Порой они бывают весьма внушительных размеров и, если не обращать внимания на буровую вышку, неотличимы от обычных океанских грузовых судов. Их задача — бурить скважины в районах, где, согласно сейсмологическим и геологическим исследованиям, могут находиться залежи нефти. Такая работа технически сложна, но этим судам часто сопутствует успех. Однако есть у них и два существенных недостатка: несмотря на современное и точное навигационное оборудование, включая подруливающие устройства, им сложно удерживаться на месте в бурном море. Во время бурения сильные приливы и ветра доставляют немало проблем, а в особо опасную погоду все операции прекращаются.

Для непосредственного бурения и добычи — прежде всего добычи — почти повсеместно используются так называемые самоподъемные буровые установки. Они требуют обязательной

буксировки к месту добычи и представляют собой платформу, оборудованную непосредственно буровой машиной, кранами, вертолетными площадками и прочими необходимыми приспособлениями, а также жилыми помещениями. Платформа закрепляется на дне с помощью якорных опор. В обычных условиях она весьма эффективна, но, как и поисковые суда, не лишена недостатков. Она неподвижна. Даже в среднетяжелых погодных условиях работа на ней прекращается. Использовать ее можно лишь в сравнительно мелководных морях, самым глубоким из которых является Северное, где и располагается большинство платформ. Они стоят на глубине до 450 футов; делать опоры длиннее экономически невыгодно, хотя американцы планируют построить у побережья Калифорнии буровую установку с опорами в 800 футов длиной. К безопасности тоже есть вопросы. В Северном море уже потеряли две установки. Причины этого точно не установлены, но есть подозрения, явно небезосновательные, что всему виной конструктивные просчеты или некачественный металл якорных опор.

И наконец, третий тип нефтедобывающих устройств — ПНО, буровая платформа с натяж-

ными опорами. Во время описываемых событий в мире существовала только одна такая платформа. Ее рабочая поверхность была размером с футбольное поле — если, конечно, можно представить футбольное поле в форме равностороннего треугольника. Палуба была не из стали, а из специального железобетона, разработанного голландской строительной компанией. Опоры этой гигантской платформы, сконструированные и построенные в Англии, представляли собой три громадные стальные «ноги», расположенные по углам и соединенные вместе многочисленными горизонтальными и диагональными трубами, и вся эта конструкция обеспечивала настолько высокую плавучесть, что рабочая платформа, которую они поддерживали, была недосягаема даже для самых высоких волн.

От основания каждой опоры к океанскому дну тянулось по три массивных стальных каната, причем каждая тройка крепилась к огромному морскому якорю. При помощи сильных моторов якоря могли подниматься и опускаться на глубину, в два или даже в три раза превышающую допустимую для большинства стационарных буровых установок, что позволяло работать в самых отдаленных областях континентального

шельфа.

У этой ПНО были и другие существенные преимущества.

Для обеспечения плавучести якорные канаты находились в постоянном напряжении, что практически препятствовало качке и крену платформы. Таким образом, установка могла работать даже в суровый шторм, когда другие типы нефтедобывающих сооружений вынуждены прекращать работу.

Также ей не грозили подводные землетрясения.

Кроме того, она была мобильна. Чтобы переместиться в более нефтеносную область, требовалось лишь поднять якоря.

И по сравнению со стандартными нефтяными вышками затраты на ее установку в любом конкретном месте были настолько незначительными, что на этом не стоит заострять внимание.

«Морская ведьма» — таково было ее название.

Глава 1

В определенных кругах и среди определенных людей «Морская ведьма» пользовалась дурной славой. Но по большей части их неприязнь была направлена на некоего лорда Уорта, мульти– (кое-кто сказал бы, мульти-пульти–) миллионера, председателя и единоличного хозяина нефтяной компании «Уорт-Хадсон» и, по стечению обстоятельств, владельца «Морской ведьмы». Каждый из десяти мужчин, присутствовавших в доме на берегу озера Тахо, произносил его имя трепетным шепотком, а то и тише.

Об их встрече не сообщалось ни в государственной, ни в местной прессе. Это произошло по двум причинам. Делегаты прибывали и уезжали либо поодиночке, либо парами, что было в порядке вещей для разношерстного летнего населения озера Тахо и не привлекало внимания. Еще более важно то, что делегатам очень не хотелось, чтобы их встреча стала достоянием общественности. Была пятница, тринадцатое — для кого-то наверняка дурной знак.

На встрече присутствовали девять делегатов и хозяин дома. Четверо были американцами,

но лишь двое из них имели значение: Коррал, представитель флоридской компании по сдаче в аренду участков с залежами нефти и полезных ископаемых, и Бенсон, представлявший интересы нефтяных установок в Южной Калифорнии.

Из остальной шестерки особого внимания заслуживали также двое: Патиньос из Венесуэлы и русский Боросов, чей интерес к американской нефти был минимален. Большинство собравшихся считали, что Боросов присутствует здесь исключительно для того, чтобы мутить воду, и, по-видимому, это предположение имело смысл.

Все десятеро в той или иной степени занимались поставками нефти в Соединенные Штаты и имели один общий интерес: не потерять выгоду. Меньше всего им бы хотелось, чтобы цена на нефть упала.

Бенсон, хозяин этого летнего дома и номинальный председатель тайного собрания, начал беседу:

— Джентльмены, надеюсь, никто не станет серьезно возражать, если в обсуждении примет участие третья сторона, то есть человек, не представляющий ни нас, ни лорда Уорта?

Возражали почти все, из-за чего возникло непродолжительное замешательство. Возраже-

ния были весьма серьезными.

— Слишком рискованно, — заявил Боросов, подозрительно оглядывая окружающих. — Тут и так народу многовато.

Бенсон, который получил руководство одной из крупнейших европейских нефтяных фирм вовсе не за красивые глаза, имел свойство выражаться крайне прямолинейно:

— Боросов, если кто-то и приглашен сюда без веских оснований, так это вы. Не забывайте об этом. Кого вы подозреваете?

Боросов промолчал.

— Джентльмены, имейте в виду: цель нашей встречи — сохранить хотя бы нынешний уровень цен, — продолжил Бенсон. — В настоящее время ОПЕК всячески ищет возможность поднять все цены на нефть. Здесь, в Штатах, нас это не слишком волнует, мы сами устанавливаем цены и доводим их до сведения публики.

— Вы обвиняете нас в беспринципности и цинизме, — заметил Патиньос, — а сами не сильно-то от нас отличаетесь.

— Я реалист, а не циник. Никто из нас не в состоянии что-либо предпринять, пока «Уорт-Хадсон» в деле. Они уже лишают барышей крупных игроков вроде нас. Пока что откусывают понемножку,

но это все равно чувствительно. Если мы поднимем цены, а они — нет, укусы станут болезненнее. А если они запустят новые ПНО, то мы вообще взвоем. ОПЕК это тоже навредит, ведь спрос на ваш товар непременно снизится. Крупнейшие нефтяные компании заключили джентльменское соглашение, под которым мы все подписались, — не добывать нефть в нейтральных водах, то есть вне международно признанных государственных границ. Несоблюдение этого соглашения грозит юридическими, дипломатическими, политическими конфликтами международного масштаба, начиная от взаимных обвинений и заканчивая прямыми вооруженными столкновениями. Предположим, что некая страна А — и таких уже немало — заявляет о своих правах на прибрежные воды на расстоянии ста миль от береговой линии. Предположим далее, что страна Б ставит платформу и начинает бурение в тридцати милях от этой границы. Затем, о ужас из ужасов, представим, что страна А в одностороннем порядке решает расширить границы своего шельфа до ста пятидесяти миль — а Перу, например, сразу замахнулась на все двести. О последствиях даже думать не хочется. К сожалению, для некоторых людей джентльменство

— пустой звук. Председатель компании «Уорт-Хадсон» лорд Уорт и весь его несносный совет директоров яростно отвергли бы любое предположение о том, что они джентльмены, ну а у их конкурентов в нефтяном бизнесе вообще нет сомнений на этот счет. Впрочем, преступниками они себя тоже не признали бы, даже если бы были ими, хотя на данный момент, скорее, нет. Короче говоря, лорд Уорт сделал две вещи, которые должны быть признаны уголовно наказуемыми преступлениями. Я говорю «должны быть». Первое преступление невозможно доказать, а второе, хотя и является преступлением с точки зрения морали, пока не является противозаконным. Первое, наименьшее, преступление касается строительства ПНО лорда Уорта в Хадсоне. Ни для кого в нашем деле не секрет, что чертежи платформы были украдены у компании «Мобил», а чертежи опорно-якорной системы — у изыскательской корпорации «Шеврон». Но как я уже сказал, доказать это невозможно. Бывает ведь и такое, что несколько разработчиков одновременно приходят к одному и тому же изобретению, и Уорт может заявить, что его тайное проектное бюро попросту опередило конкурентов.

В этом Бенсон был абсолютно прав. Проектируя

«Морскую ведьму», лорд Уорт воспользовался приемами, которые простые обыватели назвали бы бессовестными или даже преступными. Как и у любой нефтяной компании, у «Уорт-Хадсон» имелось свое проектное бюро. Все его сотрудники были подельниками лорда Уорта, нанятыми исключительно ради снижения налогов, и коллективными усилиями не смогли бы спроектировать даже гребную лодку.

Однако лорда Уорта это не беспокоило. В проектировщиках он не нуждался. Он был сказочно богат, имел влиятельных друзей — стоит ли уточнять, что среди них не было ни одного коллеги-нефтяника? — и мастерски освоил промышленный шпионаж. Обладая почти неограниченными ресурсами, он без особого труда раздобыл два комплекта секретных чертежей, которые затем передал весьма компетентной строительной фирме, где с него содрали астрономическую плату за сохранение тайны. Инженеры с легкостью объединили два плана в один, добавив несколько новшеств, чтобы не дать повода к обращению в суд за нарушение патентных прав.

— Но что меня по-настоящему беспокоит, — продолжил Бенсон, — и должно беспокоить всех вас, джентльмены, так это нарушение лордом

Уортом негласного договора ни при каких условиях не бурить в нейтральных водах. — Он выждал театральную паузу и медленно обвел взглядом остальных девятерых. — Я говорю со всей серьезностью, что упрямство и жадность лорда Уорта могут стать теми искрами, из которых разгорится пламя третьей мировой войны. Дело не только в защите наших собственных интересов. Поскольку мировые правительства бездействуют, то я настаиваю — не ищите в моих словах мнимых оправданий, — что мы должны вмешаться для блага всего человечества. Взвалим на себя груз, который отказываются принимать мировые лидеры. Безумца надо остановить. Джентльмены, вы, конечно, согласитесь, что никто, кроме нас, не осознает вероятных последствий и не обладает достаточными техническими средствами, чтобы помешать лорду Уорту.

По комнате пронесся сдержанный одобрительный шепот. Искренняя и бескорыстная забота о благе человечества была куда более весомым побуждением к действию, нежели защита личных интересов. Венесуэлец Патиньос улыбнулся Бенсону с легким цинизмом. Эта улыбка ничего не означала. Точно с таким же выражением лица Патиньос, убежденный католик, входил в

церковь.

— Вы абсолютно уверены, мистер Бенсон?

— Я тщательно все обдумал.

— И как вы предлагаете остановить этого безумца? — спросил Боросов.

— Не знаю.

— Не знаете? — Один из гостей за столом вздернул брови на миллиметр, что для него было выражением совершенного несогласия. — Тогда зачем мы притащились сюда со всех концов света?

— Я вас не заставлял. Я лишь пригласил вас обсудить возможный курс действий.

— И какой курс действий мы обсуждаем?

— Повторяю: не знаю.

Брови вернулись на прежнее место. Губы мужчины дрогнули, как будто он хотел улыбнуться.

— Вы, кажется, что-то говорили о некой третьей стороне?

— Да.

— Есть у этой стороны имя?

— Кронкайт. Джон Кронкайт.

В комнате воцарилась тишина. Открытые возражения уступили место сосредоточенным размышлениям, которые в свою очередь сменились одобрительными кивками. Никто, кроме

Бенсона, не был лично знаком с Кронкайтом, но его имя давно стало притчей во языцех. Легендарная фигура, причем далеко не всегда в положительном смысле. Каждый знал, что рано или поздно ему могут понадобиться услуги этого человека, но надеялся, что такой момент никогда не наступит.

Никто не справлялся с тушением нефтяных пожаров лучше Кронкайта. Где бы в мире ни полыхнуло, посылали за Кронкайтом, даже не задумываясь о том, чтобы тушить самим. Наблюдатели морщили носы, называя его методы драконовскими, но Кронкайт не удостаивал их вниманием. Несмотря на заоблачную стоимость его услуг, за ним охотно посылали четырехмоторный самолет, чтобы как можно скорее доставить его на место происшествия. Кронкайт всегда давал результат. Он знал все, что можно знать о нефтяном бизнесе, и был, что неудивительно, чрезвычайно крутым и безжалостным парнем.

— С чего бы человеку со столь выдающейся репутацией, специалисту номер один в мире, ввязываться в, э-э, предприятие подобного рода? — спросил Хендерсон, представлявший нефтяную промышленность Гондураса. — Судя по его послужному списку, крайне сомнительно,

чтобы его заботили страдания человечества.

— Они его и не заботят. Все упирается в деньги. Кронкайт знает себе цену. К тому же ему не чужды приключения и для него это новый вызов. Но прежде всего, он терпеть не может лорда Уорта.

— В этом он не одинок. Почему? — спросил Хендерсон.

— Однажды лорд Уорт прислал за ним свой личный «боинг», чтобы Кронкайт потушил полыхнувшую вышку на Ближнем Востоке. Пока он летел, люди лорда Уорта управились сами. Кронкайт счел это высшим оскорблением, после чего совершил ошибку, потребовав полную плату за свои услуги. Будучи классическим шотландским скупердяем — шотландцы, безусловно, обидятся, но в данном случае это чистая правда, — лорд Уорт отказался и предложил оплатить лишь потраченное время. Кронкайт совершил новую ошибку, потащив лорда Уорта в суд. Против адвокатов лорда Уорта у него не было шансов. Он не только проиграл, но еще и был вынужден компенсировать ответчику расходы.

— Наверняка немалые, — заметил Хендерсон.

— От средневысоких до астрономических. Я точно не знаю. Но мне известно, что с тех пор Кронкайт затаил обиду.

— Такого человека не заставишь хранить молчание.

— Люди могут давать какие угодно клятвы и все их нарушить. Но молчание Кронкайта гарантировано его заоблачными финансовыми запросами, ненавистью к лорду Уорту и возможной необходимостью выйти за рамки закона.

Пришел черед другого гостя вздернуть брови.

— Выйти за рамки закона? Мы не можем так рисковать…

— Я сказал «возможной необходимостью». Для нас никакого риска нет.

— Мы можем увидеться с этим человеком?

Бенсон кивнул, вышел из комнаты и вскоре привел Кронкайта.

Кронкайт был техасцем. Ростом, телосложением и угловатыми чертами лица он напоминал Джона Уэйна[1], но, в отличие от Уэйна, никогда не улыбался. Лицо его имело желтушный оттенок, как у человека, злоупотребляющего таблетками от малярии. Кронкайт ими действительно злоупотреблял. От мепакрина кожа не будет цветущей, как персик, — впрочем, у Кронкайта она никогда такой и не была. На днях он вернулся

[1] Notes: 1

Джон Уэйн (1907–1979) — американский киноактер, известный прежде всего по ролям в вестернах. — *Здесь и далее примеч. перев.*

из Индонезии, где, разумеется, подтвердил свой стопроцентный результат решенных дел.

— Мистер Кронкайт, — обратился к нему Бенсон, — это…

Кронкайт бесцеремонно оборвал его.

— Мне не нужно знать их имена, — хрипло отрезал он.

Несмотря на резкость его тона, некоторые гости за столом просияли. Им были по нраву такие осмотрительные люди.

— От мистера Бенсона я узнал, что вам требуется моя помощь в решении вопроса, связанного с лордом Уортом и «Морской ведьмой». Мистер Бенсон обстоятельно посвятил меня в подробности дела. Подоплека мне ясна. Хотелось бы услышать ваши предложения, если таковые имеются.

Кронкайт присел, закурил весьма вонючую сигару и принял выжидательную позу. В ходе последующей получасовой дискуссии он молчал. Десять ведущих мировых бизнесменов показали себя невероятно беспомощными, если не сказать глупыми. Они по кругу обсуждали одни и те же вопросы, бесполезно тратя время.

— Прежде всего необходимо условиться: никакого насилия, — сказал Хендерсон. — Все согласны?

Все кивнули. Каждый из присутствующих являлся столпом деловой порядочности и не мог допустить пятен на своей репутации. Никто даже не заметил, что Кронкайт сидит неподвижно, будто каменная статуя. Он изредка поднимал руку, чтобы вынуть изо рта сигару и выдохнуть зловонные облака дыма, но в остальном не двигался и молчал.

Договорившись, что нужно обойтись без насилия, собравшиеся больше ни в чем не смогли прийти к согласию. Наконец слово взял Патиньос:

— Почему бы вам — я имею в виду четырех американцев — не обратиться в конгресс с просьбой экстренно запретить офшорную добычу нефти в нейтральных водах?

Бенсон посмотрел на него почти с жалостью:

— Боюсь, вы не в полной мере понимаете взаимоотношения ведущих американских бизнесменов и конгресса. В тех редких случаях, когда мы встречались с конгрессменами, речь обычно шла о чрезмерной прибыли и чересчур низких налогах, и мы, боюсь, вели себя настолько дерзко, что им доставит огромное удовольствие отклонить любую нашу просьбу.

— А если отправиться в международный уго-

ловный суд в Гааге? — предложил другой гость, известный просто как мистер А. — Это ведь проблема международного масштаба.

— Без шансов, — помотал головой Хендерсон. — Забудьте. Эта августейшая организация всегда так тянет, что все мы успеем выйти на пенсию, а то и хуже, прежде чем она вынесет решение. Да и решение наверняка будет не в нашу пользу.

— А что ООН? — не унимался мистер А.

— Пустобрехи! — Бенсон, как и многие, определенно не жаловал ООН. — У них нет полномочий даже поставить парковочный счетчик перед своей штаб-квартирой в Нью-Йорке.

Следующая революционная идея родилась у одного из американцев.

— Почему бы нам временно — посмотрим, как пойдет дело, — не опустить цены ниже тех, что предлагает «Уорт-Хадсон»? Так никто не захочет покупать у них нефть.

Его предложение ошеломило всех.

— Это приведет не только к серьезным убыткам всех крупнейших нефтедобывающих компаний, — добродушно ответил Коррал, — но и заставит лорда Уорта опустить свою цену еще ниже нового порога. У него достаточно оборотных средств, чтобы сто лет работать себе в убыток, —

если допустить, что у него вообще будут убытки.

Надолго повисла тишина. Кронкайт понемногу зашевелился. Его каменное лицо не изменило выражения, но пальцы свободной руки забарабанили по подлокотнику. Для Кронкайта такое поведение было равносильно истерическому припадку.

И тут все десятеро собравшихся забыли о своих высоких джентльменских и нравственных стандартах в отношении бурения в нейтральных водах.

— Почему бы не выкупить его? — предложил мистер А. (Справедливости ради надо сказать, что мистер А. не вполне представлял, насколько богат лорд Уорт: хотя мистер А. и сам был весьма состоятелен, но лорд Уорт мог купить его со всеми потрохами.) — То есть выкупить у него «Морскую ведьму». Предложить сто миллионов долларов. А то и щедрее — двести. Почему бы и нет?

Коррал совсем приуныл:

— На вопрос «почему бы и нет?» легко ответить. По последним данным, лорд Уорт входит в пятерку самых богатых людей мира, и двести миллионов для него — сущая мелочь.

Пришел черед мистера А. приуныть.

— Но он продаст, — сказал Бенсон.

Мистер А. мигом приободрился.

— На то есть две причины, — продолжил Бенсон. — Во-первых, быстрая и большая прибыль. Во-вторых, за половину этих денег он построит еще одну «Морскую ведьму», поставит ее в паре миль от нынешней — ведь в нейтральных водах не действует право собственности — и продолжит торговать нефтью по прежней цене.

Мистер А. поник и скукожился в кресле.

— Тогда предложим ему партнерство, — произнес он, но тон его выдавал полнейшее отчаяние.

— И думать забудьте, — отрезал Хендерсон. — Как и все богачи, лорд Уорт одиночка по натуре. Он не станет сотрудничать ни с королем Саудовской Аравии, ни с персидским шахом, даже если те сами предложат.

Повисла гробовая тишина. В бледном свете ламп вся боевая десятка выглядела изнуренной. Вконец заскучавший Джон Кронкайт поднялся с места и нарушил молчание.

— Мой личный гонорар — миллион долларов, — заявил он без обиняков. — Еще десять миллионов понадобятся на текущие расходы. Каждый цент будет учтен, остатки — возвращены. Мне требуется полная свобода действий и никакого вмешательства с вашей стороны. Если

такое вмешательство будет замечено, миссия завершится, а остаток средств перейдет в мое распоряжение. Мои настоящие и будущие планы не подлежат огласке. Кроме того, я предпочел бы не иметь дальнейших контактов ни с кем из вас.

Уверенность и безапелляционность этого человека поразили всех. Его требования были приняты мгновенно и безоговорочно. Десять миллионов долларов (ничтожная сумма для людей, ежемесячно тративших столько на взятки) следовало перевести в течение двадцати четырех, самое большее, сорока восьми часов на номерной счет в Майами — единственное место в Соединенных Штатах, где были разрешены номерные счета швейцарского типа. Чтобы уклониться от уплаты налогов, деньги, разумеется, должны были поступить не из стран, интересы которых представляли собравшиеся, а, по иронии судьбы, из офшорных фондов.

Глава 2

Лорд Уорт был высоким, прямым и поджарым. Его коричневый загар был типичным для миллионера-плейбоя, всю жизнь проводящего на солнце: лорд Уорт обычно работал по шестнадцать часов в сутки. Густая шевелюра и усы были белоснежными. В зависимости от настроения он мог показаться стороннему наблюдателю библейским патриархом, римским сенатором или благородным пиратом семнадцатого века — если не принимать во внимание то, что никто из этих персонажей не носил бы легких костюмов из шерсти альпака в тон волосам лорда Уорта.

Одним словом, он обладал аристократической внешностью.

В отличие от многих американцев, которым родители давали имена Дюк или Эрл[2], лорд Уорт действительно был лордом в пятнадцатом колене из рода заслуженных шотландских пэров. То, что их заслугами в основном были тайные убийства, бесконечные межклановые войны,

---

[2] Notes: 2

Дюк (Duke) в переводе с английского означает «герцог», Эрл (Earl) — «граф».

похищение женщин, угон скота и регулярные доносы англичанам на своих коллег-пэров, к делу не относилось: в те времена у шотландских пэров почти не было других, более культурных развлечений. Их голубая кровь теперь текла в жилах лорда Уорта. Оставаясь беспощадным, хищным и отважным, как его предки, лорд Уорт вел дела с утонченностью и изощренностью, понять которую его предкам было бы не под силу.

История знает немало случаев, когда канадцы приезжали в Великобританию, наживали там состояние и были произведены в пэры. Лорд Уорт, напротив, эмигрировал в Канаду, будучи пэром, вдобавок весьма богатым. Его тайный поспешный отъезд был отчасти вынужденным. Он сколотил состояние на недвижимости в Лондоне еще до того, как налоговое управление заинтересовалось его деятельностью. К счастью для него, все потенциальные обвинения не подпадали под соглашение об экстрадиции.

За несколько лет в Канаде он вложился в нефтяную компанию «Уорт-Хадсон» и добился в нефтяном бизнесе еще больших успехов, чем в сфере недвижимости. Его нефтеперерабатывающие заводы раскинулись по всему миру, танкеры бороздили все моря. Но затем он решил,

что в Канаде холодновато, и перебрался на юг, во Флориду. Его роскошному особняку завидовали все миллионеры — по крайней мере, менее богатые, — которым теперь приходилось едва ли не буквально сражаться за место под солнцем в Форт-Лодердейле.

Особого внимания в особняке заслуживала столовая. Говорят, что монахам по призванию положено отринуть любые мирские соблазны, но даже самый набожный монах прошлого и настоящего побелел бы от зависти, увидев этот величественный дубовый стол. Обеденные стулья, как полагается, были антикварными, эпохи Людовика XIV. В густом ворсе великолепного шелкового ковра могла спрятаться мышь приличных размеров, и эксперты оказались бы абсолютно правы, предположив, что родом этот ковер из Дамаска и стоит целое состояние. Тяжелые шторы и расшитые шелковые гобелены на стенах были того бледно-серого цвета, на котором особенно выигрышно смотрелись подлинные картины импрессионистов — по три работы Матисса и Ренуара. Лорд Уорт не был дилетантом в искусстве и явно пытался компенсировать недостаток культурного образования у своих предков.

Именно в этой подобающей королям обста-

новке отдыхал в данный момент лорд Уорт, наслаждаясь вторым стаканом бренди и обществом двух особ, которых он любил больше всего на свете (если не считать деньги). Это были его дочери Марина и Мелинда — такие имена им дала мать-испанка, с которой лорд Уорт давно развелся. Обе девушки были юны, красивы и походили на близнецов, хотя и не являлись таковыми; их легко различали по волосам: у Марины они были черными, как вороново крыло, а у Мелинды — золотисто-каштановыми, будто она сошла с картины Тициана.

За столом присутствовали еще двое гостей. Многие местные миллионеры отдали бы щедрую долю своего нажитого нечестным трудом состояния за право посидеть за столом с лордом Уортом. Сюда приглашали немногих из них, да и то редко. Эти же молодые люди были бедны как церковные мыши, но имели право приходить сюда когда вздумается и пользовались им весьма часто.

Митчелл и Румер были приятными мужчинами лет тридцати с небольшим, к которым лорд Уорт испытывал искреннюю, пусть и скрытую, симпатию, граничащую с благоговением, ведь они были единственными абсолютно честными людьми из всех, кого он когда-либо встречал. Нет,

лорд Уорт никогда не переступал черту закона, хотя прекрасно знал, что происходит по другую ее сторону. Просто ему не приходилось вести дела с честными людьми. Эти двое служили в полиции и настолько ретиво исполняли свой служебный долг, что порой арестовывали не тех, кого следовало, — например, нечистых на руку политиков и богатых дельцов, возомнивших себя выше закона. За это Митчелла и Румера уволили, лишь подчеркнув этим их совершенную неподкупность.

Майкл Митчелл был выше своего друга, шире в плечах и не так привлекателен. Его слегка скуластое лицо, взъерошенные темные волосы и синеватый подбородок не дотягивали до голливудских стандартов. А вот шатен Джон Румер, с его аккуратно подстриженными усиками, был настоящим красавцем. Оба могли похвастаться проницательностью, умом и большим опытом. Румер обладал изрядной интуицией, Митчелл был человеком действия. Они подкупали не только этим, но также дальновидностью и находчивостью, а кроме того, отличались еще одним полезным умением: превосходно стреляли.

Два года назад они открыли частное детективное агентство и за это время завоевали такую

репутацию, что люди, попавшие в серьезную беду, предпочитали обращаться к ним, а не в полицию. Стоит ли говорить, что местные стражи закона их не жаловали? Их дома и приемная располагались в двух милях езды от поместья лорда Уорта, где они, как уже упоминалось, были частыми гостями. Лорд Уорт прекрасно понимал, что приходят они не ради его общества. Знал он и то, что их не привлекают его деньги, и весьма этому дивился, ведь всех остальных они привлекали. Нет, в дом лорда Уорта молодых людей манили Марина и Мелинда.

Дверь открылась, и в столовую беззвучно вошел дворецкий лорда Уорта по фамилии Дженкинс — разумеется, англичанин. Он подошел к столу и тихо прошептал что-то на ухо лорду Уорту. Тот кивнул и поднялся:

— Девушки и джентльмены, прошу меня извинить. Посетители. Не сомневаюсь, что вы прекрасно проведете время и без меня.

Он направился в кабинет и закрыл за собой дверь, обитую звуконепроницаемым материалом.

Кабинет, как и столовая, отличался богатым убранством: лорд Уорт не был сибаритом, но, как и все, любил комфорт. Дуб, кожа, совершенно

бесполезный во флоридской жаре камин в углу — все из английских баронских поместий. В стенных шкафах стояли тысячи книг, причем многие из них лорд Уорт действительно прочитал. Сей факт привел бы в ужас его безграмотных предков, которые не потерпели бы такого нравственного упадка.

Навстречу лорду Уорту поднялся высокий загорелый мужчина с орлиным носом и седыми волосами. Мужчины улыбнулись друг другу и обменялись крепким рукопожатием.

— Коррал, дружище! — воскликнул лорд Уорт. — Сколько лет, сколько зим! Рад вас видеть.

— Взаимно, лорд Уорт. В последнее время ничего особенного не происходило.

— А теперь?

— Теперь другое дело.

Перед лордом Уортом стоял тот самый Коррал, который в роли представителя флоридских офшоров присутствовал на «встрече десяти» на озере Тахо. Несколько лет назад они с лордом Уортом пришли к джентльменскому и обоюдовыгодному соглашению. Коррал, в широких кругах считавшийся главным врагом лорда Уорта и наиболее активным его критиком, регулярно докладывал

лорду Уорту о текущих событиях, прежде всего о планах крупнейших компаний, что было весьма полезно лорду Уорту. За это Коррал ежегодно получал двести тысяч долларов, что, в свою очередь, было весьма полезно ему.

Лорд Уорт позвонил в колокольчик, и спустя несколько секунд Дженкинс принес поднос с двумя большими стаканами бренди. Никакой телепатии, лишь годы опыта и прекрасное понимание желаний лорда Уорта. Когда дворецкий вышел, хозяин с гостем сели.

— Ну, какие новости с Запада? — спросил лорд Уорт.

— Боюсь, чироки охотятся за вашим скальпом.

— Рано или поздно этого следовало ожидать, — со вздохом проговорил лорд Уорт. — Выкладывайте все.

Коррал так и поступил. У него была почти фотографическая память и талант к подробным рассказам. Спустя пять минут лорд Уорт уже знал все, что нужно, о встрече на озере Тахо.

Вследствие досадного недоразумения, случившегося у них с Кронкайтом, лорд Уорт был знаком с ним лучше, чем многие другие.

— Кронкайт согласился на ваше условие избегать насилия? — спросил он, дослушав до конца

рассказ Коррала.

— Нет.

— Даже если бы согласился, для него это пустой звук. Ни малейшего понятия о справедливости. Значит, десять миллионов долларов?

— Как по мне, дороговато.

— Нужны ли такие деньги, чтобы решить вопрос ненасильственным путем?

— Нет.

— Думаете, остальные всерьез верят, что действия Кронкайта не выведут на них?

— Скажу так: люди, способные убедить себя в том, что любое действие в отношении вас послужит на благо человечества, также способны убедить себя, что имя Кронкайт — синоним мира во всем мире.

— То есть их совесть чиста. Если Кронкайт ради достижения цели не погнушается массовыми разрушениями и убийствами, они просто вскинут руки, восклицая: «Господи, мы и подумать не могли, что он зайдет так далеко!» Впрочем, вряд ли их удастся связать с Кронкайтом. Вот же гнусные, подлые лицемеры! — Лорд Уорт немного помолчал. — Полагаю, Кронкайт отказался посвятить вас в детали своего плана?

— Категорически. Но я заметил одну неболь-

шую странность. Когда мы уходили, Кронкайт подозвал двоих из нас, чтобы поговорить с глазу на глаз. Интересно, с какой целью?

— Можно выяснить?

— Можно, но гарантий не дам. Если у кого и получится, то у Бенсона. Это он пригласил нас на Тахо.

— Сможете уговорить Бенсона вам рассказать?

— Попробую, но не более.

— Хорошо. Сколько? — решительно спросил лорд Уорт.

— Нисколько. Деньгами Бенсона не купишь. — Коррал разочарованно покачал головой. — В наше время это удивительно, но Бенсон не продается. Зато у него передо мной должок. Без моей помощи он не стал бы президентом своей компании. — Коррал ненадолго умолк. — Удивлен, что вы не спросили, кого именно Кронкайт отвел в сторонку.

— Я и сам удивлен.

— Это были Боросов из Советского Союза и Патиньос из Венесуэлы.

Лорд Уорт как будто погрузился в транс.

— Вам это что-нибудь говорит? — спросил Коррал.

Лорд Уорт пришел в себя:

— Да. Русские корабли сейчас совершают «турне доброй воли» по Карибам. Базой, разумеется, выбрали Кубу. Эти двое — единственные из десяти, способные организовать морскую… интервенцию, назовем это так, против «Морской ведьмы». — Он покачал головой. — Коварство. Дьявольское коварство.

— Я тоже так считаю, сэр. Кто знает, чего от них ожидать! Но я проверю это как можно скорее и надеюсь достичь результата.

— А я приму необходимые меры предосторожности.

Оба встали.

— Коррал, нам придется серьезно рассмотреть вопрос об увеличении вашего ничтожного гонорара.

— Рад быть полезным, лорд Уорт.

Частная радиорубка лорда Уорта была почти точной копией кабины его «Боинга–707». От множества рычагов, переключателей, кнопок и шкал голова могла пойти кругом. Но лорд Уорт чувствовал себя здесь как рыба в воде и быстро сделал несколько звонков.

В первую очередь он связался со своим аэродромом и приказал четверке своих пилотов до рассвета подготовить к вылету два больших вер-

толета — лорд Уорт не терпел полумер и имел в парке не меньше шести таких машин.

Затем он обзвонил четверых людей, о существовании которых не подозревали даже его коллеги-директора. Первый звонок был на Кубу, второй в Венесуэлу. У лорда Уорта была обширная сеть связей, точнее, сотрудников. Эти двое получили простые и четкие инструкции: установить наблюдение за военно-морскими базами обеих стран и немедленно докладывать о выходе в море судов любого назначения.

Третьим лорд Уорт позвонил некоему Джузеппе Палермо, жившему неподалеку. Имя этого человека звучало так, будто он связан с мафиозной группировкой. На самом деле Палермо презирал мафиози, считая их неженками, а их методы убеждения — чересчур мягкими. По его мнению, мафия докатилась до того, что ее можно было признать респектабельной организацией.

Наконец, лорд Уорт связался с городом Батон-Руж в Луизиане, где проживал человек, известный как Конде, прославившийся тем, что стал самым высокопоставленным морским офицером со времен Второй мировой, которого отдали под трибунал и с позором выперли со службы. Он, как и все остальные, получил четкие

и подробные указания. Лорд Уорт был не просто умелым организатором, его эффективность сочеталась с быстротой принятия решений.

Этот аристократ, который решительно утверждал бы, что он не преступник, если бы у кого-нибудь хватило безрассудства обвинить его — чего никто никогда не делал, — теперь был близок к тому, чтобы нарушить закон. Но даже это он стал бы отрицать, на что у него были три основания: согласно Конституции США, каждый гражданин имеет право на ношение оружия; каждый человек имеет право любыми доступными средствами защищать себя и свое имущество от преступных посягательств; и противника нужно бить его же оружием.

Последний звонок, который сделал лорд Уорт, был его испытанному доверенному помощнику, коммандеру Ларсену.

Коммандер Ларсен был капитаном «Морской ведьмы».

Ларсен (никто не знал, почему он называл себя коммандером, и он был не из тех, кого можно спросить) совершенно не походил на своего работодателя. Он шутливо называл себя «неджентльменом» и «преступником» и отказался бы от этих слов разве что в суде или на полицейском допро-

се. Он совершенно не напоминал аристократа ни настоящих, ни прошлых дней. Но, несмотря на это, между ним и лордом Уортом существовало подлинное взаимопонимание и уважение. По всей вероятности, они были братьями по духу.

Облик Ларсена также был вполне бандитским и совершенно не аристократическим — не в обиду тем честным малым, кому довелось родиться со схожей внешностью. Телосложением и осанкой Ларсен был под стать грозному борцу-тяжеловесу, глубоко посаженные глаза смотрели из-под нависающих кустистых бровей, борода была не менее кустистой, а кривой нос и все лицо выглядели так, будто регулярно вступали в контакт с весьма тяжелыми объектами. Никто, кроме разве что лорда Уорта, не знал, кто он такой, этот Ларсен, откуда взялся и чем занимался раньше. Но прежде всего людей поражала — в хорошем смысле — его речь. Несмотря на неандертальский облик, Ларсен говорил и мыслил как весьма образованный человек. Люди зря этому удивлялись, ведь существует множество обратных примеров, когда за холеной внешностью скрывается разум четвероклассника-недоумка.

Ларсен в тот момент находился в радиорубке, он внимательно слушал, изредка кивая, затем

щелкнул переключателем, выведя разговор на громкоговоритель.

— Так точно, сэр, — ответил он. — Все ясно. Будет сделано. Но вы не думаете, что кое-что упустили из виду?

— Упустил из виду что? — В голосе лорда Уорта слышались нетерпеливые нотки человека, не способного что-либо упустить из виду.

— Вы предполагаете, что против нас могут быть использованы военные корабли. Если наши противники готовы пойти даже на такое, не следует ли из этого, что они пойдут на что угодно?

— Переходите к делу, Ларсен.

— А дело в том, что за парой военно-морских баз проследить легко. Но вот за десятком, а то и парой десятков военных аэродромов — гораздо сложнее.

— Боже милостивый! — За этим последовала долгая пауза, во время которой шестеренки в голове лорда Уорта отчаянно, пусть и бесшумно, крутились. — Вы всерьез думаете…

— Мне на «Морской ведьме», в общем-то, все равно, быть обстрелянным ракетами или попасть под бомбы. Но самолеты уйдут с места преступления гораздо быстрее, чем корабли. И следа не оставят. Корабли же могут быть перехвачены

американским флотом или бомбардировщиками. И вот еще что, лорд Уорт… — Ларсен немного помолчал. — Корабль может остановиться в сотне миль от нас. Для управляемой ракеты не расстояние, а сущий пустяк: у них сейчас, если не ошибаюсь, дальность до четырех тысяч миль. Когда ракета будет, скажем, в двадцати милях от нас, они могут переключиться на тепловое наведение, а кроме нас, на сотни миль вокруг ни одного источника тепла.

Еще одна долгая пауза — и затем:

— Больше никаких столь же обнадеживающих мыслей, коммандер Ларсен?

— Последняя мысль, сэр. На месте наших врагов — позвольте прямо называть их врагами…

— Да хоть горшками их назовите.

— Так вот, на их месте я бы воспользовался подводной лодкой. Чтобы пустить торпеду, даже всплывать не требуется. Бах! И «Морской ведьмы» как не бывало. Кто стрелял — неизвестно. Может, она сама взорвалась. Всякое бывает, сэр.

— Вы еще вообразите, что они по нам ударят ядерной торпедой.

— Чтобы взрыв зафиксировали все ближайшие сейсмологические станции? Крайне маловероятно, сэр. Может, я излишне сгущаю краски, но

как-то не хочется превращаться в пар.

— До встречи утром, — закончил разговор лорд Уорт.

Ларсен повесил трубку и широко улыбнулся. Кто-то мог бы предположить, что зубы у него окажутся желтыми, но они были белыми и в прекрасном состоянии. Он повернулся к Скоффилду, старшему бурильщику и своему главному помощнику.

Скоффилд, румяный улыбчивый здоровяк, на вид являлся воплощением добродушия. Впрочем, любой рабочий из его команды охотно и без зазрения совести подтвердил бы, что это отнюдь не так. Скоффилд был суровым малым, и скрывать это заставляла его вовсе не врожденная скромность, а скорее повреждение лицевых мышц, вызванное четырьмя длинными вертикальными шрамами, по два на каждой щеке. Как и Ларсен, Скоффилд не верил в пластическую хирургию.

— О чем сыр-бор? — спросил он Ларсена с очевидным любопытством.

— Судный день грядет. Приготовься встретить свою судьбу. А если точнее, враги точат зуб на его светлость. — Ларсен вкратце рассказал о затруднениях лорда Уорта. — Он собирается к утру прислать сюда целый батальон вооруженных до

зубов бравых вояк. А к вечеру следует ожидать какой-то корабль, загруженный вооружением посерьезнее.

— Интересно, где он берет этих вояк и оружие?

— Интересно, но лучше не спрашивать.

— А что вы там болтали про бомбардировщики, подлодки и ракеты? Вы в это верите?

— Нет. Просто захотелось взъерошить аристократические перышки его светлости. — Ларсен ненадолго замолчал, затем задумчиво произнес: — По крайней мере, хочется надеяться, что до этого не дойдет. Пойдем проверим наши орудия.

— У меня есть пистолет, у вас есть пистолет — вы про эти орудия?

— Ну хорошо, пойдем поглядим, куда поставить орудия, когда их привезут. Стационарные крупнокалиберные пушки, насколько я понял.

— Если их привезут.

— Отдай дьяволу должное. Лорд Уорт слов на ветер не бросает.

— У него что, личный оружейный склад?

— Не удивлюсь.

— Коммандер, а что вы на самом деле думаете?

— Не знаю. Но если лорд Уорт прав хотя бы наполовину, то в ближайшие дни нам всем придется как следует попотеть.

Они вышли на платформу в сгущающихся сумерках. «Морская ведьма» была пришвартована на глубине в 150 морских саженей (900 футов), даже не на пределе натяжных канатов, в безопасном месте к югу от американских арендных территорий и главного судоходного фарватера восток-запад, над крупнейшим нефтяным месторождением, обнаруженным у берегов Мексиканского залива. Мужчины задержались у буровой вышки — в данный момент бур работал во всю мощь, определяя глубину залежей. Рабочие смотрели на начальников без особой симпатии, но и не враждебно. Для прохладных отношений были свои причины.

Лорд Уорт хотел осушить эту гигантскую нефтяную бочку до дна, прежде чем будут приняты законы, запрещающие офшорное бурение. Он не слишком волновался по этому поводу, ведь правительство обычно чересчур медлило в этих делах, но всегда существовала вероятность, что на этот раз они пошевелятся, а месторождение — о ужас — окажется доходнее ожидаемого.

Как следствие, поиски границ месторождения шли сейчас в ускоренном темпе, и, как следствие, рабочие не испытывали радости, потому что Ларсен и Скоффилд, безжалостные эксплуататоры,

которым следовало бы родиться на несколько веков раньше, гоняли рабочих в хвост и гриву. Тем, разумеется, это не нравилось, но не настолько, чтобы открыто бунтовать. Им хорошо платили, предоставляли удобное жилье и кормили до отвала. Да, не хватало вина, женщин и развлечений, но после изнурительной двенадцатичасовой смены все это не могло тягаться с обильным ужином и крепким долгим сном. А самое главное, за каждую тысячу добытых баррелей всем работникам выплачивали премию — неслыханное дело в нефтяном бизнесе!

Ларсен и Скоффилд дошли до западного угла платформы и осмотрели массивное нефтехранилище, окруженное гирляндой предупреждающих фонарей. Вдоволь насмотревшись, они вернулись обратно в жилую зону.

— Ну что, коммандер, решили, куда поставить пушки, если, конечно, их привезут? — спросил Скоффилд.

— Привезут, — уверенно заявил Ларсен. — Но в этой зоне они не понадобятся.

— Почему?

— Сам подумай. А вот насчет остальных зон не уверен. Утро вечера мудренее. Пойду вздремну. Увидимся в четыре.

Нефть хранили не на самой платформе — хранение нефтехимических материалов на территории добывающих платформ и вблизи них запрещено законом и обосновано здравым смыслом. По указанию Ларсена, предусмотрительно оформленному в виде осторожных предложений, лорд Уорт распорядился построить гигантский плавучий резервуар, поставленный на якорь аналогично самой «Морской ведьме» на расстоянии 300 ярдов от нее. В этот резервуар и перегоняли очищенную нефть, добытую с морского дна, а точнее, из глубоко залегающего массивного известнякового пласта, некогда бывшего рифом, где полмиллиарда лет назад обитало множество крошечных морских существ.

Раз или два в день приходил танкер дедвейтом[3] пятьдесят тысяч тонн и опорожнял гигантское хранилище. Всего таких танкеров было три, и они поочередно ходили от платформы к южному берегу Соединенных Штатов. Компания «Уорт-Хадсон» владела и супертанкерами, но для этих целей они не подходили. Вместимость резервуара «Морской ведьмы» равнялась лишь

---

[3] Notes: 3

Дедвейт — максимальное количество груза, топлива, воды, пассажиров, экипажа, продовольствия и т. д., которое может перевозить судно без ущерба для его безопасности и остойчивости.

четверти от вместимости супертанкера, а мысль о том, что супертанкер будет работать в убыток, даже самый незначительный, стала бы кошмаром наяву для лорда Уорта и его компании. Также важно отметить, что удаленные порты, куда лорд Уорт предпочитал доставлять свою нефть, не обладали достаточно глубокими гаванями, чтобы принять танкер дедвейтом более пятидесяти тысяч тонн.

Следует хотя бы вкратце объяснить, что выбор подобных, более изолированных портов был не случайным. Среди тех, кто присоединился к джентльменскому соглашению о запрете бурения на шельфе, в числе самых громогласных критиков подлых действий лорда Уорта оказались, к сожалению, и лучшие клиенты «Уорт-Хадсон». Это были небольшие компании, извлекавшие из бизнеса минимальную выгоду и не обладавшие ресурсами, чтобы самостоятельно заниматься изысканиями наравне с крупными корпорациями, которые вкладывали в эти проекты астрономические суммы и, к постоянной ярости налоговой службы и многочисленных следовательских комитетов конгресса, пользовались еще бóльшими налоговыми льготами.

Но для этих небольших компаний дешевая

нефть была слишком соблазнительна. «Морская ведьма», одна производившая приблизительно столько же нефти, сколько все официальные государственные месторождения, вместе взятые, казалась надежным и долговечным источников дешевой нефти — по крайней мере, пока не вмешается правительство, а до этого может пройти добрый десяток лет. Крупные компании уже продемонстрировали свою способность разбираться с некомпетентными запросами конгресса, и, пока продолжался энергетический кризис, никого особенно не заботило, откуда берется нефть, пока она есть. Вдобавок малые компании чувствовали, что если ОПЕК — Организация стран-экспортеров нефти — может жонглировать ценами, как ей заблагорассудится, то и они могут это делать.

Дома Майкла Митчелла и Джона Румера стояли по соседству в двух милях от поместья лорда Уорта. Их приемная находилась там же. Когда раздался звонок, дверь открыл Митчелл.

Посетитель был среднего роста, чуть полноватым и почти лысым, в очках в тонкой металлической оправе.

— Можно войти? — произнес он отрывисто, но достаточно вежливо.

— Разумеется. — Митчелл впустил его. — Обыч-

но в такой час клиенты не ходят.

— Спасибо. Я к вам по необычному делу. Джеймс Бентли. — Легким движением руки гость выудил из кармана визитку. — ФБР.

Митчелл даже не взглянул на нее:

— Такие карточки можно купить в любом магазине игрушек. Откуда вы?

— Из Майами.

— Номер телефона?

Бентли перевернул карточку, и Митчелл передал ее Румеру:

— Моя ходячая память. Позволяет не иметь собственной.

Румер тоже не стал смотреть на визитку:

— Майк, все в порядке. Я его помню. Вы там начальник?

Бентли кивнул.

— Присаживайтесь, мистер Бентли, — предложил Румер.

— Но сначала один вопрос, — перебил его Митчелл. — Мы под расследованием?

— Напротив. В Госдепартаменте хотят, чтобы я уговорил вас помочь им.

— Наконец-то признание, — произнес Митчелл. — Мы добились своего, Джон. Но есть одно обстоятельство: в Госдепе о нас знать не знают.

— Зато я знаю. — Дискуссия была закрыта. — Насколько мне известно, джентльмены, вы на короткой ноге с лордом Уортом.

— Немного знакомы, — осторожно ответил Румер. — Кое-что о нем слышали, примерно как вы о нас.

— О, я знаю о вас практически все. Например, что вы пара бывших копов, так и не научившихся в нужное время смотреть в нужную сторону, а в ненужное время — в ненужную. Отсутствие этого навыка — серьезная преграда на карьерной лестнице. Я хочу, чтобы вы кое-что выяснили о лорде Уорте.

— Ни за что, — отказался Митчелл. — Мы знакомы с ним немного лучше, чем немного.

— Майк, дослушай до конца. — Но лицо Румера тоже утратило ту толику дружелюбия, которая на нем еще оставалась.

— Лорд Уорт баламутит воду, названивает в Госдепартамент. Кажется, у него мания преследования. Это повод для беспокойства, потому что в Госдепартаменте привыкли считать его преследователем, а не преследуемым.

— То есть в ФБР, — уточнил Румер. — Вы уже несколько лет ведете на него досье. Лорд Уорт производит впечатление человека, прекрасно

способного о себе позаботиться.

— Поэтому-то в Госдепартаменте и насторожились.

— И как именно он баламутит воду?

— Несет всякую чушь. Вам известно, что у него нефтедобывающая платформа в Мексиканском заливе?

— «Морская ведьма»? Да.

— Ему вдруг взбрело в голову, что эта «Морская ведьма» в опасности. Требует охрану. Запросы у него скромные, как и подобает мультимиллионеру: ракетоносец, а лучше два, и несколько истребителей на всякий случай.

— На какой случай?

— В том-то и загвоздка. Он не говорит. Клянется, что получил секретные сведения, — собственно говоря, меня бы это не удивило. У этих лордов везде свои люди.

— Давайте начистоту, — потребовал Митчелл.

— Я рассказал все, что знаю. Остальное — домыслы. Поскольку он звонит в Госдепартамент, значит в деле замешаны другие страны. Сейчас на Карибах советские корабли. В Госдепартаменте чуют, что пахнет международным инцидентом или чем-то еще похуже.

— А от нас-то вы чего хотите?

— Почти ничего. Просто выясните, какие у лорда Уорта планы на ближайшие несколько дней.

— А если мы откажемся? — спросил Митчелл. — Отберете лицензии?

— Разве я похож на продажного шефа полиции? Просто сделаем вид, что никогда не встречались. Но мне казалось, что в ваших интересах защитить лорда Уорта от него самого и от последствий его необдуманных поступков. Что скажут его дочери, если с их отцом что-нибудь случится?

Митчелл поднялся и ткнул пальцем в сторону двери:

— Выход там. Вы слишком много знаете, черт побери!

— Сядьте, — с внезапной холодностью отрезал Бентли. — Не валяйте дурака. Много знать — моя работа. Оставим лорда Уорта и его семейство. Разве вас совершенно не заботит благополучие родной страны?

— Не многовато ли пафоса? — бросил Румер.

— Может, и многовато. Но ни Госдепартамент, ни ФБР не хотят рисковать.

— Вы ставите нас в весьма неловкое положение, — сказал Румер.

— Думаете, я этого не понимаю? Никому не нравится предавать доверие, кусать руку кормящего

и все такое прочее. Знаю, что загнал вас в угол, и прошу прощения, но боюсь, что вам все-таки придется самим искать выход из этого положения.

— Спасибо, что переложили свои заботы на наши плечи, — ответил Митчелл. — Что, по-вашему, мы должны сделать? Пойти к лорду Уорту и спросить, чего это он трезвонит в Госдеп, что замышляет и каковы его планы на завтра?

Бентли улыбнулся:

— Не так грубо. Любой, кроме разве что ваших бывших коллег из полицейского управления, скажет, что вы, мягко выражаясь, тертые калачи. Что-нибудь да придумаете. — Он встал. — Оставьте себе визитку и позвоните, когда что-нибудь узнаете. Сколько времени это займет?

— Пару часов, — ответил Румер.

— Пару часов? — Бентли явно изумился. — То есть вам не нужно дожидаться приглашения, чтобы заявиться к нашему барону?

— Не нужно.

— Миллионерам и то нужно.

— А мы даже не тысяченеры.

— Видимо, в этом вся разница. Что ж, джентльмены, большое вам спасибо и доброй ночи.

После ухода Бентли друзья некоторое время сидели молча.

— Работаем в обоих направлениях? — спросил наконец Митчелл.

— Работаем во всех направлениях.

Румер снял трубку телефона, набрал номер и попросил позвать лорда Уорта. Сначала пришлось назваться: лорд Уорт ценил свое свободное время.

— Лорд Уорт? — произнес Румер. — Это Митчелл и Румер. У нас к вам дело, сэр. Может, важное и срочное, а может, и нет. Не телефонный разговор.

Он умолк, послушал пару секунд, пробормотал «спасибо» и повесил трубку.

— Он примет нас прямо сейчас. Просил припарковаться на дорожке и войти в кабинет через боковую дверь. Говорит, девушки ушли наверх.

— Думаешь, наш приятель Бентли уже прослушивает наш телефон?

— Если не прослушивает, то какой из него фэбээровец?

Пять минут спустя, оставив машину на подъездной дорожке, они пробрались между деревьями к боковой двери. Из окна спальни за ними с любопытством наблюдала Марина. Ненадолго задумавшись, она повернулась и неспешно вышла из комнаты.

Лорд Уорт принял мужчин в своем кабинете и надежно закрыл за ними звуконепроницаемую дверь. Открыв дверцу потайного бара, он налил три стакана бренди. Не во всех ситуациях требовалось вызывать Дженкинса.

— Ваше здоровье. — Он поднял стакан. — Решили порадовать меня неожиданным визитом?

— Боюсь, для нас радости мало, — мрачно ответил Румер.

— То есть вы приехали не затем, чтобы просить благословения на брак с моими дочерьми?

— Нет, сэр, — ответил Митчелл. — Повод отнюдь не столь приятный. Пусть Джон объяснит, у него такое лучше получается.

— Какое «такое»?

— К нам только что заходил старший агент ФБР. — Румер протянул лорду Уорту визитку Бентли. — Сзади указан телефон, по которому нам следует позвонить, когда мы вытянем из вас необходимые сведения.

— Как любопытно! — Лорд Уорт замолчал, внимательно оглядывая обоих. — И какие сведения ему нужны?

— Выражаясь языком этого Бентли, вы «баламутите воду» в Госдепартаменте. По их мнению, вам кажется, что «Морской ведьме» грозит опас-

ность, и они хотят знать, откуда вы добыли такую информацию и что собираетесь делать.

— Почему ФБР не обратилось напрямую ко мне?

— Потому что вы не рассказали бы им больше того, что сообщили Госдепартаменту. А может, вообще не пустили бы на порог. Но, судя по словам Бентли, им известно, что мы вхожи в ваш дом, и поэтому они решили, что нам вы можете проболтаться.

— То есть этот Бентли предположил, что вы хитроумно вытянете из меня какую-нибудь неосторожную фразу, а я и не догадаюсь, что был неосторожен?

— Вроде того.

— Разве это не ставит вас в неловкое положение?

— Вообще-то, нет.

— Но вы же должны соблюдать закон?

— Да, — горячо откликнулся Митчелл. — Но не организованный закон. Не забывайте, что мы лишились работы, потому что не соблюдали этот самый «организованный» закон. Теперь мы несем ответственность только перед нашими клиентами.

— Но я не ваш клиент.

— Верно.

— Вы бы хотели, чтобы я им стал?

— Это еще зачем? — удивился Румер.

— В нашем мире ничего не делается просто так, Джон. Услуги должны быть вознаграждены.

Митчелл резко встал:

— Миссия провалена. Спасибо, что приняли нас, лорд Уорт.

— Прошу прощения, — с искренним раскаянием произнес лорд Уорт. — Я перешел допустимые границы. — Он ненадолго задумался, затем улыбнулся. — Пытаюсь вспомнить, когда я в последний раз перед кем-либо извинялся. Видимо, короткая у меня память. Все о ненаглядных дочерях пекусь. Значит, нашим друзьям из ФБР нужна информация? Прежде всего, я получил несколько анонимных телефонных звонков с угрозами в адрес моих дочерей. Угроза была двойной: если я не прекращу добычу нефти, девочки будут убиты, — негодяи верно подметили, что я не смогу вечно их прятать, а снайперскую пулю не остановишь, — а если я буду особенно упорствовать, то они взорвут «Морскую ведьму». Что касается моих планов, то завтра днем я лечу на «Морскую ведьму» и останусь там на сутки или двое.

— Хотя бы одно из ваших утверждений правди-

во? — поинтересовался Румер.

— Что за глупый вопрос! Конечно нет. Я полечу на платформу, но до рассвета. Не хочу, чтобы эти вездесущие бандиты видели, как взлетает мой вертолет.

— Вы о ФБР?

— О ком же еще? Вам этого хватит на первое время?

— Более чем.

К подъездной дорожке друзья возвращались в тишине. Румер сел за руль, Митчелл устроился рядом.

— Ну и ну, — проговорил Румер.

— Лучше и не скажешь. Ну и ну. Хитрый старый черт.

С заднего сиденья раздался голос Марины:

— Хитрый, но не…

Она замолчала на полуслове, когда Митчелл резко повернулся, а Румер включил в салоне свет. Дуло пистолета Митчелла нацелилось ей прямо между глаз, расширенных от неожиданности и страха.

— Никогда больше так не делай, — мягко произнес Митчелл. — В следующий раз может оказаться слишком поздно.

Марина облизнула губы. Она была не только

красива, но также жизнерадостна и самоуверенна, однако ее привычное самообладание испарилось, когда она впервые в жизни посмотрела в дуло пистолета.

— Я лишь хотела сказать, что он не старый и не черт. Пожалуйста, убери пистолет. В людей, к которым питаешь слабость, оружием не тычут.

Митчелл спрятал пистолет:

— Вот уж не думал, что питаю слабость к отчаянным молоденьким дурочкам.

— Или шпионкам. — Румер посмотрел на Мелинду. — Что вы тут делаете?

Мелинда держалась увереннее сестры. На нее ведь не наставляли пистолет.

— А ты, Джон Румер, хитрый молодой черт, — ответила она. — Тянешь время.

Это была чистая правда.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что ты лихорадочно подыскиваешь ответ на тот же самый вопрос, который теперь собираемся задать мы. Что вы тут делаете?

— Не ваше дело. — Обычно спокойный Румер был непривычно и нарочито резок.

На заднем сиденье воцарилась тишина. Обе девушки поняли, что эти мужчины не так просты и что пропасть между их личной жизнью и про-

фессиональной деятельностью шире, чем можно было подумать.

— Джон, остынь, — со вздохом произнес Митчелл. — «Хуже, чем укусы злой змеи, детей неблагодарность»[4].

— Господи! — Румер потряс головой. — Повтори еще раз.

Он явно не понял, о чем хочет сказать его друг.

— Почему бы вам не спросить у отца? — предложил Митчелл. — Не сомневаюсь, он все вам расскажет, а заодно устроит такую порку, какой вы в жизни не получали, за то, что суете нос в его дела.

Он вышел, распахнул заднюю дверь, дождался, пока сестры выйдут из машины, закрыл дверь, пожелал девушкам спокойной ночи и вернулся на место, оставив их у дороги.

Румер дал газу.

— Грамотно отшил, — сказал он. — Но я не в восторге. Ясно, что они никому не хотели навредить. Впрочем, в будущем это может сыграть нам на руку.

— Нам на руку сыграет, если мы сейчас же остановимся вон у той телефонной будки на углу.

---

[4] Notes: 4

У. Шекспир. Король Лир. Акт I, сцена 4. Перевод М. Кузмина.

Они добрались до будки за пятнадцать секунд, а еще через минуту Митчелл уже вышел из нее.

— Какая муха тебя укусила? — спросил Румер, когда тот вернулся на место.

— Личные дела, извини.

Митчелл передал Румеру листок бумаги. Румер включил свет над головой и увидел, что на листке написано: «Машина прослушивается?»

— Ну ладно, — сказал Румер.

Домой они ехали в тишине.

— С чего ты взял, что моя машина прослушивается? — спросил Румер в гараже.

— Просто в голову пришло. Насколько ты доверяешь Бентли?

— Сам знаешь. Но ни у него, ни у его подручных не хватило бы времени поставить жучок.

— Пяти секунд вполне достаточно. Если жучок магнитный, то больше и не надо.

Они обыскали эту машину, затем машину Митчелла. Обе оказались чисты.

В кухне у Митчелла Румер спросил:

— Кому ты все-таки звонил?

— Старику, кому же еще. Хотел опередить девушек. Сообщил ему, что случилось; попросил рассказать дочерям об угрозах, о том, что недоброжелатели ему известны и он поручил

нам разобраться с ними, потому что не доверяет местной полиции. Он сразу смекнул, что к чему. Выволочки им не избежать.

— Они ему поверят, — сказал Румер.

— А ты ему веришь? Это важнее.

— Нет. Он быстро соображает и еще быстрее лжет. Ему хотелось понять, примут ли его всерьез в случае реальной угрозы, и теперь он практически убедился, что примут. Стоит отдать старику должное: он изворотлив как уж. Впрочем, мы и так это знали. Что теперь? Передадим Бентли все, что старик нам скормил, слово в слово?

— А есть варианты?

— Как по-твоему, то, что он нам сказал, — это правда?

— Что у него личная разведка? Пока не вижу причин сомневаться. Что он полетит на «Морскую ведьму»? Тоже вполне вероятно. А вот насчет времени вылета я не уверен. Мы должны передать Бентли, что он вылетает завтра днем. Нам он сказал, что полетит до рассвета. Раз он обманывает Бентли, то и нас может обмануть. Не знаю, зачем ему понадобилось обманывать нас. Возможно, это просто в характере его светлости. Думаю, он полетит еще раньше.

— Мне тоже так кажется, — согласился Ру-

мер. — Если бы я хотел куда-то лететь на рассвете, то уже был бы в постели или на пути к ней. А он как будто не собирается ложиться, из чего можно сделать вывод, что и не соберется, потому что это пустая трата времени. — Он задумался. — Что предлагаешь? Двойную слежку?

— Пожалуй. У дома лорда Уорта и у вертолетной площадки. Ты заляжешь у площадки, а я сяду старику на хвост?

— Заметано.

Митчелл превосходно видел в темноте и мог ездить с выключенными фарами даже среди ночи, если только та не была совсем безлунной и беззвездной. На войне генералы специально искали таких людей себе в шоферы.

— Залягу в западной роще, — сказал Румер. — Знаешь, где это?

— Конечно. Может, скормишь эту историю Бентли, пока я сварганю пару фляжек кофе и сэндвичи?

— Давай. — Румер потянулся к телефону, но вдруг остановился. — Скажи, зачем мы в этом участвуем? ФБР нам не указ. Начальство над нами не стоит. Ты сам говорил, что с организованным правосудием мы разошлись, как в море корабли. Я не давал клятву спасать страну от несуществу-

ющей угрозы. У нас ни клиента, ни заказа, ни оплаты. Если лорд Уорт хочет сунуть голову в петлю, при чем тут мы?

Митчелл на секунду отвлекся от нарезания хлеба:

— Что касается последнего вопроса, не хочешь позвонить Мелинде и спросить ее об этом?

Румер смерил его долгим пронизывающим взглядом, вздохнул и снял трубку телефона.

Глава 3

Догадка Скоффилда оказалась неверна. Личного оружейного склада у лорда Уорта не было. Зато десятки таких складов находились во владении американской армии.

Два незаконных вторжения были проведены профессионально и четко — результат долгой упорной практики, исключающей любые ошибки. В обоих случаях целями служили правительственные арсеналы: один сухопутный и один морской. Разумеется, оба круглосуточно охранялись солдатами, ни один из которых не был убит или ранен — если, конечно, не считать отдельных сотрясений мозга в результате ударов мешками с песком или дубинками. Лорд Уорт ясно дал понять: применение силы нужно свести к минимуму.

У Джузеппе Палермо, похожего на успешного брокера с Уолл-стрит, работа была посложнее. Впрочем, этот человек, смотревший свысока даже на мафию, считал свою задачу легкой, почти детской. В сопровождении девяти почти столь же респектабельных — по крайней мере, если судить по одежке — мужчин, трое из которых

вырядились армейскими майорами, он прибыл во флоридский арсенал за пятнадцать минут до полуночи. Шестеро молодых часовых, никогда в жизни даже не слышавших выстрелов, маялись в ожидании смены караула. Только двое из них бодрствовали — остальные четверо задремали, — и этих двоих весьма встревожил, если не сказать насторожил, внезапный громкий стук в ворота и последующее появление трех офицеров, явившихся, по их словам, с внеплановой проверкой безопасности. Через пять минут всех шестерых бедолаг связали и заткнули им рты кляпами. Двое были без сознания в результате весьма опрометчивой попытки сопротивления, и наутро их ждало малоприятное пробуждение. Всех часовых аккуратно впихнули в одно из так называемых безопасных помещений арсенала.

В это время и в течение последующих двадцати минут помощник Палермо по фамилии Джеймисон, опытный электронщик, тщательно проверил систему сигнализации и оповещения полиции и ближайшей армейской штаб-квартиры и отключил либо отсоединил все датчики.

Пока он этим занимался, явилась новая группа часовых, почти таких же сонных, как и те, которых требовалось сменить. Новые часовые были

крайне обескуражены, обнаружив, что смотрят в дула трех автоматов. Спустя несколько минут они также были связаны, но затыкать им рты уже не понадобилось; более того, и у прежних караульных вытащили кляпы. Теперь они могли орать хоть до второго пришествия, ведь ближайший жилой пункт находился в целой миле от арсенала. Первой группе заткнули рты лишь для того, чтобы они не смогли предупредить сменщиков.

В распоряжении Палермо оставалось почти целых восемь часов, прежде чем военные узнают о вторжении.

Он отправил своего помощника Уоткинса пригнать спрятанный микроавтобус, на котором они приехали. Все, кроме Уоткинса, переоделись из парадной одежды в рабочую, что мигом поменяло не только их облик, но и манеры.

Пока все переодевались, Уоткинс сходил к армейскому гаражу, взломал на удивление простой замок, присмотрел тяжелый двухтонный грузовик с крытым кузовом, включил зажигание, соединив нужные провода (ключи, разумеется, отсутствовали), и вывел машину из открытых ворот арсенала.

Еще одним помощником Палермо был некий Джейкобсон, в перерывах между отсидками в

различных исправительных заведениях научившийся тонкому искусству вскрытия абсолютно любых замков, включая кодовые. К счастью, его услуги не понадобились, потому что никому из военных даже не пришло в голову прятать ключи от внутренних помещений, — их связки висели прямо на стене главного кабинета.

Менее чем за полчаса Палермо с подручными доверху забили грузовик всевозможным оружием — от базук до пистолетов-пулеметов, боеприпасами на целый батальон и мощной взрывчаткой. Покончив с этим, они заперли все открытые прежде двери и забрали с собой ключи, чтобы утренней смене часовых пришлось подольше повозиться, прежде чем станет понятно, что произошло. Наконец они заперли ангар и главные ворота.

Уоткинс отогнал микроавтобус с одеждой обратно в укрытие, вернулся к грузовику и повел его. Остальные девять участников нападения с разной степенью удобства сидели или лежали в кузове среди оружия. Их радовало лишь то, что до частной, хорошо укрытой вертолетной площадки лорда Уорта было всего двадцать минут езды. Там дожидались два вертолета, пилоты — и больше никого.

Грузовик ехал с выключенными фарами, полагаясь лишь на габаритные огни. Проехав в ворота мини-аэродрома, он остановился у одного из вертолетов. Включились тусклые грузовые фонари, почти не дававшие света, но вооруженный ночным биноклем человек мог прекрасно разглядеть происходящее даже с расстояния в восемьдесят ярдов. Как раз в восьмидесяти ярдах от площадки, в рощице, и лежал Румер. Бинокль у него, само собой, тоже был. Никто не озаботился ни укрыть, ни замаскировать краденый груз. На разгрузку грузовика и загрузку вертолета под бдительным надзором пилота, весьма озабоченного тем, чтобы вес был распределен ровно, ушло всего двадцать минут.

Палермо и его люди, за исключением Уоткинса, сели в другой вертолет, дожидаясь обещанного подкрепления. Пилот вертолета, как полагается, уже доложил о плане полета по радио в ближайший аэропорт, честно назвав пунктом назначения «Морскую ведьму». Поступить иначе было бы глупо. В прибрежных штатах Мексиканского залива системы радиолокационного слежения столь же эффективны, как и во всем мире, и любое отклонение от ложно заявленного пункта назначения означало бы, что очень скоро

два крайне подозрительных пилота на сверхзвуковых реактивных самолетах пролетели бы рядом и задали несколько очень неприятных вопросов.

Уоткинс отогнал грузовик обратно в арсенал, отключил зажигание, запер ворота, вернулся к микроавтобусу и уехал. Еще до рассвета вся одежда его товарищей вернулась в их квартиры, а микроавтобус — на стоянку, с которой был угнан.

Румер заскучал, локти у него занемели от долгого лежания. Прошло уже полчаса с тех пор, как уехал микроавтобус, и все это время он не менял положения и почти не отнимал от глаз бинокль. Сэндвичи были съедены, кофе выпит до последней капли. Хотелось закурить, но Румер решил, что это небезопасно. Очевидно, люди в вертолетах чего-то ждали — чего, как не прибытия лорда Уорта?

Он услышал приближающийся гул мотора и увидел автомобиль с включенными габаритными огнями. Это оказался другой микроавтобус. Кто бы в нем ни ехал, это был не тот, кого ждал Румер: лорд Уорт не путешествовал в микроавтобусах. Машина остановилась у пассажирского вертолета, из нее высадились люди и погру-

зились на борт летательного аппарата. Румер насчитал двенадцать человек.

Не успел последний из них исчезнуть в недрах вертолета, как прибыла еще одна машина. Она не просто въехала в ворота, а промчалась сквозь них с включенными, но приглушенными фарами. «Роллс-ройс». Значит, лорд Уорт. Уверенность Румера окрепла, когда до его ушей донесся легкий шорох шин по траве. Он обернулся и увидел, как рядом с его собственной машиной почти беззвучно остановился автомобиль с полностью выключенными фарами.

— Я здесь, — тихо позвал Румер.

Митчелл улегся рядом, и они вместе стали наблюдать, как выбравшийся из «роллса» лорд Уорт в белом костюме поднимается на борт вертолета.

— Думаю, на сегодня это все, — сказал Румер.

— Что за груз?

— В этом вертолете двадцать один пассажир. Поклясться не могу, но подозреваю, что это не добропорядочные граждане. Говорят, у каждого мультимиллионера…

— Пульти.

— Пульти. Говорят, что у каждого пультимиллионера есть своя частная армия. Похоже, передо мной только что промаршировал один из отря-

дов лорда Уорта.

— А второй вертолет просто так стоит?

— Еще чего. Он тут главную роль играет. Доверху забит оружием.

— Что само по себе не преступление. У лорда Уорта одна из крупнейших в стране коллекций оружия. Может, это ее часть?

— Рядовым гражданам не позволено хранить базуки, пулеметы и взрывчатку.

— Значит, он все это одолжил?

— Ага. Без оплаты и чека.

— В ближайшем государственном арсенале?

— Почти наверняка.

— Они как будто не собираются улетать. Ждут назначенного времени? Мы можем долго тут проваляться. Давай позвоним из машины военным.

— Ближайший штаб в семи милях отсюда.

— Ну да.

Они поднялись, но не успели сделать и двух шагов в направлении автомобилей, как оба вертолета почти одновременно запустили двигатели; винты закрутились с привычным лязгающим рыком. Через несколько секунд обе летающие машины взмыли в воздух.

— А идея была неплоха, — произнес Митчелл.

— Ключевое слово — «была». Все, смылись

наши честные богобоязненные граждане, даже навигационные огни включили.

— Это чтобы ни с кем не столкнуться, — подумал вслух Митчелл. — Можем связаться с ближайшим военным аэродромом и попросить отправить перехватчики.

— На каких основаниях?

— По подозрению в похищении государственной собственности.

— А доказательства? На слово нам не поверят. К тому же там, наверное, знают, что лорд Уорт на борту. Чье слово весомее: его или двух уволенных копов?

— Трезвая мысль. Логичная. Чувствуешь себя изгоем?

— Чувствую себя беспомощным, черт побери. Ладно, поехали искать улики. Где тут ближайший арсенал?

— Примерно в миле от командного пункта. Я знаю дорогу.

— Почему арсенал нельзя устроить прямо на территории командного пункта?

— Арсеналы иногда взлетают на воздух. Думаешь, приятно сидеть в переполненной казарме, когда взрывается арсенал?

Румер оторвался от замочной скважины ворот

арсенала и неохотно убрал в карман большую связку ключей, за ношение которой любой недоброжелательный страж порядка мог бы упечь его за решетку без всякого ордера.

— Думал, этим набором любую дверь можно открыть. Очевидно, не эту. Знать бы, где ключи от нее.

— Наверное, летят в вертолете над заливом.

— Или нет. У всех погрузочных ворот одинаковые замки. А окна зарешечены. Майк, у тебя, случайно, ножовка не завалялась?

— В следующий раз обязательно захвачу.

Митчелл посветил фонариком в зарешеченное окно, но увидел только свое отражение. Достал пистолет и несколько раз ударил рукоятью по стеклу, но безрезультатно. Ничего удивительного, если учесть, что стекло находилось в нескольких дюймах за решеткой и сила ударов была минимальной.

— Чем это ты занимаешься? — спросил Румер.

— Хочу разбить стекло, — спокойно ответил Митчелл.

— Ну разобьешь, а сквозь решетку-то как пролезешь?

— Хоть загляну внутрь да послушаю. Это простое листовое стекло или бронированное?

— Откуда мне знать?

— Ну да. Вот я сейчас и проверю. Если бронированное, пуля срикошетит. Пригнись.

Мужчины присели на корточки, и Митчелл выстрелил под углом снизу вверх. Пуля не срикошетила. Прошла насквозь, оставив в стекле дыру, от которой потянулись трещины. Митчелл принялся обивать края отверстия пистолетом, но перестал, когда Румер принес домкрат. Пара ударов, и в стекле образовалась дыра в добрый фут диаметром. Митчелл посветил внутрь фонариком. За стеклом оказался кабинет с множеством шкафов и открытой дверью на противоположной стороне. Митчелл приблизил ухо к отверстию и сразу услышал лязг металла о металл и чьи-то громкие хриплые голоса. Отодвинувшись, он кивнул и уступил место другу.

Румеру хватило пяти секунд, чтобы оценить ситуацию.

— Там много очень расстроенных людей.

Проехав мимо армейского командного пункта и удалившись от него почти на милю, они остановились у придорожной телефонной будки. Митчелл позвонил в штаб и сообщил, что в их арсенале проблемы с часовыми, требующие немедленного расследования. Также он посове-

товал взять с собой дополнительный комплект ключей от ворот. В ответ на вопрос, кто звонит, он повесил трубку и вернулся в машину Румера.

— Поздновато теперь вызывать авиацию? — спросил тот.

— Поздновато. Вертолеты уже над нейтральными водами. Шла бы война — другое дело. Но войны нет. Пока. — Митчелл сокрушенно вздохнул. — Эх, ну почему я сегодня не захватил инфракрасную камеру?

Конде без всякого труда проник на морскую базу в Миссисипи. С ним было всего шестеро, хотя еще шестнадцать человек дожидались в резерве на борту стодвадцатифутового судна «Скиталец», пришвартованного у пристани менее чем в тридцати футах от арсенала. Эти люди уже обезвредили троих вооруженных часовых, патрулировавших пристань ночью.

Сам арсенал охранялся всего двумя бывшими офицерами на пенсии, считавшими свою новую работу не просто легкой, а нелепой. В самом деле, кто в здравом уме захочет похищать глубинные бомбы и корабельные орудия? У них вошло в привычку укладываться спать сразу после заступления на смену, и они крепко спали, когда Конде и его люди вошли в дверь, которая оказа-

лась даже незапертой.

С помощью двух погрузчиков они перевезли на пристань глубинные бомбы, легкие многофункциональные противовоздушные зенитные орудия и достаточное количество боеприпасов, затем воспользовались одним из множества кранов, чтобы поднять краденое на «Скиталец», и отдали швартовы. Прохождение таможни было сущей формальностью. Таможенники столько раз встречали «Скиталец», что давно потеряли счет. Вдобавок никому не хватило наглости досматривать собственность одного из богатейших людей мира: «Скиталец» принадлежал лорду Уорту и использовался для сейсмологических исследований.

На базе неподалеку от Гаваны маленькая дизель-электрическая подводная лодка советского производства отшвартовалась от причала и тихо вышла в море. Наспех собранную, но умелую команду уведомили, что она идет на учения, целью которых является проверка боеготовности крошечной флотилии Кастро. Впрочем, никто на борту в это не верил.

Кронкайт тоже не терял времени даром. В отличие от других ему не нужно было никуда

вламываться, чтобы раздобыть взрывчатку. Достаточно было воспользоваться собственным ключом. Будучи ведущим мировым экспертом в тушении нефтяных пожаров, он имел доступ к неограниченным запасам самых разнообразных взрывчатых веществ. Выбрав подходящие, он распорядился вывезти их грузовиком из Хьюстона, где он жил (Хьюстон был нефтяным центром американского юга, к тому же работа Кронкайта требовала, чтобы рядом находился крупный международный аэропорт), в Галвестон.

Пока грузовик находился в пути, другое сейсмологическое судно — перестроенный катер береговой охраны — также взяло курс на Галвестон. Это судно Кронкайт без объяснения причин купил при посредничестве Дюрана, представлявшего галвестонские компании на «встрече десяти» на озере Тахо. Катер под названием «Квестар» обычно базировался во Фрипорте, и Кронкайт мог бы спокойно отправить груз туда, но это противоречило его цели. В Галвестоне разгружался танкер «Крестоносец» — один из трех, что регулярно курсировали между «Морской ведьмой» и портами Мексиканского залива.

«Квестар» и Кронкайт прибыли почти одновременно. Мэлони, капитан «Квестара», пришварто-

вал свое судно рядом с «Крестоносцем». Мэлони не был постоянным капитаном. Того джентльмена так ошеломил вид двух тысяч долларов наличными, что он занемог на несколько дней. В качестве замены Кронкайт порекомендовал своего приятеля Мэлони. Кронкайт не стал сразу подниматься на борт «Квестара». Он поболтал со старшим таможенным инспектором, лениво наблюдавшим, как на «Квестар» грузят взрывчатку. Они знали друг друга много лет, и инспектор привычно предположил, что кто-то в заливе снова заигрался со спичками.

В ходе непринужденного обмена вопросами Кронкайт выяснил, что «Крестоносец» только что закончил разгрузку и должен покинуть порт через час.

Поднявшись на «Квестар», он поприветствовал Мэлони и направился прямиком в кают-компанию. Среди прочих в команде находились трое аквалангистов, уже облачившихся в свои костюмы. Получив краткие указания, эти трое вышли на палубу. Под прикрытием корабельной надстройки они спустились по веревочной лестнице со слепого борта, дальнего от пристани, и тихо соскользнули в воду. Следом им спустили шесть радиоуправляемых магнитных мин с ме-

таллическими креплениями. Их конструкция обеспечивала небольшую отрицательную плавучесть, благодаря чему их было легко тащить под водой.

В предрассветных сумерках корпуса кораблей, освещенные мощными береговыми прожекторами, отбрасывали широкие густые тени, и пловцы почти гарантированно остались бы незамеченными. Но Кронкайт не полагался на удачу. Мины были прикреплены к кормовой части днища «Крестоносца» в тридцати футах друг от друга на глубине десяти футов. Спустя пять минут аквалангисты вернулись. Спустя еще пять минут «Квестар» вышел в море.

Несмотря на свою репутацию безжалостного человека, Кронкайт не был совсем лишен человечности. Этого бескомпромиссного и прямолинейного реалиста никто не назвал бы добросердечным, но он не обладал врожденным инстинктом убийцы. Так или иначе, были две вещи, которые в тот момент доставили бы ему значительное удовлетворение.

Во-первых, ему хотелось, чтобы «Крестоносец» вышел в море, прежде чем он нажмет на потайную кнопку взрывателя. Он предпочел бы, чтобы никто из ни в чем не повинных работников

галвестонского порта не пострадал, но здесь приходилось идти на риск. Мины-прилипалы, как было доказано итальянскими аквалангистами в Александрии во время Второй мировой войны, крайне эффективны против пришвартованных судов. Но нельзя предсказать, как поведут себя эти плавучие снаряды, когда корабль разовьет максимальную скорость. История не знала случаев, чтобы движущийся корабль был уничтожен миной-прилипалой. Весьма вероятно, что давление воды под килем могло преодолеть силу магнитного притяжения и сорвать мины.

Во-вторых, Кронкайту хотелось сесть в вертолет, стоявший на корме «Квестара», — многие подобные суда были оснащены вертолетами, чтобы сбрасывать взрывчатку в указанные места шельфа и регистрировать данные на сейсмологическом компьютере, — и поближе взглянуть на грядущие разрушения. Он и сам понимал, что это ненужное баловство, и отогнал обе мысли.

Отойдя на восемь миль от Галвестона, Кронкайт отвинтил крышку дистанционного взрывателя и крепко нажал на кнопку. За этим не последовало ничего впечатляющего, и Кронкайт испугался, что его корабль вышел за пределы досягаемости радиосигнала. Но те, кто остался в порту Галве-

стона, стали свидетелями весьма впечатляющего зрелища. Шесть оглушительных взрывов произошли почти одновременно, и всего через двадцать секунд «Крестоносец» с разорванной пополам кормой накренился на правый борт. Тысячи тонн воды хлынули в трюм. Еще через двадцать секунд — то есть в общей сложности через сорок — отдаленный грохот взрывов достиг ушей команды «Квестара». Кронкайт и Мэлони были на мостике одни; корабль шел на автопилоте. Они посмотрели друг на друга с мрачным удовлетворением. Мэлони, как подобает настоящему ирландцу, знал толк в торжествах и по этому случаю припас бутылку шампанского. Он доверху наполнил два бокала. Кронкайт, обычно воротивший нос от этого напитка, на этот раз не без удовольствия осушил бокал. В этот момент на «Крестоносце» начался пожар.

Хотя его нефтяные резервуары были пусты, дизельные топливные баки были заправлены почти под завязку. В обычных обстоятельствах дизельное топливо не взрывается, а быстро и интенсивно горит. За несколько секунд пламя с дымом взметнулось на высоту двухсот футов и с каждой секундой поднималось все выше, пока не озарило весь город алым сиянием. Жители

Галвестона никогда не видели такого прежде и почти наверняка не увидят вновь. Потустороннее зрелище внушало трепет даже команде отошедшего на несколько миль «Квестара». Пожар прекратился так же внезапно, как и начался, когда «Крестоносец» окончательно лег на борт. Воды бухты с шипением потушили пламя. Кое-где на волнах еще догорали пятна мазута, но ничего уже не полыхало.

Вывод был очевиден: лорду Уорту понадобится новый танкер, раздобыть который будет непросто. В целом предложение на рынке танкеров существенно превышало спрос, и, чтобы купить желаемое судно из списка, достаточно было просто поднять телефонную трубку. Но танкеры дедвейтом в пятьдесят тысяч тонн считались если не вымирающим, то вырождающимся видом, потому что главные мировые верфи уже какое-то время не строили их. Ключевые слова — «какое-то время». На верфях поспешно закладывали шпангоуты такого — и даже меньшего — размера, но окончания строительства следовало ожидать не ранее чем через год или два. Причины были просты. Супертанкерам, возящим нефть из Персидского залива в Европу, приходилось ходить вокруг мыса Доброй Надежды, потому что заново

открытый Суэцкий канал не мог принимать суда такого водоизмещения. А вот для малых танкеров подобной проблемы не существовало. Поговаривали, и, вероятно, не без оснований, что теперь этот уголок нефтяного рынка подмяли под себя известные своей изворотливостью греческие судовладельцы.

В небе забрезжил рассвет.

Тем временем на «Морской ведьме» и вокруг нее царило оживление. Танкер «Торбельо», зарегистрированный в Панаме, заканчивал загружать содержимое плавучего конического резервуара «Морской ведьмы». В этот момент с северо-запада появились два вертолета. Оба были «сикорски», купленными прижимистым лордом Уортом за бесценок — не потому, что устарели, а потому, что после вьетнамской войны необходимость в большом количестве вертолетов отпала и армия рада была от них избавиться, ведь на гражданском рынке спрос на бывшие военные вертолеты почти отсутствует.

Первый вертолет приземлился на площадке и выгрузил двадцать два человека. Двумя из них были лорд Уорт и Джузеппе Палермо. Остальные двадцать человек, которые, судя по их внешнему виду, не слишком-то были склонны к тому,

чтобы заботиться о вдовах и сиротах, имели при себе безупречные дипломы специалистов-нефтяников того или иного рода. Специалистами они действительно являлись, но никто из них не узнал бы нефтяную бочку, даже если бы упал в нее. Среди них были опытные водолазы, подводные подрывники, обученные работе с мощными взрывчатыми веществами, и меткие стрелки из различных убийственных видов оружия.

Второй вертолет сел сразу после отлета первого. Не считая двух пилотов, людей на борту не находилось. Этот вертолет привез атакующее вооружение из флоридского арсенала, о хищении которого до сих пор не сообщили в газетах.

Команда нефтяников наблюдала за прибытием вооруженных людей с хладнокровным любопытством. Эти люди привыкли ко всему необычному; нелогичность, абсурд и парадоксальность стали неотъемлемой частью их жизни. Команды буровых платформ — особый сорт людей, а сотрудники лорда Уорта выделялись даже на этом фоне.

Лорд Уорт созвал всех работников и сообщил об угрозах «Морской ведьме» и необходимости защитных мер. Работники, как и большинство нормальных людей, переживали за сохранность

своей шкуры и потому безоговорочно согласились с этими мерами. Лорд Уорт закончил свое выступление словами о том, что не видит необходимости просить их хранить происходящее в тайне.

В этом аристократ был абсолютно прав. Среди опытных нефтяников лишь единицы не имели прежде проблем с законом. В команде числились и бывшие заключенные, и те, к кому представители закона до сих пор имели вопросы, а также условно освобожденные, нарушившие условия освобождения. Для них не существовало мест безопаснее «Морской ведьмы» и частного мотеля лорда Уорта, где они проводили отпуск. Ни один полицейский в здравом уме не осмелился бы ставить под сомнение респектабельность и законопослушность одного из крупнейших нефтяных баронов мира, и это отношение косвенным образом распространялось на его сотрудников.

Другими словами, лорд Уорт при бесценном посредничестве коммандера Ларсена весьма тщательно выбирал себе людей.

С заселением новоприбывших и размещением оружия проблем не возникло. Как и на большинстве платформ, плавучих буровых установок и разведывательных судов, на «Морской ведьме»

имелось два жилых отсека: один для граждан западных стран, другой для азиатов, и в данный момент азиатов на борту не было.

Лорд Уорт с коммандером Ларсеном и Палермо провели отдельный военный совет в роскошном салоне, которым пользовался только хозяин. Они пришли к консенсусу. Согласились, что Кронкайт не станет действовать втихую, а нанесет открытый жестокий удар. Когда нефть будет выгружена на берегу, он уже ничего не сможет с этим поделать. Не станет пытаться потопить загруженный танкер, равно как не станет атаковать их гигантское плавучее нефтехранилище. В обоих случаях разлив нефти будет сравним с крупнейшим разливом, случившимся несколько лет назад в результате крушения супертанкера «Торри каньон» у юго-западных берегов Великобритании, а то и превзойдет его. Международный резонанс будет таков, что до причин наверняка докопаются, и в случае обвинения Кронкайта тот непременно выдаст своих соучастников — ведущие нефтяные компании, которым это категорически не понравится.

В ситуации, когда во всем мире самыми популярными словами являются «экология» и «загрязнение», всеобъемлющего расследования

не избежать.

Кронкайт мог атаковать гибкий трубопровод, соединяющий платформу и резервуар, но трое мужчин решили, что этому можно помешать. После прибытия Конде на «Скитальце» и разгрузки судно можно было отправить патрулировать зону между платформой и резервуаром. На «Морской ведьме» было достаточно сенсорных устройств, помимо тех, что следили за натяжением якорных канатов. На верху буровой вышки постоянно работал радар, а в двадцати футах под водой на каждой из гигантских опор стояли гидролокаторы. Радар мог зафиксировать враждебные объекты на воде и в воздухе, после чего с ними разберутся многофункциональные зенитки. В случае подводной атаки, что, впрочем, маловероятно, гидролокатор определит местоположение угрозы и «Скиталец» выпустит по ней торпеду.

Однако лорд Уорт не знал, что в тот самый момент навстречу «Квестару» Кронкайта на полном ходу шло еще одно судно. Оно было вполне стандартной конструкции, в обиходе называемой «тяни-толкай», где вода прогоняется через трубу под днищем и под давлением выходит сзади. У такого судна нет винта, и применяется оно обычно в прибрежных районах или на болотах,

где существует опасность повредить винт. Единственным отличием этого судна под названием «Звездный свет» от других были свинцово-кислотные аккумуляторы: оно могло работать от электричества. Гидролокаторы фиксировали и с точностью определяли местоположение объектов по звуку двигателя и вибрациям винта, но против электропривода они были бессильны.

Лорд Уорт и его помощники также рассмотрели вероятность прямой атаки на «Морскую ведьму». Благодаря разделению на отсеки и большой положительной плавучести уничтожить эту платформу размером с футбольное поле можно было разве что атомной бомбой. Ни одно распространенное оружие не могло ее потопить. Нападение, если таковое случится, должно было стать локализованным. Очевидной целью была буровая вышка, однако никто не мог представить, как Кронкайт доберется до нее незамеченным. Но в одном лорд Уорт был уверен: если атака случится, ее целью станет «Морская ведьма».

События ближайшего получаса дважды подтвердили его неправоту.

Первые предвестники грядущей катастрофы появились, когда загруженный «Торбельо» ушел на север и скрылся из поля зрения. Лорд Уорт

знал, что вечером к резервуару должен подойти «Крестоносец». Но Ларсен с перекошенным от злости лицом молча передал ему только что полученную радиограмму. Прочитав ее, магнат разразился такой отборной бранью, за какую его с позором навеки исключили бы из палаты лордов. В сообщении прямым текстом безжалостно сообщалось о грандиозной гибели «Крестоносца» в Галвестоне.

Оба мужчины помчались в радиорубку. Ларсен связался с «Юпитером», их третьим танкером, разгружавшимся в тот момент в небольшом луизианском порту, доложил капитану о печальной судьбе «Крестоносца» и предупредил, чтобы все члены команды держали ухо востро, пока судно не выйдет из гавани.

Лорд Уорт лично позвонил начальнику полиции Галвестона, представился и потребовал подробностей о потоплении «Крестоносца». Получив их, он не обрадовался. По какому-то наитию он спросил, находились ли в то время в порту человек по имени Джон Кронкайт или принадлежащее ему судно. Пришлось подождать, пока в полиции запрашивали данные у таможни. Спустя две минуты лорду Уорту ответили: да, прямо рядом с «Крестоносцем» швартовалось

судно «Квестар» с Джоном Кронкайтом на борту, но неизвестно, являлся ли Кронкайт его непосредственным владельцем. «Квестар» вышел из порта за полчаса до взрыва «Крестоносца».

Лорд Уорт безапелляционно потребовал, чтобы «Квестар» задержали и вернули в порт, а Кронкайта арестовали. Начальник полиции заметил, что согласно международному праву арест судов в нейтральных водах в мирное время запрещен, к тому же до сих пор нет ни одной улики, указывающей на связь Кронкайта со взрывом на «Крестоносце». Тогда лорд Уорт попросил узнать имя владельца «Квестара». На эту просьбу начальник полиции ответил согласием, но предупредил, что ему может понадобиться много времени. Требовалось свериться с несколькими реестрами.

В это время неподалеку от Ки-Уэста на полной скорости, не погружаясь, прошла кубинская подводная лодка и взяла курс на «Морскую ведьму». Следом за ней из порта Гаваны вышел советский ракетный крейсер и пустился в погоню за подлодкой. И почти сразу после этого эсминец снялся с якоря на своей базе в Венесуэле.

«Скиталец», исследовательское судно лорда

Уорта под командованием Конде, находился уже на полпути к месту назначения. «Звездный свет» под командованием Истона удалился от «Квестара», остановившегося посреди моря. Команда уже закрасила название катера и при помощи картонного трафарета наносила новое — «Джорджия». Кронкайту очень не хотелось, чтобы какое-нибудь судно потом доложило о встрече с катером «Квестар». На корме раздался ни с чем не сравнимый грохот вертолетного винта, летающая машина поднялась в воздух, описала круг и двинулась на юго-восток — не для того чтобы провести привычные исследования, а чтобы обнаружить «Торбельо» и в случае обнаружения определить его курс и сообщить на «Квестар». Через считаные минуты «Квестар» продолжил путь приблизительно в том же направлении, что и вертолет.

Глава 4

Лорд Уорт наслаждался очень ранней чашечкой кофе в компании Ларсена и Палермо, когда в каюту постучал радист.

— Это для вас, сэр, — сказал он, войдя, и передал листок бумаги с сообщением. — Какой-то шифр. У вас есть шифровальная книга?

— Она мне не нужна. — Впервые за долгое время лорд Уорт улыбнулся. Улыбка вышла немного самодовольной. — Вот моя шифровальная книга. — Он постучал себя по голове. — Я сам изобрел этот шифр.

Радист вышел. Двое других с легким нетерпением наблюдали за тем, как лорд Уорт приступил к расшифровке послания. Нетерпение сменилось легкой тревогой, когда улыбка исчезла с лица лорда Уорта, а тревога уступила место глубокой озабоченности, когда на щеках магната появились багровые пятна размером с монету. Он отложил бумагу, перевел дух, а затем повторил свое недавнее представление, на этот раз еще более прочувствованно и страстно, используя те же непарламентские выражения, в каких он отреагировал на известие о потере «Крестонос-

ца». Вскоре он замолчал, не столько потому, что ему нечего было сказать, сколько из-за того, что у него просто перехватило дыхание.

У Ларсена достало ума не спрашивать лорда Уорта, не случилось ли чего. Вместо этого он тихо произнес:

— Может, вы расскажете нам, лорд Уорт?

Его хозяину стоило большого труда успокоиться.

— Похоже, Кор… — Он прикусил язык и исправился: одним из его основополагающих принципов было не позволять правой руке знать, что делает левая. — Меня проинформировали из весьма надежных источников, что две враждебные нам страны планируют применить против нас военно-морские силы. Одна, очевидно, уже готова к этому. Из венесуэльского порта только что вышел эсминец и движется в нашем направлении.

— Да у них кишка тонка! — выпалил Палермо.

— Когда люди помешаны на деньгах и власти, они ни перед чем не остановятся.

Судя по всему, лорду Уорту было невдомек, что это описание in excelsis[5] подходит к нему

---

[5] Notes: 5
В высшей степени *(лат.)*.

самому.

— А другая страна? — спросил Ларсен.

— Советский Союз.

— Вот как? — Ларсен казался совершенно невозмутимым. — Не могу сказать, что меня радует эта новость.

— Только их здесь и не хватало. — Лорд Уорт наконец пришел в себя. Полистав телефонную книгу, он нашел нужный номер. — Пожалуй, свяжусь с Вашингтоном.

Не успел он снять трубку, как телефон зазвонил сам. Лорд Уорт поднял трубку, одновременно нажав кнопку громкой связи:

— Уорт.

— Вы меня узнаете? — раздался из динамика расплывчатый бесплотный голос.

Но даже так лорд Уорт сразу его узнал. Звонил Коррал.

— Да.

— Я созвонился с осведомителем, сэр. Боюсь, подтвердились наши наихудшие предположения. Икс и Игрек готовы обеспечить поддержку с моря.

— Уже знаю. Один из них выдвинулся в нашем направлении.

— Который?

— Тот, что южнее. О воздушной угрозе что-нибудь слышно?

— Пока нет, сэр. Но вы наверняка сами понимаете, что мы не можем ее исключить.

— Дайте знать, если будут еще какие-нибудь хорошие новости.

— Разумеется, сэр. До свидания.

Лорд Уорт положил трубку и снова поднял:

— Свяжите меня с Вашингтоном.

— Вы можете подождать минуту, сэр?

— Зачем?

— Поступает еще одно шифрованное сообщение. Код тот же, что и в прошлый раз.

— И почему я не удивлен? — мрачно произнес лорд Уорт. — Передайте как можно скорее.

Опустив трубку, он нажал кнопку на небольшой панели перед собой, одновременно поднимая трубку:

— Чамберс?

Чамберсом звали старшего пилота.

— Сэр?

— Вы заправили вертолет?

— Готовы к вылету, когда пожелаете, сэр.

— Будьте готовы в любую секунду. Не отходите от телефона.

Лорд Уорт снова положил трубку.

— Вашингтон зовет, сэр? — осведомился Ларсен.

— Есть у меня предчувствие, что скоро позовет. Некоторые вещи лучше делать лично, а не по телефону. Но все зависит от того, что содержится в новом сообщении.

— Что нам делать в ваше отсутствие?

— К вечеру подойдет «Скиталец» с многофункциональными зенитками. Установите их на платформе.

— На севере, юге, востоке, но не на западе?

— Как вам угодно.

— Не хочется ненароком пробить собственное нефтехранилище.

— Вы правы. Также привезут мины. Поставьте их в три колонны между каждой парой опор, ровно посередине.

— А опоры не повредит взрывом?

— Маловероятно. Как раз и проверим, верно? Каждые полчаса вызывайте на связь «Торбельо» и «Юпитер». Переведите радарный и гидролокационный посты на круглосуточный режим работы. Нужна, как говорится, постоянная бдительность. Черт побери, коммандер, не мне вас учить. — Лорд Уорт записал на листе бумаги какие-то цифры. — Если я улечу, вот вам вашинг-

тонский номер. Позвоните и сообщите, что я буду там примерно через пять часов.

— Это номер Госдепартамента?

— Да. Скажите, чтобы меня ждал как минимум заместитель госсекретаря. Тактично напомните о будущих взносах в избирательную кампанию. Затем свяжитесь с моим пилотом Доусоном, пусть отправит на утверждение полетный план до Вашингтона.

Постучал радист, вошел, передал лорду Уорту лист бумаги и вышел. Лорд Уорт, чьи руки перестали дрожать, а облик обрел прежнюю решимость, расшифровал послание, снял телефонную трубку и приказал Чамберсу немедленно садиться в вертолет.

— Кубинская подводная лодка советского производства вышла из Гаваны, — сообщил он двум своим собеседникам. — За ней идет советский ракетный крейсер. Оба корабля держат курс сюда.

— Значит, без визита в Госдепартамент или даже Пентагон не обойтись, — ответил Ларсен. — С управляемыми ракетами мы не так уж много можем сделать. Похоже, к нам направляются уже пять кораблей — три военных, «Юпитер» и «Скиталец». Толкотня начнется.

Ларсен обеспокоился бы еще сильнее, если бы

знал, что кораблей на самом деле не пять, а семь, но никто не мог ему сообщить, что приближаются также «Квестар» и «Звездный свет».

Лорд Уорт поднялся:

— Что ж, приглядывайте за лавкой. Вернусь вечером. Буду оставаться на связи.

В тот день лорду Уорту предстояло совершить четыре перелета: на вертолете до материка, на своем личном «боинге» до Вашингтона, затем вернуться самолетом во Флориду и на вертолете на «Морскую ведьму». Во время каждого перелета должно было произойти что-то очень неприятное — неприятное для лорда Уорта, разумеется. К счастью для себя, лорд Уорт не обладал пресловутым шотландским даром предвидения — способностью заглядывать в будущее.

Первая неприятность случилась, пока лорд Уорт возвращался на материк. Перед входом в его особняк остановился большой микроавтобус с пятью крепкими мужчинами в чулках на головах, из-за чего впоследствии их оказалось очень сложно опознать. У одного был с собой большой моток веревки, у другого — рулон изоленты. Все пятеро были вооружены.

Когда эта пятерка выскочила из машины, пре-

старелый садовник Макферсон как раз совершал утренний обход, чтобы посмотреть, какой урон за ночь местная фауна нанесла его драгоценной флоре. Даже если бы его голосовые связки не онемели от потрясения, шансов на успешное сопротивление у него не было. Не прошло и минуты, как Макферсона связали по рукам и ногам, заклеив рот изолентой, и бесцеремонно бросили в заросли кустарника.

Главарь банды, человек по фамилии Дюран, позвонил в дверь. Дюран, испытывавший непреодолимое влечение к банкам и трижды отсидевший за ограбление, пользовался сомнительной репутацией, подтвержденной тем фактом, что он был близким и многолетним сотрудником Кронкайта. Не получив ответа, через полминуты он позвонил снова. Наконец дверь открыл растрепанный, полусонный Дженкинс в халате (час был весьма ранний). Проморгавшись, он вытаращил глаза на пистолет в руке Дюрана.

Дюран прикоснулся к цилиндру, навинченному на дуло пистолета. Дженкинс, большой любитель смотреть фильмы по телевизору, сразу догадался, что это глушитель.

— Знаешь, что это?

Окончательно проснувшийся Дженкинс молча

кивнул.

— Мы никому здесь не хотим причинять вред. Останешься цел и невредим, если будешь делать так, как мы скажем. В первую очередь — не обманывать. Усек?

Дженкинс усек.

— Сколько в доме работников?

— Ну, я… я дворецкий… — дрожащим голосом начал Дженкинс.

Дюран был терпелив.

— Тебя я вижу.

— Два лакея, шофер, радист, секретарь, повар и две горничные. Еще уборщица, но она приходит в восемь.

— Заклейте ему рот, — приказал Дюран, и его подручные мигом сделали это. — Извини, но люди порой вытворяют всякие глупости. Проводи нас в комнаты этих восьмерых.

Дженкинс неохотно подчинился. Через десять минут все восемь работников были надежно связаны, а рты у них заклеены.

— А теперь — к двум юным дамам, — велел Дюран.

Дженкинс отвел их к двери. Дюран выбрал троих подручных и тихо сказал:

— Дворецкий проводит вас к другой девушке.

Проверьте вещи, которые она соберет, особенно дамскую сумочку.

Спрятав пистолет в потайную кобуру, чтобы не вызвать излишней тревоги, Дюран вошел в комнату в сопровождении оставшегося помощника. Вне всякого сомнения, кровать не пустовала, хотя все, что можно было разглядеть, — это копну черных волос на подушке.

— Думаю, вам пора просыпаться, мэм, — непринужденно сказал Дюран.

Обычно он не церемонился, но в этот раз хотел избежать воплей и истерики.

Никакой истерики не последовало. Марина повернулась в кровати и посмотрела на него сонными глазами. Сон как рукой сняло. Она вытаращила глаза, то ли от страха, то ли от неожиданности, но быстро пришла в себя. Нашарила халат, положила его рядом на одеяло, затем резко села, завернувшись в халат.

— Кто вы и что вам нужно? — спросила она чуть менее ровным, чем хотелось бы, голосом.

— Ну и ну, — восхищенно произнес Дюран. — Можно подумать, ее каждое утро похищают.

— Значит, это похищение?

— Боюсь, что так. — Дюран как будто искренне сожалел по этому поводу.

— И куда вы меня повезете?

— В путешествие. На маленький солнечный остров. — Дюран улыбнулся. — Но купальник не понадобится. Будьте добры, встаньте и оденьтесь.

— А если я откажусь?

— Тогда мы вас оденем.

— Не собираюсь одеваться у вас на глазах.

— Мой друг подождет в коридоре, — успокоил ее Дюран. — А я зайду в ванную и прикрою дверь, оставив лишь щелочку — не затем, чтобы подглядывать за вами, а чтобы присматривать за окном, если вам вдруг вздумается в него вылезти. Когда будете готовы, позовите меня. Только не возитесь слишком долго.

Марина и не думала возиться. Она управилась за три минуты. Надела синюю блузку, синие слаксы и причесала волосы. Дюран одобрительно кивнул:

— Соберите в дорогу сумку на несколько дней.

Пока она собиралась, он следил за ней. Наконец Марина застегнула молнию на дорожной сумке и взяла свою сумочку:

— Я готова.

Дюран взял у нее сумочку, расстегнул и высыпал содержимое на кровать. Из огромного

количества предметов он выудил крошечный пистолет с перламутровой рукоятью.

— Давайте соберем заново.

Покраснев от возмущения, Марина подчинилась.

В спальне Мелинды происходило примерно то же самое.

С момента приезда Дюрана и компании до их отбытия с девушками прошло всего двадцать пять минут. Никто из обитателей особняка не пострадал, если не брать во внимание ущемленную гордость. Бандиты даже потрудились усадить Дженкинса в глубокое кресло в прихожей. Впрочем, связанный по рукам и ногам Дженкинс не оценил эту любезность должным образом.

Примерно через десять минут после их отъезда вертолет лорда Уорта сел рядом с его «боингом» в городском аэропорту. Лорд Уорт уже давно дал понять, что не потерпит никаких досмотров и проверок, поэтому их и не было. Когда лорд Уорт что-либо дает понять, ты запоминаешь это навсегда.

Во время второго перелета случилась вторая досадная неприятность, и лорд Уорт, на свое счастье, снова ничего о ней не узнал.

Вертолет «Квестара» (теперь «Джорджии») обнаружил «Торбельо». Пилот доложил, что заметил судно две минуты назад, и максимально точно сообщил его координаты, а главное, рассчитал курс — 315 градусов, то есть прямо навстречу «Джорджии». Корабли разделяло приблизительно сорок пять миль. Кронкайт поблагодарил пилота и дал команду возвращаться на «Джорджию».

На мостике «Джорджии» Кронкайт и Мэлони с удовлетворением посмотрели друг на друга. Задуманные планы далеко не всегда осуществляются, но в этом случае все прошло точно так, как задумано.

— По-моему, пора переодеться во что-нибудь более респектабельное, — сказал Кронкайт Мэлони. — И не забудь напудрить носик.

Мэлони улыбнулся и покинул мостик. Кронкайт задержался, чтобы дать указания рулевому, и тоже вышел.

Менее чем через час «Торбельо» показался на горизонте. «Джорджия» взяла курс прямо на него, затем на расстоянии примерно трех миль отклонилась на тридцать градусов вправо, точно рассчитала время и выполнила широкий разворот влево. Спустя две минуты «Джорджия» уже

шла параллельным курсом к «Торбельо» вдоль его левого борта — мостик на танкерах расположен почти на самой корме, — выдерживая ту же скорость и не отдаляясь более чем на тридцать ярдов. Кронкайт вышел на крыло мостика и поднял рупор:

— Береговая охрана. Прошу остановиться. Это просьба, а не приказ. Согласно нашим данным, ваше судно в большой опасности. Позвольте подняться на борт обученным поисковым специалистам. Если безопасность корабля и команды вам дорога, ни при каких обстоятельствах не включайте радио.

Капитан Томпсон, честный моряк без криминального прошлого, воспользовался своим рупором:

— В чем дело? Какова цель досмотра?

— Это не досмотр. Я прошу разрешения ради вашего же блага. Поверьте, будь моя воля, я бы и на пять миль к вам не подошел, но такова необходимость. Позвольте подняться к вам на борт с моим лейтенантом и объяснить все с глазу на глаз. Вы ведь, наверное, в курсе того, что случилось с вашими коллегами на «Крестоносце» в гавани Галвестона?

Капитан Томпсон, разумеется, был в курсе, но,

конечно же, не знал, что именно Кронкайт ответствен за происшествие с кораблем-близнецом «Торбельо». В подтверждение этого на мостике прозвонил судовой колокол, и через три минуты «Торбельо» остановился в спокойных водах. «Джорджия» подошла к танкеру, пока ее мидель не оказался чуть впереди судовой надстройки «Торбельо». Теперь с палубы «Джорджии» можно было сойти прямо на палубу глубоко осевшего танкера, что и не преминули сделать Кронкайт и Мэлони. Они подождали, пока не убедились, что «Джорджия» надежно пришвартована с двух концов, после чего вскарабкались по лестницам и трапам на капитанский мостик танкера.

Обоих было очень сложно узнать. Кронкайт обзавелся роскошной черной бородой, аккуратно подстриженными усами и темными очками, что вкупе с новехонькой формой и фуражкой набекрень создавало образ опытного и отважного капитана береговой охраны, коим он не являлся. Мэлони загримировался схожим образом.

На мостике находились только капитан Томпсон и оставшийся без дела рулевой. Кронкайт пожал капитану руку:

— Доброе утро. Извините, что беспокоим и отрываем от работы, но вы нам еще спасибо ска-

жете. Прежде всего, где у вас радиорубка?

Капитан Томпсон кивнул головой в сторону двери в задней части мостика.

— Если позволите, мой лейтенант проверит, соблюдается ли режим радиомолчания, — сказал Кронкайт. — Это крайне важно.

Капитан Томпсон, которому с каждой секундой становилось все более не по себе, кивнул. Кронкайт повернулся к Мэлони:

— Диксон, проверьте.

Мэлони вошел в радиорубку и закрыл за собой дверь. Радист с легким удивлением оторвался от передатчика.

— Прошу прощения за беспокойство, — произнес Мэлони почти дружелюбно, что было огромным достижением для человека, напрочь лишенного дружелюбия. — Я с катера береговой охраны. Капитан попросил вас соблюдать радиомолчание?

— Этим я и занимаюсь.

— Выходили с кем-нибудь на связь с тех пор, как покинули «Морскую ведьму»?

— Каждые полчаса по распорядку.

— Получали какие-нибудь ответы? У меня есть причины спрашивать об этом.

— Нет, только «прием-отбой», как обычно.

— Какая частота?

— По умолчанию. — Оператор указал на приборную панель.

Мэлони кивнул и как бы невзначай зашел радисту со спины. Чтобы тот уж точно соблюдал радиомолчание, Мэлони тюкнул его рукоятью пистолета над правым ухом. Затем вернулся на мостик, где нашел капитана Томпсона в состоянии существенного и вполне понятного смятения.

— То есть вы хотите сказать, что «Торбельо» сейчас представляет собой плавучую бомбу с часовым механизмом? — произнес капитан Томпсон с тревогой, отказываясь верить в это.

— Именно так. Возможно, не одну бомбу. Даже не возможно, а почти наверняка. Наши источники — простите, что не могу их назвать, — крайне надежны. Достовернее не придумаешь.

— Господи, офицер, да кому взбредет в голову устроить в заливе огромное нефтяное пятно?

— Вы полагаете, что мы имеем дело со здравомыслящими людьми, но я так не считаю. Только безумец мог взорвать ваш танкер-близнец прямо у галвестонского причала, поставив под угрозу весь город.

Капитан, нахмурившись, обдумал это умоза-

ключение.

— Так или иначе, — продолжил Кронкайт, — я намереваюсь обыскать машинное отделение — с вашего согласия, разумеется. Моей команде потребуется не более получаса.

— По-вашему, что это за бомба? Как устроен ее часовой механизм?

— Подозреваю, что часового механизма у этой бомбы — или этих бомб — вовсе нет. Думаю, детонатор — или детонаторы — активируется с помощью радиосигнала с какого-нибудь корабля, самолета или вертолета поблизости. Но вряд ли взрыв должен произойти раньше, чем вы приблизитесь к побережью США.

— Почему?

— Чтобы максимально загрязнить прибрежные воды. Тогда вся страна взбунтуется против лорда Уорта. Стандарты безопасности на его, уж простите, не самых экологичных судах будут поставлены под сомнение, что, возможно, приведет к закрытию «Морской ведьмы» и аресту оставшихся судов лорда Уорта при их появлении в американских территориальных водах. — Вдобавок к прочим талантам Кронкайт был блестящим лжецом. — Так можно мне вызвать команду?

Капитан Томпсон кивнул без всякого энтузи-

азма.

Кронкайт взял рупор и позвал на борт поисковую группу. Четырнадцать вооруженных пистолетами-пулеметами человек в чулках на головах мигом поднялись на танкер. Капитан Томпсон ошеломленно уставился на них и еще пристальнее — на Кронкайта и Мэлони, нацеливших на него свои пистолеты. Кронкайт, вероятно, выглядел довольным или даже ликовал, но из-за густой фальшивой растительности на лице это было сложно определить.

Ошеломление капитана Томпсона понемногу сменилось гневом.

— Что, черт возьми, здесь происходит?

— А то вы не видите? Это захват. Весьма модное нынче развлечение. Не припомню, чтобы кто-нибудь захватывал танкеры, но надо же кому-то подать пример! Тем более что ничего нового мы не изобрели. Пиратство существует вот уже тысячи лет. Капитан, не делайте резких движений и не геройствуйте. Будете сидеть смирно — не пострадаете. Да и что вы можете противопоставить четырнадцати автоматчикам?

За пять минут всю команду, офицеров и матросов, за одним исключением, под охраной согнали в кают-компанию. Никто и не думал оказывать

сопротивление. Исключением стал недовольный на вид вахтенный механик в машинном отделении. Впрочем, мало у кого лицо не станет недовольным, если на него с пяти футов нацелен «шмайссер».

На мостике Кронкайт выдавал Мэлони последние инструкции:

— Продолжайте каждые полчаса посылать на «Морскую ведьму» курсовые данные. Через два-три часа доложите о небольшой поломке — например, о повреждении топливного канала, — из-за чего «Торбельо» будет вынужден встать на несколько часов. Сегодня вас ждут в Галвестоне, а мне нужно время и пространство для маневра. Точнее, время и пространство для маневра нужно вам. С наступлением сумерек погасите все навигационные огни… хотя, пожалуй, вообще все огни. Не будем недооценивать лорда Уорта. — Кронкайт говорил с непривычной желчью в голосе, явно вспоминая тот день, когда лорд Уорт потащил его в суд. — Он невероятно могущественный человек, и следует ожидать, что он бросит все воздушные и морские силы на поиски пропавшего танкера.

Кронкайт вернулся на «Джорджию», отдал швартовы и отошел от танкера. Мэлони тоже

взялся за дело: изменил курс на девяносто градусов влево и направил судно на юго-запад вместо северо-запада. Через полчаса он послал на «Морскую ведьму» обнадеживающее сообщение: «Идем по курсу без задержек».

Кронкайт подождал, пока не подойдет «Звездный свет», после чего оба судна двинулись в юго-восточном направлении и встали на якорь примерно в тридцати пяти морских милях от «Морской ведьмы», невидимые на горизонте и вне досягаемости радаров и гидролокаторов нефтедобывающей платформы. Выключив двигатели, они принялись ждать.

Огромный «боинг» проделал почти половину пути от Флориды до Вашингтона. Лорд Уорт наверстывал потерянное прошлой ночью время, забывшись крепким сном в роскошной каюте на борту самолета и по-прежнему не подозревая о камнях и стрелах, пущенных в него со всех сторон.

Тем утром Митчелл проснулся непривычно, но вполне предсказуемо поздно. Помылся, побрился, оделся, пока готовился кофе. Все это время его не покидало странное и неведомое ранее тревожное чувство. Он ходил взад-вперед по кухне, попи-

вая кофе, потом вдруг решил положить тревоге конец. Сняв трубку телефона, он позвонил в особняк лорда Уорта. Раздавался гудок за гудком, но никто не отвечал. Митчелл положил трубку и попробовал снова — с тем же результатом. Допив кофе, он пошел к Румеру и открыл дверь своим ключом. Войдя в спальню, он обнаружил, что Румер еще спит, и разбудил его. Румер был очень этим недоволен.

— Какого черта ты будишь человека посреди ночи?

— Середина ночи давно прошла. — Митчелл отдернул шторы, и комнату залил яркий свет летнего солнца. — День на дворе. Протри глаза — и сам увидишь.

— У тебя пожар или что?

— Лучше бы пожар. Джон, я волнуюсь. Как проснулся, места себе не нахожу, и с каждой минутой все хуже и хуже. Пять минут назад позвонил лорду Уорту домой. Два раза пытался, но никто не ответил, хотя в доме постоянно живут то ли восемь, то ли десять человек.

— На что ты намекаешь?..

— Это ведь ты у нас человек с развитой интуицией. Одевайся. Я тебе кофе сделаю.

Кофе еще не сварился — прошло лишь пол-

торы минуты, — а Румер уже появился в кухне. Он не принял душ и не побрился, но зато успел причесаться. Его внешний вид полностью соответствовал смятению в душе Митчелла, плохо умевшего выражать чувства.

— К черту кофе! — Румер взглянул на Митчелла с каким-то свирепым выражением, но тот понял, что друг злится не на него. — Поехали в особняк.

Румер сел за руль своей машины, которая стояла ближе.

— Господи, до чего же мы умны, — заговорил Митчелл. — Стоит только почаще давать нам по башке, и тогда, может быть — я повторяю, может быть, — мы начнем замечать очевидное. Но мы слишком умны, чтобы замечать очевидное, да? — Он вцепился пальцами в сиденье, когда Румер на полном ходу вошел в слепой поворот. — Полегче, дружище, полегче. Поздно конюшню запирать, когда лошадей уже угнали.

Румер сбавил газ, что стоило ему громадных волевых усилий.

— Ну да, мы чертовски умны, — откликнулся он. — Лорд Уорт предложил в качестве оправдания своих действий угрозу похищения его дочерей. Ты предложил ему оправдать наш вчерашний приезд угрозой похищения девушек. Но

никому из нас, умников, даже в голову не пришло, что их похищение логично и неизбежно. Лорд Уорт не преувеличивал: у него есть враги, и притом настолько жестокие, что ни перед чем не остановятся, чтобы достать его. Две козырные карты, да какие! Теперь у них все тузы на руках, а лорд Уорт беспомощен. Он только прикидывается, что строг с дочерьми, а на деле отдаст половину состояния, чтобы их вернуть. Только половину. Другую половину он потратит на то, чтобы выследить преступников. В мире все можно купить за деньги, а у старика этих денег выше крыши.

Митчелл как будто расслабился, уселся поудобнее и даже успокоился.

— Но мы доберемся до них первыми, да, Джон?

Румер неловко поерзал в кресле, сворачивая на подъездную дорожку особняка.

— Я не меньше твоего взбешен и расстроен, — ответил он. — Но мне не нравится, когда ты заводишь такие речи. Сам знаешь.

— Ладно, я всего лишь выразил свое намерение или, по крайней мере, надежду. — Митчелл улыбнулся. — Посмотрим, как пойдет.

Румер остановил машину таким образом, что это не пошло на пользу безукоризненно ровной

гравийной дорожке у дома лорда Уорта. Взгляд Митчелла мгновенно зацепился за придорожные кусты, в которых что-то шевелилось. Вытащив пистолет, он отправился туда, но почти сразу понял, что пистолет не понадобится, достал складной нож и разрезал путы Макферсона. Старший садовник за сорок лет, проведенных во Флориде, не утратил ярко выраженного шотландского акцента, который становился сильнее в зависимости от уровня стресса. В данном случае его речь осталась неразборчивой даже после того, как Митчелл сорвал ленту, заклеивавшую рот. Учитывая, в каких выражениях садовник мог описать ситуацию, это было, пожалуй, к лучшему.

Они вошли в дом через парадный вход. Дженкинс, успевший расслабиться в удобном кресле, встретил их злобным взглядом. Впрочем, его злоба никоим образом не была направлена на них. Просто он был в плохом настроении, и это настроение едва ли улучшилось, когда Митчелл быстро и болезненно, не заботясь о физическом и моральном состоянии Дженкинса, сорвал с его губ клейкую ленту. Отдышавшись, дворецкий попытался было возмутиться, но Митчелл не дал ему сказать ни слова.

— Где спальня Джима?

Джимом звали телефониста лорда Уорта.

Дженкинс в изумлении уставился на Митчелла. Разве так следует обращаться с человеком, пережившим сущий ад и едва не побывавшим в когтях у смерти? Где сострадание, где соболезнования, где тревожные расспросы о самочувствии? Но Митчелл схватил дворецкого за плечи и резко встряхнул:

— Оглох, что ли? Где спальня Джима?

Дженкинс вперил глаза в бледное лицо, застывшее менее чем в футе от его собственного, и решил не искушать судьбу.

— В заднем крыле, первый этаж, первая дверь справа.

Митчелл бросился туда. Румер через пару секунд последовал за ним, и Дженкинс воззвал к нему умоляющим голосом:

— Вы ведь не бросите меня, мистер Румер?

— Я в кухню, раздобыть нож поострее, — обернувшись, терпеливо ответил Румер. — Мистер Митчелл унес единственный нож, который мы захватили с собой.

Джим Робертсон был молодым розовощеким выпускником колледжа. Получив специальность инженера-электрика, он не торопился работать

по профессии. Растирая развязанные запястья, он уселся на кровати и поморщился, когда кровообращение начало восстанавливаться. Подручные Дюрана были изощренными мастерами вязания узлов.

— Как самочувствие? — спросил Митчелл.

— Хочется кого-нибудь прибить.

— Само собой. Готовы потрудиться?

— Готов к чему угодно, если это поможет добраться до тех ублюдков.

— К этому мы и стремимся. Вы разглядели похитителей?

— Могу описать в общих чертах… — Джим запнулся на полуслове и уставился на Митчелла. — Что значит «похитителей»?

— Похоже, дочерей лорда Уорта похитили.

— Боже всемогущий! — Джиму потребовалось время, чтобы принять новости. — Да он будет рвать и метать!

— Думаю, переполох будет немалый. Знаете, где спальня Марины?

— Пойдемте, покажу.

В спальне все говорило о поспешном и непредвиденном отъезде. Двери шкафов остались открыты, ящики не задвинуты, на полу валялась смятая одежда. Все это Митчелла не интересо-

вало. Он быстро порылся в ящиках туалетного столика и за считаные секунды нашел, что искал, — американский паспорт. Еще действующий, в чем убедился Митчелл, открыв его. Также он отметил, что Марина солгала о своем возрасте: она была на два года старше, чем утверждала. Вернув документ на место, Митчелл и Робертсон поспешили в радиорубку. Робертсон открыл дверь, впустил Митчелла и вопросительно посмотрел на него.

— Звоните шефу окружной полиции Макгэррити. Ни с кем другим говорить я не буду. Скажите, что звонок от имени лорда Уорта. Они сразу засуетятся. Потом передайте мне трубку.

Пока Робертсон устанавливал связь, вошел Румер:

— Нашел еще семь человек из обслуги, в том же состоянии. Всего десять. Послал Дженкинса их развязать. У него так дрожат руки, что он непременно перережет кому-нибудь артерию, но служебный долг не позволяет мне заниматься освобождением престарелых поварих и юных горничных, когда есть дела поважнее.

— Похоже, они притащили целую милю веревки, — рассеянно произнес Митчелл, раздумывая о том, что рассказывать шефу полиции, а что

утаить.

— Кому звоним? — Румер кивнул в сторону телефониста.

— Макгэррити.

— Лицемерному старому пердуну?

— Многие сочли бы такую характеристику чересчур лестной. Но он может помочь.

— Мистер Митчелл, начальник полиции на связи, — сообщил Робертсон. — Возьмите вон ту трубку.

Он хотел было положить свою, но ее взял Румер, чтобы тоже послушать.

— Начальник полиции Макгэррити?

— Он самый.

— Пожалуйста, выслушайте меня внимательно. Дело крайне важное и срочное, таких у вас еще не бывало. Вы один?

— Как перст. — Тон Макгэррити выражал одновременно подозрение и любопытство.

— Наш разговор не прослушивается? Не записывается?

— Нет, черт побери. Давайте к делу.

— Мы звоним из дома лорда Уорта. Вы ведь его знаете?

— Хватит валять дурака. «Мы» — это кто?

— Майкл Митчелл и мой напарник Джон Ру-

мер. Частные сыщики.

— Слышал о вас. Местная полиция от вас натерпелась.

— Я бы сказал, что наоборот, но это к делу не относится. А дело в том, что обе дочери лорда Уорта похищены.

— Боже милостивый!

После этих слов на другом конце линии воцарилось то, что вполне можно было бы назвать гробовой тишиной.

Румер насмешливо ухмыльнулся и прикрыл трубку рукой:

— Ты уже представляешь, как старый пройдоха хватается за кресло и таращит глаза на возникшее перед ним слово «повышение», написанное огромными буквами?

— Говорите, они похищены? — Голос Макгэррити вдруг приобрел легкую хрипотцу.

— Похищены. Захвачены. Взяты в заложники.

— Вы уверены?

— Куда уж уверенней! В их комнатах очевидные следы поспешного незапланированного отъезда. Десять членов прислуги связаны по рукам и ногам. Какой вывод из этого можно сделать?

— Похищение, — произнес Макгэррити так, будто сам до этого додумался.

— Вы можете выставить посты на всех дорогах из города? Паспорта они не взяли, значит за границу вылететь не смогут. Внутренними рейсами похитители тоже вряд ли воспользуются. Проверьте, не появлялись ли дочери лорда Уорта на вокзалах или железнодорожных станциях. Также советую запретить вылет любых летательных аппаратов с частных аэродромов и вертолетных площадок в южной части штата и взять их под охрану. То же самое касается морских портов, крупных и мелких.

— Да тут понадобятся сотни полицейских, — ошеломленно проговорил сбитый с толку Макгэррити.

В его тоне безошибочно угадывалось отчаянное нежелание заниматься всем этим. Митчелл вздохнул, прикрыл трубку ладонью и повернулся к Румеру:

— Старик явно не отдает себе отчета в произошедшем. Вот же болван!

Он убрал ладонь.

— Шеф Макгэррити, послушайте. По-моему, вы не совсем осознаете масштабов происшествия. Речь идет о дочерях лорда Уорта. Вам достаточно поднять трубку, и тысяча копов будут готовы выполнить любое ваше распоряжение. Если хотите,

можете и национальную гвардию поднять — не сомневаюсь, лорд Уорт компенсирует любые затраты. Господи, да такого не было со времен похищения ребенка Линдбергов![6]

— Ну да, ну да… — Нетрудно было представить, как Макгэррити облизывается. — Описание похитителей у вас есть?

— Боюсь, тут помочь нечем. У всех на головах были чулки. Все крупные, атлетически сложенные мужчины в черных костюмах. Главарь носил перчатки, что может говорить о криминальном прошлом, а может, и нет. Полагаю, описывать похищенных девушек не нужно?

— Леди Марину и леди Мелинду? — Макгэррити, будучи классическим снобом эпического размаха, внимательно следил за событиями в так называемом высшем обществе и за жизнью тех, кто купался в лучах славы. — Боже, что вы! Конечно не нужно. Ни у кого в стране нет стольких фотографий в журналах.

— Дело ни при каких обстоятельствах нельзя предавать огласке, по крайней мере на первых порах.

---

[6] Notes: 6

Речь идет о похищении сына знаменитого американского летчика Чарльза Линдберга в 1932 году. После уплаты выкупа ребенка так и не вернули. Впоследствии он был найден мертвым.

— Разумеется, разумеется.

Это дело становилось для Макгэррити роднее собственного ребенка, и он не собирался никому его отдавать.

— В первую очередь следует проинформировать лорда Уорта. Я направлю его к вам.

— То есть вы ему еще не сообщили? — Макгэррити не мог поверить в свою удачу.

— Нет.

— Скажите, чтобы не волновался. Я возьму расследование под свой личный всеобъемлющий контроль.

— Так и передам, шеф.

Румер скривился и зажмурил глаза.

— Теперь поговорим о местных стражах порядка, — бодро продолжил Макгэррити.

— Видимо, мне придется с ними связаться. Так себе перспектива. Они к нам предвзяты. Возможно, откажутся держать дело в тайне…

— В таком случае, — зловеще произнес Макгэррити, — просто соедините этого человека прямо со мной. Кому еще известно о похищении?

— Больше никому. Вы единственный представитель закона, кто может распорядиться о перекрытии дорог. Разумеется, мы первым делом обратились к вам.

— Вы поступили совершенно верно, мистер Митчелл. — Макгэррити произнес эти слова с теплотой и признательностью, ведь вскоре ему предстояли выборы, в которых его шансы изначально оценивались как шаткие, но раскрытие похищения почти гарантировало успех кампании. — Я запущу механизм. Держите меня в курсе дальнейших событий.

— Конечно, шеф.

Митчелл повесил трубку. Румер взглянул на него с восхищением:

— Да ты еще больший льстец и лицемер, чем Макгэррити.

— Я практиковался. Так или иначе, мы добились того, чего хотели. — Митчелл помрачнел. — Ты не думал, что наши птички уже улетели?

У Румера был такой же хмурый вид.

— Думал. Но давай действовать по порядку. Теперь звоним лорду Уорту?

Митчелл кивнул.

— Пожалуй, я это пропущу. Говорят, от негодования у старика прорезаются обширные познания в неаристократическом английском языке. Я лучше допрошу прислугу. Угощу их крепкими напитками, чтобы помочь им преодолеть тяготы сурового испытания и развязать языки, — думаю,

подойдет «Дом Периньон» из запасов лорда Уорта, — и попробую выведать что-нибудь важное. Впрочем, особо я на них не надеюсь. Разве что опишут внешний вид да голоса. Может, кто-то обратил внимание, трогали ли преступники что-нибудь, с чего получится снять отпечатки. Но от этого будет толк, если их отпечатки уже есть в базе.

— Пока что лучшая часть твоего плана — это выпивка. Попросишь Дженкинса принести сюда бокальчик… — Митчелл взглянул на Робертсона, — два бокальчика?

Румер обернулся в дверях:

— Знаешь, как в древности поступали с гонцами, приносившими дурные вести?

— Знаю. Им рубили головы.

— Он, вероятно, обвинит нас в беспечности и недальновидности — и будет прав, хотя сам виноват не меньше.

Румер вышел.

— Джим, соедините меня с лордом Уортом.

— Соединил бы, если бы знал, где он. Вечером он еще был дома.

— Он на «Морской ведьме».

Робертсон удивленно поднял бровь, затем опустил и молча наклонился над коммутационной

панелью. С «Морской ведьмы» ответили через пятнадцать секунд.

Митчелл взял трубку:

— Позовите лорда Уорта.

— Ждите.

Почти сразу раздался другой голос, хриплый и недружелюбный:

— Чего вам надо?

— Пожалуйста, позовите лорда Уорта.

— Откуда вы знаете, что он здесь?

— Откуда… да какая разница? Мне нужно с ним поговорить.

— Мистер, послушайте, моя обязанность — охранять покой лорда Уорта. В последнее время ему постоянно названивают всякие придурки. Откуда вы знаете, что он здесь?

— Он сам мне сказал.

— Когда?

— Вчера вечером. Около полуночи.

— Как вас зовут?

— Митчелл. Майкл Митчелл.

— Митчелл. — Тон Ларсена тут же изменился. — Что ж вы сразу не сказали?

— Не ожидал допроса а-ля гестапо. Вы, должно быть, коммандер Ларсен?

— Он самый.

— С вежливостью у вас неважно.

— Работа такая.

— Так вы позовете лорда Уорта?

— Его здесь нет.

— Он бы не стал меня обманывать. — Митчелл счел неразумным добавлять, что лично видел, как тот улетел.

— Он и не обманывал. Он был здесь, но уже несколько часов как вылетел в Вашингтон.

Такой ответ заставил Митчелла умолкнуть на несколько секунд и задуматься.

— Он оставил номер, по которому с ним можно связаться?

— Да. Зачем вам?

— Я же не спрашивал у вас, зачем он полетел в Вашингтон. Дело личное и крайне срочное. Из того, что лорд Уорт о вас рассказывал, а рассказывал он изрядно, у меня сложилось впечатление, что на моем месте вы повели бы себя точно так же. Дайте мне номер, и я перезвоню вам, как только получу добро от лорда Уорта.

— Обещаете?

Митчелл пообещал, и Ларсен дал ему номер.

Митчелл повесил трубку.

— Лорд Уорт покинул «Морскую ведьму» и летит в Вашингтон, — сказал он Робертсону.

— Да, на месте он редко сидит. Надо понимать, он взял свой «боинг»?

— Я не уточнил. Подумал, что это само собой разумеется. Сможете дозвониться?

— Когда он улетел с «Морской ведьмы»? — Выражение лица Робертсона не внушало уверенности.

— Не знаю. Надо было спросить. Ларсен сказал, что несколько часов назад.

Робертсон совсем пал духом:

— Тогда надежды мало, мистер Митчелл. Охват сигнала этой радиостанции — лишь несколько тысяч миль. «Боинг» лорда Уорта способен принимать сигналы из любого аэропорта и наоборот, но аппаратура на борту не предназначена для того, чтобы принимать вызовы с этой станции на большом расстоянии. Это весьма узкоспециализированная станция. Охват пятьсот миль, не больше. «Боинг» сейчас гораздо дальше.

— Плохие погодные условия?

— Крайне маловероятно, мистер Митчелл.

— Все равно попробуйте.

Робертсон пробовал целых пять минут, в течение которых стало очевидно, что лорда Уорта ждет еще несколько часов спокойствия, прежде чем его хватит удар от новостей. По прошествии

пяти минут Робертсон развел руками и посмотрел на Митчелла.

— Спасибо за попытку, Джим. — Митчелл передал Робертсону клочок бумаги с номером. — А до Вашингтона дозвонитесь?

— Это без проблем.

— Попробуйте через полчаса. Попросите позвать лорда Уорта, напирайте на срочность. Если не получится, перезванивайте каждые двадцать минут. У вас есть прямая связь с кабинетом?

— Да.

— Я подожду там. Нужно подготовиться к визиту стражей порядка.

Лорд Уорт, по-прежнему оставаясь в блаженном неведении о разрушении своего мира, крепко спал. Его «боинг» начал снижение с высоты тридцать три тысячи футов к аэропорту Даллеса.

Глава 5

Лорд Уорт со стаканом скотча в одной руке и контрабандной кубинской сигарой — в другой удобно устроился в мягком глубоком кресле уютного кабинета помощника госсекретаря. В таком положении следовало бы расслабиться и получать удовольствие, но на деле он был весьма напряжен и недоволен. С каждой минутой он все сильнее злился на окружающий мир в целом и четверых своих собеседников — в частности.

Этими четырьмя были: помощник госсекретаря Хауэлл, высокий тощий узколицый мужчина с очками в стальной оправе, которые придавали ему вид йельского профессора; его ассистент, невзрачный государственный служащий, чье имя лорд Уорт, как и положено, не запомнил; генерал-лейтенант Цвайкер, чье звание в полной мере отражало его внешний вид; и стенографистка средних лет, записывавшая разговор не от и до, а по настроению. Настроение это посещало ее крайне редко; многолетний опыт подсказывал ей, что слова, звучащие на разного рода конференциях и встречах на высоком уровне, в большинстве своем не стоят внимания.

— Я только что прилетел из Мексиканского залива и очень устал, — сказал лорд Уорт. — Здесь я пробыл уже двадцать пять минут и, очевидно, потратил это время впустую. Что ж, джентльмены, тратить его дальше я не намерен. Мое время не менее важно, чем ваше. Поправка: оно, черт побери, гораздо важнее. И раз уж вы объявили мне бойкот…

— Как вы можете говорить о бойкоте? Вы сидите в моем офисе в присутствии генерала Цвайкера. У большинства граждан нет и никогда не будет таких привилегий!

— Чем помпезнее наружность, тем серьезнее бойкот. Я не привык вести дела с мелкими сошками. Мне нужна самая верхушка, которой я пока не достиг, но непременно достигну. Холодная дипломатия вам не поможет; я не скандалист, но ради справедливости не остановлюсь ни перед чем. Со мной не выйдет спустить дело на тормозах. Мистер Хауэлл, я недавно предупреждал вас, что «Морской ведьме» угрожают другие страны, но вы либо не поверили мне, либо намеренно оставили это без внимания. Теперь я являюсь к вам с новыми доказательствами угрозы — к «Морской ведьме» в данный момент движутся три корабля, — но вы по-прежнему настаиваете

на бездействии. Хочу заметить: если вам до сих пор не доложили о передвижении этих трех кораблей, вам пора обновить кадровый состав службы разведки.

— Нам известно об их передвижении, — ответил генерал Цвайкер. — Но повода принимать меры мы не видим. Твердых доказательств у вас нет, только подозрения. Вы всерьез ожидаете, что мы поднимем по тревоге корабли и эскадрилью истребителей-бомбардировщиков на основании домыслов гражданского лица?

— Это если описывать ситуацию вкратце, — добавил Хауэлл. — Хочу напомнить вам, лорд Уорт, что вы даже не американский гражданин.

— «Даже не американский гражданин», — желчно, но тихо повторил лорд Уорт и обратился к стенографистке. — Надеюсь, вы это записали. — Когда Хауэлл попытался вставить слово, он остановил его взмахом руки. — Поздно, Хауэлл. Оправдываться за вашу оплошность — образцовую оплошность, я бы сказал, — поздно. Не американский гражданин? Хочу заметить, что за прошлый год я заплатил в казну больше налогов, чем все ваши ненаглядные нефтяные компании, вместе взятые, не говоря уже о том, что я поставляю в Соединенные Штаты нефть по са-

мой низкой цене. Если уровень компетентности Государственного департамента соответствует уровню управления страны в целом, остается лишь порадоваться, что я сохранил британский паспорт. Для американцев одни законы, для заморских варваров — другие. Такое вот беспристрастное правосудие. «Не американский гражданин». Сочный слоган для пресс-конференции, которую я собираюсь созвать, как только покину этот кабинет.

— Какая еще пресс-конференция? — Хауэлл заметно взволновался.

— А вот такая. — Тон лорда Уорта был мрачен, как и его лицо. — Если ваши люди не в состоянии меня защитить, клянусь Богом, я защищу себя сам.

Хауэлл переглянулся с генералом, затем снова посмотрел на лорда Уорта.

— Хочу вам напомнить, что наш с вами разговор строго конфиденциален, — произнес он как можно более официальным и угрожающим тоном.

— Всегда прискорбно видеть человека, упустившего свое истинное призвание. — Лорд Уорт смерил его холодным взглядом. — Хауэлл, вам бы клоуном в цирке выступать, а не в правительстве

сидеть. Конфиденциальность — это хорошо. Но почему вы напоминаете мне о том, о чем прежде не упоминали? «Конфиденциален». Если бы среди нас не присутствовала дама, я бы сказал вам начистоту все, что думаю об этом идиотском замечании. Потрясающе, что подобное заявление исходит от второго человека в правительственном департаменте с великолепным послужным списком по разглашению государственных секретов ушлым журналистам, несомненно, в соответствии с принципом «рука руку моет». Я не терплю лицемерия. Для прессы то, что Госдепартамент пытался меня заткнуть, станет еще одним лакомым куском. Очередная образцовая оплошность, Хауэлл.

Хауэлл молчал. Вид у него был такой, будто он вот-вот начнет заламывать руки от отчаяния.

— Я поставлю прессу в известность о нерешительности, упрямстве, бездействии, некомпетентности и откровенном трусливом малодушии Государственного департамента, который понесет всю ответственность за потерю стомиллионной нефтяной платформы, за утрату американским народом доступа к самой дешевой нефти, за самый масштабный разлив нефти в истории и, возможно — точнее, вероятно, — за начало

третьей мировой войны. Вдобавок к пресс-конференции я выкуплю время на телевидении и радио, подробно объясню ситуацию и особо отмечу, что вынужден пойти на крайние меры ввиду отказа и неспособности Госдепартамента меня защитить. — Лорд Уорт взял паузу. — Какие глупости я говорю! У меня ведь есть собственные телеканалы и радиостанции. Новость вызовет такую бурную реакцию, что три крупнейшие компании ухватятся за нее и предложат мне эфирное время бесплатно. Уже к сегодняшнему вечеру репутация Госдепартамента, а также конкретно ваша и вашего начальника будет если не очернена, то запятнана по всей стране. Джентльмены, я пребываю в отчаянном положении и готов на отчаянные меры.

Он дождался реакции собеседников. Их лица приобрели желаемое выражение. Хауэлл, его ассистент и генерал ясно понимали, что лорд Уорт не бросает слов на ветер. Им не хотелось даже думать об ужасающих последствиях. Но все молчали, поэтому лорд Уорт вновь повел разговор:

— Наконец, джентльмены, ваша робость обусловлена тем, что я якобы не имею доказательств дурных намерений моих недоброжелателей. Такие доказательства у меня есть, и они неопро-

вержимы. Я не стану предъявлять их, так как вижу, что ничего от вас не добьюсь. Мне нужен решительный человек, такой, как госсекретарь. Лучше бы вам привести его сюда.

– *Привести* госсекретаря? — Хауэлл явно оскорбился столь пренебрежительным отношением к фигуре начальника. — Госсекретаря нельзя «привести». О встрече с ним договариваются заранее, за несколько дней или даже недель. К тому же у него сейчас важное заседание.

Лорд Уорт оставался непреклонен:

— Приведите его. Встреча со мной важнее всего в его жизни. Если он не явится, то это заседание станет последним в его политической карьере. Я знаю, что до его кабинета рукой подать. Идите за ним.

— Я… я не думаю, что…

Лорд Уорт встал:

— Надеюсь, ваши ближайшие преемники — и ключевое слово здесь «ближайшие» — ради страны проявят больше здравого смысла и крепости духа, чем вы. Передайте человеку, который из-за вашей преступной халатности и трусливого неприятия фактов понесет главную ответственность за начало новой войны, чтобы он не забыл сегодня вечером включить теле-

визор. Я давал вам шанс, сколько мог, и ваша стенографистка это зафиксировала, но вы им не воспользовались. — Лорд Уорт почти печально покачал головой. — Никто так не слеп, как тот, кто не хочет видеть, особенно если у него перед носом горящий фитиль, протянутый к бочке с динамитом. Хорошего дня, джентльмены.

— Нет! Нет! — испуганно заверещал Хауэлл. — Сядьте! Прошу вас! Я посмотрю, что можно сделать!

Он выбежал из комнаты как ошпаренный.

Во время его весьма продолжительного отсутствия — целых тринадцать минут — разговор в кабинете не клеился.

— Вы ведь всерьез все это говорили? — спросил Цвайкер.

— А вы сомневаетесь, генерал?

— Уже нет. Собираетесь исполнить все ваши угрозы?

— Не «угрозы», а обещания.

После этого в комнате повисла неловкая тишина. Лорд Уорт был единственным, кого она никак не беспокоила. Он оставался — или казался — спокойным и расслабленным, что было настоящим подвигом, ведь он понимал, что приход или неприход секретаря означает его победу или

поражение.

И он победил. Вид госсекретаря Джона Белтона, входящего в кабинет в сопровождении взволнованного Хауэлла, совершенно не вязался с его репутацией крутого, проницательного и непримиримого переговорщика, способного в нужный момент проявить жесткость и решать вопросы без консультаций с коллегами по кабинету. Он выглядел как зажиточный фермер, источал тепло и радушие, ни на йоту не обманув лорда Уорта, который на тепле и радушии собаку съел. Да, это была не мелкая сошка вроде Хауэлла, а достойный оппонент. Лорд Уорт поднялся ему навстречу.

— Лорд Уорт! — Белтон горячо пожал ему руку. — Визит крупнейшего американского нефтяного магната, если позволите такую банальность, для нас редкая честь.

Лорд Уорт был вежлив и почтителен, но не чересчур.

— Хотелось бы мне навестить вас при более приятных обстоятельствах. Рад вас видеть, господин секретарь. Весьма любезно с вашей стороны уделить мне немного времени. Давайте условимся на пяти минутах. Больше мне не понадобится, обещаю.

— Можно и больше, — улыбнулся Белтон. — У вас репутация человека, который не разбрасывается словами. Я всецело разделяю это мнение.

— Благодарю вас. — Лорд Уорт покосился на Хауэлла. — Мы тут пробежали сорок ярдов за тринадцать минут[7]. — Он вновь перевел взгляд на госсекретаря. — Мистер Хауэлл посвятил вас… гм… в курс дела?

— Весьма подробно. Что вам от нас потребуется?

При этих словах Белтона лорд Уорт едва не просиял: вот человек, с которым приятно иметь дело. Белтон продолжил:

— Мы, разумеется, можем вызвать послов СССР и Венесуэлы, но это все равно что пытаться клинчевать с увертливыми боксерами. Они доложат о наших подозрениях и завуалированных угрозах своим правительствам, и только. Сделать ничего не смогут. Еще десять лет назад послы оставались значимыми фигурами, а теперь, пусть в этом и не их вина, они превратились в безликих пустышек, без которых прекрасно обходятся межгосударственные переговоры. Даже у их вторых шоферов,

---

[7] Notes: 7

Бег на 40 ярдов (36,6 м) — стандартный тест для оценки скорости игроков в американский футбол. Хорошим результатом считается время меньше 4,5 сек.

которые, как правило, являются обученными шпионами, больше влияния. Также мы можем обратиться напрямую к правительствам причастных стран. Но для этого нужно представить им доказательства. В ваших словах сомневаться не приходится, но их недостаточно. К ним следует присовокупить неопровержимые подтверждения злокозненных замыслов, назовем это так.

— У меня есть такие доказательства, — немедленно ответил лорд Уорт, — и я прямо сейчас могу вкратце их перечислить. Мне бы не хотелось называть отдельные имена, потому что это положит конец карьере одного моего друга, но, если придется, я буду готов сделать и это. От дальнейших действий департамента будет зависеть, останутся эти имена между нами или станут достоянием общественности. Если, получив в свое распоряжение необходимые улики, вы не гарантируете, что примете меры, я буду вынужден выступить публично. Это не шантаж. Я прижат к канатам и могу только отбиваться. Надеюсь, вы примете решение в мою пользу. Разумеется, я передам вам список людей, причастных к делу, но мне хотелось бы, чтобы департамент его не публиковал. Другими словами, я прошу вас соблюдать секретность, хотя и понимаю, что не

могу запретить вам спустить с поводка агентов ФБР, как только я сяду в вертолет.

— Горячее доброе сердце американского народа против неразборчивой болтовни Госдепартамента. — Белтон улыбнулся. — Волей-неволей становится понятно, почему вы миллионер… простите, миллиардер.

— В начале этой недели на одном из курортов западного побережья состоялась тайная встреча десяти человек. Все они занимают высокие посты в нефтяных компаниях. Среди них четыре американца из крупнейших корпораций Штатов, один представитель Гондураса, один венесуэлец, один нигериец, два шейха из стран Персидского залива и один русский. Этот русский — единственный, у кого нет личной заинтересованности на нефтяном рынке США, следовательно, можно предположить, что он присутствовал там, чтобы заварить кашу.

Лорд Уорт окинул взглядом пятерку собеседников. Было очевидно, что ему удалось заинтриговать их. Удовлетворившись реакцией, он продолжил:

— У этой встречи была одна-единственная цель: остановить меня, и остановить любой ценой А конкретно — прекратить трансфер нефти

с «Морской ведьмы», моей нефтяной платформы, так как мои цены значительно ниже прочих, что создавало другим компаниям всевозможные финансовые проблемы. Но если в нефтяном бизнесе и существуют какие-то правила или кодекс чести, мне о них неизвестно. Я уверен, что в этом следственные комиссии конгресса на сто процентов согласятся со мной. В связи с этим хочу заметить, что компания «Уорт-Хадсон» — таково ее официальное название — никогда не была под расследованием. Единственный способ навсегда остановить трансфер нефти с «Морской ведьмы» — это уничтожить ее. В ходе встречи эти люди вызвали профессионального специалиста по решению проблем, весьма опасного и хорошо знакомого мне человека. У него ко мне глубокая личная неприязнь, причины которой я объясню лишь тогда, когда заручусь вашими гарантиями. Также — по чистому совпадению, конечно, — он является одним из ведущих мировых экспертов в области взрывчатых веществ. После встречи этот «решатель проблем» подозвал представителей СССР и Венесуэлы и договорился о поддержке с моря. Ему ее пообещали. — Лорд Уорт без всякого энтузиазма обвел собравшихся взглядом. — Быть может, теперь вы мне поверите. Я также хочу

добавить, что этот человек настолько ненавидит меня, что, вероятно, согласился работать бесплатно. Тем не менее он потребовал — и получил — десять миллионов долларов на «текущие расходы». По-вашему, что можно купить на десять миллионов долларов, как не всевозможные средства разрушения?

— Возмутительно. Невероятно. — Госсекретарь покачал головой. — Разумеется, нет оснований сомневаться в этом. Вы превосходно информированы, лорд Уорт. Ваши секретные агенты могут тягаться с нашими.

— Мои лучше. У них выше зарплата. Нефтяной бизнес — джунгли, где выживает самый хитрый и изворотливый.

— Промышленным шпионажем занимаетесь?

— Безусловно, нет.

Возможно, лорд Уорт действительно в это верил.

— А этот ваш друг, карьера которого может оказаться…

— Да.

— Представьте мне все подробности, включая список участников той встречи. Пометьте крестиком имя вашего друга. Я прослежу, чтобы его не впутали и чтобы никто посторонний не получил

доступ к списку.

— Весьма осмотрительно с вашей стороны, господин секретарь.

— В ответ я проконсультируюсь с Министерством обороны и Пентагоном. — Белтон задумался. — Хотя в этом нет необходимости. Я лично гарантирую вам достаточную защиту с воздуха и моря от любых обычных или даже значительных опасностей.

Лорд Уорт в этом не сомневался. У Белтона была репутация человека слова. Более того, он справедливо считался незаменимой правой рукой президента. Белтон решал любые задачи. Но лорд Уорт решил не демонстрировать слишком заметного облегчения.

— Не могу подобрать слов, чтобы выразить свою глубочайшую благодарность. — Он покосился на стенографистку, затем на Хауэлла. — Если позволите, я хотел бы воспользоваться услугами дамы…

— Разумеется. — Стенографистка перевернула лист блокнота и застыла в ожидании.

— Место — озеро Тахо, Калифорния, — начал лорд Уорт. — Адрес…

Тут зазвонил телефон. Стенографистка виновато улыбнулась лорду Уорту и сняла трубку.

— Черт побери, — выругался Хауэлл, — я же дал строгие указания…

— Звонят лорду Уорту. — Стенографистка посмотрела на Белтона. — Некий мистер Митчелл из Флориды. Дело экстренной важности.

Секретарь кивнул; стенографистка встала и придвинула телефон к лорду Уорту.

— Майкл? Откуда вы узнали, где я?.. Да, я слушаю.

Он слушал, не перебивая. К изумлению всех присутствующих, его загорелые щеки вдруг побледнели, приобретя нездоровый желтушный оттенок. Белтон лично поднялся, налил бренди и подал полный стакан лорду Уорту. Тот не глядя принял его, осушил одним глотком и попросил добавки. Белтон забрал стакан и вновь наполнил до краев. Когда он вернулся, лорд Уорт взял стакан, но пить не стал. Вместо этого он передал трубку Белтону и прикрыл зажмуренные глаза левой ладонью.

— Государственный департамент, — произнес Белтон в трубку. — Кто говорит?

— Майкл Митчелл, — раздался в ответ тихий, но четкий голос Митчелла. — Из дома лорда Уорта. Я имею честь говорить… с господином Белтоном?

— Да. У лорда Уорта, кажется, сильный шок.

— Да, сэр. Обеих его дочерей похитили.

— Боже всемогущий! — Эта новость потрясла даже обычно невозмутимого Белтона. Никто прежде не видел, чтобы его что-либо так задевало. Возможно, сыграл свою роль фактор неожиданности. — Вы уверены?

— Хотелось бы ошибаться, сэр, но, черт побери, уверен.

— Вы вообще кто?

— Мы… то есть я и мой напарник Джон Румер — частные сыщики. Но в данный момент не при исполнении. Мы соседи и друзья лорда Уорта и его дочерей.

— В полицию обращались?

— Да.

— И как там отреагировали?

— Мы договорились перекрыть все воздушные и морские гавани.

— Описание преступников есть?

— Крайне скудное. Пять человек, хорошо вооруженных, в чулках на головах.

— Какова ваша оценка местной полиции?

— Низкая.

— Подниму ФБР.

— Спасибо, сэр. Но пока местонахождение преступников неизвестно, нет доказательств, что

они пересекли границу штата.

— К черту штаты и правила! Если я сказал, что подниму ФБР, значит подниму. Не вешайте трубку. Кажется, лорд Уорт хочет вам что-то сказать.

Лорд Уорт взял трубку у госсекретаря. Его щеки отчасти вернули прежний цвет.

— Я вылечу как можно скорее. В пределах четырех часов. Через полчаса после вылета позвоню с «боинга». Встретимся в аэропорту.

— Хорошо, сэр. Коммандер Ларсен спрашивает…

— Расскажите ему все. — Лорд Уорт положил трубку и глотнул бренди. — Хуже дурака только старый дурак, и только слепой не мог предвидеть столь очевидного. Это война, пусть и не объявленная, а на войне все средства хороши. Удивительно, что это произошло еще до того, как я представил вам неопровержимые доказательства своего незавидного положения. Это непростительно. Непростительно, что я оставил дочерей без охраны. Почему у меня не хватило ума попросить Митчелла и Румера охранять их?

Лорд Уорт посмотрел на опустевший стакан, и стенографистка тут же забрала его.

— Там ведь было пятеро вооруженных людей, — скептически заметил Белтон.

— Забыл, что вы не знакомы с этими ребятами, — угрюмо посмотрел на него лорд Уорт. — Митчелл разделался бы с бандитами в одиночку. Он — ходячая смерть.

— Значит, они ваши друзья и вы их уважаете. Не сочтите за оскорбление, лорд Уорт, но могут ли они быть причастны?

— Да вы спятили! — Лорд Уорт все так же угрюмо пригубил третий стакан бренди. — Простите, я не в себе. Разумеется, они с радостью похитили бы моих дочерей, а мои дочери с радостью позволили бы им это сделать.

— А, вот в чем дело?

Белтон очень удивился. По его опыту, дочери миллиардеров обычно не водились с представителями низших слоев общества.

— Да, дело в этом. Отвечая на возникшие у вас вопросы: да, я одобряю это, и нет, они плевать хотели на мои деньги. — Он озадаченно покачал головой. — Сам удивляюсь. И осмелюсь предсказать, что Марина и Мелинда вернутся ко мне не благодаря усилиям местной полиции или ваших ненаглядных федералов, а благодаря Митчеллу и Румеру. Не хочу чересчур приукрашивать, но они в прямом смысле готовы жизнь отдать за моих дочерей.

— А в процессе лишить жизни всех, кто встанет у них на пути?

Впервые после звонка Митчелла лорд Уорт улыбнулся, пусть и слабо:

— Позвольте воспользоваться Пятой поправкой[8].

— Я бы как-нибудь встретился с этими образчиками бескорыстности.

— Главное, чтобы при встрече не оказаться у Митчелла на мушке. — Лорд Уорт поднялся, оставив бренди недопитым. — Мне пора. Благодарю за доброту и участие, не говоря уже о выдержке.

Он вышел вместе с госсекретарем.

Когда дверь за ними закрылась, генерал Цвайкер встал и налил себе бренди.

— Что ж. Кому какое дело до похищения века, когда русские в любой момент могут начать пулять в нас чем попало? — Он глотнул бренди. — Не говорите мне, что я один вижу, какое адское варево замешал для всех нас лорд Уорт.

Очевидно, все трое слушателей прекрасно видели перед глазами тот же самый ведьмовской котел.

---

[8] Notes: 8

Пятая поправка к Конституции США — часть Билля о правах. Среди прочего гласит, что лицо, обвиняемое в совершении преступления, не должно принуждаться к свидетельствованию против себя.

— Отдадим ему должное, — сказал Хауэлл. — Лорд Уорт может быть прав, радуясь своему британскому паспорту. Кашу заварили наши соотечественники, непогрешимые американские нефтяные компании, готовые пожертвовать даже собственной страной в своем слепом желании во что бы то ни стало распять лорда Уорта.

— Какая разница, кто первый начал? — жалобно произнесла стенографистка. — Кто-нибудь знает, где по дешевке раздобыть противоядерный бункер?

Белтон проводил лорда Уорта вниз по лестнице до залитой солнцем лужайки, где дожидался вертолет.

— Вам знакомо чувство, когда не можешь найти слов, чтобы выразить кому-то сочувствие?

— Знакомо. Не пытайтесь. Но все равно спасибо вам.

— Если хотите, могу отправить с вами во Флориду своего личного врача.

— Еще раз спасибо. Мне уже лучше.

— Вы ведь, кажется, не обедали? — Разговорные маневры давались Белтону с трудом.

— Я не большой поклонник пластмассовой еды из пластмассовых контейнеров, поэтому у меня на борту прекрасный французский повар. — Лорд

Уорт вновь слабо улыбнулся. — А также две стюардессы, выбранные исключительно за красивые глаза. Не пропаду.

Они дошли до вертолета.

— У вас не было ни времени, ни возможности, ни намерения дать мне обещанный список имен. В данный момент это не важно. Я все равно гарантирую вам защиту.

Лорд Уорт молча пожал госсекретарю руку и поднялся по ступенькам на борт.

К тому времени Конде на «Скитальце» подошел к «Морской ведьме», и огромный кран начал переносить на платформу тяжелое вооружение и мины из луизианского арсенала. Работа продвигалась медленно и непросто, потому что стрела крана находилась на высоте двухсот футов над уровнем моря и расчетное время разгрузки составляло около трех часов. Противовоздушные зенитные орудия одно за другим опускались на платформу, Ларсен выбирал для каждого место и следил, чтобы Палермо с помощниками поставили зенитки как положено: для этого требовалось просверлить в бетонной платформе отверстия и с помощью кувалды прибить орудийный лафет стальными клиньями. Предполагалось, что у этих орудий нет отдачи, но Ларсен и Палермо не

хотели испытывать судьбу.

Глубоководные мины складывали в три кучки, каждая точно между вершинами треугольника, который представляла собой платформа. Ларсен понимал, что это рискованно. Шальная пуля — или не слишком шальная — могла легко заставить одну из мин сдетонировать, что неминуемо повлекло бы за собой цепную реакцию. Но это был осознанный риск: на платформе не нашлось другого места, где мины можно было бы сложить так, чтобы они мгновенно оказались под рукой. Если придет момент их использовать, сделать это нужно будет крайне быстро.

Рабочие следили за Палермо и его подручными с нейтрально-одобрительным выражением. Две группы людей не общались между собой. Ларсен считал, что братание ни к чему.

Работа спорилась. Установка оборонительных орудий шла хорошо. «Рождественская елка» (непонятно, за что так прозвали клапан, регулирующий поступление нефти из резервуара) была открыта, и нефть непрерывно перекачивалась в громадное хранилище, пока бур под предельно широким углом атаки врубался все глубже в нижний слой морского дна в поисках новых залежей. Все шло по плану; признаков неминуемого напа-

дения или подготовки к нему не наблюдалось ни в море, ни в небе, с «Торбельо» каждые полчаса приходили регулярные сообщения «по курсу, по графику», но Ларсен не спешил радоваться.

Отчасти его беспокоило то, что «Квестара» как бы и не существовало. Из Галвестона недавно сообщили, что в реестре морских судов, как и в списках береговой охраны, судно под таким именем не значится. Ларсен попросил изучить списки гражданских судов, но в ответ услышал, что это пустая затея. Понадобится слишком много времени, возможно, не один день, чтобы провести подробное расследование, так как официальные реестры, как и реестры крупных страховых компаний, учитывают лишь полностью застрахованные гражданские суда, а остальные ни в каких списках не значатся. Не было закона, требующего обязательного страхования частных судов, и, пока существовала такая вещь, как списание налогов, владельцы старых и ржавых посудин даже не помышляли о страховании.

Ларсен не знал, что его старания бессмысленны. Когда Мэлони принял командование «Квестаром», катер назывался «Хаммондом». Это название Мэлони благоразумно закрасил и заме-

нил на «Квестар» по пути в Галвестон. А с тех пор как Кронкайт заменил и это имя на «Джорджию», «Хаммонд» и «Квестар» перестали существовать.

Но что беспокоило Ларсена еще больше, так это его уверенность в том, что что-то идет не так. Он никак не мог понять, в чем конкретно проблема. Он был закоренелым прагматиком, но при этом полагался на чутье и интуицию. Время от времени он верил сильным предчувствиям, и эти предчувствия очень часто оправдывались. Поэтому, когда из громкоговорителя раздалось: «Коммандера Ларсена в радиорубку. Коммандера Ларсена в радиорубку», он мгновенно решил, что и это предчувствие оправдалось.

Он вразвалочку дошел до радиорубки — отчасти потому, что не пристало коммандеру Ларсену бегать как угорелому, отчасти потому, что не слишком хотелось выслушивать несомненно плохие известия. Сказав радисту, что примет вызов сам, Ларсен дождался, пока тот выйдет и закроет за собой дверь, и лишь тогда снял трубку.

— Коммандер Ларсен.

— Это Митчелл. Звоню, как обещал.

— Спасибо. Связались с лордом Уортом? Он тоже обещал звонить, но пока о нем ни слуху ни духу.

— Неудивительно. Его дочери похищены.

Ларсен ответил не сразу, но, судя по побелевшим костяшкам его пальцев, телефонной трубке грозило быть раздавленной. Обычно Ларсена заботила только собственная шкура, но о дочерях лорда Уорта он заботился, как добрый дядюшка. Впрочем, даже эти чувства уходили на второй план по сравнению с тем, каким образом похищение могло повлиять на судьбу «Морской ведьмы».

— Когда это случилось? — спросил он наконец ровным, контролируемым голосом.

— Утром. Исчезли бесследно. Мы перекрыли все дороги в южной части штата, но с момента похищения ни в одном морском или воздушном порту, ни на одной вертолетной площадке никто не видел никого подозрительного.

— Как в воздухе растворились?

— Вряд ли их увезли по воздуху. Скорее всего, они по-прежнему на твердой земле. Мы считаем, их спрятали где-то неподалеку, но пока это лишь догадки.

— Похитители не выходили на связь, не выдвигали требований?

— Нет. В этом-то и странность.

— Думаете, это похищение ради выкупа?

— Нет.

— Дело в «Морской ведьме»?

— Наверняка.

— Знаете, зачем лорд Уорт летал в Вашингтон?

— Нет, но хотел бы знать.

— Чтобы потребовать защиту флота. Сегодня утром из Гаваны вышли советский крейсер и кубинская подлодка, а из Венесуэлы — эсминец. Судя по курсу, они должны встретиться в районе «Морской ведьмы».

Наступило молчание, затем Митчелл спросил:

— Это точно?

— Да. Так что у лорда Уорта забот полон рот. Одно утешает: хуже вряд ли будет. Держите меня в курсе.

В радиорубке лорда Уорта Митчелл и Румер одновременно повесили трубки.

Митчелл позволил себе несколько непечатных выражений.

— Господи, я и подумать не мог, что его враги зайдут так далеко.

— Я тоже, — согласился Румер. — Даже сейчас не слишком-то верю в это.

— Думаешь, дядя Сэм не позволит зарубежным кораблям играть в войнушку на своем дворе?

— Вроде того. Да и Советы не станут рисковать прямым столкновением. Скорее всего, блефуют,

отвлекают внимание. А настоящая угроза исходит откуда-то еще.

— Все может быть. Например, двойной блеф. Одно точно: Ларсен прав, говоря, что у лорда Уорта забот полон рот. Я бы даже сказал, все уже не влезают.

— Похоже, — рассеянно ответил Румер, явно задумавшись о чем-то другом.

— Опять слушаешь свою интуицию? — спросил Митчелл.

— Пока не знаю. Ты сказал Ларсену про твердую землю. Твердая земля, сухая земля. А что, если они не на сухой земле? Что, если они на *нетвердой* земле?

Митчелл вежливо ждал, и Румер продолжил:

— Если ты хочешь спрятаться во Флориде так, чтобы тебя не нашли, куда отправишься?

Митчеллу даже не пришлось долго думать:

— Я же не дурак. На болота, куда же еще? Зови их хоть нетвердой, хоть шаткой землей.

— На болоте можно целый месяц укрываться от батальона солдат. Поэтому копы и не нашли микроавтобус. — (Макферсон и Дженкинс вдвоем смогли дать довольно точное описание автомобиля похитителей.) — Они проверяют федеральные и проселочные дороги, но даже не подумали про-

верить дороги на болотах.

— А мы?

— Мы же не дураки, как ты сам сказал. Там этих дорог десятки; большинство слишком короткие, и на машине проедешь не везде. Несколько полицейских расчетов смогли бы прочесать ближайшие болота за час.

— Позвоните шефу Макгэррити, — попросил Митчелл Робертсона.

В приоткрытую дверь постучали, и вошла одна из молодых горничных, Луиза.

— Я прибирала постель мисс Марины и нашла под одеялом вот это. — Она протянула какую-то карточку.

Митчелл взял карточку — простую визитку с именем и адресом Марины.

— С другой стороны, — подсказала Луиза.

Митчелл перевернул визитку, держа ее так, чтобы Румер тоже увидел. Там было написано несколько слов шариковой ручкой: «Каникулы. Солнечный островок. Купальник не нужен».

— Луиза, вам знаком почерк мисс Марины? — Митчелл внезапно осознал, что не знает, какой у нее почерк.

Девушка взглянула на карточку:

— Да, сэр. Это писала она.

— Спасибо, Луиза. Нам это пригодится.

Луиза улыбнулась и вышла.

— Что ж ты за сыщик такой? — спросил Митчелл Румера. — Даже не подумал спальни обыскать!

— Гм, могу лишь предположить, что она попросила похитителей выйти, пока переодевалась.

— Разве она не была слишком напугана, чтобы думать о таких вещах?

— Почерк достаточно ровный. К тому же она редко пугается. Только когда ей в лоб целятся из пистолета.

— Хотелось бы мне прицелиться в кого-нибудь другого. Солнечный островок, где нельзя купаться. Чересчур уверенный в себе похититель мог сболтнуть лишнего. Думаешь о том же, о чем и я?

Румер кивнул:

— Это «Морская ведьма».

На высоте тридцать три тысячи футов лорд Уорт только что закончил легкий, но вкусный обед в сопровождении превосходного бордоского вина, разлитого специально для него на винодельне Ротшильдов. К нему вернулось привычное спокойствие. Настроение стало почти философским. По его собственному мнению, он достиг своего

надира. Все плохое, что могло случиться, уже случилось. Он разделял мнение Ларсена, Митчелла и Румера о том, что судьбе уже нечем его ударить. Все четверо сильно ошибались. Худшее еще не случилось. Оно происходило прямо в тот момент.

Полковник Фаркерсон, подполковник Дюингс и майор Брекли являлись вовсе не теми, кем представлялись, хотя бы потому, что в армии США не числилось офицеров с такими именами. Но армия США велика, и никто, включая самых высокопоставленных военных, не знает поименно весь ее кадровый состав — разве что ближайших сослуживцев. Их лица тоже не были их настоящими лицами, хотя и сильно загримированными этих людей тоже было не назвать. Макияж накладывал голливудский гример, предпочитавший фальшивым бородам тонкие штрихи. Все трое были одеты в строгие, ладно скроенные деловые костюмы.

Фаркерсон предъявил свое удостоверение дежурному капралу:

— Полковник Фаркерсон к полковнику Прайсу.

— Боюсь, его нет на месте.

— Тогда к тому, кто за него.

— Есть, сэр.

Через минуту трое гостей уселись напротив молодого и тревожного капитана Мартина, который только что закончил весьма неохотно и небрежно рассматривать их удостоверения.

Фаркерсон сказал:

— Значит, полковника Прайса вызвали в Вашингтон. Могу догадаться почему.

Ему не нужно было гадать. Это его звонок от ложного имени стал причиной срочного отъезда Прайса.

— А что с его заместителем?

— Грипп, — словно оправдываясь, ответил Мартин.

— В это время года? Угораздило же его. Да еще сегодня. Вы, наверное, понимаете, почему мы здесь?

— Так точно, сэр. — Мартин выглядел не слишком довольным. — Проверка безопасности. Мне доложили о вторжениях в арсеналы во Флориде и Луизиане. Будьте уверены, у нас все в порядке.

Дюингс был тем, кто об этом «докладывал».

— Несомненно, — ответил Фаркерсон. — Я уже вижу, что не все в порядке.

— Сэр? — В голосе Мартина сквозило явное опасение.

— Необходимые меры безопасности не соблюда-

ются. Разве вы не знаете, что даже генеральскую форму вполне легально можно купить в магазине? Существуют специальные магазины для театров и киностудий. Если бы я нарядился в такую форму, вы бы пропустили меня не глядя?

— Скорее всего, сэр.

— А зря. Проследите, чтобы такого не повторилось. — Он взглянул на свое удостоверение на столе. — Подделать удостоверение тоже не проблема. Когда незнакомец приходит в строго охраняемое учреждение, всегда, повторяю, всегда проверяйте его личность в региональном командовании. И всегда разговаривайте только с командиром подразделения.

— Есть, сэр. Вы знаете, как его зовут? Я здесь новенький.

— Генерал-майор Харсуорт.

Мартин попросил дежурного капрала позвонить в командование.

— Региональное командование, — ответили после первого же гудка.

На самом деле отвечали вовсе не из командования. Человек на другом конце провода находился менее чем в полумиле от арсенала, у телеграфного столба. При нем был портативный передатчик, от которого к одной из телеграфных линий тянул-

ся изолированный медный провод с зубчатым зажимом.

— Арсенал Нетли-Роуэн, капитан Мартин, — представился Мартин. — Мне нужен генерал Харсуорт.

— Ждите. — Раздалась серия щелчков, затем последовала непродолжительная пауза, и тот же голос произнес: — На связи, капитан.

— Генерал Харсуорт? — спросил Мартин.

— Слушаю. — Мужчина у телеграфного столба понизил голос на октаву. — Что стряслось, капитан Мартин?

— Тут со мной полковник Фаркерсон. Настаивает, чтобы вы подтвердили мне его личность.

— Отчитал вас относительно правил безопасности? — сочувственно спросил «генерал».

— Боюсь, что так, сэр.

— У полковника бзик на безопасности. Подполковник Дюингс и майор Брекли с ним?

— Так точно, сэр.

— Что ж, это не конец вашей военной карьеры. Но вообще-то, Фаркерсон прав.

Фаркерсон лично сел за руль машины, пристыженный и послушный Мартин — рядом. Им предстояло путешествие в три мили. Арсенал — приземистое серое здание без окон, занимающее

почти пол-акра земли, — был окружен забором пятнадцати футов высотой из колючей проволоки под напряжением. Часовой с автоматом преградил им вход на территорию комплекса. Узнав капитана Мартина, он отступил и отдал честь. Фаркерсон подъехал к единственной двери и остановил машину. Все четверо вышли.

— Майор Брекли впервые в этом арсенале. Как насчет небольшой экскурсии, хотя бы словесной?

Фаркерсону самому нужна была экскурсия. Ему прежде вообще не случалось бывать в военных арсеналах.

— Есть, сэр. Это так называемый арсенал ТЯО — тактического ядерного оружия. Стены толщиной тридцать три дюйма, дверь из десятидюймовой вольфрамовой стали. И стены, и дверь способны выдержать удар, эквивалентный мощности четырнадцатидюймового бронебойного снаряда из корабельной артиллерийской установки. Вот эта стеклянная панель на самом деле камера, записывающая нас на пленку. А за этой решеткой — двухполосная система, записывающая наши голоса.

Он нажал на утопленную в бетон кнопку. Из-за решетки донесся голос:

— Будьте добры, представьтесь.

— Капитан Мартин и полковник Фаркерсон с проверкой безопасности.

— Пароль?

— Джеронимо.

Массивная дверь начала отъезжать в сторону, и изнутри донесся гул мощного электромотора. Чтобы открыться полностью, двери понадобилось десять секунд. Мартин провел инспекторов внутрь.

На входе капрал отдал им честь.

— Проверка безопасности, — сказал Мартин.

— Есть, сэр, — недовольно ответил капрал.

— Что-то беспокоит, солдат? — спросил его Фаркерсон.

— Нет, сэр.

— А зря.

— Что-то не так, сэр? — с уже привычной тревогой спросил Мартин.

— Вижу четыре нарушения.

Мартин опустил голову как можно ниже, чтобы Фаркерсон не увидел, как он нервно сглатывает. Даже одно нарушение грозило серьезными проблемами.

— Во-первых, ворота должны постоянно держаться запертыми, — начал перечислять Фар-

керсон. — Открывать их позволено только после звонка в штаб, по нажатию подтверждающей кнопки в вашем кабинете. Иначе что помешает злоумышленнику или злоумышленникам, вооруженным автоматами с глушителями, застрелить часового и проехать на территорию? Во-вторых, что помешает этим злоумышленникам пройти в открытую дверь и расстрелять нас всех? Дверь следовало закрыть немедленно после того, как мы вошли.

Капрал потянулся к кнопке, но Фаркерсон остановил его взмахом руки.

— В-третьих, у всех посетителей, кто не служит на этой базе, включая нас с вами, по прибытии необходимо снять отпечатки пальцев. Я распоряжусь, чтобы охрану проинструктировали на этот счет. В-четвертых, и это самое главное, покажите мне, как управляют дверью.

— Сюда, сэр. — Капрал подвел его к небольшому пульту. — Красная кнопка открывает, зеленая закрывает.

Фаркерсон нажал на зеленую кнопку. Массивная дверь медленно задвинулась.

— Неудовлетворительно. Совершенно неудовлетворительно. Дверь управляется только этими кнопками?

— Так точно, сэр. — Мартин тоже был весьма недоволен.

— Нужно будет и ее соединить с электронным замком в штабе, чтобы блокировать кнопки при отсутствии необходимого сигнала. — Фаркерсон перестал скрывать раздражение. — А я-то думал, что все это очевидно.

— Теперь очевидно, сэр, — слабо улыбнулся Мартин.

— Какой процент взрывчатых веществ, бомб и снарядов, хранящихся здесь, являются обычными?

— Приблизительно девяносто пять процентов, сэр.

— Тогда сперва покажите ядерное оружие.

— Есть, сэр.

Окончательно павший духом Мартин повел инспекторов за собой.

Хранилище ТЯО располагалось в отдельном, но не герметичном корпусе. С одной стороны на стеллажах лежали артиллерийские снаряды, с другой — грушевидные металлические контейнеры около тридцати дюймов высотой, с кнопками, циферблатами и большими рифлеными винтами сверху. За ними были сложены предметы, напоминающие странные чемоданы из стекло-

пластика, с двумя кожаными ручками каждый.

— Что это? — Брекли указал на грушевидные контейнеры. — Бомбы?

— Бомбы и мины. — Мартин с удовольствием отвлекся от раздумий на разговор. — Управляются весьма просто. Чтобы добраться до красных переключателей, нужно отвинтить вот эти прозрачные пластмассовые крышки. Затем переключатели поворачивают на девяносто градусов вправо. При этом они остаются на предохранителях. Затем их поворачивают на девяносто градусов влево. Тогда они готовы к детонации. Но сначала нужно выставить на часах время при помощи вот этого винта. Один полный оборот равняется одной минуте задержки, что отразится на циферблате. Как вы можете видеть, все измеряется в секундах. Максимальная задержка — тридцать минут, то есть тридцать оборотов.

— А для чего эта черная кнопка?

— Это самое важное. Как видите, тут нет крышки и не нужно ничего крутить. Это сделано на экстренный случай, если у вас времени в обрез. Нажатие этой кнопки останавливает отсчет времени и фактически обезвреживает бомбу.

— Какова область поражения?

— Весьма маленькая по сравнению со стандарт-

ной атомной бомбой. Зона полного разрушения имеет радиус четверть мили или даже чуть меньше. Зоны сильного разрушения, ожогового поражения и радиационного заражения, конечно, больше.

— Вы говорите, эти снаряды можно использовать и как бомбы, и как мины?

— Не совсем как мины. Мне следовало сказать — как взрывные устройства, приспособленные для наземного применения. Если сбрасывать их как бомбы, таймер обычно устанавливают на шесть секунд. При тактических боевых действиях их мечут сверхзвуковые самолеты с низкой высоты. До взрыва эти самолеты успевают уйти на две мили, поэтому взрывной волной не достанет. Что касается наземного применения… предположим, вы хотите проникнуть на склад боеприпасов. Выясняете, сколько времени это займет, рассчитываете, как долго будете выбираться из зоны поражения, и устанавливаете таймер на расчетное время. А ракеты…

— Мы увидели достаточно, — перебил его Фаркерсон. — Теперь, будьте добры, поднимите руки вверх.

Пять минут спустя, с крайне неохотной помощью Мартина, они спрятали две бомбы в

переносные сумки и благополучно погрузили в багажник машины. В процессе стала понятна необходимость двух ручек: каждая бомба весила по меньшей мере девяносто фунтов.

Фаркерсон вернулся, равнодушно взглянул на двух связанных солдат, нажал на кнопку и выскользнул за дверь, пока та закрывалась. Дождавшись, когда дверь полностью задвинется, он уселся на переднее пассажирское сиденье рядом с Мартином, которого теперь посадили на место водителя.

— Не забывай: одно резкое движение — и ты труп. Часового, разумеется, тоже придется пристрелить.

Мартин не совершил ни одного резкого движения. Примерно в миле от арсенала машина остановилась у чахлой рощицы. Мартина отвели в рощу, связали, заткнули рот кляпом и привязали к дереву на случай, если ему вдруг пришло бы в голову с боем рвануть к дороге.

— Да, безопасность у вас и в самом деле на низшем уровне. — Фаркерсон посмотрел на него свысока. — Через час позвоним в вашу штаб-квартиру и скажем, где тебя искать. Надеюсь, гремучие змеи тут не водятся.

Глава 6

— Шеф Макгэррити, — доложил Робертсон, отвлекаясь от пульта управления.

Митчелл снял трубку.

— Митчелл? Мы нашли микроавтобус похитителей рядом с болотом Вайани, — с ликованием сообщил Макгэррити. — Сейчас поеду туда с розыскными собаками. Встретимся на перекрестке Уолнат-Три.

— У Макгэррити все на мази, — положив трубку, сказал Митчелл Румеру. — Он нашел микроавтобус. То есть нашел кто-то из его людей, но обставят все так, будто это был лично Макгэррити.

— И в микроавтобусе, разумеется, пусто? Старый болван не понимает, что это не упрощает, а усложняет дело? По крайней мере, мы знали, какая у них машина. Теперь не знаем. Он не собирается взять с собой фоторепортера из газеты, с которым совершенно случайно столкнулся по пути?

— Упомянул только собак-ищеек.

— А что собаки будут нюхать?

Митчелл развел руками. Румер тоже. Через несколько минут появился Дженкинс.

— Дженкинс, вы не могли бы позвать Луизу?

Луиза мигом явилась.

— Нам понадобится какая-нибудь вещь — например, что-нибудь из одежды девушек.

— Не понимаю, — замялась Луиза.

— Нужно дать понюхать ищейкам, чтобы знали, кого искать.

— А, — сообразила горничная. — Тогда лучше всего подойдут ночные рубашки, — с ноткой неодобрения произнесла она, как будто девушки расхаживали в ночных рубашках целыми днями.

— Положите каждую в отдельный пластиковый пакет и постарайтесь особо не дотрагиваться до них.

На перекрестке Уолнат-Три их дожидались легковая полицейская машина и небольшой фургон. Макгэррити стоял у легковой. Этот бойкий коротышка источал дружелюбие и переставал улыбаться, лишь когда выступал против коррупции в высших эшелонах власти. Для начальника полиции он был крайне некомпетентен, но являлся непревзойденным — и коррумпированным — политиканом, благодаря чему и стал начальником полиции. Он пожал руки Митчеллу и Румеру с теплотой и искренностью готовящегося

к перевыборам кандидата, коим и являлся.

— Несказанно рад наконец познакомиться с вами лично, джентльмены. Слышал о вас много хорошего. — Похоже, он забыл, что совсем недавно заявлял, будто местная полиция от них натерпелась. — Спасибо за неоценимую помощь и за то, что приехали. Это Рон Стюарт из «Геральд». — Он указал в открытое окно машины, за которым сидел, обвешавшись фотокамерами, какой-то мужчина. — Случайно встретил его по пути.

Митчелл поперхнулся и закашлялся.

— Перекурил, — извинился он.

— Сам злоупотребляю. За рулем наш кинолог. Водитель фургона — его коллега. Будьте добры, следуйте за нами.

Через пять миль они достигли поворота — одного из многих — на болота Вайани. Густые кроны деревьев, нижние ветви которых почти задевали голову, плохо пропускали солнечный свет, из-за чего казалось, что на дворе зимний вечер. Резко повысилась влажность, в ноздрях защекотало от кисловатых болотных миазмов. Атмосфера была нездоровой — по крайней мере, так казалось поначалу, — но на болоте жили люди, испытывающие отвращение к тому, что принято называть

цивилизацией, и совершенно не страдали.

Дорога становилась все более изрытой и ухабистой, ехать дальше было почти невозможно. Но тут они преодолели слепой поворот и наткнулись на брошенный микроавтобус.

Первым делом, разумеется, приступили к фотосъемке, позаботившись о том, чтобы Макгэррити присутствовал в каждом кадре. Он позировал, по-хозяйски положив руку на капот. Закончив съемку, фотограф приспособил к камере фонарик и потянулся было к задней двери, но Румер довольно жестко перехватил его руку:

— А ну стойте!

— В чем дело?

— Первый раз снимаете криминальную хронику? Смажете отпечатки пальцев, вот в чем дело. — Румер посмотрел на Макгэррити. — Дактилоскописты скоро приедут?

— Должны. Они сейчас на другом деле. Дон, проверь, как у них дела, — скомандовал Макгэррити водителю, и тот схватился за рацию.

Очевидно, Макгэррити даже не пришло в голову сразу пригласить специалистов по отпечаткам пальцев.

Из фургона выпустили собак. Румер с Митчеллом открыли пластиковые пакеты и дали

собакам понюхать ночные рубашки.

— Что у вас тут? — спросил Макгэррити.

— Ночные рубашки похищенных девушек. Решили, что вам понадобятся их личные вещи, чтобы собакам было на что ориентироваться.

— Разумеется. Но ночные рубашки?!

Макгэррити был непревзойденным мастером заметать следы. Тем не менее стало понятно, что этот аспект поисков тоже был им упущен.

Собаки мигом взяли след. Натянув поводки до предела, они двинулись по изрытой тропинке — полноценная дорога в этом месте резко обрывалась. Через сто ярдов путь преградила вода. Водоем не являлся частью болота, это был медленный, извилистый, грязный ручеек шириной от силы в двадцать футов. Неподалеку был вкопан колышек для швартовки, на противоположном берегу виднелся такой же, а рядом с ним колыхалось древнее корявое плавательное средство, которое язык не поворачивался назвать лодкой. Внешне оно напоминало огромный гроб с квадратным обрубком на месте носа. Этот утлый челн, иначе не назовешь, был привязан к обоим колышкам длиннющим мотком каната.

Кинологи подтянули лодку и с оправданной осторожностью погрузились в нее вместе с со-

баками, которые продолжали вести себя весьма активно. Но стоило им очутиться на другом берегу, как оживление сошло на нет, и после нескольких бесцельных кругов собаки понуро улеглись на землю.

— Вот незадача, — раздался рядом незнакомый голос. — След-то, видать, остыл.

Четверо мужчин, оставшихся на ближнем берегу, повернулись на голос. Перед ними стоял какой-то чудак в новенькой панаме с клетчатой лентой, в блестящих кожаных сапогах с голенищами выше колен (вероятно, для защиты от змей) и в обносках, будто снятых с огородного пугала.

— Кого ловите? — спросил незнакомец.

— Разыскиваем, — осторожно поправил его Макгэррити.

— Законники, что ль?

— Начальник полиции Макгэррити.

— Заслуженный, вне всякого сомнения. Что же, шеф, вы тут воду в ступе толчете. На этой стороне след горячий, на той — холодный. Ваша добыча смылась где-то посередине.

— Вы их видели? — с подозрением спросил Макгэррити.

— Ха! Значит, их было больше одного, а? Нет, сэр. Я только сейчас подошел. Но если бы я пря-

тался от полиции, то поступил бы именно так. Давно известный трюк. Выходишь на середину речки, проходишь полмили, а то и целую милю, хоть по течению, хоть против. В этот ручей впадают десятки других. Можно свернуть в любой и зайти еще на милю в болото, даже не коснувшись твердой земли. Вы их будете до второго пришествия искать, шеф.

— Какова глубина этого ручья?

— Дюймов пятнадцать от силы.

— Тогда зачем лодка? В ваших сапогах можно пройти по воде и даже ног не промочить.

Незнакомец выглядел почти шокированным:

— Нет, сэр. Каждое утро у меня уходит час на то, чтобы почистить этих зверюг. — Видимо, он имел в виду свои сапоги. — Кроме того, здесь водятся мокасиновые змеи[9]. — Похоже, у него было стойкое отвращение к змеям. — А в сезон дождей вода поднимается вот досюда, — он дотронулся до груди. — Тут-то лодочка и пригождается.

Макгэррити позвал кинологов обратно.

— А может где-нибудь на болоте сесть вертолет? — спросил Митчелл незнакомца.

— Еще бы! Тут твердой земли больше, чем

---

[9] Notes: 9

Мокасиновая змея — устаревшее название водяного щитомордника, ядовитой змеи.

мягкой. Много полянок. Но вертолетов ни разу не видал.

Кинологи с собаками выгрузились из лодки. Оставив незнакомца стряхивать невидимую грязь с сапог, группа вернулась к микроавтобусу.

— Минутку, — попросил Митчелл. — Мне тут кое-что в голову пришло.

Он открыл пластиковые пакеты и снова дал собакам понюхать ночные рубашки. Затем прошел назад по колдобинам, мимо полицейских машин, и позвал кинологов за собой. Те послушались, несмотря на рьяные протесты собак.

Но примерно через двадцать ярдов собаки перестали сопротивляться. Они заскулили и натянули поводки. Следующие двадцать ярдов они буквально тащили кинологов за собой, затем остановились, навернули несколько кругов и разочарованно уселись на землю. Митчелл нагнулся и осмотрел дорогу. Подошли остальные члены группы.

— Что тут? — спросил Макгэррити.

— Вот что. — Митчелл указал на землю. — Была еще одна машина. Вот следы задних колес. Она разворачивалась. Похитители знали, что мы пустим по следу собак. Не нужно быть гением, чтобы догадаться. Поэтому они пронесли девушек

на руках примерно двадцать ярдов, чтобы нарушить след, а потом снова опустили их на землю.

— Блестящая догадка, мистер Митчелл, просто блестящая. — Вопреки своим словам, Макгэррити вовсе не выглядел довольным. — Значит, пташки упорхнули? А мы теперь понятия не имеем, на чем их увезли.

— Кто-то упорхнул, это точно, — сказал Румер. — Но возможно, лишь один или двое. Наверное, они отправились за вертолетом.

— За вертолетом? — Шеф Макгэррити едва держался на плаву даже на мелководье рассуждений.

— Возможно, это двойная ловушка, — с трудом скрывая раздражение глупостью начальника полиции, объяснил Митчелл. — Они могли проделать тот же трюк в обратном направлении и снова посадить девушек в микроавтобус. Может быть, они до сих пор где-то на болоте ждут вертолета. Тот старикан утверждал, что среди болот есть достаточно твердые полянки, где вертолет спокойно сядет.

Макгэррити понимающе кивнул и сделал вид, что глубоко задумался. Он чувствовал, что пора ему внести свой решающий вклад в дело.

— Болото отменяется. Без толку здесь слоняться.

Нужно проработать версию с вертолетом.

— И как нам ее проработать? — спросил Митчелл.

— Оставьте это мне.

— Мистер Макгэррити, это не слишком-то справедливо, — заметил Румер. — Мы всецело доверились вам. Разве мы не заслуживаем чего-нибудь взамен?

— Что ж… — Макгэррити снова сделал вид, что размышляет, испытывая тайное удовлетворение от того, что его о чем-то попросили, на что Румер и рассчитывал. — Если вертолет не прилетит, то им не на чем будет отсюда смыться, так?

— Совершенно верно, — самым серьезным тоном подтвердил Румер.

— Я расставлю снайперов с этой стороны болота. Сбить низко летящий вертолет — простейшая задача.

— Я бы на вашем месте не стал, — сказал Митчелл.

— И я тоже. — Румер покачал головой. — Убийство не поощряется законом.

— Убийство? — уставился на них Макгэррити. — Какое еще убийство?

— Самое обыкновенное, — ответил Митчелл. — Из винтовки или пулемета можно случайно

застрелить тех, кто в вертолете. Даже если получится просто его сбить, пассажиры с большой долей вероятности погибнут при падении. Пусть даже они преступники, но их следует судить по закону. А пилот почти наверняка окажется гражданским, выполняющим приказы бандитов под дулом пистолета. — (Об этом Макгэррити, конечно же, не подумал.) — Это не добавит нам популярности.

Макгэррити скривился. Одна мысль об утрате популярности перед грядущими выборами заставила его внутренне побледнеть.

— Тогда что нам делать, черт побери?

— Будь я проклят, если знаю, — прямо ответил Румер. — Можете поставить наблюдателей. Или пригнать свой вертолет, чтобы отправиться в погоню, когда за похитителями прилетят. Если прилетят. Мы можем только гадать.

— Но нам здесь точно делать нечего, — добавил Митчелл. — Мы и так пропустили несколько встреч. Будем на связи.

По дороге к шоссе Румер спросил:

— Как думаешь, может, из него хотя бы собаколов получится?

— За несколько месяцев бродячие собаки заполонят всю округу. Насколько ты веришь в план

с вертолетом?

— Довольно сильно. Если бы они просто хотели поменять машины, не стали бы выкидывать все эти фокусы. Припарковали бы микроавтобус в любом укромном местечке. Отправляясь на болото, они хотели создать впечатление, что собираются надолго там залечь, но не рассчитывали, что мы сообразим — точнее, что ты сообразишь — пройти назад по тропе.

— Мы почти уверены, что пункт их назначения — «Морская ведьма». Мы почти уверены, что они полетят туда на вертолете. Какой вертолет и какого пилота ты бы взял?

— Одолжил бы у лорда Уорта. Его пилоты, скорее всего, единственные, кто знает точные координаты «Морской ведьмы», и только вертолеты с эмблемой «Уорт-Хадсон» не вызовут подозрений у персонала платформы. — Румер потянулся к рации, настроил волну и связался с особняком лорда Уорта. — Джим?

— На посту, мистер Румер.

— Мы возвращаемся. Разыщите адресную книжку лорда Уорта. Наверное, она где-то рядом в радиорубке. Перепишите имена и адреса пилотов его вертолетов. У сторожа на площадке есть радио?

— Да.

— Тогда и его запишите.

— Будет сделано.

— Все еще думаешь, что не стоит делиться нашими подозрениями с Ларсеном? — спросил Румер.

— Совершенно точно не стоит, — уверенно заявил Митчелл. — «Морская ведьма» для него как дитя, и он способен перегнуть палку, защищая ее от незваных гостей. Потом попробуй объяснить лорду Уорту, почему его дочери попали под перекрестный обстрел.

— Я бы не стал и пытаться, — с чувством ответил Румер.

— Да ты и сам потом места себе не найдешь, если Мелинде прострелят легкое.

Румер оставил эту реплику без ответа.

— Что, если мы ошибаемся насчет пилотов его светлости?

— Тогда оставим дело гениальному сыщику Макгэррити.

— Значит, лучше бы нам не ошибиться.

Они не ошиблись. Но опоздали.

Джон Кэмпбелл был заядлым рыболовом и заядлым книгоманом. Он давным-давно научился совмещать обе страсти. Полный рыбы ручей бе-

жал всего в пяти шагах от его веранды. Кэмпбелл сидел в парусиновом шезлонге с зонтиком над головой и чередовал перелистывание страниц с потягиванием лески, когда перед ним появились Дюран и его подручный с чулками на головах и оружием в руках. Кэмпбелл вскочил, не выпуская книгу из рук.

— Вы кто такие? Чего вам надо?

— Тебя. Ты Кэмпбелл?

— Если и так, то что?

— Хотим, чтобы ты на нас поработал.

— Каким образом?

— Сгонял кое-куда на вертолете.

— Черта с два!

— Значит, ты точно Кэмпбелл. Пошли с нами.

Указывая пистолетами, бандиты заставили его встать между ними. Очутившись в прямой близости от пистолета Дюрана, Кэмпбелл рубанул бандита ребром ладони по запястью. Дюран крякнул от боли и выронил оружие, и через секунду они с Кэмпбеллом принялись бороться, лягаться и охаживать друг друга кулаками, полностью игнорируя спортивные правила. Они так крутились, что подручный Дюрана, подобравший пистолет, не имел возможности вмешаться из опасения случайно застрелить пилота. Но вскоре

возможность представилась. Неспортивным, но эффективным ударом колена Кэмпбелл заставил Дюрана согнуться в три погибели, однако, падая, бандит инстинктивно успел схватить пилота за рубашку. Это и стало причиной поражения Кэмпбелла. Его затылок буквально напрашивался на удар рукоятью пистолета. Вырубив пилота, подручный Дюрана оттащил его, позволив главарю подняться на ноги. Однако разогнуться у того никак не получалось. Дюран сорвал с себя чулок, чтобы подышать свежим воздухом. Как ни удивительно, Дюран оказался латиноамериканцем с бледно-кофейным лицом, густой волнистой шевелюрой и тонкими усиками. Если бы не гримаса боли, исказившая лицо, его можно было бы даже счесть привлекательным. Распрямляясь дюйм за дюймом, он наконец перевел дух и вслух высказал все, что хотел бы сделать с Кэмпбеллом.

— В другой раз, мистер Дюран, — успокоил его подручный. — С больничной койки вертолетом особенно не поуправляешь.

Дюран неохотно согласился.

— Надеюсь, ты не слишком сильно его тюкнул?

— Совсем легонько.

— Свяжи его, заклей рот и завяжи глаза.

Дюрану осталось примерно двадцать градусов до полного выпрямления. Его подручный сходил к машине и вскоре вернулся с мотком веревки, липкой лентой и повязкой. Через три минуты они уже были в пути; накрытый ковриком Кэмпбелл по-прежнему лежал без сознания на полу сзади. Там же, опустив ноги на коврик, удобно уселся Дюран — вести машину он был пока не готов. Теперь оба бандита сняли с себя чулки: даже в известной свободными нравами Флориде люди в чулочных масках привлекали излишнее внимание.

Митчелл бегло просмотрел список имен и адресов, составленный Робертсоном.

— Годится. Но что за пометки напротив пяти имен?

— Надеюсь, вы не рассердитесь, — виновато произнес Робертсон. — Не хочу, чтобы вы подумали, будто я лезу не в свое дело, но я позвонил этим джентльменам и попросил их никуда не уходить до вашего звонка. Я предположил, что вы собираетесь им звонить, раз вам понадобились адреса.

Митчелл посмотрел на Румера:

— Почему ты об этом не подумал?

Румер ответил ему холодным взглядом и сказал Робертсону:

— Пожалуй, мне стоит взять вас в напарники. Что вам удалось выяснить?

— Один пилот дежурит в аэропорту. Остальные четверо по домам. Тот, кого я не пометил, — мистер Джон Кэмпбелл — не ответил на звонок. Я спросил об этом другого пилота, и он очень удивился. Сказал, что по вечерам мистер Кэмпбелл обычно рыбачит с веранды. Он холостяк и живет на отшибе.

— Логично, — заключил Румер. — Одинокий холостяк. У похитителей все разведано. То, что он не ответил на звонок, само по себе ничего не означает — вдруг он ушел на прогулку, в магазин или к друзьям, — однако…

— Да. «Однако» — это самое главное. — Митчелл собрался уходить, но задержался и спросил Робертсона: — А у сторожа вертолетной площадки есть телефон, помимо радио?

— Я указал его в списке.

— Пожалуй, нам обоим стоит взять вас в напарники.

Митчелл и Румер осмотрели задний двор дома Кэмпбелла, не давая волю эмоциям. Шезлонг со сломанной ножкой лежал на боку. Зонтик валялся на траве, прикрывая раскрытую книгу. Удочка ушла в воду по рукоять и уплыла бы, не зацепись

леска за корни прибрежного куста. Румер достал удочку, пока Митчелл бегал в дом: задняя дверь, как и передняя, была распахнута настежь. Митчелл нашел телефон и позвонил.

— Вертолетная площадка лорда Уорта, — ответили после первого же гудка. — Горри на проводе.

— Меня зовут Митчелл. У вас есть полицейская охрана?

— Мистер Митчелл? Друг лорда Уорта?

— Он самый.

— Здесь сержант Ропер.

— И все? Передайте ему трубку.

После долгой паузы раздался голос Ропера:

— Майк? Рад снова тебя слышать.

— Сержант, послушай, дело важное. Я звоню из дома Джона Кэмпбелла, одного из пилотов лорда Уорта. Его увезли силой, вероятно, те же люди, что похитили дочерей лорда Уорта. Объяснять некогда, но я уверен, что похитители едут к вам с целью угнать вертолет и заставить Кэмпбелла пилотировать. Их не меньше двух, возможно, трое. Все вооружены и опасны. Немедленно вызывай подкрепление. Если захватим этих бандитов, то расколем их — по крайней мере, мы с Румером, у тебя-то руки связаны, — узнаем, где держат

девушек, и вызволим их.

— Сейчас же вызываю. А позже прикинусь, что ничего не видел.

Митчелл повесил трубку.

— Собираешься прибегнуть к пыткам ради информации? — спросил подошедший Румер.

— С удовольствием. А ты?

— Без удовольствия. Но подсоблю.

Догадки Митчелла и Румера снова оказались верны. Но они опять опоздали.

Митчелл приехал к вертолетной площадке лорда Уорта, не слишком обращая внимание на правила дорожного движения и других водителей, но, к своему огорчению, сразу понял, что спешка была ни к чему.

Их встретили пятеро: сторож Горри и четверо полицейских. Но встреча вышла безрадостной. Горри и сержант Ропер все еще растирали побывавшие в веревках запястья. Митчелл посмотрел на Ропера.

— Дайте угадаю, — устало произнес он. — На вас напали еще до того, как прибыло подкрепление.

— Точно. — Ропер был мрачнее тучи от злости. — Знаю, что оправдываться нелепо, но шансов на сопротивление у нас не было. Их машина тормознула вот здесь, прямо у сторожки.

Водитель был один. Он постоянно чихал и прикрывал лицо огромной салфеткой.

— Чтобы вы потом его не опознали? — заметил Румер.

— Вот именно. Короче говоря, пока мы отвлеклись на него, из открытого окна сзади приказали не двигаться. А у меня руки были далеко от пистолета. Мы и застыли. Потом мне сказали выбросить пистолет. Этот парень стоял в пяти футах за моей спиной. Ну я и выбросил. Мертвый герой — плохой герой. Потом он приказал нам повернуться. У него на голове был чулок. Подошел водитель и связал нам руки за спиной. Удалось заметить, что он тоже был в чулке.

— Потом вам связали ноги и связали вас вместе, чтобы не добрались до телефона?

— В точку. Но телефоны их не беспокоили; они их расколошматили перед вылетом.

— Улетели сразу?

— Нет, — ответил Горри. — Через пять минут. Перед вылетом пилоты обязаны передать по радио полетный план. Вероятно, похитители заставили Кэмпбелла это сделать, чтобы все выглядело законно.

— Не вижу в этом смысла. Можно подать какой угодно план, а потом его не соблюдать. Сколько

у них топлива?

— Вертолеты всегда заправлены под завязку. Это моя работа. Лорд Уорт так распорядился.

— Куда полетели похитители?

— Вон туда, — показал Горри, вытянув руку.

— Что ж, пташки упорхнули. Пожалуй, и нам пора.

— Вот так просто? — удивился Ропер.

— А что такого мы можем сделать, чего не может полиция?

— Для начала — вызвать авиацию.

— Зачем?

— Чтобы посадили вертолет.

— Почему-то многие убеждены, что летательные аппараты можно вот так взять и посадить, — вздохнул Митчелл. — Но что, если они откажутся приземляться?

— Тогда их собьют.

— Вместе с дочерьми лорда Уорта? Он вряд ли это оценит. А вы — тем более. Сколько копов потеряют работу — не перечесть.

— Дочери лорда Уорта?!

— Вот что делает с людьми работа в полиции, — вставил Румер. — Мозг совсем атрофировался. За кем, по-вашему, отправился вертолет?

Когда они отъехали от вертолетной площадки,

Румер вытянул руку:

— «Вон туда», — сказал сторож. «Вон туда» — это на северо-запад, в направлении болота Вайани.

— Они отправились бы туда, даже если бы вылетели на юго-восток. — Митчелл остановил машину у телефонной будки. — Как у тебя получается Макгэррити?

Румер был талантливым пародистом.

— С голосом справлюсь, а вот с мыслительным процессом… Ладно, кое-что попробую.

Он не сказал, что именно собирается пробовать, потому что в этом не было нужды. Пробыв в будке две минуты, он вернулся в машину:

— Кэмпбелл подал полетный план до «Морской ведьмы».

— Вопросы задавали?

— Нет. Я сказал им, что какой-то болван допустил ошибку. Любой, кто знаком с Макгэррити, легко поймет, кем был этот болван.

Митчелл завел мотор и тут же выключил, потому что сработала рация. Митчелл взял трубку.

— Это Джим. Звонил вам уже дважды, пятнадцать минут назад и пять.

— Понял. Оба раза нас не было в машине. Опять плохие новости?

— Если не считать лорда Уорта плохими

новостями, то нет. Его самолет садится через пятнадцать минут.

— Успеем.

— Он сказал, что поедет прямо домой.

— Послал за «роллсом»?

— Нет. Вероятно, хочет поговорить с вами с глазу на глаз. А потом, похоже, опять собирается уезжать. Приказал собрать ему дорожную сумку на неделю.

— Семь белых костюмов. — Митчелл положил трубку.

— Видимо, нам тоже придется паковать вещи, — заметил Румер.

Митчелл кивнул и снова завел мотор.

Расположившись на заднем сиденье их машины, лорд Уорт стал похож на самого себя. Он не источал привычного дружелюбия, но выглядел спокойным, вменяемым и в целом расслабленным. Он рассказал об успешной поездке в Вашингтон и получил заслуженные тактичные поздравления. Затем Румер доложил ему о том, что случилось в его отсутствие. Ответных поздравлений не последовало.

— Вы, разумеется, предупредили коммандера Ларсена о своих подозрениях?

— Это не подозрения, — ответил Митчелл. —

Это уверенность. И никаких «разумеется», и «нет», мы его не предупредили. Вся ответственность на мне.

— Берете правосудие в свои руки, да? Хотя бы поделитесь со мной, почему так поступили.

— Вы лучше других знаете Ларсена. Знаете, что он считает «Морскую ведьму» своим детищем. Мы помним ваши рассказы о его сердитом и буйном нраве. По-вашему, такой человек, будучи предупрежден, не приготовит похитителям горячий прием? Шальные пули, рикошеты целей не выбирают. Вы ведь не хотите, чтобы ваши дочери остались на всю жизнь инвалидами? Мы считаем, уж лучше пусть похитители без кровопролития займут плацдарм.

— Ладно, — неохотно произнес лорд Уорт. — Но с этого момента подробно докладывайте мне о ваших намерениях и решениях.

Румер не без удовольствия отметил, что лорд Уорт не выразил желания отказаться от их бесплатных услуг.

— И больше никакого самоуправства, ясно?

Митчелл остановил машину и заглушил мотор. Удовольствие Румера сменилось тревогой. Митчелл повернулся на сиденье и посмотрел на лорда Уорта холодным расчетливым взглядом:

— Кто бы говорил!

— На что вы намекаете, сэр? — В ледяном тоне лорда Уорта слышались отголоски всех пятнадцати поколений горцев-аристократов.

— На то, что кто-то прошлой ночью вломился в военный арсенал, — без тени смущения парировал Митчелл. — Если бы мы с Румером были добропорядочными гражданами и законопослушными сыщиками, нам следовало бы упечь вас за решетку. Такое не сойдет с рук даже миллиардеру, учитывая нападение на охранников и их пленение. Мы с Джоном видели все своими глазами.

Когда возникала такая необходимость, Митчелл мог немного и приврать.

— Вы были там? — Лорд Уорт на миг потерял дар речи, что случалось крайне редко, но быстро пришел в себя. — Но меня-то там не было.

— Знаем. Также нам известно, что это вы дали добро на грабеж. Точнее, приказали совершить его.

— Вздор. Если вы действительно все видели, почему не вмешались?

— Мы с Джоном рисковые ребята, но на девятерых автоматчиков вдвоем не полезем.

Лорду Уорту пришлось прикусить язык. Циф-

ры и факты сходились. Эти двое действительно были там.

— Допустим, в вашей болтовне есть доля правды. Но как бы вы прицепили к этому делу меня?

— Не говорите глупости. Мы побывали на вашей вертолетной площадке. Видели, как приехал грузовик. Видели, как девять человек погрузили на один вертолет достаточно большое количество более чем смертоносного оружия. Затем один человек отогнал грузовик — армейский, разумеется, — обратно к арсеналу, откуда тот был украден. Остальные восемь сели на другой вертолет. Затем приехал микроавтобус с дюжиной вооруженных до зубов молодчиков, и те присоединились к предыдущей восьмерке. Мы с Джоном узнали аж пятерых — двоих из них мы когда-то лично упекли за решетку.

Румер взглянул на друга с восхищением, но Митчелл этого не увидел. Он смотрел прямо на лорда Уорта, и его тон был отнюдь не благосклонным.

— Мы оба были шокированы, узнав, что нефтяной магнат якшается с преступниками. У вас лоб вспотел, лорд Уорт. С чего бы это?

Лорд Уорт отказался посвящать их в причины своей внезапной потливости.

— А следом, как положено, появились вы на своем «роллсе». Лучшие кадры, что мы смогли записать на нашу инфракрасную камеру.

Румер поперхнулся, но его необычный кашель не привлек внимания лорда Уорта — тот уже весь покрылся испариной. Румер ни на миг не усомнился в том, что лорд Уорт поверил Митчеллу: все, сказанное напарником, было правдой, пусть и чуть приукрашенной, поэтому у лорда Уорта не было причин сомневаться в существовании выдуманной инфракрасной камеры.

— Честно говоря, мы подумывали сообщить в ближайший военный штаб. Они прислали бы бронемашины и, возможно, даже танк, против которого у ваших разбойничков не было бы ни единого шанса. Мы также думали перекрыть дорогу вашему «роллсу» и задержать вас до прибытия армии, — очевидно, что вертолеты не улетели бы без вас. Будучи задержанными, ваши бандиты, особенно те, у кого за плечами уже есть отсидки, без зазрения совести дали бы против вас все необходимые показания. Воровская честь — выдумки.

Если лорд Уорт и возражал против причисления себя к ворам, то ничем это не выдал.

— Но, взвесив все «за» и «против», мы решили

так не поступать.

— Во имя всего святого, почему?

— Значит, вы признаетесь. — Митчелл тяжело вздохнул. — А сразу не могли? Зачем заставили меня все это сказать?

— Почему? — повторил лорд Уорт.

— Отчасти потому, что мы по-прежнему уважаем вас, хотя вы и признались в нарушении закона, — ответил Румер. — Но прежде всего потому, что не хотим, чтобы ваши дочери увидели отца за решеткой. Малоприятное зрелище, я вас уверяю. Оглядываясь назад, мы очень рады, что поступили так. По сравнению с похищением ваших дочерей ваши выходки за гранью закона — сущая мелочь.

— Надеюсь, подобных грешков больше не повторится, — сказал Митчелл, заводя мотор. — А также не будет глупых разговоров о том, следует нам брать правосудие в свои руки или не следует.

Лорд Уорт откинулся на спинку кресла в своем кабинете. Второй стакан бренди показался ему на вкус не хуже первого, — видимо, это был его день для бренди. Он не произнес ни слова за всю оставшуюся часть дороги до особняка, к счастью весьма короткую, поскольку лорду Уорту

настоятельно требовалось принять что-нибудь общеукрепляющее. Не в первый раз он поймал себя на том, что мысленно благословляет своих похищенных дочерей.

— Полагаю, вы все еще готовы отправиться со мной на платформу? — откашлявшись, спросил он.

Митчелл уставился в свой стакан:

— Не припомню, чтобы мы вслух высказывали свои намерения на этот счет. Но кто-то должен присматривать за вами и вашими дочерьми.

Лорд Уорт нахмурился, почувствовав, что в их взаимоотношениях произошла существенная перемена. Он решил, что для восстановления баланса нужно возобновить их прежний статус «работник — работодатель».

— Мне кажется, пора дать нашему взаимодействию официальную основу, — сказал он. — Предлагаю вот что: вы предоставляете мне услуги профессиональных сыщиков, то есть фактически я становлюсь вашим клиентом. Любые ваши финансовые запросы будут…

Еще не успев договорить, лорд Уорт понял, что допустил ошибку.

— Не все можно купить за деньги, — сдержанно ответил Румер. — Например, нас — нельзя. По

сути, вы предлагаете закрепить свое моральное превосходство на основании расхожего мнения: кто платит, тот и заказывает музыку. Мы не собираемся идти в кабалу и ограничивать свою свободу. Мы поняли, что вам все по карману, но к черту оплату. Сколько раз вам напоминать, что жизнь ваших дочерей не предмет для торга?

— Слушайте, слушайте, — подхватил Митчелл. — Я бы и сам не сумел выразить это лучше.

Лорд Уорт даже не нахмурился. Перемена в их взаимоотношениях, с грустью отметил он, оказалась гораздо серьезнее.

— Как пожелаете. Надо полагать, вам потребуется тщательная маскировка?

— Зачем? — удивился Митчелл.

Лорд Уорт потерял терпение:

— Вы сказали, что видели бывших заключенных, садящихся в вертолет. Если вы их узнали, разве они не узнают вас?

— Да мы их всех впервые видели!

— Но вы же сказали… — опешил лорд Уорт.

— Вы скормили нам столько лжи. А как насчет еще одной маленькой лжи во спасение? Давайте мы полетим с вами в качестве ваших… скажем, технических советников. Геологов или сейсмологов — без разницы, мы ни в том ни в другом

ничего не смыслим. Просто нарядимся в деловые костюмы, напялим панамы, очки в роговой оправе, чтобы выглядеть учеными, и чемоданы захватим. — Митчелл сделал паузу. — А еще нам понадобится врач с полной аптечкой и большим запасом бинтов.

— Врач?

— Чтобы извлекать пули и штопать пулевые раны. Или вы настолько наивны, что думаете, будто на «Морской ведьме» ни у кого не сдадут нервы?

— Я презираю любые формы насилия.

— Не сомневаюсь. Поэтому вы среди ночи отправили на «Морскую ведьму» двадцать тяжело вооруженных молодчиков? Допустим, вы действительно презираете насилие. Но есть те, кому оно нравится. Сможете найти врача?

— Да хоть десять. Для большинства местных врачей изучение рентгеновских снимков лишь подработка, а основная работа — изучение своих банковских счетов. Есть у меня один на примете. Гриншоу. Семь лет отработал во Вьетнаме. Лучше не найдете.

— Попросите, чтобы захватил пару лишних белых халатов, — сказал Румер.

— Зачем? — удивился Митчелл.

— Мы ведь хотим выглядеть учеными?

Лорд Уорт снял телефонную трубку, обо всем договорился, положил трубку и сказал:

— Извините, но теперь мне нужно сделать несколько личных звонков из радиорубки.

Единственным поводом для возвращения домой у лорда Уорта была необходимость звонка Корралу. Он собирался попросить того анонимно намекнуть Бенсону, устроителю встречи на озере Тахо, что правительство планирует уничтожать любые иностранные корабли, приближающиеся к «Морской ведьме». Это было преувеличением, но, по мнению лорда Уорта, вполне простительным. Несмотря на обещания госсекретаря, лорд Уорт больше полагался на себя.

— Кому из нас пойти с вами? — спросил Митчелл.

— О чем вы? Или вам непонятно слово «личный»? — Лорд Уорт потемнел от злости. — Я не ребенок, чтобы мне указывали в моем собственном доме! Я ответственный человек!

— То есть вчерашней ночью вы вели себя ответственно? Послушайте, лорд Уорт, если вам не хочется, чтобы кто-либо из нас находился рядом, значит вы хотите что-то от нас утаить. — Митчелл многозначительно посмотрел на него. — Мне это

не нравится. Либо вы замышляете нечто противозаконное, либо не доверяете нам.

— Это личный и крайне важный деловой звонок. Не вижу причин посвящать вас в подробности моего бизнеса.

— Согласен, — сказал Румер. — Вот только мы сомневаемся, что звонок деловой. Бизнес — последнее, о чем вы сейчас думаете.

Они с Митчеллом поднялись.

— Передавайте привет девушкам, если когда-нибудь их найдете.

— Это шантаж! Наглый шантаж!

Лорд Уорт быстро сопоставил важность звонка Корралу с важностью иметь при себе Митчелла и Румера. На решение ушло две секунды, и Коррал оказался даже не близко к финишной ленточке. Лорду Уорту было ясно, что сыщики блефуют, но указать им на это он не мог — существовал риск, что тогда они уйдут по-настоящему.

— Вынужден поддаться вашим угрозам, — с каменным лицом проговорил он. — Пакуйте чемоданы, я заеду за вами на «роллсе».

— Там паковать нечего, — ответил Митчелл. — Думаю, было бы гораздо вежливее, если бы мы подождали здесь, пока вы не будете готовы.

Лорд Уорт метнул в Митчелла испепеляющий

взгляд:

— Думаете, стоит вам отвернуться, и я тут же кинусь к телефону?

— Разве не поразительно, что всех нас троих одновременно посетила одна и та же мысль? — с улыбкой парировал Митчелл.

Глава 7

Коммандер Ларсен и Скоффилд с удивлением, но без особых опасений наблюдали за приближением вертолета «Уорт-Хадсон». Обычно лорд Уорт заранее предупреждал о своем прибытии, но случалось, что забывал. Так или иначе, это был его вертолет и прилетел он в ожидаемое время. Ларсен и Скоффилд зашагали по платформе и подошли к северо-восточной посадочной площадке ровно в тот момент, когда летательный аппарат коснулся ее.

Из вертолета почему-то никто не вышел. Ларсен со Скоффилдом обескураженно переглянулись, а когда дверь отъехала и в проеме появился Дюран с пистолетом-пулеметом в руках, то и вовсе растерялись. За Дюраном стоял вооруженный точно так же помощник. Из-за того, что они находились в тени, никто из дежурной бригады на платформе не мог их видеть.

— Ларсен и Скоффилд? — спросил Дюран. — Если вы при оружии, не пытайтесь его применить. Это будет весьма опрометчиво. — С вертолета спустили трап. — Лучше поднимитесь на борт.

Выбора у мужчин не было. Они поднялись.

— Ковенски, Риндлер, проверьте, вооружены ли они, — приказал Дюран, не сводя с них глаз.

У Ларсена и Скоффилда были автоматы, но оба с полнейшим безразличием позволили их забрать: все их внимание было приковано к дочерям лорда Уорта.

— Жаль, что мы встречаемся при подобных обстоятельствах, коммандер, — слабо улыбнулась Марина.

Ларсен кивнул:

— Вашим похитителям светит смертная казнь. — Он посмотрел на Кэмпбелла. — Ты зачем доставил сюда этих бандитов?

— Сложно не струсить, когда тебе всю дорогу тычут стволом в затылок, — ответил Кэмпбелл с вполне понятной злобой.

— Вас не обижали? — спросил Ларсен Мелинду.

— Нет.

— И не обидят, — заверил его Дюран. — Если, конечно, вы не откажетесь нам помочь.

— Что это значит?

— Закройте «рождественскую елку». Полностью перекройте поступление нефти с шельфа.

Мрачное, как у пирата, лицо Ларсена вспыхнуло от гнева.

— Черта с два!

Дюран понял, что этот человек будет крайне опасен, даже если ему отрубить руки. Он бросил взгляд на Риндлера, и тот ударил Ларсена прикладом под основание черепа. Удар был рассчитан так, чтобы не сразить Ларсена, а слегка оглушить. Когда в голове у Ларсена прояснилось, он обнаружил, что на запястьях и лодыжках у него надеты наручники. Затем его внимание привлекли блестящие медицинские кусачки из нержавеющей стали, какими хирурги обычно вскрывают грудные клетки. Кусачки находились в крепкой руке Дюрана, их устрашающие лезвия были готовы сомкнуться на правом мизинце Мелинды.

— Лорд Уорт вам этого не простит, Ларсен, — произнес Дюран.

Очевидно, Ларсен был того же мнения.

— Уберите к черту эти кусачки и снимите с меня браслеты. Закрою я вашу проклятую «елку».

— А я пойду с вами и прослежу, чтобы вы действительно ее закрыли. Не то чтобы я знал, как она устроена, но знаю, что существуют такие устройства, как датчики расхода. Возьму с собой рацию. У Аарона — вон он — есть такая же. Буду с ним на связи. Если со мной что-нибудь случится…

Дюран многозначительно посмотрел на медицинские кусачки и передал их Хефферу, пятому человеку в команде. Затем он приказал Кэмпбеллу завести руки назад, за спинку сиденья, и надел на него наручники.

— Ничего-то вы не упускаете, — кисло заметил Ларсен.

— Вам ли удивляться? Вы же знаете, что в наши дни кругом полно негодяев. Пойдемте.

Вдвоем они направились к буровой установке. Пройдя всего несколько шагов, Дюран остановился и восторженно огляделся вокруг:

— Ну и ну. Многофункциональные противовоздушные зенитки. Подводные мины. Вы как будто к осаде готовились. Мать честная, да тут преступление государственного масштаба! Даже если лорд Уорт завалит адвокатов деньгами, лет десять ему точно впаяют.

— Что вы несете?

— Нестандартное у вас тут оборудование. Готов поспорить, еще сутки назад его тут не было. Также готов поспорить, что оно находилось в арсенале морского флота в Миссисипи, который ограбили прошлой ночью. Правительство не жалует тех, кто крадет армейское имущество. Значит, у вас тут должны быть специалисты по

такому вооружению — простых работяг этому не учат. Интересно, нет ли у этих специалистов иного особого оружия — например, украденного вчера из флоридского арсенала. Сами понимаете, два вторжения в армейские арсеналы за одну ночь — многовато для простого совпадения. Вам, как соучастнику и члену организованной группы, двадцать лет без права на досрочное освобождение. А еще нас бандитами называют!

Ларсену было что сказать в ответ. Ни одна его реплика не прошла бы даже самую мягкую цензуру.

«Рождественскую елку» успешно перекрыли. Датчики давления показывали нули. Дюран переключил внимание на «Скиталец», упрямо курсирующий между платформой и громадным плавучим нефтехранилищем.

— Чем занимается этот наш приятель?

— Даже сухопутной крысе должно быть понятно. Патрулирует нефтепровод.

— На кой? Перерезанную трубу можно заменить за день. Зачем гонять его туда-сюда? Это сумасшествие.

— В делах с безумцами нужны безумные методы. Судя по тому, что мне известно, врагов лорда Уорта следует изолировать от общества ради их

же блага. Ради всеобщего блага.

— Головорезы Уорта на этом кораблике? Кто у них главный?

— Джузеппе Палермо.

— Мафиози! Значит, достопочтенный лорд не только промышляет разбоем, но еще и якшается с бандитами и закоренелыми уголовниками.

— То есть Палермо ваш знакомый?

— Да. — Дюран решил не уточнять, что они с Палермо совершили две совместные ходки в тюрьму. — Потолковать бы с ним.

Разговор вышел коротким и односторонним.

— У нас в заложниках дочери лорда Уорта. Вы работаете на него, поэтому мы знаем, что их безопасность в ваших интересах. Мы собираемся отвести их в каюты, но даже не пытайтесь с ними общаться. Мы не хотим лишиться главных козырей. Оставайтесь у себя в каютах. Высунетесь — сразу услышите крики, а потом мы набросаем вам в окна кусочки пальцев. Надеюсь, вы мне верите.

Палермо поверил. Он мог потягаться с Дюраном грозной репутацией, но не любовью к садизму. Дюран не просто привел бы свои угрозы в исполнение, он сделал бы это с огромным удовольствием.

Палермо вернулся в свою каюту в отсеке для азиатов. Дюран вызвал по рации Риндлера и приказал привести всех, включая пилота Кэмпбелла. Кэмпбелл был силен и находчив и, вероятно, мог сообразить, что, встав, он смог бы поднять свои скованные руки над спинкой сиденья, перешагнуть через них и снять наручники. Неизвестно, хватило бы ему топлива, чтобы вернуться на базу, но он мог бы полететь не во Флориду, а в ближайший населенный пункт в южных окрестностях Нового Орлеана.

Когда заключенные и охранники высадились из вертолета, Дюран спросил:

— Место для размещения есть?

— Сколько угодно. В азиатском отсеке остались свободные каюты. Еще есть личная каюта лорда Уорта.

— А карцер?

— Чего-о? У нас здесь не тюрьма!

— Кладовые есть? Чтобы запирались снаружи.

— Есть.

Дюран оценивающе посмотрел на командера:

— Что-то вы чересчур охотно сотрудничаете, Ларсен. Это противоречит вашей репутации.

— Вы и сами все это увидели бы, потратив пару

минут на то, чтобы прогуляться вокруг.

— Вам ведь хочется меня убить, Ларсен?

— Разумеется, когда придет время. Пока рановато.

— Даже если так, — Дюран достал пистолет, — не подходите ко мне ближе чем на десять шагов. Вдруг вам взбредет в голову наброситься на меня и крикнуть моим ребятам, чтобы отпустили девушек, иначе вы разорвете меня на куски. Звучит заманчиво, а?

Ларсен тоскливо посмотрел на него, но ничего не ответил.

Подошли девушки, пилот и четверо охранников.

— Пора подыскать вам подходящее жилье, — сказал Дюран и двинулся к ближайшей кладовой.

Открыв дверь, он увидел, что кладовая доверху набита консервными банками. Он втолкнул туда Кэмпбелла, запер дверь и спрятал ключ в карман. В следующей кладовой были сложены канаты, пахло сырой нефтью и повсюду активно бегали невыводимые тараканы.

— Сюда, — приказал Дюран девушкам.

С опаской заглянув внутрь, девушки сморщили носы.

— Мы не войдем в этот гадюшник, — заявила Марина.

— А это что, вы знаете? — почти ласково спросил Ковенски, показывая «кольт».

Такое же оружие Риндлер нацелил на Мелинду.

Девушки быстро переглянулись и одновременно, наверняка договорившись заранее, шагнули к своим надсмотрщикам, схватили правыми руками стволы пистолетов, положив пальцы на спусковые крючки, и прижали дула к себе.

— Я нажму на крючок быстрее, чем вы отдернете пистолет. Хотите проверить?

— Господи Иисусе! — Дюрана затрясло. Ему доводилось бывать в самых разных передрягах, но такого он даже представить не мог. — Хотите убить себя?

— Именно, — ответила Мелинда, не сводя глаз с Риндлера. — Вы хуже тех тараканов. Вы — паразиты, желающие уничтожить нашего отца. Если не станет нас, вам будет нечем торговаться.

— Да вы рехнулись! Спятили!

— Возможно, — ответила Марина. — Но для сумасшедших у нас неплохо с логикой. Можно только представить, что сделает отец, когда у него будут развязаны руки. Особенно если решит — а

все решат именно так, — что это вы нас убили. Разумеется, он не станет обращаться к правосудию. Вы не знаете, какой силой обладают несколько миллиардов долларов. Он сотрет в порошок и вас, и ваших подельников до последнего. — Она с презрением посмотрела на Ковенски. — Может, сами нажмете на крючок? Нет? Тогда бросьте пистолет.

Ковенски бросил свой пистолет, Риндлер последовал его примеру.

— Мы с сестрой прогуляемся, — заявила Мелинда. — Вернемся, когда будут готовы каюты, достойные дочерей лорда Уорта.

Лицо Дюрана стало мертвенно-бледным, голос охрип и задрожал, хотя он и попытался сохранить властный тон.

— Гуляйте, если хотите. Хеффер, присмотри за ними. Если попробуют что-нибудь выкинуть, стреляй по ногам.

Марина наклонилась, подняла «кольт» Ковенски, подошла к Хеффер у и ткнула дулом ему в левый глаз. Хеффер согнулся в три погибели.

— Давайте по-честному, — сказала Марина. — Вы стреляете мне в ногу, прямо сейчас, а я вышибаю вам мозги.

— Боже всемогущий! — почти взмолился Дю-

ран. Еще немного — и он начал бы заламывать руки. — Кто-то должен вас сопровождать. Если вы будете одни и в безопасности, люди Палермо покрошат нас в капусту.

— Прекрасная идея. — Марина отвела пистолет и с отвращением посмотрела на Хеффера, похожего на крысу человека неопределенного возраста и происхождения, глаз которого уже начал заплывать. — Ваши аргументы понятны. Но пусть это животное не подходит к нам ближе чем на десять ярдов. Ясно?

— Да-да, конечно.

Если бы сейчас они попросили у Дюрана луну с неба, он бы взлетел и принес ее. Продемонстрировав во всей красе наследие шестнадцати поколений шотландских аристократов, девушки направились к одной из сторон треугольника. Пройдя двадцать ярдов, обе одновременно затряслись от неконтролируемой дрожи. Не в силах унять ее, они молились, чтобы Хеффер ничего не заметил.

— Сможешь еще раз такое провернуть? — дрожащим голосом спросила Марина.

— Нет, ни за что. Лучше умереть.

— По-моему, мы были к этому близки. Думаешь, Майкл и Джон после такого тоже затряслись бы?

— Нет. Если в папиных намеках есть хотя бы доля правды, они бы уже планировали, что делать дальше. Дюран и его заносчивые дружки тоже бы не тряслись. Мертвецы не очень склонны трястись.

Марина задрожала еще сильнее.

— Господи, как бы мне хотелось, чтобы они сейчас оказались здесь!

Они остановились в десяти футах от края платформы. Обе девушки побаивались высоты. Они повернулись и посмотрели на северо-восток, откуда вдруг донесся отдаленный тихий рокот авиамотора.

Дюран и Ларсен тоже его услышали. Смеркалось, поэтому они ничего не видели, но оба понимали, что за вертолет к ним летит и кто у него на борту.

— У нас гости, — не без удовольствия заметил Дюран. — Не иначе сам лорд Уорт пожаловал. Где они сядут?

— На юго-восточной площадке.

Дюран посмотрел через платформу туда, где стояли две девушки, а менее чем в десяти ярдах от них маячил Хеффер, небрежно держа в правой руке пистолет. Удовлетворенный увиденным, Дюран взял свой пистолет-пулемет.

— Пойдем встретим его светлость, — скомандовал он. — Аарон, за мной.

— Вам остается только надеяться, что лорд Уорт окажется сговорчивее своих дочерей, — бросил Ларсен.

— Это почему же?

— Вы схватили за хвост пару тигриц, — с ехидной улыбкой ответил Ларсен.

Дюран скривился и двинулся прочь, Ларсен и Аарон, вооруженный так же, как Дюран, — следом. Они дошли до юго-восточной площадки в ту самую минуту, когда на нее приземлился вертолет «Уорт-Хадсон». Лорд Уорт вышел первым. Не сходя с трапа, он с изумлением окинул взглядом вооруженных людей.

— Что, во имя всего святого, здесь происходит? — обратился он к Ларсену.

— Добро пожаловать на «Морскую ведьму», лорд Уорт, — ответил Дюран. — Считайте меня хозяином, а себя — гостем. Почетным, разумеется. У нас тут произошла небольшая смена в управлении.

— Боюсь, что этот господин по фамилии Дюран, надо полагать, один из подручных Кронкайта… — начал было Ларсен.

— Кронкайт! — раздраженно выпалил Дю-

ран. — При чем здесь Кронкайт?

— У него дурной вкус, когда дело заходит о выборе подручных. — Когда лорд Уорт выплескивал свое ледяное презрение, то делал это из самой большой канистры. — По-вашему, мы настолько тупы, что не знаем, кто вам платит? Впрочем, мистеру Кронкайту недолго осталось на этом свете. Вам, кстати, тоже.

Дюран тревожно заерзал; лорд Уорт вел себя в той же манере, что и его дочери, и от этого становилось не по себе. Лорд Уорт снова обратился к Ларсену:

— Надо полагать, этот разбойник приехал с сообщниками. Сколько их у него?

— Четверо.

— Четверо! Но у Палермо больше двадцати, если считать вас! Как так вышло…

К Дюрану вернулось хладнокровие.

— У нас есть кое-что, чего нет у Ларсена, — с легким и в целом простительным высокомерием ответил он. — Ваши дочери.

У лорда Уорта отшибло дар речи.

— Господь всемогущий! — прохрипел он спустя какое-то время. — Мои дочери! Вы… это вы их похитили?

За один этот вопрос лорду Уорту можно было

вручать «Оскара».

— Военная удача, сэр. — Аристократический магнетизм лорда Уорта был столь силен, что даже отъявленные злодеи начинали обращаться к нему уважительно. — Не соизволят ли показаться другие пассажиры?

Из вертолета вышли Митчелл и Румер. В своих идеально сшитых коричневых костюмах из альпаки, очках в роговой оправе и неброских панамах они выглядели воплощением безобидности.

— Это Митчелл и Румер, ученые. Геологи и сейсмологи. — Лорд Уорт повернулся к ним и мрачно оповестил: — Эти люди держат в заложниках моих дочерей. Прямо здесь.

— Господи! — Митчелл выглядел искренне ошеломленным. — Но это же последнее место, куда…

— Вот именно, — перебил его Дюран. — Самое неожиданное место. Нужно всегда быть на шаг или два впереди соперника. Зачем вы здесь?

— Ищем новые месторождения нефти. У нас прекрасная лаборатория…

— Зря вы прилетели. Можно осмотреть ваши сумки?

— А я могу отказаться?

— Нет.

— Тогда прошу вас.

— Аарон!

Аарон быстро обыскал сумку Митчелла:

— Одежда. Несколько научных книжек и инструментов. Все.

Следом спустился доктор Гриншоу и принял у пилота несколько сумок и коробок.

— А это, черт побери, кто? — выругался Дюран, увидев врача.

— Доктор Гриншоу, — ответил лорд Уорт. — Весьма уважаемый врач-хирург. Мы опасались кровопролития на «Морской ведьме» и подготовились. На платформе есть амбулатория и небольшой лазарет.

— Это тоже напрасно. У нас все карты на руках, и никакого кровопролития не ожидается. Доктор, вы позволите осмотреть ваши инструменты?

— Как пожелаете. Я врач, и мое дело сохранять жизнь, а не нести смерть. Оружия у меня нет, это противоречит врачебной этике. — Гриншоу вздохнул. — Смотрите, но ничего не сломайте.

Дюран достал рацию:

— Пусть кто-нибудь из людей Палермо подъедет сюда на электропогрузчике. Тут целую гору багажа привезли. — Убрав рацию, он посмотрел на Митчелла. — А что это у вас руки дрожат?

— Я мирный человек, — ответил Митчелл и убрал руки за спину, чтобы скрыть дрожь.

Румер, единственный, кто распознал эти сигналы, облизнул губы и посмотрел на Митчелла с преувеличенным беспокойством.

— Еще один герой, — процедил Дюран. — Ненавижу трусов.

Митчелл вынул руки из-за спины. Они по-прежнему дрожали. Дюран сделал шаг вперед и замахнулся правой рукой, как будто хотел влепить Митчеллу пощечину, но, скорчив гримасу, опустил руку. И это было мудрейшим решением в его жизни. Разум Дюрана настолько привык к жестокости, что был неспособен принимать психические сигналы, иначе он бы услышал биение черных крыльев птицы смерти у себя над головой.

Единственным, кто получил удовольствие — мастерски скрытое — от этой сцены, был Ларсен. Ему не случалось встречаться с Митчеллом, они лишь разговаривали по телефону, однако лорд Уорт рассказывал о нем достаточно, чтобы понять: Митчелл не стал бы унижаться, а живо сделал бы из Дюрана фарш. Митчеллу потребовалось всего несколько секунд, чтобы войти в нужную роль — роль боязливого ничтожества,

на которое можно смело не обращать внимания. Ларсен, который и сам неплохо умел разбираться со своими врагами, почувствовал себя гораздо спокойнее.

— Можно мне увидеть дочерей? — спросил лорд Уорт.

Дюран подумал, затем кивнул:

— Аарон, обыщи его.

Аарон обыскал, старательно пряча глаза от взгляда василиска, которым его сверлил лорд Уорт.

— Все чисто, мистер Дюран.

— Туда. — Дюран указал в сгущающиеся сумерки. — Они на краю платформы.

Лорд Уорт ушел, ничего не ответив. Остальные направились к каютам.

Когда лорд Уорт приблизился к дочерям, дорогу ему преградил Хеффер:

— Мистер, куда это вы собрались?

— Для вас я лорд Уорт.

Хеффер вызвал шефа по рации:

— Мистер Дюран, тут какой-то мужик…

— Это лорд Уорт, — раздался сквозь помехи голос Дюрана. — Он обыскан и получил разрешение поговорить с дочерьми.

Лорд Уорт выхватил рацию у Хеффера:

— Будьте добры, скажите этому типу, чтобы не подслушивал!

— Хеффер, вы его слышали.

Связь прервалась.

Воссоединение отца и дочерей вышло бурным и слезливым, по крайней мере со стороны девушек. Лорд Уорт вел себя как образцовый отец, вновь увидевший похищенных детей, но держал эмоции в узде. Марина первой обратила на это внимание.

— Папа, разве ты не рад нас видеть?

— Вы моя жизнь, — просто ответил лорд Уорт, обнимая их. — Если вы до сих пор этого не поняли, то и не поймете.

— Раньше ты этого не говорил.

Даже в сумерках можно было разглядеть блеск слез в глазах Мелинды.

— Не думал, что это необходимо. Считал, что вы и так знаете. Возможно, я небрежный родитель, а может, это все горская кровь. Но все мои миллиарды не стоят ни темного волоска с твоей головы, Марина, ни рыжего с твоей, Мелинда.

— Не рыжего, папа, а тициановского. Сколько раз мне тебя поправлять? — почти прорыдала Мелинда.

Марина, которая всегда была проницательнее

и наблюдательнее сестры, догадалась первой:

— Папа, ты не удивлен, потому что ожидал увидеть нас здесь?

— Само собой.

— Откуда ты узнал?

— Мои агенты, — высокопарно произнес лорд Уорт, — рассыпаны повсюду.

— И что теперь будет?

— Будь я проклят, если знаю, — честно ответил лорд Уорт.

— Мы видели, что из вертолета вышли еще трое, но никого не узнали в темноте.

— Один — доктор Гриншоу. Превосходный хирург.

— Зачем тебе хирург? — удивилась Мелинда.

— Что за странный вопрос? Зачем обычно нужны хирурги? Думаете, я просто возьму и отдам им «Морскую ведьму» на блюдечке с голубой каемочкой?

— А кто другие двое?

— Вы их не знаете. Никогда о них не слышали. Если встретитесь с ними, то не подадите вида, что знакомы или встречались с ними прежде.

— Майкл и Джон, — поняла Марина.

— Да. Запомните: вы их не знаете.

— Запомним, — почти в унисон ответили де-

вушки, переменившись в лице.

— Но почему они прилетели? Им здесь грозит серьезная опасность, — заметила Марина.

— Полагаю, им хочется забрать вас домой.

— И как они это сделают?

— Не имею представления, — снова честно ответил лорд Уорт. — Если они знают, как это сделать, то держат меня в неведении. Они вообще помыкают мной как хотят. Вцепились в меня, словно ястребы, даже к чертову телефону не подпускают!

Девушки сдержали улыбки — в первую очередь потому, что лорд Уорт выглядел не слишком обеспокоенным.

— Особенно Митчелл. У него такой скверный нрав, — с удовольствием отметил лорд Уорт. — Еще бы чуть-чуть — и он приложил бы этого Дюрана. Приложил бы, если бы вы не были в заложниках. Ладно, идемте ко мне в каюту. Я успел слетать в Вашингтон и обратно. Долгий день выдался. Нужно отдохнуть.

Дюран пошел в радиорубку, сказал радисту, что его услуги не понадобятся до особого распоряжения, и приказал возвращаться в каюту и оставаться там. Радист ушел. Дюран, бывший опытным специалистом по радиотехнике, через

минуту вызвал «Джорджию», а еще через полминуты уже разговаривал с Кронкайтом.

— На «Морской ведьме» все под контролем, — доложил он. — Обе девушки и сам лорд Уорт здесь.

— Отлично! — Кронкайт не скрывал удовлетворения. Все шло по его плану, как он, впрочем, и ожидал. — Лорд Уорт привез кого-нибудь с собой?

— Троих, не считая пилота. Врача, точнее, хирурга. Судя по всему, настоящего, — похоже, лорд Уорт ожидал кровопролития. Сейчас проверю его по базе Флориды. Остальные двое — инженеры, сейсмологи или что-то в этом роде. Настоящие, безобидные. У них от одного вида пистолета-пулемета едва припадок не случился. Все безоружны.

— Значит, беспокоиться не о чем?

— В их отношении не о чем. Но три причины для беспокойства у меня есть. Лорд Уорт расквартировал на платформе отряд примерно из двадцати человек. Они похожи на тренированных убийц, и я почти уверен, что все они бывшие военные. Скорее всего, так и есть, потому что — и это вторая причина для беспокойства — у лорда Уорта здесь стоит восемь зенитных орудий двойного назначения, закрепленных на платформе.

— Ни хрена себе!

— Боюсь, это правда. Лорд Уорт также привез целую гору подводных мин, лежат по краям платформы. Теперь понятно, кто прошлой ночью вломился в морской арсенал в Миссисипи. Третья причина для беспокойства: нас тут маловато. У меня всего четыре помощника, за всеми толком не уследишь. Да и поспать хоть чуть-чуть не помешает. Нужно подкрепление, и как можно скорее.

— Завтра на рассвете прилетят двадцать с лишним человек. Это время смены буровой бригады. Главным будет Грегсон — узнаете его по здоровенной рыжей бороде.

— Слишком долго. Подкрепление нужно сейчас. У вас на «Джорджии» есть вертолет.

— А что еще, по-вашему, у меня есть? Лишняя армия? — Кронкайт немного помолчал, затем неохотно добавил: — Ладно, пришлю восьмерых, но не больше.

— У них тут есть радар.

— Не удивлен. И что с того? У вас же все под контролем.

— Да, мистер Кронкайт. Но позвольте процитировать ваше же правило: не полагайтесь на удачу.

— Когда с вертолета просигналят, что вылетели, нейтрализуйте радар.

— Уничтожить кабину радара?

— Не надо. Когда полностью захватим платформу, он нам пригодится. Сканер, должно быть, наверху буровой вышки, верно?

— Верно.

— Можно запросто заставить его прекратить вращение. Нужен лишь гаечный ключ и человек, который не боится высоты. Теперь расскажите, где конкретно сидят крутые ребята лорда Уорта. Эти сведения понадобятся Грегсону.

Дюран сообщил все, что нужно, и повесил трубку.

Лазарет и лаборатория находились по соседству. Митчелл и Румер помогали доктору Гриншоу распаковывать запасы медицинских инструментов. Разумеется, их не оставили без присмотра, но Аарон со своим «шмайссером» стоял на страже у двух наружных дверей. Аарона нельзя было обвинить в излишней бдительности. По правде говоря, он считал свое задание практически бессмысленным. Он присутствовал при встрече этой троицы с вертолета, и у него сложилось о них такое же мнение, как и у шефа.

В лазарете доктор Гриншоу перевернул один

из своих чемоданчиков и снял фальшивое дно. Осторожно, явно нервничая, он достал две поясные кобуры, два «смит-вессона» 38-го калибра, пару глушителей и запасные патроны. Митчелл и Румер молча экипировались. Доктор Гриншоу, оказавшийся глубоко набожным человеком, сказал:

— Надеюсь, никто не увидит, что вы носите эти пистолеты.

— Доктор, мы ценим вашу заботу, но не стоит за нас волноваться.

— Я волнуюсь не за вас, — с самым мрачным видом произнес доктор Гриншоу. — Истинный христианин молится даже за души безбожников.

Далеко от Мексиканского залива, на озере Тахо, снова собрались десять человек. На предыдущей встрече у всех было приподнятое настроение, они были полны надежд, целеустремленны и уверены, что все пойдет по плану и не приведет к третьей мировой войне. Этим вечером ветер, если можно так выразиться, дул в обратном направлении. Все были подавлены, нерешительны, неуверенны и сильно переживали из-за того, что их гуманистические побуждения и попытки предотвратить войну произвели, как казалось, абсолютно противоположный эффект.

Ведущим снова был Бенсон, хозяин дома. Но на этот раз он взял на себя и функции начальника.

— Джентльмены, — начал он, — мы серьезно влипли. Увязли так, что можем потонуть все вместе. Об этом свидетельствуют два факта: мы недооценили могущество лорда Уорта и переоценили способность Кронкайта провернуть дело без лишнего шума и пыли. Признаю, я виноват, что представил вам Кронкайта, но, с другой стороны, вы все единогласно решили, что, кроме него, никто не справится с этой работой. К тому же никто из нас не подозревал, что Кронкайт испытывает к лорду Уорту не простую неприязнь, а патологическую остервенелую ненависть. У меня есть друзья в Пентагоне, не слишком высокопоставленные, но достаточно важные. Обычно секретные данные утекают из Пентагона, как из решета, что справедливо и для других государственных ведомств. На этот раз мне пришлось заплатить двадцать тысяч долларов стенографистке и шифровальщику — более чем достаточный гонорар за несколько часов работы низкооплачиваемых служащих. Во-первых, о нашей прошлой встрече там известно все, включая имена, слова и мнения каждого из участников.

Бенсон остановился и окинул взглядом гостей,

отчасти для того, чтобы позволить им уложить в голове этот огромный пласт информации, а отчасти для того, чтобы получить признание за свои труды.

— Я полагал, наша встреча здесь была на сто процентов конфиденциальной, — произнес мистер А., лидер одной из могущественных стран Персидского залива. — Кто мог о ней узнать?

— Это не дело рук внешних служб. У меня хорошие связи в калифорнийской разведке, мы им совершенно не интересны. ФБР тоже ни при чем. Чтобы привлечь их внимание, нам нужно совершить серьезное преступление и покинуть границы штата. Ничего такого мы не делали. Кроме того, перед той встречей я приглашал эксперта по электронике, чтобы проверить весь дом на прослушивающие устройства. Он ничего не нашел.

— А если он и подложил жучок? — предположил мистер А.

— Исключено. Даже если не принимать во внимание, что он мой старый проверенный друг, я все время находился рядом. Несмотря на это, я пригласил другого эксперта, и он тоже ничего не обнаружил.

— Значит, нам не следует сомневаться в

предпринятых вами мерах предосторожности, — сказал венесуэлец Патиньос. — Остается единственный вариант. Среди нас предатель.

— Да.

— Кто?

— Без понятия. Скорее всего, мы никогда этого не узнаем.

— Кажется, мистер Коррал живет недалеко от лорда Уорта? — произнес мистер А., поглаживая бороду.

— Ну спасибо, удружили, — вскинулся Коррал.

— Вы же умный человек, — добавил Бенсон. — Это было бы слишком просто.

— На прошлой встрече вы сказали, что я единственный, кто приглашен сюда без веских оснований, — спокойно произнес Боросов. — Может, это я предатель?

— Аргумент веский, но для меня неприемлемый. Может, вы и хотите подложить Америке свинью, но это не важно. Здесь опять вступает в игру разведка. — Бенсон был обезоруживающе прямолинеен. — Возможно, даже вероятно, вы действительно советский шпион. Но хорошие шпионы не занимаются провокациями, по крайней мере, не дают себя в них уличить. Это не похвала вашим высоким интеллектуальным

способностям, это банальный здравый смысл.

Бенсон вновь оглядел компанию, приняв степенный и авторитетный вид.

— Все, о чем мы здесь разговариваем, наверняка передается либо лорду Уорту, либо напрямую в Госдепартамент. Это уже не важно. Сегодня мы здесь для того, чтобы исправить ошибки, за которые, пусть и невольно, несем ответственность. Нам известно, что к «Морской ведьме» вот-вот подойдут советский ракетный крейсер и кубинская подлодка советского производства. Нам также известно, что туда идет и венесуэльский эсминец. Но вы не знаете, что контрмеры уже приняты. По информации из весьма надежного источника, сегодня в Вашингтоне лорд Уорт встречался с глазу на глаз с госсекретарем Белтоном. Также известно, что Белтон лишь отчасти согласился с подозрениями лорда Уорта. Однако он, к несчастью, полностью поверил в безрассудное похищение дочерей лорда Уорта Кронкайтом. В результате в Мексиканский залив были отправлены крейсер и эсминец флота США, оба с новейшим вооружением. Также воды патрулирует американская атомная подлодка. Еще один корабль уже сел на хвост вашему эсминцу, мистер Патиньос. Эсминец не осна-

щен современными средствами обнаружения, поэтому его экипаж даже не подозревает о преследователе. Наконец, в Луизиане приведена в боевую готовность эскадрилья сверхзвуковых истребителей-бомбардировщиков. Американцы больше не собираются валять дурака. По моим сведениям, они готовы к сражению и открытому противостоянию, как во времена Кеннеди и Хрущева из-за Кубы. Очевидно, русские не пойдут на локальную ядерную стычку, учитывая близость к территории США и подавляющее численное превосходство американских сил. Ни одной из сторон и в голову не придет бросаться ракетами из-за ничтожного барреля нефти. Но если горячая черта между Вашингтоном и Москвой вспыхнет, любой стороне будет сложно отступить, ведь на кону будет национальный престиж. Придется искать способ сохранить лицо, а это займет время и, что гораздо хуже, получит международную огласку. Нас тоже не обойдет. Поэтому, мистер Боросов, мистер Патиньос, вам лучше бы отозвать своих псов войны, прежде чем разгорится пожар. Тогда, и только тогда, мы сможем сохранить наше доброе имя. Джентльмены, я вас не виню. Вас наверняка подговорил Кронкайт и вы не подозревали, что он пойдет на столь немыслимые меры.

Пожалуйста, не сомневайтесь, что американцы без зазрения совести потопят ваши корабли.

Умственно отсталые не становятся министрами нефтяной промышленности. Патиньос, смирившийся с поражением, сдержанно улыбнулся:

— Меня не прельщает мысль о личном крахе. И становиться козлом отпущения для своего правительства я тоже не хочу. — Он покосился на Боросова. — Отзываем псов войны?

— По конурам, — кивнул Боросов, — и никаких сожалений. Хочу вернуться на родину и предстать там в выгодном свете, не помрачив нашу репутацию.

Мистер А. с заметным облегчением откинулся в кресле:

— Что ж, кажется, этот вопрос решен.

— По большей части, — поправил его Бенсон. — Но не полностью. Сегодня вечером случилось еще одно неприятное и потенциально ужасное преступление. Мне сообщили лишь час назад, но вскоре это станет основной темой для обсуждения по всей стране. Молюсь Богу, чтобы нас сюда не приплели, хотя мы и не имеем к этому отношения. Ограблен арсенал Нетли-Роуэн. Принято считать, что это самый обыкновенный арсенал, и в основном так и есть. Но это также арсенал

ТЯО, то есть тактического ядерного оружия. Были похищены и бесследно исчезли два взрывных устройства.

— Господи! — Представитель Гондураса выразил эмоции всех собравшихся за столом. — Кронкайт?

— Голову даю на отсечение. Понятно, что доказательств нет, но кто еще мог это сделать?

— Не хочу оскорбить мистера Боросова, но вдруг это русские искали какие-нибудь прототипы?

— У русских этого добра и так навалом, — устало произнес измотанный Бенсон. — Они утыкали ядерными ракетами всю границу между странами Варшавского договора и НАТО, и многие из них, по слухам, куда совершеннее наших. Наше ТЯО для них все равно что луки со стрелами. — (При этих словах Боросов, несмотря на тревогу, позволил себе вальяжно улыбнуться.) — Это Кронкайт. У него совсем крыша поехала.

— Думаете, он настолько спятил, что ударит по «Морской ведьме» ядерной бомбой? — засомневался мистер А.

— Не могу утверждать, что понимаю, как работает очевидно больной разум, — ответил Бенсон. — Он способен на все.

— Что это вообще за устройства? — спросил

Патиньос.

— Не знаю. Звонил в Пентагон одному генералу, но он даже по старой дружбе отказался поделиться секретной информацией. Знаю только, что это устройство можно использовать как наземную и, вероятно, подводную бомбу с часовым механизмом, а также сбросить с самолета. Последний вариант отпадает: под такие бомбы приспособлены только особые сверхзвуковые истребители-бомбардировщики, а они все теперь под строгой охраной. Как по мне, излишняя предосторожность, потому что даже у человека с обширными связями вроде Кронкайта вряд ли найдется в друзьях пилот такого самолета.

— И чего нам ждать?

— Это разве что гадалка подскажет. Одно можно утверждать точно: Кронкайт вконец обезумел.

Кронкайт мог бы сказать то же самое о них. Он оставался на «Джорджии» и собирался выполнить работу по высшему стандарту. Даже если бы он узнал о вероятном отзыве военных кораблей Кубы и Венесуэлы, то не стал бы сильно беспокоиться. Корабли служили лишь прикрытием, для отвода глаз. У Кронкайта были с лордом Уортом личные счеты, и он намеревался лично нанести тому решающий удар. Месть чужими руками не

была бы столь сладка.

А пока Кронкайт был вполне доволен. Он считал, что «Морская ведьма» уже у него в руках. На рассвете в этом не останется сомнений. Он узнал все о защитных системах платформы и о радаре. «Звездный свет» под управлением Истона дожидался наступления ночи, чтобы начать атаку. Пошел дождь, низкие тучи заслонили лунный серп, и ночь ожидалась настолько темной, насколько возможно в море. Кромешной тьмы, как на суше, здесь не бывает.

Из радиорубки принесли сообщение. Кронкайт мельком взглянул на него, связался с вертолетной площадкой и вызвал пилота:

— Уилсон, готовы к вылету?

— В любую минуту, мистер Кронкайт.

— Значит, сейчас.

Кронкайт включил реостат, и площадку озарил свет, слишком тусклый, чтобы видеть подробные очертания объектов, но достаточный, чтобы Уилсон взлетел без помех. Описав в небе полукруг, вертолет-амфибия зажег посадочные фонари и совершил мягкую посадку на спокойные воды менее чем в ста ярдах от стоящей на якоре «Джорджии».

Кронкайт связался с оператором радара:

— Вы видите его на экране?

— Так точно, сэр. Заходит на посадку по приборам.

— Доложите, когда останется примерно три мили.

Оператор доложил менее чем через минуту. Кронкайт включил реостат на полную мощность, и вертолетная площадка ярко осветилась.

Минуту спустя за дождевой завесой с севера появился вертолет с включенными посадочными огнями. Еще через минуту он аккуратно, как мотылек, приземлился на «Джорджии». Учитывая, какой груз он вез, осторожность со стороны пилота была полностью оправданной. Сразу же приступили к дозаправке. Из открытой двери вертолета вышли трое — так называемые полковник Фаркерсон, подполковник Дюингс и майор Брекли, ответственные за вторжение в арсенал Нетли-Роуэн. Они помогли выгрузить два больших и крайне тяжелых контейнера с двойными ручками. Кронкайт настоятельно потребовал у своих подручных соблюдать предельную осторожность и указал, куда поставить контейнеры, чтобы те были в надежном укрытии.

Через десять минут вертолет вылетел обратно на большую землю. Еще через пять минут вернул-

ся вертолет «Джорджии», и освещение площадки выключили.

Глава 8

По жестокому стечению обстоятельств и по вине чересчур расшалившихся нервов Дюрана первыми пациентами доктора Гриншоу стали Джон Румер и Мелинда Уорт.

Тревожные предчувствия Дюрана легко и быстро передались четверым его помощникам. Хотя «Морская ведьма» была теперь под его контролем, Дюран понимал, что положение шаткое: он не рассчитывал встретить на платформе Палермо с его головорезами; и хотя в его кармане надежно были спрятаны ключи от обоих жилых отсеков, и «западного» и «восточного» (в первом были заперты нефтяники, во втором — ребята Палермо), Дюран прекрасно видел, сколько в этих отсеках окон, и не мог поставить часового у каждого потенциального выхода. Пришлось передать по громкой связи, что любого, кто выйдет на платформу, застрелят на месте, и отправить двоих помощников патрулировать «восточный» отсек (безоружных нефтяников он не опасался), а еще двоих — платформу. Лорда Уорта, его дочерей и сейсмологов Дюран тоже не боялся, презрительно считая их абсолютно безвредными.

К тому же все они были безоружны. Несмотря на это, патрульным было предписано хотя бы одним глазком поглядывать на каюту лорда Уорта, лабораторию и лазарет. Все три помещения были связаны между собой.

К сожалению, никто в этих трех помещениях не услышал объявлений — по иронии судьбы это случилось из-за того, что лорд Уорт не скупился на так называемые минимальные человеческие удобства. Нефтедобывающие платформы не самое тихое место, и он распорядился сделать свою каюту и смежные помещения абсолютно звуконепроницаемыми.

Митчелл все время сидел в крошечной каморке при лаборатории, изучая схему помещений «Морской ведьмы», пока не убедился, что сможет ориентироваться на платформе даже с завязанными глазами. На это у него ушло примерно двадцать минут. Выстрелы раздались уже на пятой минуте, но из-за звукоизоляции он их не услышал. Только когда он убрал схемы в ящик, дверь каморки распахнулась и появилась Марина, бледная, дрожащая, вся в слезах. Не успела она приблизиться, как Митчелл обнял ее, а она уцепилась за него, как за соломинку, неизвестно как оказавшуюся посреди океана.

— Почему тебя там не было? — всхлипывала она. — Почему тебя там не было? Ты бы помешал. Ты бы их спас!

Митчелл не стал тратить время на размышления о несправедливости жизни.

— Кому помешал? Кого спас? — спокойно спросил он.

— Мелинду и Джона. Они серьезно ранены.

— Что-о?

— Их подстрелили.

— Подстрелили? Я ничего не слышал.

— Разумеется, не слышал. Тут все звуконепроницаемое. Поэтому Мелинда и Джон не услышали предупреждения по радио.

— Какого предупреждения? Расскажи, и помедленнее.

Она рассказала все так медленно и подробно, как могла. По всей платформе прозвучало объявление, но никто в каюте лорда Уорта его не услышал. Дождь прекратился, по крайней мере на время, и, пока Митчелл сидел в каморке со схемами, Мелинда с Румером решили прогуляться. Они обходили буровую вышку, вокруг которой были погашены почти все огни после распоряжения Дюрана о прекращении добычи нефти. Там в них выстрелили без предупреждения.

— Ты сказала, они серьезно ранены. Насколько серьезно?

— Не знаю. Доктор Гриншоу их оперирует. Ты знаешь, я не трусиха, но крови так много, что я не смогла смотреть.

Прибыв в лазарет, Митчелл понял, что не может ее винить. Мелинда и Румер лежали на соседних койках, оба в крови практически с головы до ног. У Мелинды было перевязано левое плечо, у Румера — замотана шея, и прямо в тот момент доктор Гриншоу копался у него в груди.

Лорд Уорт сидел на стуле, и его лицо выражало неистовую ярость. Дюран стоял в дверном проходе, и его лицо ничего не выражало. Митчелл задумчиво посмотрел на обоих, затем обратился к доктору Гриншоу:

— Доктор, что вам удалось выяснить?

— Вы только послушайте, — хрипло прошептал Румер, и его лицо скривилось от сильной боли. — Даже не спросил, как мы себя чувствуем.

— Еще успею. Так что, доктор?

— У госпожи Мелинды сильно повреждена левая ключица. Пулю я извлек, но требуется немедленная операция. Я хоть и хирург, но не ортопед, а ей нужна ортопедическая помощь. Румеру повезло еще меньше. Два ранения. Одно

— в шею, в миллиметре от сонной артерии, но навылет, поэтому тут беспокоиться не о чем, а вот ранение в грудь куда серьезнее. Не смертельное, но очень серьезное. Пуля, несомненно, задела левое легкое, однако внутреннее кровотечение небольшое, поэтому я полагаю, что она лишь зацепила край. Главная проблема в том, что пуля, похоже, застряла у самого позвоночника.

— Он может пошевелить пальцами?

— Господи, какое сострадание! — простонал Румер.

— Может. Но пулю следует извлечь как можно скорее. Я бы сделал это, но без рентгена не могу. Поэтому придется ограничиться переливанием крови.

— Разве их не следует немедленно отправить в больницу?

— Следует.

Митчелл посмотрел на Дюрана:

— Ну что?

— Нет.

— Но они же не виноваты. Они не слышали оповещения.

— Значит, им не повезло. Я не собираюсь везти их на сушу. Думаете, мне тут нужен батальон морских пехотинцев?

— Если они умрут, это будет на вашей совести.

— Все когда-нибудь умрут.

Дюран вышел, захлопнув за собой дверь.

— Боже мой, боже мой… — Румер попытался покачать головой, но сразу скривился от боли в шее. — Зря он это сказал.

Митчелл повернулся к лорду Уорту:

— Вы можете нам помочь, сэр. Ваша каюта, конечно же, напрямую связана с радиорубкой. Вы можете слышать, о чем говорят в радиорубке?

— Без проблем. Щелкнув двумя переключателями, я услышу обе стороны любых переговоров, будь то по телефону, в наушниках или динамиках.

— Будьте добры, сделайте это и не прекращайте слушать ни на секунду. — Митчелл взглянул на койки с пациентами. — Не пройдет и получаса, как мы отправим их вертолетом в больницу.

— Как вы это провернете?

— Не знаю, — неопределенно ответил Митчелл, — но осмелюсь предположить, что придумаю что-нибудь.

Лорд Уорт вышел. Митчелл достал тонкий фонарик-карандаш и начал бесцельно включать и выключать его. Он заметно побледнел, а рука, державшая фонарик, немного подрагивала. Ма-

рина смотрела на него сначала непонимающе, затем с испугом и наконец с выражением, близким к презрению. Она недоверчиво произнесла:

— Ты напуган.

— Где твой пистолет? — спросил Митчелл у Румера.

— Когда стрелявшие побежали за подмогой, мне удалось подползти к краю платформы, отстегнуть кобуру и сбросить в море.

— Молодец. Значит, нас еще не раскрыли.

Митчелл наконец заметил дрожь в руках, убрал фонарик и сунул руки в карманы.

— Кто в вас стрелял? — спросил он Мелинду.

— Два мерзавца, Ковенски и Риндлер. Мы с ними и до этого цапались.

— Ковенски и Риндлер, — повторил Митчелл и покинул лазарет.

— Мой колосс на глиняных ногах, — с нотками грусти и горечи сказала Марина.

— «Задуть огонь, потом задуть огонь»[10], — хрипло произнес Румер.

— Что ты сказал?

— Сказал не я, а парень по имени Отелло. Одна беда с дочками миллионеров: вы книжек не чи-

---

[10] Notes: 10

У. Шекспир. Акт V, сцена 2. Перевод М. Лозинского. Смысл этой реплики Отелло: задуть огонь как источник света, потом задуть огонь жизни.

таете. Сейчас Митчелл погасит огни. У него глаза как у кошки. Видит почти в кромешной темноте, когда другим ничего не видно. Ты об этом знала?

— Нет.

— Это дает ему колоссальное преимущество над противниками. Потом он потушит огонь другого рода.

— Я понимаю, к чему ты клонишь, но не верю. Я видела, как он дрожал.

— Бедная, глупая, несмышленая дурочка. Он слишком хорош для тебя.

— Что ты мелешь? — ошеломленно уставилась на него Марина.

— Ты меня прекрасно слышала, — устало выдохнул Румер, заслужив неодобрительный взгляд врача. Затем мрачно продолжил: — Считай, что Ковенски и Риндлер уже на том свете. Жить им осталось считаные минуты. Митчелл любит твою сестру почти как тебя, а я его лучший друг и напарник с детства. Он не дает близких в обиду. — Румер слабо улыбнулся. — Боюсь, он решает вопросы весьма радикально.

— Но он дрожал. Дрожат только трусы, — возразила Марина, однако уже не столь уверенно.

— Он не боится ничего живого. А что касается дрожи, в древней Скандинавии были такие

воины — берсерки. Митчелл их духовный наследник. Он просто сдерживает ярость. Улыбается. Многие считали его трусом, и для многих эта мысль становилась последней в жизни. — Румер улыбнулся. — Теперь дрожишь ты.

Марина ничего не сказала.

— В вестибюле есть шкафчик. Принеси оттуда все, что найдешь, — попросил Румер.

Марина с сомнением посмотрела на него, затем вышла и через несколько минут вернулась с парой ботинок. Она несла их на вытянутой руке и смотрела на них с ужасом, как будто это была ядовитая кобра.

— Митчелла? — спросил Румер.

— Да.

— Лучше верни на место. Они ему скоро понадобятся.

— Ты правда сможешь выйти за человека, убивающего других людей? — спросила Мелинда сестру, когда та вернулась.

Марина вздрогнула и промолчала.

— Как по мне, все лучше, чем выходить за труса, — язвительно заметил Румер.

В машинном отделении Митчелл почти сразу нашел переключатель с пометкой «палубное освещение». Опустив рубильник, он вышел на

погрузившуюся во мрак платформу. Выждал полминуты, чтобы глаза привыкли к темноте, затем двинулся в сторону буровой вышки, пока не услышал вдали приглушенную ругань двух человек. Тихо ступая в одних лишь носках, он приблизился к ним на расстояние менее двух ярдов. Затем все так же беззвучно приладил свой фонарик к стволу «смит-вессона» и включил его.

Двое мужчин обернулись на удивление синхронно и потянулись за пистолетами.

— Вы знаете, что это? — спросил Митчелл.

Они знали. Голубоватый блеск «смит-вессона» с глушителем не спутаешь с игрушечным пистолетом. Они перестали тянуться к оружию. Им, мягко говоря, было не по себе видеть подсвеченный пистолет с глушителем — и ничего, кроме темноты, за ним.

— Руки за голову. Затем медленно повернитесь и шагайте вперед.

Они пошли, пока идти дальше стало невозможно по вполне уважительной причине: они достигли края платформы. Дальше, в 200 футах внизу, раскинулся Мексиканский залив.

— Сцепите руки сильнее и снова повернитесь, — приказал Митчелл.

Бандиты повиновались.

— Ковенски и Риндлер?

Ответа не последовало.

— Это вы стреляли в леди Мелинду и мистера Румера?

Снова молчание. Когда ты безоговорочно уверен, что находишься в одном шаге, в одной секунде от вечности, голосовые связки перестают слушаться. Митчелл дважды нажал на спусковой крючок и пошел прочь еще до того, как трупы плюхнулись в воды залива. Но не прошел он и четырех шагов, как в лицо ему ударил свет фонаря.

— Вот так так! Кого я вижу? Умник Митчелл, пугливый ученый? — Из-за яркого света Митчелл не видел говорящего и пистолета в его руках, но без труда узнал голос остроносого, похожего на крысу Хеффера. — Да еще и с пистолетом! Чем вы тут занимаетесь, мистер Митчелл?

Хеффер совершил классическую ошибку неопытных убийц. Ему следовало сначала стрелять, а потом задавать вопросы. Митчелл щелчком сбил с пистолета фонарик, так что тот обезумевшим светлячком закружился в воздухе. Хеффер отреагировал, как все нормальные люди: инстинктивно перевел взгляд на фонарик, пока его сознание и подсознание гадали, что задумал Митчелл. Долго гадать не пришлось: Хеффер умер

еще до того, как фонарик упал на палубу.

Митчелл поднял на удивление прочный фонарик, подтащил Хеффера за ноги и отправил к приятелям на дно залива. Затем вернулся в вестибюль лазарета, надел ботинки и вошел в операционную. Доктор Гриншоу как раз приступил к переливанию крови пациентам.

Румер взглянул на часы:

— Шесть минут. Долго ты возился.

Явно расстроенная Марина уставилась на Румера отчасти с недоверием, отчасти с изумлением.

— Ну прости, — произнес Митчелл извиняющимся тоном. — Имел несчастье на обратном пути столкнуться с Хеффером.

— То есть это он имел несчастье столкнуться с тобой. Где сейчас наши друзья?

— Не могу сказать точно.

— Понимаю, — сочувственно откликнулся Румер. — Откуда тебе знать точную глубину залива в этом месте.

— Могу выяснить. Но какая разница? Доктор Гриншоу, у вас есть носилки? С застежками и прочими приспособлениями?

Гриншоу кивнул.

— Пожалуйста, подготовьте их, но до поры до времени оставьте на месте. Переливание крови в

полете можно делать?

— Без проблем. Полагаю, вы хотите, чтобы я их сопровождал?

— Будьте любезны. Понимаю, что слишком многого прошу, но, когда передадите их компетентным врачам, не могли бы вы вернуться?

— С радостью. Мне вот-вот стукнет семьдесят, и я думал, что все в жизни повидал. Оказалось, ошибся.

Марина недоумевала. Все трое мужчин вели себя спокойно и расслабленно. Мелинда, похоже, потеряла сознание, но это был лишь эффект сильного успокоительного.

— Вы безумцы, — твердо заявила Марина.

— Пациенты клиники для душевнобольных тоже говорят так о тех, кто остался снаружи, — ответил Митчелл. — Возможно, в чем-то они правы. Однако это сейчас не главное. Марина, ты летишь с остальными обратно во Флориду. Там ты будешь в безопасности — твой отец обеспечит самую надежную охрану, лучше, чем у любого президента.

— Ну замечательно! Обожаю быть в центре внимания, люблю, когда вокруг меня суетятся! Однако, господин гений, ваша логика отнюдь не безупречна. Я никуда не полечу. Останусь с

отцом.

— Это я с ним сейчас обсужу.

— Собираешься еще кого-то убить?

Митчелл выставил вперед руки с растопыренными пальцами. Они казались высеченными из мрамора.

— Потом, — пояснил Румер. — Сейчас у него другое на уме.

Митчелл вышел, и Марина накинулась на Румера:

— Вы с ним два сапога пара!

— Я больной человек. Оставь меня в покое.

— Не морочь мне голову с этим состоянием берсерка. Он просто убийца.

Лицо Румера превратилось в неподвижную маску.

— Меня не прельщает перспектива породниться с умственно отсталой.

Марина была потрясена, и это было заметно. Ее голос перешел в шепот:

— Выходит, я совершенно вас не знаю?

— Не знаешь. Мы ходим по темной стороне улицы. Там есть люди, которых нужно охранять. Этим мы и занимаемся. Как думаешь, сколько предложил твой отец, чтобы мы вернули вас домой? — Румер улыбнулся. — Боюсь, от меня

сейчас толку мало, но Митчелл и сам справится.

— Сколько он предложил?

— Сколько сами попросим. Хоть миллион, хоть сто миллионов долларов. Без раздумий.

— А сколько вы попросили? — спросила она с деланым равнодушием.

Румер тяжело вздохнул, что при его слабом физическом состоянии было не так уж трудно.

— Бедный Майк. Подумать только, он считает тебя горшком золота у конца радуги. Лучше бы ему слезть с этой радуги — она ведь штука непрочная. Я тоже влип. Мне ведь придется с тобой жить, пусть и косвенно. Буду банален. Твой отец любит тебя. Мы любим тебя. И, продолжая быть банальным, скажу, что есть вещи, которые невозможно купить. Настоящий жемчуг бесценен. Не делай из себя искусственную жемчужину, Марина. И больше никогда не оскорбляй нас подобным образом. Но нам нужно на что-то жить, поэтому мы выпишем твоем отцу счет.

— За что?

— За потраченные боеприпасы.

Марина подошла к его койке, присела и поцеловала его в щеку. Слабость не позволяла Румеру сопротивляться.

— Леди Марина, — сурово вмешался доктор

Гриншоу, — переливание крови не простая процедура; нужно следить за давлением.

— С моим давлением все в норме, — ответил Румер.

Марина чмокнула его еще раз:

— Этого хватит, чтобы ты меня простил?

Румер улыбнулся, но промолчал.

— Итак, вернемся к нашему «берсерку». Кто-нибудь может остановить его, когда он в таком состоянии? Например, я?

— Нет. Когда-нибудь, возможно, научишься.

— То есть только ты можешь?

— Да.

— Но ты не стал.

— Нет.

— Почему?

— Они были вооружены.

— Вы тоже вооружены.

— Да. Но мы не злодеи, которым оружие нужно для злодеяний.

— И это все?

— Нет. — Румер покосился на Мелинду. — Понимаешь?

— Просвети меня.

— Если бы Ковенски и Риндлер стреляли получше, она была бы мертва.

— И поэтому ты не препятствуешь Майклу?

— Да.

— Ты собираешься на ней жениться?

— Да.

— Предложение делал?

— Нет.

— Тебе и не надо. Говорю как сестра.

— А вы с Майком?

— Не знаю, Джон. Я трусиха. Мне хочется сбежать от всего этого.

— И?

— Он убивает людей.

— Я тоже убивал.

— Он и дальше будет убивать?

— Не знаю.

— Джон…

Румер протянул руку, взял прядь ее блестящих темных волос и выбрал из них одну волосинку.

— Вот.

— Хочешь сказать?..

— Да.

— Я должна посмотреть. — Она скинула свои туфли на шпильках.

— Всему тебя приходится учить. Сядь.

Она села на край койки. Доктор Гриншоу закатил глаза к небу. На Марине были голубые

джинсы и белая блузка. Румер потянулся и расстегнул верхнюю пуговицу блузки. Марина уставилась на него, но ничего не сказала.

— Дальше сама. Что-нибудь темно-синее или черное.

Через полминуты она вернулась в темно-синей рубашке-поло. Вопросительно взглянула на Румера. Тот кивнул, и Марина вышла из лазарета.

Лорд Уорт и Митчелл сидели в соседних креслах в хозяйской каюте. Работали настенные динамики. Когда вошла Марина, Митчелл жестом попросил ее молчать.

— Могу только сказать, что палубные огни несколько минут назад погасли, а затем снова зажглись, — несся из динамиков узнаваемый сердитый голос Дюрана.

Марина посмотрела на Митчелла, и тот кивнул.

— Но для посадки освещения хватит, — продолжил Дюран.

— Вы уже отключили радар?

Марина прежде не слышала голос Кронкайта, но поняла, что он хорошо знаком лорду Уорту, который сразу поджал губы.

— Больше не вижу в этом необходимости.

— Вы же сами настаивали. Отключите. Мы

вылетаем через десять минут и прибудем еще через пятнадцать.

— «Мы»? То есть вы лично прилетите?

— Нет. Есть дела поважнее.

Раздался щелчок: Кронкайт отключился.

— Знать бы, что этот хитрый черт имел в виду, — с тревогой пробормотал лорд Уорт.

— Придется выяснить опытным путем. — Митчелл посмотрел на Марину. — Где твои туфли?

Она мило улыбнулась:

— Я быстро учусь. От каблуков на платформе слишком много шума.

— Я не пущу тебя ни на какую платформу.

— А я сама выйду. Хочу закрыть пробелы в образовании. Посмотреть, как работают настоящие убийцы.

— Я не буду никого убивать, — раздраженно сказал Митчелл. — Собирай вещи. Ты скоро улетаешь.

— Я не полечу.

— Почему?

— Потому что хочу остаться с папой… и с тобой. Что в этом странного?

— Полетишь. Если придется, я тебя свяжу.

— Но рот не заткнешь. Представители правопорядка будут не прочь узнать, куда подевалось

оружие из арсенала Миссисипи.

Лорд Уорт слегка опешил:

— Неужели ты поступишь так со мной? Со своим родным отцом?

— А ты, неужели ты позволишь связать меня и насильно погрузить в вертолет? Свою родную дочь?

— Вот это логика, — покачал головой Митчелл. — При всем уважении к лорду Уорту, похоже, он вырастил чокнутую. Если ты думаешь…

Снова затрещали динамики.

— Не слоняйтесь без дела, — раздался голос Кронкайта. — Отключите радар.

— Как? — недовольно ответил Аарон. — Я что, должен залезть на эту чертову вышку…

— Ты идиот? Ступай в радиолокационную рубку, найди там красный рычаг над пультом и опусти вниз.

— Это я могу, — с облегчением ответил Аарон.

Донесся звук закрывающейся двери. Митчелл скинул ботинки, выключил свет в каюте и приоткрыл дверь. Впереди маячила спина Аарона, который направлялся к радиолокационной рубке. Наконец он вошел в рубку. Митчелл двинулся за ним, держа в левой руке револьвер с глушителем.

— Я думала, ты правша, — раздался у него за спиной тихий голос Марины.

Ругаться было бессмысленно.

— Правша, — обреченно прошептал Митчелл.

Когда он беззвучно прокрался в рубку, Аарон как раз собирался дернуть красный рычаг.

— Не оборачивайся, — скомандовал Митчелл.

Аарон не стал оборачиваться.

— Руки за голову. Затем повернись и подойди.

Аарон повернулся.

— Митчелл!

— Давай без фокусов. Я уже уложил сегодня трех твоих дружков. Из-за четвертого хуже спать не буду. Стой смирно и снова повернись.

Аарон послушно выполнил приказ. Митчелл вынул правую руку из кармана. Шишка из плетеной кожи, прикрепленная к его запястью с помощью ремешка, была длиной не больше пяти дюймов, но, когда она со значительной силой ударила Аарона точно над правым ухом, стало очевидно, что пяти дюймов вполне достаточно. Митчелл подхватил Аарона в падении и опустил на пол.

— Это было обязательно?

Марина поперхнулась и замолчала, когда Митчелл довольно грубо зажал ей рот ладонью. Затем

он потряс своим кожаным оружием у нее перед глазами, заставив вздрогнуть.

— Тихо, — нарочито свирепо прошептал он, склонился над Аароном и забрал у него пистолет.

— Это было обязательно? — шепотом повторила Марина. — Мог бы просто связать его и заклеить рот.

— Обязательно обращусь к тебе, когда мне понадобится совет бестолкового обывателя. Не время для пустой болтовни. Он очухается через полчаса, и в худшем случае ему понадобится таблетка аспирина.

— А теперь что?

— Идем за Дюраном.

— Зачем?

— Дурочка.

— Хватит звать меня дурочкой. Джон тоже так меня называл. А еще обозвал горшком и умственно отсталой.

— Джон, как никто, умеет дать точную характеристику, — одобрительно сказал Митчелл. — Если Аарон не вернется, Дюран отправится его искать. Затем позвонит Кронкайту и отменит вылет вертолета.

— Тебе ведь это и нужно?

— Нет.

Он выключил фонарик и вышел. Марина последовала за ним. Митчелл остановился у входа в каюту лорда Уорта.

— Иди внутрь. Ты мешаешь мне и раздражаешь. С тобой я плохо соображаю, и твое геройство мне ни к чему.

— Обещаю, что буду молчать, обещаю…

Митчелл схватил ее за руку и втолкнул в каюту. Лорд Уорт посмотрел на них с легким удивлением.

— Лорд Уорт, вы лично отвечаете за то, чтобы ваша несносная дочь больше не выходила за дверь, — сказал Митчелл. — Сейчас я погашу палубные огни. Если увижу, что по платформе шастают посторонние, застрелю на месте. Это я гарантирую, и вам лучше мне поверить. Здесь не место для детских игр.

Он закрыл за собой дверь.

— Ну и ну! — Марина села и сцепила руки. — И что за муж из него выйдет?

— Полагаю, прекрасный. Послушай, милая, мгновенная реакция Митчелла — одно из его лучших качеств. Ты ее притупляешь. И черт побери, тебе прекрасно известно, что он чувствует по отношению к тебе. Когда ты рядом, он

излишне беспокоится, а сейчас не время для лишних тревог. Жены не ходят с шахтерами в забой, не летают с пилотами-бомбардировщиками на военные задания. А Митчелл куда больше привык действовать в одиночку, чем представители названных мной профессий.

Марина попыталась изобразить что-то среднее между недовольством и хмуростью, но ее красивое лицо не было создано для таких гримас, поэтому она грустно улыбнулась, встала и подлила отцу виски.

Митчелл отобрал у отключившегося Дюрана пистолет и два больших ключа, прошел к главному входу в «восточный» отсек, открыл дверь и зажег свет в коридоре.

— Коммандер Ларсен! — окликнул он. — Палермо!

Двери открылись, и через несколько секунд оба оказались рядом с Митчеллом.

— Митчелл! — удивился Ларсен. — А вы какого черта здесь забыли?

— Я простой безобидный сейсмолог на прогулке.

— Разве вы не слышали объявление? Всех, кого увидят на платформе, будут расстреливать.

— Уже не актуально. У меня одна плохая но-

вость и две хорошие. Сначала плохая: Румер и мисс Мелинда не услышали объявление из-за звукоизоляции в кают-компании и отправились прогуляться. Мелинде раздробили ключицу, Румер тяжело ранен в шею и грудь. Врач говорит, что одна пуля застряла у позвоночника. Нужно как можно скорее доставить обоих в больницу. Кто личный пилот лорда Уорта?

— Чамберс, — ответил Ларсен.

— Пошлите пару человек помочь ему заправить машину. Теперь хорошие новости: Дюран в радиорубке, его подручный Аарон в радарной. Оба в отключке. — Митчелл посмотрел на Палермо. — Когда очнутся — а это будет еще не скоро, — будьте добры окружить их заботой и вниманием.

— С превеликим удовольствием.

— У Дюрана были еще трое, — заметил Ларсен.

— Эти мертвы.

— Вы?

— Да.

— Мы не слышали выстрелов.

Митчелл быстро показал им свой бесшумный револьвер.

— Лорд Уорт много о вас рассказывал, — задумчиво произнес Ларсен. — А я-то думал, он

преувеличивает.

— Вторая хорошая новость: Кронкайт отправляет сюда подкрепление. Как я понимаю, небольшое, человек восемь-девять. Вот-вот должны вылететь. Полет пятнадцатиминутный, следовательно, судно Кронкайта сразу за горизонтом, вне зоны досягаемости нашего радара.

У Палермо засверкали глаза:

— Разнесем вертолет к чертовой матери?

— Признаюсь, первым делом я хотел поступить именно так. Но лучше сыграть хитрее, чтобы Кронкайт продолжал думать, что контролирует ситуацию. Позволим им приземлиться и возьмем экипаж живьем, а потом заставим главаря отчитаться перед Кронкайтом, что все в порядке.

— А если он откажется? Или попытается предупредить босса?

— Заранее напишем сценарий. Если он отклонится хотя бы на одно слово, я его пристрелю. Благодаря глушителю Кронкайт ничего не услышит.

— Кроме крика.

— Когда пуля тридцать восьмого калибра входит тебе в голову и движется снизу вверх под углом в сорок пять градусов, тебе обычно не до крика.

Ларсен не то чтобы опешил, но заметно удивился:

— То есть вы его убьете?

— Да. Затем дадим трубку второму номеру. С ним, полагаю, проблем уже не будет.

— Вижу, лорд Уорт не рассказал мне и половины, когда говорил о вас, — произнес Ларсен с многозначительной интонацией.

— Кроме того, мне понадобится этот вертолет. Сочиним историю, как будто двигатель отказал, посадка вышла жесткой и на ремонт понадобится несколько часов. Лишний вертолет нам никогда не помешает, но в первую очередь нужно лишить Кронкайта возможности использовать его. — Митчелл повернулся к Палермо. — Я могу доверить вам организацию приема?

— Разумеется. Есть предложения?

— Не думаю, что должен наставлять специалиста.

— Вы меня знаете?

— Я бывший коп. На этой платформе целый склад портативных прожекторов. Прилетевшие сразу направятся к административным помещениям. Я бы отключил наружное освещение и засел в засаде, а когда они окажутся ярдах в тридцати, включил бы прожекторы, чтобы ослепить

их и не дать себя увидеть.

— А если какой-нибудь псих что-то выкинет?

— Уверен, вы сумеете это предусмотреть. — Митчелл улыбнулся ему, как полицейский гангстеру, затем обратился к Ларсену: — Подозреваю, что лорд Уорт не прочь пообщаться с начальником своей платформы.

— Хорошо.

Они вместе вышли, а Палермо принялся раздавать указания своим помощникам.

— Лорд Уорт знает, что вы задумали?

— Не было времени объяснять. В любом случае не мне учить лорда Уорта, как превращать нефть в миллиард долларов.

— Разумно.

Они ненадолго задержались у радиорубки. Ларсен уставился на помятого Дюрана со смесью удовольствия и сожаления:

— Приятное зрелище. Хотелось бы мне оказаться на вашем месте.

— Готов поспорить, что Дюран не обрадуется, когда очнется. Пластические операции дорого стоят.

Следующую короткую остановку они сделали в лазарете. Когда Ларсен увидел спящую Мелинду и бодрствующего Румера, у него сжались громад-

ные кулаки. Заметив это, Румер улыбнулся:

— Спасибо, но вы немножко опоздали. Глубокая здесь водичка?

— Девятьсот футов.

— Тогда вам понадобится водолазный колокол, чтобы придушить ответственных. Как у вас дела, коммандер Ларсен? Наши-то дела вы и сами видите.

— Я отдыхал. Зато Митчеллу, как погляжу, без дела не сидится. Мало того что троих в заливе утопил, так еще лишил меня удовольствия навалять Дюрану. Аарон тоже неважно себя чувствует.

— Дипломатия — это не про него, — как бы извиняясь, ответил Румер. — Значит, «Морская ведьма» теперь в наших руках?

— На данный момент.

— На данный момент?

— Ты ведь не думаешь, что Кронкайт просто так сдастся? — ответил Митчелл. — Он уже потерял пятерых и вскоре, вероятно, потеряет еще восьмерых или девятерых. Что это для человека, в распоряжении которого есть десять миллионов долларов? Не забывай о его личных счетах с лордом Уортом. Если Кронкайт намеревается повредить или даже полностью уничтожить «Морскую ведьму» со всем персоналом, то не

станет испытывать угрызений совести по этому поводу. Ни сейчас, ни в будущем. — Митчелл повернулся к доктору Гриншоу. — Пора вам заняться носилками. Коммандер, можете прислать четверых рабочих, чтобы помогли перенести раненых к вертолету? Боюсь, Джон, что у тебя на борту будет не самая приятная компания в лице Дюрана и Аарона. Разумеется, ощипанных, как петушки.

— Ну спасибо, удружил.

— Порой, хоть и редко, я бываю таким же осмотрительным, как ты. Нельзя полностью исключить то, что Кронкайту все-таки удастся завладеть «Морской ведьмой». Понятия не имею, как у него это получится, но такой большой хитрец при должной мотивации способен почти на все. Если вдруг у него получится, не хочу, чтобы Дюран с Аароном указали на меня пальцем. Лучше сохранять образ неприметного и безвредного сейсмолога.

Ларсен передал по рации ряд указаний, а затем отправился с Митчеллом в каюту лорда Уорта. Тот с кислой миной слушал кого-то по телефону. Марина взглянула на Митчелла с таким же неприветливым выражением:

— Ну что, всю платформу завалил трупами?

— Обижаешь. Там больше некого убивать.

Марина слегка вздрогнула и отвернулась.

— Леди Марина, платформа в наших руках, — сказал Ларсен. — Через десять минут грядут новые неприятности, но уверен, что мы с ними справимся.

— Что случилось? — положив трубку, спросил лорд Уорт.

— Кронкайт высылает подкрепление вертолетом. Не много — восемь-девять человек. Против нас у них нет шансов. Кронкайт считает, что Дюран по-прежнему держит все под контролем.

— Надо понимать, это не так?

— Он связан и без сознания. Аарон тоже.

— Кронкайт тоже прилетит? — мечтательно произнес лорд Уорт.

— Нет.

— Какая досада! А у меня еще плохие новости: на «Торбельо» поломка.

— Саботаж?

— Нет. Обрыв топливного шланга. Временная остановка, но на ремонт потребуется несколько часов. Впрочем, беспокоиться не о чем; они обещали каждые полчаса уведомлять меня о ходе ремонта.

Оказалось, что это не последний повод для

тревоги. Ни в одной крупной страховой компании лондонского Ллойда слыхом не слыхивали о существовании «Квестара». Еще тревожнее были сообщения корпорации «Марин Галф» об исчезновении из Фрипорта исследовательского судна «Хаммонд».

Американские ВМС могли утешить лишь следующим: отработавшие свое подводные лодки либо шли на слом, либо продавались правительствам других стран; ни одна не оказалась в руках коммерческих компаний или частных лиц. Также в районе Мексиканского залива не было подводных аппаратов типа «Кусто».

Зазвонил телефон. Лорд Уорт включил настенные динамики. Радист был краток:

— Вертолет. Летит низко с северо-запада. До нас пять миль.

— Самое время отвлечься и размяться, — произнес Ларсен. — Митчелл, вы со мной?

— Секунду. Мне нужно кое-что написать. Не забыли?

— А, сценарий.

Ларсен вышел. Митчелл аккуратно и убористо написал несколько предложений, не оставлявших места для неверного толкования, сложил листок, сунул в карман и направился к выходу.

— Можно мне с вами? — спросил лорд Уорт.

— Опасности не предвидится, но мне кажется, что вам будет лучше остаться и принимать радиосообщения, а также показания радара, эхолокатора и устройств наблюдения за якорными канатами.

— Понял. Заодно позвоню госсекретарю и проверю, получилось ли у него избавить меня от этих проклятых крейсеров.

— Если опасности нет, то я пойду с тобой, — сладким голосом произнесла Марина.

— Нет.

— Мистер Митчелл, у вас весьма ограниченный словарь.

— Не нужно геройства. Лучше возьми пример с Флоренс Найтингейл[11] и подержи за ручку наших тяжелораненых.

— Что-то ты чересчур раскомандовался, Майкл!

— То есть, говоря современным языком, я шовинистическая свинья.

— Ты можешь себе представить, чтобы я вышла замуж за такого, как ты?

---

[11] Notes: 11

Флоренс Найтингейл (1820–1910) — английский общественный деятель, сестра милосердия, основательница одной из первых служб профессиональных медицинских сестер.

— Твое воображение — твое дело. К тому же я тебя и не просил об этом.

Он вышел.

— Ну и ну!

Марина украдкой посмотрела на отца, но лорду Уорту сейчас было не до шуток. Он снова снял трубку и приказал открыть «рождественскую елку», чтобы возобновить разведочное бурение.

Когда Митчелл присоединился к Ларсену и отряду Палермо в укрытии рядом с общежитием, вертолет уже заходил на посадку. Огни на платформе притушили, оставив посадочную площадку ярко освещенной. Люди Палермо установили шесть портативных прожекторов. Палермо кивнул Митчеллу и не спеша направился к площадке. В руке у него был конверт. Вертолет сел, и дверь открылась, выпуская людей с обескураживающе разнообразным арсеналом автоматов.

— Марино, — представился Палермо. — Кто у вас главный?

— Я. Мортенсен, — выступил молодой увалень в камуфляжной форме, больше похожий на подающего надежды лейтенанта, чем на бандита. — Мне говорили, что здесь руководит Дюран.

— Верно. У него сейчас кратковременная

неприятная беседа с лордом Уортом. Можете встретиться с ним у лорда в каюте.

— Почему так темно?

— Напряжение упало. Чиним. У вертолетных площадок отдельные генераторы. Вам туда, — указал Палермо.

Мортенсен кивнул и позвал подручных за собой.

— Присоединюсь к вам через минуту, — бросил им вслед Палермо. — Должен передать личное сообщение пилоту от Кронкайта.

Палермо забрался в вертолет и поприветствовал пилота.

— У меня для вас сообщение от Кронкайта, — сказал он.

— Мне приказано сразу возвращаться, — ответил удивленный пилот.

— Надолго не задержу. Похоже, Кронкайту не терпится увидеться с лордом Уортом и его дочерьми.

Пилот ухмыльнулся и взял у Палермо конверт. Открыл его и осмотрел с двух сторон пустой листок бумаги.

— Это еще что?

— Вот что. — Палермо показал ему пистолет размером с небольшую пушку. — Терпеть не могу

мертвых героев.

Огни на площадке вдруг погасли, и включились шесть прожекторов.

— Бросьте оружие, — раздался громкий и четкий голос Ларсена. — Сопротивление бесполезно.

Один из людей Мортенсена, на свою беду, решил иначе. Он бросился на палубу и автоматной очередью успешно расстрелял один прожектор. Если он и почувствовал удовлетворение, радость его оказалась недолгой. Он был мертв еще до того, как осколки стекла перестали сыпаться на платформу.

Остальные восемь человек побросали оружие.

Палермо вздохнул.

— Вот видите? — сказал он пилоту. — Что толку от геройства, когда ты мертв? За мной.

Восьмерых, включая пилота, заперли в кладовой без окон. Девятого, Мортенсена, отвели в радиорубку, где к нему ненадолго зашел Митчелл. По этому случаю Митчелл переоделся в рабочий комбинезон с капюшоном, надежно прикрыв лицо и приглушив голос. Ему не хотелось, чтобы его опознали.

Он достал листок с записями, приставил к основанию шеи Мортенсена свой «тридцать восьмой»

и приказал связаться с Кронкайтом и зачитать сообщение. Любое отклонение от сценария — и он вышибет Мортенсену мозги. Мортенсен не был дураком и по роду деятельности уже не раз заглядывал смерти в лицо. Он сделал звонок, доложил, что все в порядке, что они с Дюраном держат «Морскую ведьму» под контролем, но у вертолета при посадке отказал двигатель и это привело к повреждению шасси, на устранение которого понадобится несколько часов. Кронкайта, видимо, удовлетворило такое объяснение, и он повесил трубку.

Когда Ларсен и Митчелл вернулись в каюту лорда Уорта, то застали его в весьма приподнятом настроении. Из Пентагона сообщили, что суда из Кубы и Венесуэлы остановились, вероятно, в ожидании дальнейших указаний. «Торбельо» снялся с якоря и должен прибыть в Галвестон через полтора часа. Лорд Уорт не был бы так доволен, если бы узнал, что «Торбельо» находится в нескольких сотнях миль от Галвестона и, треща по всем швам, медленно ползет на юго-запад по спокойному морю. Мэлони не собирался торчать в одной точке.

— Я слышала выстрелы, — тоном судебного обвинителя произнесла Марина.

— Предупреждающие, — отмахнулся Митчелл. — Чтобы припугнуть.

— Вы взяли их в заложники.

— Хватит молоть чепуху! — раздраженно бросил лорд Уорт. — А лучше вообще молчи. Нам с коммандером нужно обсудить важные вещи.

— Мы выйдем, — сказал Митчелл и посмотрел на Марину. — Пойдем проводим наших пациентов.

Они проводили пару носилок к вертолету. С ними на девятидюймовой привязи шагали Дюран и Аарон, оба со связанными за спиной руками. Сопровождающими были доктор Гриншоу и один из помощников Палермо, грозного вида детина с обрезом. Им предстояло сторожить пленников до прибытия на большую землю.

— Последний шанс, — сказал Митчелл Марине.

— Нет.

— Отличная из нас выйдет пара, — угрюмо пробурчал Митчелл. — Это я про односложные ответы.

Попрощавшись, они проводили вертолет и вернулись в каюту. Лорд Уорт и Ларсен вели отдельные переговоры, и по выражению их лиц можно было судить, что они не настолько доволь-

ны, насколько могли бы быть. Оба безуспешно пытались раздобыть дополнительные танкеры. На деле в районе южного и восточного побережья США находилось полдесятка порожних танкеров дедвейтом в пятьдесят тысяч тонн, но все они принадлежали крупным корпорациям, руководители которых скорее пошли бы на костер, чем одолжили свои суда компании «Уорт-Хадсон». Ближайшие суда нужного тоннажа стояли в Великобритании, Норвегии и Средиземном море, и на их перегонку через океан ушло бы недопустимое количество времени, не говоря уже о деньгах, что для лорда Уорта было весьма щепетильным вопросом. Они с Ларсеном даже подумывали пустить в дело один из своих супертанкеров, но отказались от этой затеи. Из-за его огромной вместимости финансовые потери были бы колоссальными. К тому же не стоило исключать повторения судьбы «Крестоносца». Конечно, танкеры были застрахованы в компании Ллойда, но следователи этой августейшей конторы были известны — и вполне оправданно — своей осторожностью, расчетливостью и дотошностью и, хотя любой страховой случай рано или поздно решался в пользу клиента, с принятием решения регулярно затягивали.

Пришла очередная сводка с «Торбельо». Танкер шел по курсу, прибытие в Галвестон ожидалось через час. Лорд Уорт хмуро заметил, что у них в распоряжении оставалось два танкера и придется просто ужесточить их и без того тесный график.

Через полчаса с «Торбельо» поступило новое сообщение: полчаса до Галвестона. Лорд Уорт утратил бы спокойствие, если бы знал, что с наступлением ночи «Звездный свет» отошел от «Джорджии» и на электромоторах двинулся в направлении «Морской ведьмы». Было маловероятно, что эхолокаторы «Морской ведьмы» обнаружат его. На борту находились опытные профессиональные ныряльщики и целая россыпь разнообразных мин, включая мины-прилипалы и аммотоловые кумулятивные подрывные заряды, дистанционно управляемые при помощи радио.

Еще через полчаса пришли долгожданные новости о том, что танкер «Торбельо» благополучно пришвартовался в Галвестоне. Лорд Уорт сказал Ларсену, что хочет немедленно позвонить портовому начальнику и договориться о скорейшей разгрузке, невзирая на дополнительные расходы.

Связь установилась через минуту — нефтяных магнатов в этом мире не заставляют ждать. Когда

лорд Уорт в привычно категоричной манере высказал свои пожелания, начальник порта отреагировал с нескрываемым удивлением:

— Ума не приложу, о чем вы говорите, сэр.

— Черт побери, я всегда знаю, о чем говорю.

— Не в этом случае, лорд Уорт. Боюсь, вас неправильно информировали или обманули. «Торбельо» еще не пришел.

— Проклятье! Мне ведь только что доложили…

— Секунду, будьте добры.

Секунда растянулась на полминуты, в течение которой Митчелл заботливо поднес лорду Уорту стакан шотландского виски. Лорд Уорт залпом выпил половину.

— Новости тревожные, — вновь раздался голос начальника порта. — Вашего танкера не просто не видно; наши радары не фиксируют ни одного похожего судна в радиусе сорока миль.

— Дьявольщина, что с ним стряслось? Я пару минут назад разговаривал с радистом.

— А вызов поступил с корабля?

— Откуда же еще?

— Значит, корабль цел и невредим.

Лорд Уорт бросил трубку, не сказав даже «спасибо», и гневно уставился на Ларсена и Митчелла, как будто они были во всем виноваты.

— Мой единственный вывод: у капитана «Торбельо» поехала крыша, — произнес он наконец.

— А мой единственный вывод: он благополучно заперт в какой-нибудь кладовке на собственном корабле, — возразил Митчелл.

— Вы, я смотрю, еще и ясновидящий вдобавок к вашим прочим талантам, — саркастически заметил лорд Уорт.

— Ваш «Торбельо» захвачен.

— «Захвачен, захвачен!» У вас тоже крыша поехала. Вы хотя бы раз слышали, чтобы кто-то захватывал нефтяной танкер?

— Дальнемагистральные самолеты тоже до поры до времени не захватывали. После происшествия с «Крестоносцем» в Галвестоне капитан «Торбельо» не позволил бы другим судам приблизиться, не говоря уже о том, чтобы пускать кого-то на борт, если только это не суда, которые можно четко идентифицировать как добропорядочные. К таковым относятся корабли морской и береговой охраны. Мы знаем, что было угнано исследовательское судно компании «Марин Галф». Многие такие суда раньше ходили в береговой охране, они оснащены площадками для вертолетов, ведущих разведывательное сейсмологическое бомбометание. Угнанный корабль

назывался «Хаммонд». С вашими связями его судьбу можно выяснить за считаные минуты.

Лорд Уорт выяснил судьбу корабля за считаные минуты.

— Выходит, вы правы. — Он был настолько ошеломлен, что даже не подумал извиниться. — Очевидно, это и есть тот «Квестар», на котором Кронкайт вышел из Галвестона. Одному богу известно, под каким именем этот корабль теперь ходит. Главный вопрос: что будет дальше?

— Полагаю, звонок от Кронкайта, — ответил Митчелл.

— Зачем ему мне звонить?

— Не знаю. Возможно, чтобы выдвинуть какие-нибудь безумные требования.

Лорд Уорт быстро отходил от потрясений. У него были могущественные и влиятельные друзья. Он позвонил приятелю-адмиралу в штаб-квартиру военно-морских сил в Вашингтоне и потребовал, чтобы на место предполагаемого нахождения «Торбельо» была отправлена разведывательная группа из кораблей и самолетов. В штабе принесли извинения, объяснив, что для этого потребуется разрешение главнокомандующего, то есть президента. Президент, по-видимому, демонстрировал глубокую, хотя и вежливую

незаинтересованность. Ни он, ни конгресс не испытывали большого желания нянчиться с нефтяными компаниями, которые так часто пренебрегали их законами. По отношению к лорду Уорту это было более чем несправедливо, ведь он ничем не провинился перед Вашингтоном. Кроме того, зона поисков находилась вне территориальных вод США; там было дождливо и темно как у черта за пазухой, и идентифицировать на глаз нужное судно, даже если его засечет радар, было бы невозможно.

Лорд Уорт обратился в ЦРУ. Их незаинтересованность оказалась еще глубже. За последние годы они уже неоднократно публично обжигались и теперь все свободное время зализывали раны.

В ФБР коротко напомнили, что в их сферу деятельности входят исключительно внутренние дела, а на море их тут же укачивает.

Лорд Уорт подумал было подать прошение в ООН, но Ларсен и Митчелл его отговорили. Даже если допустить, что страны Персидского залива, Венесуэла, Нигерия, все коммунистические государства и те, кого было принято называть «третьим миром», — а им принадлежало большинство голосов в ООН, — не заблокируют его

прошение, ООН все равно не обладала полномочиями решать такие вопросы. Не говоря уже о том, что все члены ассамблеи наверняка давно видели десятый сон.

Впервые в жизни лорд Уорт был в растерянности. Казалось, жизнь больше не может предложить ему ничего нового. Но вскоре он выяснил, что ему, как и всем людям, свойственно ошибаться: не прошло и нескольких секунд, как он оказался в полной растерянности.

Ему поступил звонок. Как и предсказывал Митчелл, звонил Кронкайт. Он с радостью уведомил лорда Уорта, что за судьбу «Торбельо» не стоит беспокоиться: корабль в надежных руках.

— Где? — Только присутствие дочери удержало лорда Уорта от использования некоторых красочных прилагательных.

— Я бы предпочел не уточнять. Вам достаточно знать, что танкер надежно стоит на якоре в территориальных водах одной центральноамериканской страны. Я намерен поделиться нефтью с этими бедолагами, у которых своей нефти никогда не было. — Кронкайт не уточнил, что собирается поделиться ею за половину рыночной цены и положить в карман весьма достойную сумму в долларах. — А затем выведу танкер в

море и затоплю на глубине в несколько сотен морских саженей. Разумеется, если вы…

— Если что? — перебил лорд Уорт. Его голос вдруг приобрел непривычную хрипотцу.

— Если вы не закроете «рождественскую елку» на «Морской ведьме» и немедленно не прекратите разведку и добычу нефти.

— Болван.

— Что вы сказали?

— Ваши головорезы уже ее закрыли. Разве вы не в курсе?

— Мне нужны доказательства. Пусть Мортенсен подтвердит.

— Тогда подождите, — устало ответил лорд Уорт. — Я пошлю за ним.

Митчелл снова нарядился в комбинезон с капюшоном и привел Мортенсена. По пути Мортенсен снова получил сценарий. Он подтвердил Кронкайту, что разведка и добыча нефти прекращена. Кронкайт похвалил его и окончил разговор. Митчелл убрал от затылка Мортенсена револьвер, и двое людей Палермо вывели его из комнаты. Митчелл скинул капюшон и заметил, что Марина смотрит на него со страхом, как будто не может поверить своим глазам.

— Ты был готов его убить, — прошептала она.

— Ничего подобного. Я собирался погладить его по голове и сказать, что он хороший мальчик. Не забывай, у тебя была возможность улететь с этой платформы.

Глава 9

Не успел лорд Уорт вытереть испарину со лба, как в каюту ворвались двое. Одним был Палермо, другим — рабочий-нефтяник Симпсон, в обязанности которого входило наблюдение за датчиками на платформенных опорах и якорных канатах. Он был заметно взволнован.

— Что за очередную напасть послала нам судьба? — спросил лорд Уорт.

— Под платформой кто-то есть, сэр. Приборы с ума сходят. Какой-то объект, почти наверняка металлический, контактирует с западной опорой.

— Ошибки нет?

Симпсон замотал головой.

— Странно, что Кронкайт решил потопить «Морскую ведьму» вместе со своими же людьми.

— Возможно, он хочет не потопить ее, а просто повредить опору, тогда «Морская ведьма» утратит плавучесть и накренится, что приведет к остановке бура и насоса, — предположил Митчелл. — Кто его знает. Может, он готов пожертвовать даже своими, чтобы разделаться с вами. — Он повернулся к Палермо. — Я знаю, у вас есть экипировка и оборудование для ныряль-

щиков. Покажите.

Они вышли.

— Опять собрался кого-нибудь убить, — проговорила Марина. — Он что, вообще не человек?

Лорд Уорт посмотрел на нее с возмущением:

— Если желание не допустить твоей гибели ты называешь нечеловеческим, значит он не человек. На этой платформе лишь одно живое существо, за судьбу которого он переживает, и тебе прекрасно известно, кто это. Никогда бы не подумал, что буду стыдиться собственной дочери.

В команде Палермо было два профессиональных аквалангиста, но Митчелл выбрал себе в сопровождающие только одного. Палермо мало что восхищало, но он достаточно узнал о Митчелле, чтобы не оспаривать его решение. За считаные минуты Митчелл и аквалангист по фамилии Сойерс облачились в костюмы для подводного плавания и вооружились перезаряжающимися пневматическими гарпунами и ножами. Их спустили к воде единственным доступным способом — в клетке из сетки-рабицы, подвешенной к крану буровой вышки. Достигнув воды, они открыли дверь, нырнули и поплыли к громадной западной опоре.

Симпсон не ошибся. На глубине действительно

работали двое, связанные воздушными шлангами и канатами со смутно различимым судном, застывшим в двадцати футах выше. У обоих были мощные головные фонари. Злоумышленники энергично прикрепляли мины-прилипалы, стандартные магнитные мины и обматывали гигантскую опору слоями аммотола. Митчелл прикинул, что взрывчатки было достаточно даже для того, чтобы взорвать Эйфелеву башню. Вероятно, Кронкайт действительно собирался полностью уничтожить опору. Все сильнее верилось в то, что он вконец обезумел.

Двое диверсантов не просто энергично выполняли свою работу — они так увлеклись, что не заметили бесшумного приближения Митчелла и Сойерса. Ныряльщики соприкоснулись масками, посмотрели друг другу в глаза — это было возможно благодаря мощному свету от фонарей диверсантов — и одновременно кивнули. С подрывниками, чьи мины могли погубить множество человек, не стали церемониться: обоим выстрелили из гарпунов в спину. Оба умерли мгновенно. Митчелл и Сойерс перезарядили свои пневматические ружья и на всякий случай перерезали дыхательные шланги вредителей, внутри которых, как и положено, проходили провода

для связи.

Истон и команда «Звездного света» сразу поняли, что случилось нечто непредвиденное. Мертвецов с торчащими из спин гарпунами вытащили на поверхность; пока их поднимали на борт, еще двое членов команды испустили истошные крики: Митчелл и Сойерс тоже всплыли и выстрелили без промаха, либо убив, либо тяжело ранив выбранные цели. Этого оказалось достаточно, чтобы Истон поспешно снял корабль с якоря и врубил на полную мощность более быстрые дизельные двигатели. Они издавали гораздо больше шума, но в кромешной темноте только чудо могло позволить стрелкам с платформы совершить точное попадание по кораблю.

Двое аквалангистов включили свои фонарики и подплыли к обвешанной минами и взрывчаткой опоре. Заметив дистанционные взрыватели на взрывных устройствах, они отсоединили их и сбросили на дно океана. Для верности также извлекли детонаторы. Затем размотали ставший безопасным аммотол и отправили вслед за взрывателями. Только мины остались на месте. Оба ныряльщика разбирались во взрывных устройствах, но не в подводных. Множество призраков могли бы подтвердить, что мины

— штуки хитрые и непредсказуемые. В качестве основного заряда в них применяют тринитротолуол, аммотол и другие стандартные взрывчатые вещества. В центральной трубке у них инициирующий заряд, обычно состоящий из взрывчатого вещества медленного сгорания, а над инициирующим зарядом — перемещающийся детонатор из семидесяти семи гранул фульмината ртути, приводимый в действие давлением воды. Но даже без детонатора под сильным давлением инициирующий заряд может спровоцировать взрыв. Подрыв якорей или якорных канатов не входил в планы аквалангистов. При помощи крана они вернулись на платформу и в радиорубку. С докладом пришлось повременить, потому что лорд Уорт вел весьма недружелюбный телефонный диалог с Кронкайтом. Марина сидела в стороне, стиснув кулаки, ее загорелое лицо приобрело сероватый оттенок. Посмотрев в сторону Митчелла, она отвела взгляд, как будто не хотела его больше видеть — и в тот момент это, вероятно, соответствовало действительности.

— Уорт, вы подонок и убийца! — бушевал Кронкайт, очевидно не подозревая, что его слышат дамы. — Угробил троих моих лучших людей чертовыми гарпунами, да еще и в спину!

Марина невольно бросила на Митчелла еще один взгляд. Митчелл почувствовал себя то ли космическим, то ли подводным чудовищем, и «чудовище» здесь было ключевым словом.

Лорд Уорт был разгневан не менее:

— И с удовольствием готов повторить это, но теперь с вами в главной роли.

Кронкайт поперхнулся, затем сказал то, что могло бы сойти за правду:

— Я хотел лишь временно вывести «Морскую ведьму» из строя, не подвергая опасности никого на платформе. Но раз вы сами решили играть жестко, то через сутки вам понадобится новая «Морская ведьма». При условии, что вам повезет и вы переживете уничтожение нынешней. Я разнесу вас к чертовой матери!

— Интересно, как у вас это получится, — более спокойно ответил лорд Уорт. — По моим сведениям, ваши драгоценные крейсеры получили приказ возвращаться на базы.

— Есть много способов взорвать вас, — самоуверенно парировал Кронкайт. — А пока что я разгружу «Торбельо» и затоплю его.

На самом деле Кронкайт не собирался топить танкер: «Торбельо» был зарегистрирован в Панаме, а у Кронкайта там проживало немало друзей,

которые охотно приобрели бы судно за весьма существенную сумму. Разговор — если можно было так назвать этот желчный обмен мнениями — резко прекратился.

— Одно можно утверждать наверняка, — сказал Митчелл. — Кронкайт складно лжет. Он даже не близко к Центральной Америке. Связь слишком хорошая. А если вспомнить его разговор с Дюраном, когда он отказался лететь сюда вертолетом, то можно сделать вывод, что он притаился сразу за гранью видимости. Вертолет ведь долетел за пятнадцать минут.

— Как прошла ваша подводная вылазка? — спросил лорд Уорт.

— Кронкайт вам уже доложил. Все гладко.

— Ожидаете новых неприятностей?

— Да. Кронкайт говорил слишком уверенно, чтобы списать это на блеф.

— И чего вы ожидаете?

— Мои догадки не лучше ваших. Может, попробует то же самое.

Лорд Уорт явно не поверил в такую перспективу:

— После того, что вы учинили?

— Возможно, он рассчитывает на неожиданность. В одном я уверен: если он попытается

повторить то же самое, то будет использовать другую тактику. Не использует ни самолеты, ни подводные лодки, хотя бы потому, что у него нет ни профессиональных пилотов, ни подводников. Им неоткуда взяться. Поэтому за радаром и эхолокатором сегодня можно не следить. К слову, радисту тоже можно отдохнуть. Если что, у него в каюте есть система оповещения при экстренных вызовах. А вот Симпсон пускай работает — на случай, если наши друзья снова попробуют добраться до опоры.

— На этот раз они будут выжидать, — заметил Палермо. — Работать ближе к поверхности. Выставят вооруженную охрану для защиты аквалангистов, а может, даже вооружат их инфракрасными фонариками, которые нельзя засечь с платформы. Вам с Сойерсом просто повезло, а удача во многом сопутствует тем, на чьей стороне фактор неожиданности. В следующий раз вам так не повезет, потому что вас будут ждать.

— Нам не нужна удача. Лорд Уорт не стал бы красть и везти сюда столько подводных мин, если бы среди вас не было специалиста-взрывотехника. Есть у вас такой?

— Есть. — Палермо пытливо посмотрел на Митчелла. — Кронин, бывший корабельный

старшина. Зачем спрашиваете?

— Он может сделать так, чтобы мина взорвалась при касании поверхности воды или вскоре после этого?

— Полагаю, может. Но зачем?

— Расставим по периметру платформы три глубоководные мины, скажем, в двадцати пяти ярдах от каждой опоры. С расстоянием могу ошибаться, ваш приятель Кронин скажет точнее. Если датчики Симпсона что-нибудь покажут, мы скинем одну из мин за борт. Опорам взрыв не повредит — по крайней мере, не должен. Лодку с ныряльщиками в худшем случае раскачает. А вот для аквалангистов, находящихся в воде, взрывная волна скорее всего станет фатальной.

— Митчелл, вы точно представитель закона? — Палермо посмотрел на него холодным, оценивающим взглядом. — Вы самый хладнокровный ублюдок, какого я только встречал.

— Если вам не дорога жизнь, так и скажите. Полагаю, что условия обитания на глубине в девятьсот футов далеки от комфортных. Поэтому лучше зовите Кронина и еще пару ребят и расставьте мины, как я сказал.

Митчелл отправился проследить за работой Палермо, Кронина и остальных. Кронин согласился

с измерениями Митчелла и точками установки мин. Пока Митчелл наблюдал, к нему подошла Марина:

— Майкл, сколько еще людей погибнет?

— Надеюсь, ни одного.

— Но ты готовишься убивать.

— Я готовлюсь выживать и забочусь о том, чтобы мы все выжили.

Она взяла его за руку:

— Тебе нравится убивать?

— Нет.

— Тогда почему у тебя это так хорошо получается?

— Кто-то должен это уметь.

— Ради блага человечества, я полагаю?

— С этим тебе не ко мне. — Он немного помолчал, затем медленно продолжил: — Полицейские убивают. Солдаты убивают. Летчики убивают. Думаю, многим из них это не нравится. Был такой маршал Фош; в Первой мировой войне он получил множество наград за то, что погубил миллион солдат. И то, что большинством из них были его собственные солдаты, никого не сму-

тило[12]. Я не охотник, не убиваю животных и даже на рыбалку не хожу. Как и многие, я люблю ягнятину, но не стану вбивать ягненку в горло крюк и тащить бедное животное по полям, пока оно не умрет в муках. Но я борюсь с паразитами. А любые преступники, хоть вооруженные, хоть нет, для меня паразиты.

— Поэтому вас с Джоном уволили из полиции?

— А ты сама как думаешь?

— Ты когда-нибудь убивал кого-то, кого и ты, и я назвали бы хорошим человеком?

— Нет. Но если ты не замолчишь…

— Несмотря на все это, я думаю, что все-таки смогла бы выйти за тебя.

— Но я не звал тебя замуж.

— Так чего ты ждешь?

Митчелл вздохнул, затем улыбнулся:

— Леди Марина Уорт, окажете ли вы мне честь…

Лорд Уорт демонстративно откашлялся у них за спиной. Марина повернулась к отцу с выражени-

---

[12] Notes: 12

Трактовка событий Митчеллом несколько неверна. Французский маршал Фердинанд Фош действительно считается одним из героев Первой мировой войны, однако за руководство операцией на Сомме в 1916 году, не достигшей поставленных целей и приведшей к потере более 600 тысяч солдат союзных французско-британских войск, он был не награжден, а, напротив, временно отстранен от командования.

ем, ясно говорящим, что только аристократическое воспитание не позволяет ей топнуть ногой.

— Папуля, ты непревзойденный мастер появляться в самый неподходящий момент.

— А по мне, как раз подходящий, — спокойно ответил лорд Уорт. — Примите мои безграничные поздравления. — Он посмотрел на Митчелла. — Да, тяжеловаты вы на подъем. Как тут у нас дела? Все в полном порядке? К ночи готовы?

— Настолько, насколько можно быть готовым к выкрутасам этого хитреца Кронкайта.

— Я всецело доверяю вам, молодой человек. Мне пора спать — навалилась небеспричинная усталость.

— Я тоже пойду, — сказала Марина. — Спокойной ночи, жених.

Она чмокнула Митчелла в щеку и ушла с отцом.

На этот раз уверенность лорда Уорта в Митчелле оказалась не полностью оправданной. Митчелл допустил промашку, пусть и неумышленную, отправив радиста отдыхать. Если бы тот оставался на посту, то наверняка перехватил бы новости о краже ядерного оружия из арсенала Нетли-Роуэн, а Митчелл легко сложил бы два и два.

На третий час спокойного сна лорда Уорта Мэлони трудился не покладая рук. Он слил пятьдесят тысяч тонн нефти с «Торбельо» и вывел корабль в открытое море, вне видимости с берега. Через час он вернулся с двумя спутниками в моторной шлюпке и сообщил печальные новости: во время затопления танкера произошел мощный взрыв, погубивший почти всю команду. Выжили только они трое. «Погубленная» команда в это время вела «Торбельо» на юг в Панаму. Были выражены официальные соболезнования, притворно искренние и абсолютно ханжеские: когда взрывается танкер, его спасательная шлюпка никак не может уцелеть. У Панамы не было дипломатических отношений с Соединенными Штатами, и единственным, что эта страна с радостью экстрадировала бы в Америку, были холера и бубонная чума. В крошечном аэропорту троицу дожидался частный самолет. Получив штампы в паспорта, Мэлони и его дружки подали полетный план до Гватемалы.

Через час с небольшим они прибыли в международный аэропорт Хьюстона. У Кронкайта еще оставалась изрядная доля от десяти миллионов, и потому он не беспокоился о лишних расходах. Мэлони с приятелями немедленно наняли

дальнемагистральный вертолет и отправились в Мексиканский залив.

На четвертый час сна, не потревоженного даже весьма мощным подводным взрывом, лорд Уорт все-таки проснулся от звонка вконец взбесившегося Кронкайта. Тот обвинил лорда Уорта в убийстве еще двоих его людей и поклялся люто отомстить. Лорд Уорт повесил трубку, даже не пожелав ответить, послал за Митчеллом и узнал от него, что Кронкайт действительно снова попытался устроить диверсию на западной опоре. Глубоководный заряд, очевидно, выполнил свою задачу, потому что прожекторы высветили всплывшие тела двух аквалангистов. Судно, с которого они ныряли, вряд ли было повреждено: до платформы донесся звук дизельных моторов. Но вместо бегства судно скрылось под платформой и, пока Митчелл с помощниками перемещались на другую сторону, окончательно исчезло в темноте за пеленой дождя, сделав дальнейшую слежку невозможной. Лорд Уорт довольно улыбнулся и вернулся ко сну.

На пятый час сна лорд Уорт не стал бы улыбаться так счастливо, если бы узнал о странной деятельности в отдаленном луизианском моте-

ле, находящемся в его собственности и под его же управлением. Там проводила уединенный недельный отпуск вторая бригада нефтяников «Морской ведьмы». У них было вдоволь еды и напитков, работали все телеканалы, а рядом находился высококлассный бордель, который мог потягаться с заведениями самой Салли Стэнфорд[13] в их лучшие годы. Одним словом, нефтяникам в отпуске было доступно все, чего душа пожелает. Никто из них и не думал выходить за пределы комплекса: когда девятерых из десяти разыскивает полиция, полное уединение — именно то, что нужно.

Незваные гости числом порядка двадцати человек прибыли посреди ночи. Их возглавлял человек — хотя ему больше подошло бы определение «гуманоид» — по фамилии Грегсон. Из всех прихвостней Кронкайта он был самым злобным и опасным и обладал нравственным обликом и инстинктами гремучей змеи, страдающей зубной болью. Спящих сотрудников мотеля усыпили еще сильнее при помощи хлороформа, прежде чем кто-либо успел прийти в себя.

---

[13] Notes: 13

Салли Стэнфорд (настоящее имя Мэйбл Дженис Басби) — знаменитая владелица публичных домов, ресторатор и политический деятель. В 1970-е годы была мэром города Сосалито в Калифорнии.

Нефтяники тоже спали, но несколько иначе и по иным причинам. На нефтяных платформах алкоголь под строжайшим запретом, поэтому перед выходом из отпуска рабочие предпочитали надираться по полной. Их состояние варьировалось от слегка одурманенного до паралитического. Чтобы выстроить их в шеренгу, ушло пять минут. Большинство продолжали спать даже на ногах; лишь двое относительно трезвых попытались оказать сопротивление. Грегсон пристрелил их из «беретты» с глушителем, как диких псов.

Пленников загнали в самый обычный — и, разумеется, краденый — мебельный фургон и отвезли на уединенный заброшенный склад на окраине города. Ни у кого бы не повернулся язык назвать это место уютным, но для целей Грегсона оно подходило в самый раз. Пленников не связывали, не заклеивали рты — достаточно было двух вооруженных охранников с весьма устрашающими карабинами-пулеметами. На деле и в карабинах не было необходимости: одурманенные нефтяники в дороге вновь уснули.

На шестом часу беспробудного сна лорда Уорта Грегсон с командой поднялись в воздух на одном из вертолетов магната. Пилоты не выражали большого желания принимать на борт таких пас-

сажиров, но «шмайссеры» стали для них весомым аргументом.

На седьмой час сна лорда Уорта Мэлони и двое его спутников приземлились на пустой площадке «Джорджии». Пока личный вертолет Кронкайта временно застрял на «Морской ведьме», преступник не испытывал угрызений совести, захватив доставивший Мэлони вертолет вместе с ничего не подозревавшим пилотом.

Примерно в то же время другой вертолет сел на «Морской ведьме». Из него вышли двое — пилот и единственный пассажир. Пассажиром был доктор Гриншоу; он выглядел усталым, сказался преклонный возраст. Отправившись прямиком в лазарет, он, не раздеваясь, прилег на койку, чтобы поспать. Он знал, что должен сначала доложить лорду Уорту о том, что его дочь Мелинда и Джон Румер в надежных руках и стабильном состоянии, но хорошие новости могли подождать.

На восьмой час, когда уже рассвело, лорд Уорт очнулся, вдоволь насладившись сном, с удовольствием потянулся, надел свой роскошно вышитый халат и вышел на платформу. Дождь прекратился, солнце показалось над горизонтом, обещая прекрасный погожий день. Мысленно

поздравив себя с тем, что его предчувствие оказалось верным и ночь прошла без серьезных происшествий, лорд Уорт вновь удалился в каюту для обязательных утренних процедур.

Поздравления оказались более чем преждевременными. За пятнадцать минут до этого отдохнувший радист вернулся на пост и поймал выпуск новостей, которые ему совершенно не понравились. Он мигом помчался в каюту Митчелла. Как и все на платформе, включая Ларсена и Палермо, радист быстро усвоил, что в любом экстренном случае первым делом нужно ставить в известность Митчелла. Мысль о том, чтобы предупредить лорда Уорта, даже не посетила его.

Радист застал Митчелла за бритьем. Вид у экс-полицейского был усталый, чему не следовало удивляться, ведь он почти всю ночь провел на ногах.

— Надеюсь, вы не с плохими новостями? — произнес Митчелл.

— Сам не знаю.

Радист передал распечатку с телетайпа.

Записка гласила: «Два тактических ядерных устройства были похищены из арсенала Нетли-Роуэн вчера вечером. Разведка подозревает, что их транспортировали по морю или вертолетом

в неизвестную точку Мексиканского залива. Тревога объявлена по всему миру. Граждане, обладающие информацией об этом происшествии, должны…»

— Господи! Дозвонитесь до арсенала всеми возможными способами. Воспользуйтесь именем лорда Уорта. Через минуту я к вам присоединюсь.

Митчеллу хватило полминуты.

— Я уже дозвонился, — доложил радист. — Но там не слишком желают сотрудничать.

— Дайте мне трубку. Алло? Мое имя Митчелл. Будьте добры, подскажите, с кем я говорю?

— Полковник Прайс.

Тон полковника был не враждебным, а вполне типичным для офицера, разговаривающего с гражданским.

— Я работаю на лорда Уорта. Можете проверить в лодердейлской полиции, Пентагоне или лично у госсекретаря, — сказал Митчелл, после чего громко, чтобы Прайс слышал, обратился к связисту: — Приведите лорда Уорта. Вытащите его из ванны, если понадобится, но приведите немедленно. — Затем он снова заговорил в трубку. — Полковник Прайс, офицер в вашем звании должен знать о похищении дочерей лорда Уорта.

Меня наняли освободить их, и я это сделал. Сейчас важнее то, что нефтедобывающая платформа «Морская ведьма» под угрозой уничтожения. Уже было две попытки подрыва — к счастью, неудачные. В Пентагоне вам подтвердят, что остановили три иностранных судна, направлявшихся сюда с целью уничтожения «Морской ведьмы». Мне нужна информация об украденном ядерном оружии, и должен предупредить, что в случае отказа лорд Уорт сочтет это преступным уклонением от исполнения обязанностей. Вы знаете, какие у лорда Уорта могущественные связи.

Тон полковника Прайса резко переменился:

— Вовсе не обязательно мне угрожать.

— Секунду. Лорд Уорт подошел.

Митчелл вкратце пересказал то, что успел сообщить Прайсу, так чтобы сам Прайс тоже все слышал.

— Чертовы ядерные бомбы! Вот почему Кронкайт говорил, что разнесет нас! — Лорд Уорт выхватил трубку у Митчелла. — Лорд Уорт на связи. У меня прямой канал с госсекретарем доктором Белтоном. Могу связаться с ним через пятнадцать секунд. Желаете, чтобы я это сделал?

— Нет нужды, лорд Уорт.

— Тогда предоставьте нам подробное описание

этих распроклятых злодейских устройств и расскажите, как они работают.

Прайс почти охотно рассказал. Его описание оказалось почти один в один с тем, что капитан Мартин дал лжеполковнику Фаркерсону.

— Но Мартин был новичком и немного запутался в деталях. Эти ядерные устройства — бомбами их не назовешь — примерно вдвойне эффективнее, чем он сказал похитителям. К тому же они в итоге взяли не те устройства. У этих нет черной кнопки экстренного отключения, а часовой механизм рассчитан на девяносто минут, а не на шестьдесят. И их можно активировать при помощи радио.

— Это сложно? Нужно знать определенную УКВ-частоту или что-нибудь в этом духе?

— Совсем не сложно. Нельзя ожидать, что солдат в пылу сражения вспомнит какие-то цифры. Там есть простое устройство в виде груши с пластиковой пломбой. Срываете пломбу, поворачиваете черный переключатель на триста шестьдесят градусов. Нужно только помнить, что обратный поворот деактивирует взрывной механизм устройства. При этом его в любой момент можно включить снова.

— Что будет, если против нас применят такое

устройство? У нас рядом большой резервуар для нефти. Взрыв не повлечет масштабного разлива?

— Дорогой друг, нефть горюча и испаряется куда быстрее стали.

— Благодарю вас.

— Похоже, вам там понадобится эскадрилья сверхзвуковых истребителей-бомбардировщиков. Но сначала мне нужно получить разрешение Пентагона.

— Благодарю еще раз.

Лорд Уорт и Митчелл удалились в хозяйскую каюту.

— Есть два нюанса, — сказал лорд Уорт. — Во-первых, мы лишь предполагаем, хотя предполагать иное крайне рискованно, что эти проклятые штуковины предназначены нам. Кроме того, если радар, эхолокатор и прочие датчики будут постоянно работать, Кронкайту вряд ли удастся приблизиться и ударить по нам этими проклятыми штуковинами.

— Сейчас сложно что-то предсказать. Впрочем, угадать, что в голове у этого проходимца Кронкайта, всегда было сложно.

Грегсон связался с «Джорджией» с вертолета лорда Уорта:

— Мы в пятнадцати милях.

— Через десять минут взлетаем, — лично ответил Кронкайт.

В каюте лорда Уорта затрещали настенные динамики:

— С северо-востока приближаются вертолеты.

— Без паники. Это сменная бригада.

Когда вертолет нефтяников приземлился, лорд Уорт снова принимал душ. Митчелл сидел в лаборатории и выглядел настоящим профессионалом в белом халате и очках. Доктор Гриншоу по-прежнему спал.

Пассажиры вертолета без лишней жестокости заклеили пилотам рты и заковали их в наручники, затем тихо и спокойно вышли. Действующая бригада нефтяников не проявляла к ним особенного интереса. Они были приучены заниматься своим делом и по ряду сугубо личных причин не братались с незнакомцами. А новоприбывшие были незнакомцами. Лорд Уорт владел не менее чем девятью нефтяными платформами, легально приобретенными и арендованными, и имел привычку регулярно переводить бригады с одной платформы на другую. Зачем ему были нужны такие ухищрения — неизвестно. Новички несли с собой стандартные заплечные сумки с одеждой. В сумках действительно находилось немного

одежды, но не для ношения: тряпки скрывали очертания пистолетов-пулеметов и более опасного оружия, а также заглушали лязг.

Благодаря указаниям, полученным от Кронкайта через Дюрана, Грегсон четко знал, куда идти. По пути он заметил двух лениво патрулирующих охранников и наметил их к устранению.

Он отвел своих людей в «восточный» жилой отсек. Там они сложили сумки и расстегнули их. Зазвенели битые стекла, началась дикая жестокая бойня.

Спустя полдесятка секунд автоматного огня, грохота базук и огнеметных всполохов, которым предшествовал заброс гранат со слезоточивым газом, в жилом отсеке прекратились все крики.

Двух подоспевших патрульных, не успевших даже вытащить свое оружие, скосили огнем. Единственным выжившим оказался Ларсен, у которого была отдельная каюта в задней части отсека. Палермо и вся его шайка погибли.

Почти одновременно из помещения в конце жилого отсека появились четверо. Хотя это помещение было звуконепроницаемым, шум стоял такой, что его все равно услышали. Двое были в белых халатах, один в японском кимоно. Четвертым был темноволосый охранник в плаще.

Один из подручных Грегсона дважды пальнул в ближайшего человека в белом халате — Митчелла. Тот пошатнулся и упал на настил. Грегсон резко ударил стрелявшего по руке, сломав ее, и тот завопил и выронил оружие.

— Тупой урод! — Грозный голос Грегсона вполне соответствовал его облику. — Мистер Кронкайт предупреждал: стреляем только крутых ребят.

Грегсон был грамотным руководителем. Он разделил своих людей на пять пар. Одна согнала нефтяников в «восточный» отсек, вторая, третья и четвертая отправились соответственно в сенсорную, эхолокационную и радарную рубки, где повязали операторов, не причинив им вреда, после чего изрешетили всю аппаратуру из автоматов. Теперь «Морская ведьма» была во всех смыслах слепа, глуха и нема. Пятая пара отправилась в радиорубку, связала радиста, но оборудование не тронула.

— Вы главный? — обратился к Грегсону доктор Гриншоу.

— Да.

— Я врач. — Доктор Гриншоу указал головой в сторону Митчелла, весьма убедительно катавшегося по палубе в пропитавшемся кровью халате. Над ним в слезах склонилась Марина. — Он се-

рьезно ранен. Можно отнести его в лазарет и подлатать?

— Вы нам не враги, — ответил Грегсон, и это были самые глупые слова, которые он произнес в своей жизни.

Доктор Гриншоу втащил обмякшего и едва держащегося на ногах Митчелла в операционную, но, как только дверь за ними закрылась, тот вдруг чудесным образом исцелился. Марина изумленно уставилась на возлюбленного, потом не на шутку рассердилась:

— Ах ты, подлый обманщик!

— Нельзя так обращаться с ранеными. — Митчелл стянул халат, рубашку и майку. — Первый раз увидел, как ты плачешь. В слезах ты даже красивее. А раны у меня настоящие. — Он повернулся к доктору Гриншоу. — Поверхностное ранение левого плеча, царапина на правом предплечье. Этот парень настоящий снайпер. Доктор, замотайте-ка меня покрасивее. Правую руку от локтя до запястья, а на левую наложите поддерживающую повязку от плеча до середины предплечья. Марина, даже такие красавицы, как ты, обычно носят с собой пудру. Надеюсь, это так?

— Так, — сухо ответила она, до сих пор не сменив гнев на милость. — Детскую присыпку, —

язвительно добавила она.

— Будь добра, принеси.

Через пять минут Митчелла превратили в ходячую иллюстрацию раненого. Правая рука была туго замотана, а левая висела на подвязке и от плеча до запястья побелела от бинтов. Поддерживающую повязку сделали как можно толще. Лицо у Митчелла стало очень бледным. Он сходил в свою каюту и вернулся через несколько секунд.

— Зачем ходил? — с подозрением спросила Марина.

Митчелл пошарил в глубинах повязки и достал револьвер с глушителем.

— Перезаряжал, — ответил он и вновь спрятал оружие.

— Никак не уймешься! — с восхищением и горечью произнесла Марина.

— Уймешься тут, когда тебя в любой момент могут испарить.

— Что, во имя Господа, это значит? — удивился доктор Гриншоу.

— Наш приятель Кронкайт присвоил пару тактических ядерных устройств. Хочет устроить «Морской ведьме» самые пышные похороны. Скоро прилетит. Док, у меня к вам еще одна просьба. Возьмите самую большую медицинскую сумку

и скажите Грегсону, что ваш врачебный долг — сходить в руины «восточного» отсека и облегчить страдания умирающим или, если понадобится, избавить их от мучений. Я знаю, что у них там был запас ручных гранат. Мне бы не помешало несколько штук.

— Сказано — сделано. Господи, ну и видок у вас! Поневоле засомневаешься в своих врачебных способностях.

Они вышли. Вертолет Кронкайта действительно только что прилетел. Кронкайт вышел первым, за ним Мэлони, три лжеофицера, похитившие ядерное оружие, пилот и Истон. Истон был неожиданной фигурой. Митчелл еще не знал, что «Звездный свет» получил такие серьезные повреждения от взрыва подводной мины, что больше не функционировал. Примерно в четырех милях к «Морской ведьме» приближался катер береговой охраны. Нетрудно было догадаться, что это пропавший «Хаммонд», он же пресловутый «Квестар», а ныне «Джорджия».

— Вы позволите взглянуть на то, что осталось от жилого отсека? — спросил доктор Гриншоу у Грегсона. — Вдруг найду кого-то живого или, что вероятнее, кого-нибудь, кому требуется мягкая эвтаназия?

— Меня больше интересует, кто у вас там. — Грегсон указал на железную дверь. — Спайсер, — подозвал он одного из подручных, — шмальни-ка по замку из базуки.

— Не вижу в этом необходимости, — спокойно остановил их доктор Гриншоу. — Мне достаточно просто постучать. Там коммандер Ларсен, начальник этой платформы. Он безобиден. Просто любит уединение, поэтому у него отдельная спальная каюта. — Доктор постучал в дверь. — Коммандер Ларсен? Не волнуйтесь, это я, Гриншоу. Выходите. Тут есть люди, которым не терпится взорвать дверь и вас заодно, если не выйдете. Прошу вас. Я говорю от себя, меня не заставляют.

В замке повернулся массивный ключ, и Ларсен вышел. Вид у него был ошалелый, почти контуженный, и неудивительно.

— Что тут, черт побери, творится? — спросил он.

— Смена начальства, приятель, — ответил Грегсон.

Гриншоу с одобрением заметил, что Ларсен одет в просторную куртку со множеством карманов, до середины застегнутую на молнию.

— Обыщите его, — приказал Грегсон.

При обыске не нашли ничего подозритель-

ного.

— Где Скоффилд? — спросил Ларсен.

— В другом общежитии, — ответил Гриншоу. — Должен быть цел и невредим.

— А Палермо?

— Мертв, как и весь его отряд. По крайней мере, я так думаю. Как раз собирался пойти проверить.

Ссутулившись, чтобы выглядеть не на семьдесят, а на все восемьдесят лет, доктор Гриншоу поковылял по разбитому коридору. Притворяться не было нужды; Грегсон уже отправился встречать Кронкайта, и они начали оживленно поздравлять друг друга с успешной операцией. Пройдя несколько шагов, Гриншоу понял, что в этой мясорубке никто не мог выжить. Все были мертвее мертвого, большинство обезображены до неузнаваемости автоматным огнем, разорваны базуками и сожжены огнеметами. Но доктор нашел то, за чем пришел: ящик целехоньких ручных гранат и пару полностью заряженных «шмайссеров». Он засунул несколько гранат в медицинскую сумку, выглянул из разбитого окна и заметил, что область внизу находится в густой тени. Осторожно опустив туда несколько гранат и «шмайссеры», доктор Гриншоу вышел наружу.

Было очевидно, что Кронкайт и лорд Уорт уже

встретились, однако встреча вышла непростой. Лорд Уорт лежал без чувств на спине, с разбитыми окровавленными губами и сломанным носом. Марина промокала его раны тоненьким платочком. Кронкайт, с окровавленными костяшками пальцев, но абсолютно целым лицом, как будто потерял интерес к лорду Уорту, несомненно планируя вновь наброситься на него, когда тот придет в себя.

— Прости, милая, прости, ненаглядная, — шептал разбитыми губами лорд Уорт. — Во всем виноват я, и только я. Это конец.

— Да. — Марина тоже говорила шепотом, но в ее глазах, к удивлению отца, не было слез. — Конец, но не для нас. Пока Майкл жив, все будет хорошо.

Лорд Уорт уставился на дочь, быстро моргая:

— Он же теперь калека…

— Он убьет Кронкайта и всех его дружков-злодеев, — твердо прошептала Марина.

Лорд Уорт попытался улыбнуться, но разбитые губы не слушались.

— А я думал, ты презираешь убийства.

— Не в том случае, когда речь идет о паразитах. О тех, кто так жестоко обходится с моим отцом.

Митчелл тихо переговорил с доктором Грин-

шоу, и оба подошли к Кронкайту и Грегсону. Те то ли активно спорили, то ли ругались, но при свидетелях прекратили.

— Боюсь, Грегсон, вы слишком хорошо выполнили свою проклятую убийственную работу. Там даже родная мать никого не узнает.

— Это еще кто? — спросил Кронкайт.

— Врач.

— А это? — Кронкайт посмотрел на Митчелла, который с каждой минутой выглядел все хуже.

— Ученый. Подстрелили по ошибке.

— У него сильные боли, — сказал Гриншоу. — Подозреваю, что рука сломана ниже плеча, но здесь нет рентгеновского оборудования, чтобы проверить.

— Через час он уже ничего не будет чувствовать, — ответил Кронкайт веселым и беззаботным тоном человека, оторванного от реальности.

— Не понимаю, что вы имеете в виду, — устало произнес Гриншоу. — Мне нужно лишь отвести его в лазарет и дать обезболивающее.

— Валяйте. Будет только лучше, если все хорошо подготовятся к тому, что с ними произойдет.

— И что же?

— Потом узнаете.

Гриншоу увел едва держащегося на ногах

Митчелла. Они вошли в лазарет, вышли с противоположного конца и незаметно пробрались к радиорубке. Гриншоу остался на страже, пока Митчелл, не обращая внимания на связанного радиста, направился прямиком к передатчику. Через двадцать секунд он вышел на связь со «Скитальцем»:

— Мне нужен капитан Конде.

— На связи.

— Когда в следующий раз будете проходить мимо нефтехранилища, обогните его и полным ходом уходите на юг. «Морская ведьма» захвачена, но никто здесь не умеет управляться с зенитками. Когда отойдете на двадцать миль, пошлите оповещение всем судам и летательным аппаратам, чтобы те не приближались к «Морской ведьме» менее чем на двадцать миль. У вас есть ее координаты?

— Да, но почему…

— Потому что грядет очень большой взрыв. Христа ради, не спорьте.

— О чем не спорить? — раздался позади голос.

Митчелл медленно повернулся. Человек с пистолетом улыбался весьма неискренней улыбкой. Гриншоу был прижат к стене, и дуло пистолета, медленно двигаясь из стороны в сторону, маячи-

ло между доктором и Митчеллом.

— Думаю, Грегсон захочет с вами повидаться.

Митчелл поднялся, повернулся, едва не упав, и схватился за левое предплечье под повязкой.

— Господи, вы разве не видите, что ему плохо?! — хрипло закричал Гриншоу.

Человек с пистолетом взглянул на врача, и Митчеллу хватило этой секунды. Пуля из заглушенного револьвера попала прямо в сердце. Митчелл выглянул в дверной проем. Снаружи стояла достаточно густая тень, никого не было видно, а край платформы находился всего в двадцати футах. Через несколько секунд мертвое тело исчезло за краем. Митчелл и Гриншоу вернулись тем же путем через лазарет. Кронкайт и Грегсон по-прежнему оживленно переговаривались. Ларсен стоял поодаль в глубочайшем унынии.

— Как настроение? — тихо спросил его Гриншоу.

— Каким оно может быть, когда знаешь, что нас всех собираются убить?

— Ничего, перемены к лучшему не за горами. Как представится возможность, загляните за каюты. Там найдете немного гранат, которым будет весьма удобно в карманах вашей куртки. Также

там два полностью заряженных «шмайссера». У меня в сумке тоже несколько гранат, а у Митчелла револьвер с глушителем.

Ларсен приложил все усилия, чтобы не выдать эмоции, и ему это удалось. Он выглядел так же угрюмо, как и всегда.

— Ну и ну, — только и вырвалось у него. — Ну и ну.

Лорд Уорт при помощи дочери поднялся на ноги. Митчелл подошел к ним:

— Как вы себя чувствуете, сэр?

— Лучше не бывает, — злобно ответил, а точнее, изобразил ответ лорд Уорт.

— Скоро полегчает. — Митчелл понизил голос и обратился к Марине: — Когда я подам сигнал, скажи, что тебе нужно в дамскую комнату, но отправляйся не туда, а к генератору. Там увидишь красный рычаг с пометкой «палубное освещение». Опусти его, отсчитай до двадцати и подними обратно.

Кронкайт с Грегсоном, очевидно, закончили споры. По ухмылке Кронкайта было понятно, что его точка зрения возобладала. Лорд Уорт, Марина, Ларсен, Гриншоу и Митчелл держались вместе — тесная группа обреченных. Напротив плечом к плечу стояли Кронкайт, Мэлони, Истон,

лжеполковник Фаркерсон, лжеподполковник Дюингс, лжемайор Брекли, Грегсон и его подручные-убийцы — внушительная, вооруженная до зубов армия.

— Проверь, — приказал Кронкайт помощнику.

Тот поднял рацию, что-то сказал в нее и кивнул.

— Заряды установлены, — отчитался он перед Кронкайтом.

— Отлично. Пусть на всех парах отходят на двадцать миль к северу и дожидаются там.

К несчастью для Кронкайта, на западе обзор ему перекрывали руины общежития, и он не видел, как «Скиталец» уверенно мчится к югу. Но даже если бы горизонт был чист, Кронкайт вряд ли бы что-нибудь заметил: Конде предусмотрительно погасил на «Скитальце» все огни.

— Итак, лорд Уорт, для вас и для «Морской ведьмы» все кончено, — с улыбкой проговорил Кронкайт. — Даже на миллиардера есть управа. Мы прикрепили к западной опоре «Морской ведьмы» два ядерных устройства. — Он достал из кармана черный грушевидный металлический контейнер. — Это радиоактивный детонатор. Вам наверняка виден вот этот маленький переключатель. Говорят, он действует полтора часа,

но я включил его уже сорок минут назад. Еще пятьдесят, и — бах! — «Морская ведьма» вместе с вами, лорд Уорт, и всеми, кто останется на платформе, превратится в пар. Обещаю, это будет безболезненно.

— То есть вы собираетесь убить даже ни в чем не повинных рабочих? Кронкайт, да вы вконец рехнулись. Вы больной чокнутый дегенерат.

— Я здоровее здорового. Просто не могу оставить свидетелей, которые потом нас опознают. Мы уничтожим два вертолета, обездвижим ваш бур, раскурочим радиорубку и улетим на двух оставшихся вертолетах. Вы, конечно, можете сигануть с платформы в залив, но шансы на выживание будут не больше, чем при прыжке с моста «Золотые ворота», столь любимого самоубийцами.

Митчелл подтолкнул Марину локтем.

— Можно мне в дамскую комнату? — слабым голосом попросила она.

Кронкайт был сама любезность:

— Конечно. Но надолго не задерживайтесь.

Через пятнадцать секунд на палубе погасли все огни. Митчелл, обладающий уникальной способностью видеть в темноте, бросился за угол разрушенного общежития, подхватил два

«шмайссера» — на гранаты не было времени, — вернулся и сунул один из них в руки Ларсену. На это ему понадобилось двенадцать секунд, но и оставшихся восьми двум мужчинам с автоматическим оружием хватило, чтобы учинить настоящую бойню. Ларсен стрелял вслепую, а вот Митчелл — прицельно. Им, как мог, помогал доктор Гриншоу, бросая наугад гранаты, но те лишь еще сильнее разрушили общежитие, не нанеся никому вреда.

Огни вновь зажглись.

В живых остались семеро: Кронкайт, Мэлони, Истон, Грегсон и трое подручных.

— Бросайте оружие, — приказал семерке Митчелл.

Выжившие были потрясены и ошарашены, но соображали достаточно хорошо, чтобы подчиниться.

Вернувшуюся Марину тут же стошнило весьма неподобающим для леди образом.

— Давайте сюда детонатор, — отложив «шмайссер», потребовал Митчелл, надвигаясь на Кронкайта.

Кронкайт медленно достал детонатор из кармана, затем вдруг резко щелкнул переключателем и занес руку, как будто собираясь швырнуть дето-

натор за борт. Если бы ему это удалось, «Морская ведьма» была бы обречена. Но пуля из заглушенного «тридцать восьмого» прошила Кронкайту правый локоть, и он завопил от боли. Митчелл подхватил выпавший детонатор, прежде чем тот упал на платформу.

— Найдется здесь пара абсолютно надежных мест без окон и со стальными дверями, которые невозможно открыть изнутри?

— Как раз два и найдется. Надежные, как хранилище в Форт-Ноксе[14]. Идемте.

— Проверьте, чтобы у них даже перочинного ножа не осталось.

Ларсен обыскал пленников.

— Даже перочинного ножа не осталось, — заключил он и отвел их к укрепленной стальной постройке, похожей на тюремную камеру.

Вдвоем с Митчеллом они втолкнули туда нескольких пленников.

— Господи помилуй, вы же не бросите нас здесь?! — сквозь боль взмолился Кронкайт.

— Вы-то собирались нас бросить, — заметил Митчелл, затем утешительным тоном добавил: —

---

[14] Notes: 14

Форт-Нокс — военная база США в штате Кентукки, где с 1936 года расположено второе по величине хранилище золотых запасов страны, считающееся одним из самых надежных в мире.

К тому же, как вы сами утверждали, это будет безболезненно. — Он запер дверь на два замка и убрал ключи в карман, после чего обратился к Ларсену. — А где вторая камера?

— Сюда.

— Это безумие! — вскрикнул лорд Уорт. — «Морская ведьма» в безопасности. Зачем, во имя всего святого, ее взрывать?

Митчелл проигнорировал его и посмотрел на таймер детонатора:

— У нас двадцать девять минут. Надо пошевеливаться. — Он положил устройство на пол камеры, запер дверь и выбросил ключ далеко в залив. — Выводите людей из «восточного» отсека, освободите сотрудников в сенсорной, радарной, эхолокационной и радиорубке. Проверьте, целы ли пилоты. — Он покосился на свои часы. — Двадцать пять минут.

Все шустро забегали по платформе. Только лорд Уорт стоял будто громом пораженный.

— Разве нельзя было обойтись без всей этой беготни? — спросил Ларсен.

— Откуда нам знать, точен ли таймер детонатора? — спокойно ответил Митчелл.

Беготня возобновилась. За тринадцать минут до предполагаемого взрыва последний вертолет

снялся с площадки и полетел на юг. Первыми на «Скиталец» высадились Митчелл, Ларсен, лорд Уорт с дочерью, доктор Гриншоу и несколько рабочих-нефтяников. Второй вертолет кружил над ними. «Скиталец» успел отойти лишь на четырнадцать миль от «Морской ведьмы», но Митчелл решил, что это достаточно безопасно. Конде сообщил ему, что предупредил все суда и летательные аппараты держаться как можно дальше от опасной зоны.

«Морская ведьма» взорвалась точно по расписанию. Зрелище вышло настолько эффектным, что порадовало бы даже отъявленных злодеев. Появилось даже миниатюрное грибовидное облако, как на фотографиях с испытаний стандартных мегатонных атомных бомб.

Спустя семнадцать секунд на «Скитальце» услышали громовой раскат; поднялись невысокие волны, ничем не повредившие судну. Митчелл попросил Конде передать новости на все морские и воздушные суда, повернулся и увидел перед собой Марину. Лицо у нее было каменное.

— Ну что, угробил папину «Морскую ведьму»? Надеюсь, доволен собой?

— У, какие мы сердитые! Да, вполне доволен. Как говорится, сам себя не похвалишь — никто

не похвалит.

— Зачем? Зачем? Зачем?

— Там остались только убийцы, причем некоторые из них — серийные. Могли скрыться в странах, с которыми у США нет договора об экстрадиции. Даже если бы их арестовали, судебные разбирательства затянулись бы на годы. В таких делах сложно раздобыть достаточно улик. Еще через несколько лет их бы освободили досрочно. А так можно быть уверенным, что они больше никого не убьют.

— А для этого обязательно было жертвовать папиной гордостью и отрадой?

— Послушай, глупышка. Мой будущий тесть…

— Не будет он тебе тестем.

— Ну и ладно. Этот старый хрыч — почти такой же мошенник, как те ребята. Он нанял бывших заключенных с целью убийства. Заплатил, чтобы они вломились в два государственных арсенала и похитили оружие для «Морской ведьмы». Если бы «Морская ведьма» уцелела, там уже через час работали бы федеральные следователи. Твой папочка получил бы от пятнадцати до двадцати лет и, скорее всего, отдал бы в тюрьме концы.

Марина вытаращила глаза — отчасти от испуга, отчасти от осознания правоты Митчелла.

— А теперь фрагменты улик, если таковые остались, лежат на дне Мексиканского залива. Там немного радиоактивно, но не в этом суть. Против твоего отца теперь невозможно выдвинуть никаких обвинений.

— Так ты поэтому взорвал «Морскую ведьму»?

— Не обязан объясняться перед бывшей невестой.

— Миссис Майкл Митчелл… — задумчиво произнесла Марина. — Пожалуй, бывают имена и похуже.

Пустынное море
Рассказы

«Дилеас»[15]

Три часа прошло, мистер Маклин, три часа — а о спасателях ни слуху, ни духу.

Можете себе представить. Нас там было четверо — Ичан, Торри Мор, старина Грант да я. Разговоры? Никто словечка не обронил и даже глоточка не сделал, хотя на столе непочатая бутылка «Талискера» стояла, а Ичан не из тех, кто за каждое пенни жмется.

Мы просто сидели, как сборище придурков. Шеймас Грант, как всегда, с каменным лицом посасывал свою старую трубку, а остальные просто пялились на обои, узоры разгадывали. Слушали, как ветер воет да град по окнам гостиницы стучит, будто цыплята зернышки склевывают. В общем, та еще ночка выдалась. И что хуже всего, мы ничего не могли сделать, оставалось только ждать. Да уж, веселая компания собралась.

Наверное, мы все чуть-чуть вздрогнули, когда зазвонил телефон. Ичан поспешил к аппарату, а когда вернулся, то прямо-таки сиял. Лицо у него

---

[15] Notes: 15

«Дилеас» («Dileas») — «Верный» *(шотл.). — Здесь и далее, если не указано иное, примеч. перев.*

здоровенное, круглое, как луна, и нам от одного взгляда на него сразу полегчало — словно маяк Пладда со спины скинули.

— Четыре стакана, джентльмены, и воздадим должное «Талискеру». Звонил смотритель маяка на Криг-Деарге. «Молли Энн» пришла вовремя, только что. Лебедку потеряли, но экипаж сняли.

Он подвинул стаканы и посмотрел на старика Гранта.

— Ну, Шеймас, что теперь скажешь? «Молли Энн» добралась до места, Дональд Арчи и Лахлан на Скавайге. Может, скажешь, что это чудо, а, Шеймас?

Должен вам сказать, никакой симпатии друг к другу эти двое не питали. Имейте в виду, большинство из нас стояли на стороне Ичана. Старик Шеймас Грант, он тяжелый человек. Уважаемый, это да, но теплых чувств к нему, ей-богу, никто не испытывал, как и он ни к кому из нас, да и вообще ни к кому, кроме своих сыновей, Лахлана и Дональда. Для старика весь мир сошелся клином на них двоих. Парни росли без матери, так что думал он только о них и ферму с лодкой держал только для них. Но человек тяжелый, мистер Маклин. Нелюдимый и — как это говорят — необщительный. Держался особняком.

— Чудо, Ичан, когда кого-то удается спасти в такую ночь. — Голос у старика Гранта был глубокий и тягучий.

— Спасти без Дональда и Лахлана? — не унимался Ичан. Торри, помнится, заерзал на стуле, и я отвел глаза. Нас это особо не касалось — а вышло, что напрасно.

— Большой Нейл хорош по-своему, — спокойно сказал Грант, — но таким рулевым спасательного бота, как Лахи, ему не стать — не чувствует моря.

В этот самый момент дверь отеля с грохотом распахнулась, едва не сорванная с петель ветром. Питер-почтарь, спотыкаясь, ввалился в комнату, захлопнул за собой дверь и остановился. Его мокрая штормовка поблескивала в свете ламп. Мы как посмотрели на него, так сразу поняли — что-то случилось.

— Спасательный бот, Ичан, «Молли Энн»! — выпалил он, торопливо и требовательно. — От них что-то есть? Ну же, проснись!

Ичан удивленно посмотрел на него.

— Ну конечно, Питер. Только что сообщили. Бот возле Криг-Деарга, и…

— Криг-Деарг! Oh Dhia![16] — Питер-почтарь хлопнулся на стул и тупо уставился на огонь в камине. — Двадцать миль отсюда… двадцать миль. Там Йен Чизхольм… примчался с фермы Тарберта — три мили за четыре минуты! — на своем «велосете». Говорит, паром «Бид» стоит посредине Залива и стреляет сигнальными ракетами. А «Молли Энн» стоит у Криг-Деарга. Мо chreach![17] — Он медленно покачал головой.

— Паром! — удивленно пробормотал я. — Паром! Большой Джон, должно быть, совсем рехнулся, если вывел его в такую ночь!

— И надо ж, весь рыболовецкий флот укрылся в Лох-Торридоне, — с горечью добавил Торри.

Какое-то время все молчали, потом старик Грант, все еще попыхивая трубкой, поднялся.

— Весь, да не весь, Торри Мор. — Он принялся застегивать штормовку. — Это Божий промысел, что Дональд и Лахи пошли на Скавайг взглянуть на новый дрифтер. — Он остановился и медленно огляделся. — Думаю, мне понадобится кой-какая помощь.

Мы все уставились на него.

---

[16] Notes: 16
О боже! *(шотл.)*

[17] Notes: 17
Моя добыча! *(шотл.)*

— Хочешь выйти в море на своем древнем корыте? — В голосе Ичана изумление смешалось с недоверием. — Да ему ж годиков сорок, если не больше. А волны в Заливе с дом высотой. Да тебя разнесет в щепки, ты и из бухты выйти не успеешь.

— Лахи бы пошел. — Старик уперся взглядом в пол. — Он — настоящий рулевой. Он бы пошел… и Дональ… Я своих ребят подвести не могу.

— Это ж самоубийство, мистер Грант, — попробовал убедить его я. — Ичан правильно говорит, выход в море — почти верная смерть.

— Да, только для тех бедолаг на пароме никакого «почти» нет. — Он взял зюйдвестку и повернулся к двери. — Может, у меня получится.

Ичан грохнул крышкой прилавка.

— Упрямый старый дурень, вот ты кто, Шеймас Грант. Жариться тебе в аду за твою треклятую гордыню! — сердито крикнул он и, повернувшись, схватил с полки пару бутылок бренди. — Может, и пригодятся, — пробормотал он себе под нос и, рыча и извергая проклятия, протопал к выходу.

Тут надо отметить, что «Дилеас» — так назывался бот Шеймаса Гранта — был на самом деле намного лучше, чем говорил о нем Ичан. Кэмпбелл из Ардришайга, когда строил его в

Лох-Файнере, использовал самый лучший дуб. А потом уже сам Грант укрепил корпус рамой из мягкой стали и установил новомодный дизельный двигатель, сорокасильный «Гарднер», насколько я помню. Но все-таки…

Что творилось за молом, вы представить себе не можете и никогда такого не увидите, даже в самом страшном кошмаре. Холод, жуткий ветер с такими ледышками, что резали лицо до кости.

А сам Залив! Боже ж ты мой, этот Залив! Короткие, вздыбленные волны неслись с быстротой скаковых лошадей, и весь он — эдакая бушующая громадина, мерцающая в непроглядной тьме. Даже теперь как вспомню, так в дрожь бросает.

Два часа мы вклинивались в этот ад, и трепало нас не приведи господь. «Дилеас» то взлетал на гребень волны, то срывался в пропасть, вонзаясь в котловину с грохотом и треском четырехдюймовой пушки и зарываясь в ней по самый планширь. В такие мгновения был слышен яростный стук гребного винта, отчаянно цепляющегося за воздух. Как «Дилеасу» удалось не сломать себе хребет, одному Господу ведомо — или духу Кэмпбелла из Ардришайга.

— Видно что-нибудь, парни? — кричал из полурубки Грант, и ветер срывал слова с его губ.

— Ничего, Шеймас, — ревел в ответ Торри.

Я передал прожектор, старенький «Олдис», Ичану и пробрался на корму. Шеймас Грант уверенно держал в руках штурвал, но его лицо напоминало кровавую маску — когда особо сильная волна накрыла бот и выбила стекло в окошке рубки, он не успел отвернуться.

Но его глаза оставались, как всегда, спокойными и внимательными.

— Бесполезно, мистер Грант! — прокричал я. — Мы никого сегодня не найдем, да и ничто не уцелеет в этом котле. Безнадежное дело, просто безнадежное, и «Дилеас» долго не протянет. Нам бы лучше вернуться.

Грант сказал что-то. Я не расслышал и наклонился к нему.

— Я вот думал, — повторил он задумчиво, — повернул бы Лахи назад или нет.

Я медленно отступил от рулевой рубки, проклиная Шеймаса Гранта за эту чертову любовь к сыновьям, Дональду Арчи и Лахлану. А потом… потом внутри меня пробился и пополз вверх черный стыд, и я проклял себя самого и, шатаясь и спотыкаясь, побрел к носу.

Я прошел полпути, когда услышал пронзительный и взволнованный голос Ичана.

— Там, Торри! Смотри туда! По левому борту! Кто-то в воде! Нет, бог ты мой, их там двое!

«Дилеас» вынесло на гребень следующего вала, и я пробежал взглядом по лучу поискового прожектора. Ичан не ошибся — в воде барахтались две неясные фигуры.

В три прыжка вернувшись к рубке, я вытянул руку. Старина Грант молча кивнул и начал разворачивать бот бортом к волне. И как же мастерски он выполнил маневр! Возьми чуть резче, и нас в одно мгновенье опрокинуло бы в бездну между двумя валами. Но Шеймас проделал все безошибочно.

А потом случилось чудо. Именно так, мистер Маклин, самое настоящее чудо. Мы как будто оказались в Галилейском море. Имейте в виду, волны не улеглись, но на мгновенье ветер стих, как будто затаил дыхание, и внезапно справа по борту из темноты вырвался протяжный крик.

Торри тут же развернул прожектор, луч качнулся вверх-вниз и замер на одном месте, примерно в сотне ярдов почти прямо по курсу. Сначала я подумал, что это просто какие-то обломки, но потом пригляделся получше и увидел, что это пара деревянных балок и досок, связанных вместе. И на этом подобии плота лежали — нет, они были

привязаны к нему! — двое детишек.

Они то появлялись, то исчезали, игрушки в руках дьявола, этого обезумевшего моря. Бедные крошки. Боже ж мой…

— Мистер Грант! — проорал я Шеймасу в ухо. — Прямо по курсу плот… и на нем двое детей.

Он был спокоен, как всегда, и только смотрел вперед — ни тени на каменном лице.

— Я не смогу забрать обоих, — сказал он ровным, недрогнувшим голосом, будь оно проклято, это каменное сердце. — Разворот в открытом море прикончит нас. Придется идти в Сил-Пойнт и развернуться там. Как думаешь, Калум, дети продержатся еще немного?

— Дети на пределе, — твердо сказал я. — И они не держатся — они привязаны.

Старина Грант посмотрел на меня и прищурился.

— Привязаны, говоришь? — спросил он негромко.

Я молча кивнул.

А потом случилось странное, мистер Маклин. В самом деле странное. Его морщинистое лицо как будто расколола улыбка. Между ручейков крови блеснули зубы. Он несколько раз понимающе и с удовлетворением кивнул, а потом повернул

штурвал вправо.

Плотик вынесло прямо на нас, и шанс зацепить его был только один. Но за штурвалом стоял старина Шеймас, и Торри Мор использовал этот шанс на все сто — подхватил плот с детьми и одним рывком забросил на палубу.

Мы отнесли их вниз, и старина Грант добрался до Сил-Пойнта. Мы развернулись и пошли назад, разрезая волны как скала, потому что нет на свете бота, справляющегося с бурным морем лучше, чем бот, построенный в Лох-Файнере. Но тех двоих, что барахтались в волнах, мы больше не увидели. В миле от бухты Шеймас передал штурвал Торри Мору и спустился посмотреть на детей.

Они сидели на койке перед плитой, закутанные в одеяла, — мальчонка лет девяти и светловолосая шестилетняя девчушка. Бледные, испуганные, изнемогшие, но мы знали — это поправимо, надо только выспаться как следует.

Я рассказал Гранту, что успел узнать от них.

Они играли в маленьком ялике под защитным молом бухты Буйде, но мальчонка слишком близко подошел к выходу из бухты, и ветер вынес их в Залив. Двое парней видели, что случилось с детьми, и отправились за ними на пароме. Вот

только вернуться они уже не смогли. Что было дальше, дети не помнили — бедняжки до смерти перепугались.

Я уже заканчивал, когда спустился Ичан.

— Ветер улегся, Шеймас, море успокоилось. Может быть, у тех двоих еще есть шанс — если они держатся на плаву, — что их вынесет на берег?

Старина Грант поднял голову. Лицо его, усталое, изрезанное морщинами, внезапно постарело.

— Шанса нет, Ичан. Ни даже самого маленького.

— Почему ты так уверен? — возразил Ичан. — Откуда тебе знать?

— Я знаю, — едва слышно, словно через миллион миль, пробормотал Шеймас.

— Чем довольствовался их старый отец, того хватало и Дональду с Лахи. Я так и не научился плавать. Они тоже.

Потрясенные, мы не произнесли ни слова. Только смотрели на него, сначала недоверчиво, потом в ужасе.

— Ты хочешь сказать… — Я не смог договорить.

— Да, это были Дональд и Лахи. Я их видел, — сказал Грант, глядя на огонь в камине. — Должно быть, вернулись пораньше со Скавайга.

Прошла, наверное, целая минута, прежде чем Ичан неуверенно произнес:

— Но Шеймас… Шеймас! Там ведь были твои мальчики! Как ты мог…

И только тогда первый и последний раз выдержка изменила старику Гранту.

— И что, по-твоему, мне нужно было сделать? — сердито, но не повышая голоса, перебил он Ичана, и его глаза заволокла пелена боли и слез. — Забрать моих ребят и оставить невинных детишек на верную погибель? Разве ты не понимаешь, Ичан? — продолжал он будто через силу. — Они собрали все, что могли, чтобы соорудить плот для детишек. Они знали, что делают. Знали, что, делая это, лишают себя надежды на спасение. Они все понимали, да. И если бы я не подобрал этих несчастных…

Он не договорил, а когда потом прервал молчание, мы услышали словно донесшийся издалека шепот:

— Мои мальчики, Лахи и Дональ… ох, Ичан, Ичан… я не мог подвести их.

Старик выпрямился, потянулся за тряпицей, вытер с лица кровь и, я думаю, слезы. Потом подхватил закутанную в одеяло девочку, усадил себе на колени и мягко ей улыбнулся.

— Ну что, mo gaol[18], как насчет глоточка горячего какао?

[18] Notes: 18
Моя дорогая *(шотл.)*.

Святой Георгий и дракон

Если кто на земле и заслужил право быть счастливым, то вы наверняка подумали бы о Джордже. В глазах каждого здравомыслящего человека, и в особенности утомленного зноем и прибитого пылью городского жителя, Джордж в тот самый момент уже находился на полдороге к раю.

С безоблачного летнего неба палило послеполуденное солнце; по обе стороны неспешно тянулись золотистые сжатые поля юга; под ногами пульсировала палуба изящного двадцатипятифутового прогулочного катера, а впереди тянулась лентой радующая взор, спокойная гладь Нижнего Дипуортского канала. Не говоря уже о приятной перспективе месячного отпуска. На полдороге к раю? Да он уже и сейчас рай.

Доктор Джордж Рикаби, БН, МН, ДН, ЧКИЭИ[19], считал себя несчастнейшим из смертных. Как сильно обманывался бы мир, с горечью размышлял он, если бы судил лишь по тому, что у всех

[19] Notes: 19

БН (BSc) — бакалавр естественных наук; *МН* (MSc) — магистр естественных наук; *ДН* (DS) — доктор наук; *ЧКИЭИ* (AMIEE) — член-корреспондент Института инженеров-электриков.

на виду.

Что с того, что он располагает достаточными средствами и может потрафить своему вкусу к путешествиям по стране, и, мало того, располагает временем, чтобы получить от этого настоящее удовольствие? Что с того, что в его компании преданный и трудолюбивый бывший ординарец, чья единственная цель в жизни — не позволить Джорджу перетрудиться? Что с того, что о нем говорят как о восходящей звезде в области ядерной физики? Что с того, что министр снабжения похлопал его по плечу и назвал Джорджем?

Тлен и суета, с грустью размышлял Джордж, когда катер огибал заросший лесом угол канала, все тлен и суета. Хотя не стоит слишком уж строго осуждать невежественный мир за его глупые выдумки и не менее глупые представления. С глубоким унынием он озирал взглядом безупречно чистую палубу из белой сосны. В конце концов, в дни юности он и сам бывал повинен в таком же невежестве. Да что там говорить, всего лишь три месяца назад…

— Стой, куда?! Ты меня протаранишь! — Пронзительный, с требовательной ноткой голос разрезал тягостные раздумья Джорджа, как острый нож. Он торопливо выпрямился во весь свой

рост — шесть футов, преимущественно кожа да кости, — схватился за очки и близоруко заморгал за толстыми очёчными стеклами.

— Быстро, быстро, пока еще не поздно, придурок!

Перед глазами Джорджа на мгновение возникло видение: баржа, носом ткнувшаяся в берег и заблокировавшая три четверти канала, и на ее корме шумная и отчаянно жестикулирующая юная особа. Все это стремительно промелькнуло в сознании Джорджа. Он не был человеком действия, а его центры принятия решений на какой-то момент парализовало.

— Право на борт, идиот! Вправо возьми! — надрывалась женщина, и Джордж, сбросив оцепенение, ухватился за штурвал. Но, как уже говорилось, он не был человек действия и в чрезвычайных ситуациях не лучшим образом себя проявлял. Джордж крутанул рулевое колесо со всей имеющейся в его распоряжении энергией, но крутанул не в ту сторону.

В миле от них, на лужайке возле Верхнего Дипуортского канала, восьмидесятилетние старики в халатах беспокойно зашевелились во сне, когда грохот прокатился над внешне безмятежным пейзажем. Впрочем, уже считаные секунды

спустя они снова погрузились в мирную дрему. А на самом канале дело приняло иной оборот. Сила столкновения была такова, что молодая женщина, весьма бесцеремонно оборванная на полуслове, переместилась на нос катера Джорджа. Одновременно и сам Джордж, подхваченный силой инерции, катапультировался вперед. Секунд десять эти двое злобно сверлили друг друга глазами с расстояния в пару фунтов.

Леди заговорила первой.

— Вот же бестолочь! Ты что, ослеп? Такой лихой, да? — сердито накинулась она на несчастного Джорджа. — Или… — в ее голос вкралась язвительно-ласковая нотка, — перегрелся на солнышке? — Она выразительно постучала себя пальцем по голове.

Поднявшись на ноги, Джордж замер в оскорбленном и исполненном достоинства молчании. Последняя несправедливость переполнила чашу горестей. Но, прошедший школу строгого воспитания, он надеялся, что знает, как полагается вести себя джентльмену.

— Если ваше судно или вы сами каким-либо образом пострадали, пожалуйста, примите мои извинения, — холодно произнес Джордж. — Но вы должны признать, что это, мягко говоря,

странно — когда баржа плывет по каналу бортом вперед. Я хочу сказать, никто не рассчитывает на такое…

Джордж запнулся. Поправил очки. И наконец позволил себе как следует присмотреться к леди.

Сделать это реально стоило, бесстрастно признался он. Блестящие рыжие волосы, ярко-голубые, пусть и с враждой, глаза, длинные, с золотистым загаром руки и ноги, зеленая безрукавка и коротенькие белые шорты. Надо признать — это он и сделал в душе, — все было на высшем уровне.

— Бортом вперед, надо же! — сердито фыркнула женщина и, отвергнув предложенную руку помощи, тоже поднялась, скорчив при этом болезненную гримасу. — Бортом вперед…

На глазах у восхищенного Джорджа она согнула и разогнула ногу и, похоже, чуть-чуть смягчилась, обнаружив, что колено работает.

— Вы что, не видели, что я воткнулась в берег? — холодно осведомилась обладательница рыжих волос. — Это случилось только что, и я не успела развернуться. Вы почему не обогнули мою корму?

— Извините, — сдержанно отозвался Джордж, — но ваша баржа в тени деревьев. Кроме того, я…

э-э-э… был не совсем внимателен, — неловко заключил он.

— Да уж, определенно не были, — вновь съязвила она. — Такой беспомощности, такого явного неумения…

— Хватит, — твердо произнес Джордж. — Дело не только в том, что в случившемся виноваты вы. Ваша старая баржа практически не пострадала, но посмотрите на мой катер, на его нос! — воскликнул он с огорчением.

Вскинув голову — на лице презрение и безразличие, — рыжеволосая леди развернулась, грациозно переступила через поломанный нос катера и погнутые поручни и шагнула на борт баржи. Джордж, не без колебаний, последовал за ней.

Она сразу же обернулась, протянув руку к оказавшемуся под рукой румпелю. Ее волосы словно вспыхнули, а голубые глаза сверкнули чуть ли не гневом.

— Что-то не припомню, чтобы приглашала вас на борт, — сказала она с угрозой. — Убирайтесь с моей баржи.

— Я вас тоже к себе не приглашал, — ответил ей Джордж, — а зашел сюда только для того, чтобы предложить помощь.

— У вас ровно пять секунд, чтобы уйти. — Негостеприимная хозяйка баржи крепче сжала рукой румпель. — Я прекрасно справлюсь сама и…

— Смотрите! — взволнованно возразил Джордж. — Румпельный трос! — Он поднял свободный конец, тот был аккуратно обрезан за исключением последней, оборванной жилы.

— Гениально, прямо ума палата! — саркастически заметила леди. — Полагаете, мыши перегрызли?

— Очень остроумно, согласен. Только все дело в том, что если его перерезали, значит кто-то это сделал? Не думаю, что вы сами перерезали собственный трос, — с сомнением предположил Джордж.

— Нет, это не я, — с горечью сказала она. — А вот Черный Барт мог. Он все режет — тросы, швартовые канаты, глотки, — ему все равно.

— Судя по вашим словам, этот Барт — сущий злодей. Хотя вы, возможно, пристрастны. Кто он такой, Черный Барт?

— Пристрастна? — Ей не сразу удалось справиться с собой и найти подходящие выражения. — Нет, вы только послушайте, он говорит, я — пристрастна! Этот человек грабит собственного отца, отправляет его в больницу, крадет

контракты на перевозку, натурально устраивает саботаж. Прямо сейчас он направляется в тот-филдское зернохранилище, чтобы украсть у меня летний контракт. Чей черед, тот и берет — такое у них у всех правило.

— Перестаньте, — миролюбиво ответил Джордж. — Пиратство в Нижнем Дипуортском канале?.. В Англии, в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году, посреди белого дня?.. Мне говорят, я человек доверчивый…

— А вы видите где-то поблизости корабли ВМФ? — быстро перебила его рыжеволосая леди. — Или свидетелей? Этот канал самый пустынный во всей Англии.

Джордж задумчиво посмотрел на нее через толстые стекла очков.

— В этом что-то есть. К счастью, вы не одиноки. Мы с Эриком — это мой человек…

— Знаете, мне не до смеха, есть дела поважнее. Со своими проблемами я разберусь сама. Вон с моей баржи!

Уязвленный столь грубым ответом, Джордж позабыл, что воспитан джентльменом.

— А теперь послушай меня, ты, рыжая! — взорвался он. — Не понимаю, почему…

— Ты назвал меня рыжей? — любезно осведо-

милась леди.

— Да, назвал. Как я сказал…

Румпель, который летел в него, Джордж заметил в последнее мгновение. Он пригнулся, споткнулся, отчаянно замахал руками, цепляясь за воздух, и ухнул за борт. Сжимая в левой руке драгоценные бифокальные очки, Джордж погрузился в темные глубины Нижнего Дипуортского канала. Когда же он вынырнул чуть погодя, рыжей на палубе уже не было, а на ее месте стоял Эрик с багром в руке.

Часом позже круизный катер продолжил путь по каналу, следуя на почтительном расстоянии за баржей. Джордж — в безукоризненном фланелевом костюме для тенниса — угрюмо наблюдал, как развеваются на верхушке мачты его брюки и свитер. Не первый раз в этот день его одолевали горькие мысли.

«Женщина, — угрюмо размышлял он, — суть дьявол». Три месяца назад он был счастливейшим из людей. Именно на сегодня была назначена его свадьба. По мнению Джорджа, самое меньшее, что могла сделать ему невеста, — это изменить дату свадьбы с той же легкостью, с какой она меняла потенциальных мужей.

Женщины просто не способны на высокие чув-

ства. Взять, к примеру, эту рыжую, эту мегеру, эту медноволосую амазонку, этого дракона в обличье ангела.

Идеальное подтверждение его веры в фундаментальную женскую несправедливость, недобросовестность и бесчувственность. Впрочем, никакие подтверждения ему и не требовались.

— Посмотрите вперед, сэр, — подал голос стоящий на носу Эрик. — Еще одно судно.

Джордж прищурился, устремляя взгляд в сторону заходящего солнца.

Рыжеволосая умело направила свою баржу вдоль берега канала и прямо у него на глазах проворно спрыгнула на берег с канатом в руке и закрепила швартовый. Сразу за ней другая, гораздо более древняя баржа постепенно исчезала за воротами шлюза. Одни ворота были уже закрыты, а другие медленно закрывал дородный мужчина, нажимая на массивную железную ручку. Джордж предположил, что это вполне мог быть Черный Барт. Ситуация становилась все более интересной.

— Эрик, швартуйся, — произнес Джордж. — Похоже, здесь требуется присутствие человека рассудительного и спокойного. Или я сильно ошибаюсь.

С этими словами он соскочил на берег и направился к месту конфликта.

Конфликт действительно разворачивался, но носил явно односторонний характер. Мужчина, закрывавший ворота, — смуглолицый, небритый, неприятного вида тип с физиономией бывшего боксера — продолжал закрывать шлюз, одной рукой отталкивая рыжеволосую леди, пытавшуюся помешать ему в этом. Удары, которые она наносила здоровяку, воспринимались им как комариные укусы. Пожилой и явно напуганный смотритель шлюза наблюдал за происходящим со стороны, беспокойно переминаясь с ноги на ногу, но не пытаясь вмешаться.

— Ну-ну, Мэри, девочка моя, — подзуживал боксер. — Не надо так, успокойся. Колотишь ни в чем не виноватого парня. Где такое видано? Это же уголовное дело.

— Джемисон, не закрывай ворота! — кричала она. — Места там для двух барж хватит, не знаешь, что ли? Это надо же, перерезать румпельный трос! Если ты пройдешь через шлюз один, мне это в целый час обойдется. Ах ты… сволочь!

Она сражалась изо всех сил, но без толку.

— Какие выражения! Ты бы следила за языком, дорогуша. — Барт вызывающе ухмыльнулся. —

Румпельный трос? — Он сделал удивленное лицо. — Не понимаю, о чем ты. А насчет того, чтобы пропустить твою баржу… Ну уж нет. — Он с деланым сожалением покачал головой и сплюнул в направлении своей видавшей виды посудины. — У меня краска еще не просохла, не могу рисковать.

— Помощь нужна? — встрял Джордж.

— Проваливай, франт, — вежливо посоветовал Барт.

— Ох, да уйдете ж вы, в конце-то концов! — подключилась леди.

— Я не уйду. Меня это касается тоже. Это дело всех нас касается. Здесь совершается несправедливость. Предоставьте мне самому решать.

Джемисон остановился и из-под нахмуренных бровей посмотрел на Джорджа. Джордж оставил его взгляд без внимания и повернулся к рыжеволосой леди:

— Мэри, девочка моя… э-э-э… то есть мисс, почему этот грубиян не желает пропустить вашу баржу в шлюз?

— Потому что моя задержка дает ему фору в час. Баржа у него старая, медленная, а до зернохранилища еще шестьдесят миль. Он хочет попасть туда первым и делает все возможное,

чтобы меня остановить, — со слезами на глазах объяснила Мэри.

Джордж повернулся и посмотрел на Черного Барта.

— Откройте ворота, — приказал он.

От изумления у Барта на секунду отвисла челюсть, но уже в следующее мгновение он грозно стиснул зубы и ухмыльнулся:

— Вали-ка ты отсюда, сынок. Не до тебя.

Джордж снял с головы фуражку и аккуратно положил рядом с собой.

— Вы не оставляете мне выбора, — заявил он. — Придется применить силу.

Мэри схватила его за руку. В ее глазах больше не было враждебности — только искреннее беспокойство.

— Пожалуйста, уходите, — взмолилась она. — Пожалуйста. Вы его не знаете.

— Что правда, то правда. «О, пожалуйста», — передразнил девушку Барт. — Ты еще расскажи ему, что я сделал с твоим папашей.

— Молчите, женщина, — приказал Джордж. — И подержите вот это.

Он сунул ей в руку очки и повернулся к Барту. К сожалению, без очков Джордж не смог бы отличить от стога сена трамвай. Но злость заставила

забыть об осторожности. От привычного спокойствия не осталось и следа. Сделав быстрый шаг вперед, Джордж атаковал место, где только что перед ним стоял Черный Барт.

Но его противника там уже не было, он предусмотрительно переместился в сторону. Кроме того, на беду Джорджу, Черный Барт обладал зорким зрением и понятия не имел о каких-то высоких чувствах. Разящий правой пришелся на дюйм ниже левого уха. С учетом веса и боевого духа противника этот хук не шел ни в какое сравнение с ободряющим похлопыванием по плечу от министра снабжения. Джордж оторвался от земли, элегантно уклонился от встречи с окончанием шлюза и, описав изящную параболическую дугу, во второй раз в течение часа опустился в глубины Нижнего Дипуортского канала.

Мэри, побледневшая и дрожащая, замерла на пару секунд, после чего набросилась на Черного Барта.

— Свинья! — кричала она. — Злобная скотина! Ты же убил его! Давай скорее вытаскивай! Он ведь утонет! Утонет!!! — Казалось, Мэри вот-вот расплачется.

Черный Барт равнодушно пожал плечами.

— А мне что с того? — с полным безразличием

ответствовал он. — Сам нарвался.

Мэри, щеки которой вновь расцвели румянцем, недоверчиво посмотрела на него:

— Но… но это же ты! Ты его ударил! Я видела.

— Я защищался, — осторожно заявил Черный Барт. — Я всего лишь напоролся на него. — По его физиономии медленно расползлась злобная усмешка. — И потом, я не умею плавать.

Секундой позже тишину летнего вечера прервал еще один всплеск. Леди бросилась спасать своего заступника.

— Убирайтесь с моей баржи, — сердито приказала она. — Мне ваша помощь без надобности.

Устроившись поудобнее у подзора баржи, Джордж спокойно оглядел деревянный причал, к которому пришвартовались на ночь три лодки. Неприятный инцидент, имевший место двумя часами ранее, никак на нем, похоже, не отразился.

— Не уберусь, — ответил ей Джордж, мирно попыхивая трубкой. — И Эрик не уберется. — Он кивком указал на своего спутника, занятого созерцанием ночного неба через донце опрокинутой кружки. — Каждая юная леди, и в особенности та, что изо всех сил пытается продолжить бизнес своего отца, нуждается в защите. Мы с Эриком позаботимся о вас.

— Защита! — горько вздохнула та, о ком он только что держал речь. — Защита!

Джордж проследил за ее многозначительным взглядом в сторону висящих на веревке белых шортов и зеленой безрукавки. С них все еще капало.

— Да вы и с тачкой не справитесь. Под парусом ходить не можете, себя защитить не можете — да уж, хорош защитничек! — Она глубоко вздохнула. — Уходите!

— Нет-нет, мисс, — обиженно сказал Эрик, — вы не вполне справедливы. Хозяин вовсе не слабак. У него даже медаль есть.

— И за что же он ее получил? — язвительно осведомилась Мэри. — За бальные танцы?

— Боюсь, Эрик, леди раздражена, — сказал Джордж. — Возможно, не без оснований. Все драконы, — пробормотал он себе под нос, — пребывают в состоянии постоянного раздражения.

— Что вы сейчас сказали? — нахмурилась леди.

— Ничего, — вежливо, но твердо ответил Джордж. — А теперь, пожалуйста, ступайте в постельку. Ни с вами, ни с вашей баржей больше ничего не случится. Мы с Эриком, — закончил он на поэтической ноте, — не сомкнем глаз и

пребудем с вами до самого рассвета.

Мэри хотела было возразить, но заколебалась, покорно пожала плечами и отвернулась.

— Как хотите, — сказала она устало и с ноткой надежды добавила: — Не боитесь схватить воспаление легких?

Некоторое время из каюты доносились негромкие звуки, свидетельствующие о некоторой деятельности внутри, потом свет погас. На смену прежним звукам, проплыв над трапом, пришел другой: тихое посапывание — признак мирного, спокойного сна. Во многих отношениях звук был приятный — во всяком случае, много приятнее храпа, издаваемого двумя верными стражами на корме.

Спали, однако, не все. Далеко не все. Черный Барт и его помощник не только не спали, но были необычайно активны. Последний незаметно проник в машинное отделение катера Джорджа, в то время как сам Черный Барт устроился на одной из поперечных подводных балок, поддерживающих опоры причала. Через плечо он перекинул тонкий проволочный трос длиной около шестидесяти футов. Один конец троса был закреплен на опоре причала, другой — на руле баржи, непосредственно под спящими стражами.

Закончив, Черный Барт выпустил моток из рук, и трос мягко опустился на дно канала.

В 7:00 следующего утра Джордж и Эрик в спешке покинули баржу. Сковорода в руках рыжей леди сама по себе выглядела весьма грозным оружием, но ее презрение и насмешки были еще страшнее.

В 7:30 баржа Черного Барта отшвартовалась от причала, прошла по каналу пару сотен ярдов и остановилась. Джемисон выбрал удобное место, чтобы наблюдать за предстоящим спектаклем.

В 8:00 на палубе появился Эрик, последними словами кроющий негодяя, который опустошил парафиновые баки и наполнил их водой.

В 8:02 Джордж торопливо прошел по берегу к барже Мэри и попросил топлива. Его отогнали при помощи багра и недобрых слов.

В 8:05 баржа отошла от причала, а в 8:06 утреннюю тишину разорвал ужасный треск, известивший о том, что у судна сорвало руль.

В 8:08 Джордж пробежал по тропинке вдоль канала и перепрыгнул на борт баржи с предложением помощи. В 8:09 рыжеволосая леди отправила его в канал, а в 8:10 снова выловила из воды.

В двухстах ярдах от этой сцены Черный Барт пе-

реломился от смеха, потрясенный результатами собственной гениальности. Наконец он выпрямился, вытер мокрые от слез глаза и направился к славному Уотменс-Фолли, последней остановке на пути к зернохранилищу.

— Да, старина, недооценил я тебя. Сильно недооценил. Извини, Барт. Извини, приятель. Но ты же понимаешь, как оно бывает. Женщины! Женщины! Ты видел, как она со мной обошлась? А? Видел? — Джордж не находил слов от возмущения.

— Да, док. Видел, конечно. — Черный Барт выругался. — Несносная баба. Скверный характер у юной леди. — Вообще-то слово «леди» Барт предпочитал не употреблять. — От нее лучше избавиться. Извини за ту стычку около шлюза. Это все из-за нее, маленькой дряни.

— Забыли, Барт, старина. Я сам виноват. Ну что, по рукам, а?

Новоявленные друзья торжественно пожали друг другу руки, после чего вернулись к важному делу — соревнованию по опустошению доступных запасов местного сидра, напитка довольно крепкого. Какое-то время Джордж даже выигрывал с небольшим отрывом, потом, улучив момент, ловко вылил едва ли не все содержимое своего

стакана в ящик для растений, который находился снаружи. Черный Барт оставался в счастливом неведении относительно хитрой уловки своего нового друга. Не знал он, разумеется, и о том, с какой тщательностью Джордж организовал эту как бы случайную встречу в «Гербе», любимом заведении Джемисона. Завязать знакомство труда не составило — после утренней сцены на барже дружелюбие Джорджа нисколько Барта не удивило. Помогло и то, что Джордж не скупился на выпивку.

— Уже десять, док, — предупредил Барт. — Пора бы, знаешь, и на боковую. Они закрываются.

— Невозможно, старина, — проворчал Джордж, едва ворочая языком. — Мы же здесь всего-то десять минут. Вот что я тебе скажу, — продолжил он, заметно оживившись. — Давай-ка устроим веселую ночку, а, старина? Ну же!

Через десять минут оба уже брели по тропе вдоль канала, распевая в чудесном — как им представлялось — согласии и размахивая большими плетеными бутылями с сидром. Миновав сначала круизный катер, а после и баржу Мэри — руль починили на скорую руку, и Барт обещал вплотную заняться им позже, — они загрузились наконец на бартовский борт.

От Уотменс-Фолли, где пришвартовался Барт, до зернохранилища оставалось всего десять миль.

Уотменс-Фолли представлял собой так называемый глухой шлюз. Ворота были с обеих сторон, но выходные вели в никуда. От них открывался вид на долину Верхнего Тотфилда, где планировалось построить еще один канал. План этот так и остался на бумаге из-за финансовых трудностей. Как обычно и бывает с глухими шлюзами, выход просто закупорили бетоном.

На борту двух новых приятелей радостно встретил помощник Барта, так что ночное веселье продолжалось. В половине второго помощник съехал под стол. Без четверти два компанию ему составил и Джордж, а в два часа ночи и сам Барт, осушив последнюю бутыль сидра, рухнул эффектно на пол.

Джордж быстро поднялся, встряхнулся, сошел на берег и направился к барже Мэри. В ответ на его настойчивый стук в кабине тут же включился свет, а еще через десять секунд дверь приоткрылась, и из-под всклокоченных рыжих волос на него уставились два сонных и испуганных голубых глаза. Когда же их обладательница узнала ночного гостя, в них мелькнуло — и это весьма любопытно — нечто похожее на радость, потом

просквозило облегчение, но все закончилось раздражением.

— Знаю, знаю, — предупредил ее ответ Джордж. — «Убирайся с моей баржи». Я ненадолго. И, — добавил он быстро, — ночную вахту нести сегодня не собираюсь. Зашел сказать, чтобы вы были готовы выйти утром пораньше. Думаю, уже через несколько часов у Черного Барта проснутся в отношении каждого из нас не самые хорошие чувства.

— Вы о чем? — удивленно спросила Мэри и тут же недоверчиво осведомилась: — И что вы предлагаете?

— Подождите — и увидите, — грубовато ответил Джордж. — Я, конечно, не моряк, не пловец и не боксер, но, — он коротко постучал себя по лбу, — возможно, не совсем уж бесполезен по этой части. Спокойной ночи.

Он вернулся к себе на катер, забрал Эрика, и они вместе отправились на баржу Барта. Отвязали причальные канаты, провели баржу по каналу, открыли створ шлюза, скрипевший и упиравшийся после нескольких лет бездействия, и затащили ее в шлюз. Потом створ закрыли, Джордж достал ножовку и отпилил ручку шлюзового люка, так что открыть его и впустить воду

стало невозможно.

Пока Джордж решал эту проблему, Эрик сражался с люком на другом конце шлюза. Совместными усилиями им удалось поднять люк, и вода устремилась из западни на волю. Затем они и здесь отпилили ручку, лишив желающих возможности закрыть его. Через десять минут из шлюза ушла вся вода, и баржа со спящей командой опустилась на дно, крепко увязнув в иле. Черный Барт и его посудина встали на долгую стоянку.

Но не все прошло гладко. Задумка удалась на отлично, и план сработал идеально, только для его автора это предприятие едва не закончилось трагически.

Джордж недооценил потрясающую способность Черного Барта восстанавливаться. Все проснулись рано, и в семь часов, когда Джордж убирал причальные канаты баржи Мэри, наверху шлюза появился Барт — с налитыми кровью глазами, небритый, с головы до ног вымазанный в грязи и похожий на какое-то доисторическое чудовище. Но на этом сходство с чудовищем не заканчивалось — Черный Барт тоже жаждал крови.

Добраться до своего катера, только что отчалившего от берега, Джордж не успел. Сыпя

проклятиями и беснуясь как сумасшедший, размахивая кулачищами в слепом гневе, Черный Барт, словно тигр, прыгнул на своего недавнего собутыльника. Но с местью получилась промашка, мстителю помешала собственная его сила. Сильнейший толчок в плечо развернул Джорджа и в четвертый раз за тридцать шесть минувших часов бросил его в темные глубины канала. Он барахтался, отчаянно размахивал руками, отплевывался, кашлял и то уходил под воду, то выныривал на поверхность. Но особых причин для беспокойства не было. Уже в третий раз перед ним мелькнуло приятное видение — изящная фигура прорезала воды канала и, взяв практически не сопротивляющегося Джорджа на буксир, потащила к барже. Эрик помог поднять его на борт.

Прошло десять минут, а Джордж все еще не спешил приходить в себя. Черный Барт, по-прежнему изрыгающий чудовищные проклятия, остался далеко позади, так что спешить Джорджу действительно было некуда. Его голова покоилась на коленях Мэри, с успехом, как ему представлялось, замещавших самую удобную из подушек. К тому же он слышал знакомое урчание идущего рядом катера и не испытывал желания отвечать на

укоризненный взгляд Эрика.

На всякий случай он слегка пошевелился и приподнял веки. Рыжая в мокрой одежде неподвижно сидела на палубе, машинально одной рукой направляя руль. «Джордж, Джордж, ох, Джордж», — шептала она, и этот шепот был приятен его уху, а ее голубые глаза, обычно враждебные и дерзкие, туманила дымка легкой тревоги.

«Надо предупредить Эрика насчет медали, — подумал он, погружаясь в сладкую дрему. — Мэри ничего не должна знать… может быть, потом…» Дело в том, что Джордж и правда был награжден Георгиевской медалью. Он получил ее за невероятный подвиг, сумев выжить после того, как его истребитель упал в Средиземное море в восьми милях от ливийского побережья. Раненный, контуженный, ослабевший от потери крови, Джордж должен был умереть. Но он добрался до суши.

Проплыв все восемь миль, до самого последнего фута.

«Звезда Арандоры»

Для «Звезды Арандоры» и впрямь настали тяжелые времена. Дни ее славы и гордости миновали. Те великие, славные дни, когда гордо реявший на мачте флаг компании «Блю стар» возвещал десяткам гаваней по всему миру о прибытии одного из элитных судов Британского гражданского флота — роскошного круизного лайнера, совершающего, подобно королевской особе, торжественный обход лучших портов семи морей. С тех пор не прошло и года.

Не прошло еще и года с тех пор, как она взяла на борт последнюю группу избранных, финансово обеспеченных пассажиров, окутала их шелковым коконом роскоши и безукоризненного обслуживания и перенесла на север, к норвежским фьордам, в поисках летнего солнца, или на юг — понежиться под голубым карибским небом. Игры на палубе, тихая музыка, киносеансы, танцы под аккомпанемент корабельного оркестра, позвякивание льда в высоких бокалах из матового стекла, ненавязчивое присутствие незаметных стюардов в белых куртках — все для комфорта и удобства пассажиров, все, что могло поддержать на борту

корабля идеальную атмосферу расслабленности и романтики.

С тех пор не прошло и года, но теперь все осталось в прошлом. Перемена произошла огромная. Атмосфера расслабленности и романтики рассеялась бесследно. Ни оркестра, ни баров, ни игр на палубе, ни танцев под звездами.

Еще бóльшая перемена произошла с самим кораблем. Корпус, палубные надстройки, труба, яркие, живые цвета которой некогда отражались в водах фьордов и средиземноморских портов, теперь были уныло-серыми.

Из общих помещений убрали дорогую мебель, панели и драпировку; в каютах поставили обычные металлические койки для размещения вдвое, а в некоторых случаях и вчетверо большего числа пассажиров.

Но самое главное изменение коснулось статуса пассажиров и цели их путешествия. Там, где когда-то размещались несколько сотен состоятельных британцев, теперь ютились более тысячи шестисот интернированных и пленных немцев и итальянцев, и плыли они не на поиски солнца, а в лагерь для интернированных в Канаде, где им предстояло пробыть до конца войны.

Этим людям — проживавшим в Британии

гражданским лицам и взятым в плен немецким морякам — повезло. Из хмурой и аскетичной Англии с ее блэкаутами и карточной системой они отправлялись в Северную Америку, где их ждали относительно комфортные условия содержания и если не изобилие, то по крайней мере достаток. Да, в лагере, да, под охраной — и так всю войну, все унылые и однообразные месяцы или даже годы, но они будут одеты, сыты, а самое главное — в безопасности.

Вернее, были бы. К несчастью как для немцев, так и для их итальянских союзников, в начале седьмого утра 2 июля 1940 года, на второй день после выхода из Ливерпуля, неподалеку от западного побережья Ирландии, «Звезда Арандоры» попала в перекрестье перископного прицела капитана немецкой подводной лодки.

Торпеда попала точно в середину корпуса корабля, вызвав оглушительный взрыв и высокую стену белой воды и пены, и все это каскадом обрушилось на надстройки и верхние палубы, прорвало незащищенный борт и угодило в машинное отделение. От удара поперечные водонепроницаемые переборки в глубине корабля прогнулись и раскололись, и тонны воды, хлынув через огромную рваную дыру, мгновенно

затопили нос и корму и, словно разъяренный зверь, поглотили людей, прежде чем они успели прорваться наверх, к свободе.

Многие члены экипажа погибли в первые же секунды, не успев оправиться от вызванного взрывом шока. Обрушившаяся на них приливная волна, стремительный вал бурлящей, пенистой, с маслянистыми разводами воды, стала первым указанием на опасность, но оцепеневший мозг лишь зафиксировал ту простую истину, что краткий миг, когда они еще могли спастись, безвозвратно ушел.

Лишь немногим удалось подняться из затопленных глубин корабля по железным лестницам и трапам на верхнюю палубу, где уже столпились сотни людей. Но, оказавшись, как им хотелось верить, в безопасности, они быстро поняли, что безопасность — иллюзия и шансы спастись с уже тонущего лайнера близки к нулю.

Для сообщений о трагедии, появившихся в британской прессе в четверг, 4 июля, и пятницу, 5 июля, характерно поразительное единодушие в отношении причин ужасающей трагедии с огромным количеством жертв. Точнее, не причин, одной-единственной причины: невероятной трусости и эгоизма немцев и итальянцев, которые,

объединившись по национальному признаку, отчаянно боролись за места в шлюпках. Все это сделало невозможным организовать быструю погрузку в спасательные шлюпки и их спуск на воду.

Сообщения прессы того времени не оставляют на этот счет никаких сомнений. «Жертвы как следствие паники». «Пассажиры дерутся за места в лодках». Эти и им подобные заголовки свидетельствовали о постыдной панике, дикой суете и трусости немцев — «здоровенных скотов, пинавших и отталкивавших всех, кто оказывался у них на пути», кулаками пробивавшихся к лодкам, об отвратительной свалке, устроенной итальянцами, которые заботились только о собственной шкуре, о десятках людей, которых столкнули за борт, о британских солдатах и моряках, терявших драгоценное время в попытках растащить обезумевших, орущих, дерущихся чужаков и зачастую плативших за это собственной жизнью.

В одном репортаже утверждалось даже, что итальянцы настолько обезумели от страха, что дрались не только с немцами, но и между собой; якобы человек тридцать устроили свалку перед единственным спасательным канатом.

Для того чтобы установить, помимо прочего,

подлинный масштаб паники, среди выживших пассажиров «Звезды Арандоры» провели недавно опрос. Показания четверых из них были отобраны как наиболее объективные, если можно говорить об объективности в таких обстоятельствах.

Их выбрали на основании: а) того, что они представляли различные контингенты — экипаж, охрану и интернированных — находившихся на борту; и б) того, что заявления, сделанные ими добровольно и независимо друг от друга, в значительной степени совпадали. Незначительные расхождения легко объяснялись тем фактом, что все они находились в разных частях корабля и покинули его разными способами.

Эти четверо: мистер Сидни (Нобби) Фулфорд, корабельный бармен, живущий по адресу Саутгемптон, Нортбрук-роуд, 57; мистер Эдвард (Тед) Крисп — Норт-Уилд, Эссекс, Хай-роуд, 210, ветеран-стюард компании «Блю стар лайн», выходивший в море в течение тридцать девять лет; мистер Марио Дзампи, известный кинопродюсер итальянского происхождения с Уордор-стрит, и мистер Айвор Даксберри, сотрудник Военного министерства, проживающий в Хестоне, Мидлсекс, на Джонсон-роуд, 89.

В свете газетных сообщений того времени осо-

бенно примечательны их ответы на вопрос о масштабах паники и жестоких стычках, якобы имевших место на борту лайнера.

— Я не видел никаких признаков паники и никаких драк, — твердо заявил мистер Фулфорд. Учитывая, что он оказался в одной лодке с шестьюдесятью интернированными, у него была прекрасная возможность заметить что-либо подобное, если бы это случилось. — Сумятица, конечно, была, но не более того.

То же самое сказал и мистер Крисп.

С ними согласился и мистер Дзампи:

— Сообщения о панике и беспорядках среди интернированных не соответствовали действительности. Единственный конфликт, свидетелем которого я был, возник между британским сержантом и его людьми. Они запрыгнули в спасательную шлюпку, и, чтобы заставить их выйти, пришлось стрелять.

В этом заявлении мистера Дзампи, услышавшего, должно быть, немало утверждений, ставящих под сомнение храбрость его соотечественников, можно было заподозрить проявление уязвленного национального чувства или вполне понятное желание поквитаться, тем более что описанный им эпизод выглядел в высшей степени малове-

роятным.

На самом деле инцидент действительно был, и мистер Дзампи ошибся только в том, что принял за сержанта капрала, и этот самый капрал, по удивительному совпадению, являлся четвертым свидетелем. Капрал (в то время) Даксберри из Валлийского полка дал самые полные показания о событиях того дня, чему способствовала его феноменальная память.

— Некоторые из охранников, — рассказал Айвор Даксберри, — ослушались приказа «Военнопленные и интернированные — в первую очередь». Майор Бетелл, командир сто девятого отряда по охране военнопленных, находившийся на мостике, через мегафон призвал их выйти из шлюпки. Они не подчинились, и тогда он приказал дать залп поверх голов, чтобы показать, что он не шутит.

Даксберри выполнил приказ, и солдаты вскоре ушли.

Даксберри подтвердил, что общей паники или драк на борту не было. По его словам, он видел, как двое итальянцев, молодой и пожилой, сцепились за место в лодке, но драка быстро закончилась, когда интернированный немец вырубил молодого человека судовой щеткой для

мытья посуды и сопроводил старика в лодку.

Если не считать этих незначительных инцидентов, никаких происшествий, о которых написали в газетах, не случилось. В таком случае в чем цель публикаций?

Ответ очевиден и заключается в том, что граждане воюющей страны поражены неизлечимой формой шовинизма, страдают от националистической близорукости, излечить которую может только мир, временной потери здравомыслия, при которой наша сторона, наши войска хорошие, доброжелательные, храбрые, тогда как противники — плохие, жестокие и трусливые.

Но, как это часто бывает, очевидный ответ оказывается неверным. Топовые журналисты, освещавшие эту историю, в целом менее подвержены влиянию безрассудных эмоций, чем подавляющее большинство обычных людей. Практичные, трезвомыслящие реалисты, циники в лучшем смысле этого слова, воспринимают весь этот ура-патриотизм, агрессивный милитаризм и бессмысленный юношеский джингоизм воюющей нации скептически и с недоверием. Их работа — сбор и оценка фактов.

Скорее всего, они собрали факты, оценили их, посмотрели внимательно и убрали подальше,

предпочтя им рассказы плохо информированных выживших для заполнения своих историй живыми деталями, придания им большей достоверности и убедительного объяснения причин большого числа жертв. Журналисты поступали так из вполне объяснимого и оправданного страха перед редакторами и цензорами. Тот глупец, которому вздумается сказать правду в военное время, может запросто оказаться в тюрьме, если кто-то сочтет, что правда угрожает национальной безопасности, подрывает боевой дух или идет на пользу врагу.

Факты, объясняющие причины большого количества человеческих жертв, таковы.

1. Корабль был чрезмерно перегружен. С этим согласны все выжившие. Первоначально — в мирное время — «Звезда Арандоры» перевозила двести пятьдесят пассажиров первого класса, но позже за счет изменений в надстройках вместимость увеличилась на двести человек. Утром в день катастрофы на борту находилось около тысячи семисот интернированных, пленных и охранников, не считая членов команды судна.

Айвор Даксберри своими ушами слышал, как капитан корабля Э. У. Моултон сказал его командиру, майору Бетеллу, что он самым решитель-

ным образом протестовал против переполнения и требовал сократить количество пассажиров наполовину. Власти отказались его слушать. Что это были за власти, точно не известно, но во всяком случае речь не шла ни о «Фредерик Лейланд и К°», владельцах судна, ни об управляющей компании «Блю стар лайн».

2. Некоторые из выживших утверждают, что спасательных жилетов было недостаточно. Справедливость этого утверждения трудно обосновать — очевидно, что ни один человек, кроме старшего офицера и его непосредственных подчиненных, не может знать, где находится каждый жилет, — но вряд ли подлежит сомнению, что, даже если их было достаточно, выдали их не всем.

Многие утонули именно из-за отсутствия этих жилетов. Возможно, хотя это представляется крайне маловероятным, что десятки людей просто забыли о них, но очевидно, что жилеты были не у всех. Не было спасательного жилета и у стюарда Криспа, и у капрала Даксберри, по словам которого, жилетами не обеспечили и охрану в полном составе. В отчетах того времени говорилось, что некоторые армейские офицеры передавали свои спасательные жилеты интернированным, но то были единичные случаи.

3. Спасательных шлюпок было слишком мало. Всего лишь около дюжины, старых, побитых, вместимостью около шестидесяти человек каждая, то есть менее чем на половину экипажа и пассажиров «Звезды Арандоры». С некоторых шлюпок были сняты весла, аварийные припасы и заглушки, чтобы интернированные не смогли использовать их для побега. Неужели ответственные за это чудовищное решение считали возможным, что группа интернированных украдет шлюпку на глазах у матросов и вооруженных охранников? Понять это трудно. И уж совсем невозможно представить, что шлюпку спустят в темноте с лайнера, идущего полным ходом по неспокойным водам Атлантики. Невероятно, чтобы такое решение мог принять морской офицер.

4. Тренировочные занятия по эвакуации на шлюпках, похоже, не проводились. Ни мистер Крисп, ни мистер Фулфорд ничего на этот счет не сказали, возможно, потому, что не хотели бросать тень на своих работодателей, одну из самых уважаемых судоходных компаний в мире. Их молчание понятно и достойно уважения, но в данном случае такая сдержанность представляется излишней, поскольку компанию никто не обвиняет. И мистер Дзампи, и мистер Даксберри

высказались по этому вопросу откровенно и ясно; кроме того, об отсутствии такого рода подготовки говорится в книге мистера Лафита «Интернирование иностранцев» («The Internment of Aliens»).

Было бы легко и, возможно, правильно назвать это преступной халатностью, но, справедливости ради, следует иметь в виду, что на борту было немало убежденных нацистов, матросов и подводников, которые могли воспользоваться неразберихой при проведении учебных занятий, чтобы попытаться захватить корабль.

5. Плоты, на которых могли бы спастись многие из тех, кому не хватило места на шлюпках, были закреплены проволокой. Чтобы их освободить, требовались специальные инструменты, которые часто не оказываются в нужный момент под рукой или теряются. Большая часть спасательных плотов так и остались на месте и в конечном итоге пошли ко дну вместе со «Звездой Арандоры».

6. Все вышеперечисленные причины: перегрузка, нехватка спасательных жилетов и шлюпок, отсутствие тренировок и намертво закрепленные плоты — несомненно, сыграли свою роль в трагедии с массовой гибелью людей. Но даже все, вместе взятые, они не могут сравниться по смертоносному эффекту с еще одной, о которой

в то время даже не упоминалось: колючая проволока.

Палубы корабля было трудно узнать, их окружили заграждением из колючей проволоки, превратившим «Звезду Арандоры» в плавучий концентрационный лагерь.

— Я имел большой опыт работы с клетками для военнопленных, — рассказывал Айвор Даксбери. — Но я никогда не видел, чтобы заграждение установили с таким знанием дела. Преодолеть его было невозможно, пространство между рядами не позволяло даже просунуть голову. Колючая проволока перегораживала палубы и перекрывала доступ к спасательным шлюпкам.

«Перекрывала доступ к спасательным шлюпкам». В одном этом обличительном заявлении заключается ключ к трагедии «Звезды Арандоры». Неудивительно, что службы безопасности пресекали любые упоминания об этом факте, ведь он давал в руки державам Оси прекрасный пропагандистский материал!

Действительно, трудно понять, почему всемогущие власти того времени сочли необходимым установить проволочное ограждение, — возможно, они полагали, что таким образом помешают интернированным сбежать, прыгнув за борт

посреди Атлантики, в надежде добраться до ближайшего континента вплавь? Зато легко понять капитана Моултона, яростно протестовавшего против установки колючей проволоки.

— Вы посылаете на верную смерть людей, — говорил он, — которые служат со мной много лет. Если с кораблем что-то случится, проволока помешает добраться до спасательных шлюпок и плотов. Мы утонем, как крысы, а «Звезда Арандоры» превратится в смертельную западню.

Но власти посчитали, что разбираются в таких вопросах лучше человека, вся жизнь которого прошла в море.

И вот в таком отчаянном положении оказались все те, кому в конце концов удалось выбраться на верхнюю палубу. Но не все, кому повезло уцелеть после взрыва и не погибнуть в бурном потоке хлынувшей в пробоину воды, добрались до верхней палубы.

На борту находились старики и больные, многие из них не выходили из кают — они спали, когда корабль поразила торпеда, и большинство из них умерли на месте. Другим не хватило сил, чтобы пройти по затопленным переходам; кто-то попросту заблудился в кромешной тьме. Эдвард Крисп спасся только потому, что знал внутрен-

нюю географию корабля как свои пять пальцев.

Другие все же добрались до верхних палуб, но, обнаружив, что проход к ближайшей носовой или кормовой спасательной шлюпке блокирован колючей проволокой, снова спустились вниз, в надежде найти путь к спасательной шлюпке, которая находилась бы не дальше чем в двадцати ярдах от того места, где они оказались.

Но неразбериха и паника на нижних палубах только нарастали, уровень воды быстро поднимался, и многих из тех, кто спустился вниз, никто больше не видел.

Майор Бетелл, начальник корабельной охраны, приказал своим людям убрать колючую проволоку перед спасательными шлюпками. (По-видимому, существовал какой-то способ расшатать секции заграждения с помощью скользящей проволоки, но никаких инструкций по этому поводу дано не было.) Охрана разорвала проволоку винтовками и штыками — шрамы на руках Айвора Даксберри до сих пор служат подтверждением его истории, — и все рванули к лодкам.

К сожалению, из-за заграждения опытные члены судовой команды не смогли добраться до всех своих шлюпок — или, по крайней мере, не

успели вовремя. Эдвард Крисп и Таффи Уильямс, помощник боцмана, прибыв на свое штатное место, обнаружили, что шлюпку уже заняли шестьдесят немцев и итальянцев. Им приказали выйти, но добиться исполнения приказа оказалось не так-то легко, когда все были убеждены, что «Звезда Арандоры» уже идет ко дну. В конце концов им все же удалось спустить шлюпку на воду. В других местах некоторые из интернированных попытались справиться сами, и уже через несколько минут, по образному выражению Даксберри, полдюжины лодок повисли, как индюшки у магазина домашней птицы.

Но некоторые из военнопленных, в отличие от интернированных, оказали бесценную помощь. Одним из них был капитан океанского лайнера «Адольф Ворманн» Отто Берфейнд. Командуя группой опытных моряков и убежденных нацистов, он строем отвел их на шлюпочную палубу, где они организованно спустили на воду несколько спасательных шлюпок. Нацисты не нацисты, но в критической ситуации они проявили себя наилучшим образом. Особенно это касается капитана Берфейнда. Разместив людей — независимо от национальной принадлежности — на шлюпках, ответственность за которые

он временно взял на себя, капитан отказал себе в праве на место и пошел ко дну вместе со «Звездой Арандоры».

Не все вовремя поняли, что спасательных шлюпок не хватает. Большая часть заграждения осталась на месте, и люди бросались на колючую проволоку или пытались рвать ее голыми руками, но тщетно.

Другие, пробив дорогу пожарными гидрантами, вернулись — и это кажется невероятным — за своими чемоданами, а когда снова поднялись наверх, обнаружили, что спасательных шлюпок больше нет.

Выжили, конечно, те, кто не попал в ловушку колючей проволоки. Плот, спущенный Марио Дзампи, моментально заняли уже находившиеся в воде его соотечественники. Прыгнув с борта, он едва не сломал шею, когда его спасательный жилет ударился о воду. Фулфорд прыгнул со шлюпочной палубы — на прыжок не отважился бы даже олимпийский чемпион — и при ударе захлебнул изрядно соленой воды и машинного масла. Эдварду Криспу, как уже говорилось, удалось спастись на шлюпке, а Айвор Даксберри спустился по канату и упал на перевернувшуюся лодку.

Даже когда огромный лайнер пошел ко дну, на борту все еще находились сотни людей. Большинство из них оказались в ловушке. Некоторые просто побоялись прыгать. Другие, такие как капитан Моултон и капитан Берфейнд, предпочли остаться с кораблем и с теми, кто не смог спастись. Из офицеров охраны выжили немногие. Когда их видели в последний раз, они стояли строем и, как выразился один из выживших, спокойно переговаривались, словно пассажиры в очереди на утренний пригородный автобус. Трудно признать мудростью или необходимостью такое донкихотство и беспечное принятие судьбы, которая, если только они сами не приняли такого решения, вовсе не была предопределена, но не восхищаться их бескорыстной отвагой невозможно.

В 7:30 «Звезда Арандоры» резко перевернулась и почти легла на борт, так что поручни оказались под водой, на мгновение словно замерла в нерешительности и затем, окутавшись облаками шипящего пара, тихо ушла в глубины Атлантики.

Все, кто находился в непосредственной близости от тонущего лайнера — сидевшие на плотах, цеплявшиеся за доски или плававшие в воде, —

понимали, какая надвигается беда, и отчаянно, из последних сил боролись за спасение. Но для всех, за исключением немногих, эти усилия оказались лишь бессмысленной данью вековому инстинкту выживания. Скольких затянуло в водоворот стремительно погружающейся «Звезды Арандоры», мы не узнаем никогда, но их наверняка было не больше, чем тех, что ушли под воду, оказавшись в ловушке колючей проволоки, нанизанные на ужасные крючья, как беспомощные мухи, запутавшиеся в этой чудовищной паутине.

«Звезда Арандоры» затонула, но почти тысяча ее пассажиров, охранников и членов экипажа — в основном итальянцы и немцы — остались в живых, рассеянные группами или поодиночке на площади в несколько квадратных миль. По счастью, то утро выдалось почти безветренным, и море было спокойным, хотя и холодным. Тех, кто держался за доски и скамейки, становилось все меньше и меньше. Марио Дзампи потерял всех, кроме одного из шести товарищей, державшихся за одну скамейку. Их жалобные крики «мама!», повторявшиеся снова и снова на трех или четырех языках, звучали все тише, по мере того как пронизывающий холод проникал сквозь скудную одежду стариков, немощных и тяжелораненых и

останавливал их сердца. Некоторые, оставаясь на плаву благодаря спасательным жилетам, лежали лицом вниз, мертвые.

Около полудня появилась летающая лодка «Сандерленд» и, облетев район, сбросила все, что у нее было: аптечки первой помощи, аварийные пайки, шоколад и сигареты. К месту трагедии был направлен канадский эсминец «Святой Лаврентий».

Все выжившие единодушно отмечали самоотверженную работу экипажа этого корабля. В то время, когда сам эсминец постоянно перемещался, чтобы избежать встречи с немецкими подводными лодками, его шлюпки прочесывали район в течение нескольких часов, пока люди, доведя себя до изнеможения, не упали без сознания на весла.

В общей сложности экипаж «Святого Лаврентия» подобрал и доставил в безопасное место более восьмисот выживших — достойный восхищения подвиг, почти не имеющий аналогов в истории спасения людей на море. Подвиг, на фоне которого почти забываешь о колючей проволоке и тысяче погибших.

Почти, но не совсем.

Даже притом, что под его командованием были два совершенно новых, еще не испытанных в боевых условиях крейсера и для них этот выход в холодную, враждебную зимнюю Атлантику был первым, вице-адмирал Маршалл сохранял полное спокойствие. Такое спокойствие, на какое мог только надеяться любой флотский командир в военное время. К югу от него уходил в ранние ноябрьские сумерки Вильгельмсхафен и исчезали за горизонтом низкие, плоские берега Нефритового залива, но Маршалл не удостоил их даже взглядом. Он был слишком занят для всей этой чепухи вроде сентиментальных прощаний и, кроме того, знал, что беспокоиться не о чем. Если не случится чего-то непредвиденного, то уже в скором времени он снова увидит эти берега.

А ничего непредвиденного не случится. В этом командир эскадры Маршалл был уверен. Один из лучших и опытнейших флотских офицеров Германии, вице-адмирал Маршалл прекрасно понимал, что в военное время полностью исключить элемент риска невозможно, что случай всегда должен играть свою роль. Но в данном

предприятии риск был незначительным, поскольку он не только получил лучшие карты, но и играл против оппонента, которому завязали глаза.

Уже в первые месяцы войны военно-морская разведка Германии, имевшая за спиной годы напряженной подготовки, действовала с максимальной эффективностью. Ее агенты работали на всей территории Британии и нейтральных стран Западной Европы, и эти агенты были лучшими из всех. Точность и полнота полученной информации могла быть сравнима только со скоростью ее передачи в Берлин.

Штаб ВМС Германии знал местонахождение, скорость, курс и пункт назначения едва ли не каждого конвоя, покидающего Великобританию или приближающегося к ней. В штабе знали местоположение каждого британского военного корабля, знали, что в этот день, 21 ноября 1939 года, все британские военные корабли находятся либо в гавани, либо в далеких водах: «Нельсон» и «Родни» — в Клайде, «Худ» и французский линейный крейсер «Дюнкерк» — в Плимуте, крейсерская эскадра заправляется топливом и пополняет запасы продовольствия в Розите, а единственный корабль, которого им, возможно,

следует опасаться, авианосец «Фьюриес», находится в Новой Шотландии вместе с линкором «Репалс». Знали в штабе и то, что после торпедирования линкора «Ройял оук» в Скапа-Флоу подводной лодкой капитан-лейтенанта Гюнтера Прина британские военно-морские силы поспешно покинули эту далекую северную базу и отступили к Клайду и далее, сохранив лишь небольшую секретную базу в Лох-Эве, фьорде на северо-западе Шотландии. Секретной ее считали британская общественность и большинство офицеров Королевского военно-морского флота, немцы же знали о ней все.

Разумеется, никакой гарантии, что эти корабли останутся на местах стоянки, никто дать не мог. И опять-таки немцев это не беспокоило. К тому времени их специалисты полностью взломали британские морские коды, и приказы о передислокации сил противника они получали почти так же быстро, как и капитаны соответствующих кораблей королевского флота.

Во всяком случае, Маршалл не намеревался вступать в боевое противостояние с большими британскими кораблями. Его начальник, адмирал Редер, был непреклонен в этом вопросе. Их задачей было совершить пробное плавание

и, возможно, как дополнительные дивиденды, нарушить наши планы морских перевозок и отвлечь патрули.

Также рассматривалась возможность того, что, получив информацию о выходе эскадры, британские шпионы поспешат сообщить эту новость в Лондон, но, учитывая последние достижения «Интеллидженс сервис», такой вариант представлялся маловероятным. Наша разведывательная служба в то время была плохо подготовлена, неуклюжа и почти полностью неэффективна. Так, например, когда тяжелый крейсер «Дойчланд» после своего первого похода в Атлантику вернулся в Балтийское море, мы узнали об этом только месяц спустя. И надо признать, наше воздушное патрулирование над Северным морем в то время было организовано ненамного лучше.

Вот почему вице-адмирал Маршалл не испытывал беспокойства, когда его два линейных крейсера «Шарнхорст» и «Гнейзенау» вышли из Нефритового залива в холодную, продуваемую ветрами темень Северного моря. Студеная, неприветливая ночь, но Маршалл был ей рад. Долгие и темные зимние ночи, прогнозируемая плохая погода, ухудшающие видимость шквалистые дожди и туман были его сильными союзниками,

обеспечивающими безопасность. Маршалл подсчитал, что ему потребуется ровно сорок восемь часов, чтобы достичь линии Исландия — Оркнейские острова.

Корабли британского северного патруля растянулись почти на тысячу миль. Основу патруля составляли крейсера, но в основном устаревшие корабли старых классов C и D. Эффективными боевыми единицами считались только четыре: «Норфолк» и «Саффолк», те самые два корабля, которые должны были сообщить об историческом прорыве «Бисмарка» в Атлантику в мае 1941 года. Теперь они занимали те же позиции, что и в тот памятный день, — в Датском проливе. «Глазго» стоял к северо-востоку от Шетландских островов, а «Ньюкасл» замыкал линию между Фарерскими островами и Исландией. Из них только «Ньюкасл» находился относительно недалеко от места, где развернутся описываемые события.

Промежутки между крейсерами занимали вооруженные торговые суда. Для борьбы с контрабандой в высоких широтах Атлантики — остановки и досмотра судов, перевозящих запрещенные грузы, — они подходили как нельзя лучше. Большие, некогда пассажирские корабли могли подолгу оставаться в море в плохую погоду,

а установленных на них орудий вполне хватало, чтобы остановить любое торговое судно. Для борьбы с чем-то более серьезным они не предназначались. Примечательно, что, узнав о прорыве «Шарнхорста» и «Гнейзенау», адмиралтейство первым делом отозвало из северного патруля все вооруженные торговые суда. Но для одного из этих кораблей приказ, увы, пришел слишком поздно. О том, что «Шарнхорст» и «Гнейзенау», самые мощные в германском военно-морском флоте корабли, вышли в Атлантику, адмиралтейству сообщили тогда, когда два эти линкора уже направили орудия на «Равалпинди».

В мирное время «Равалпинди», первоклассный пассажирский лайнер водоизмещением семнадцать тысяч тонн, курсировал между Великобританией и странами Юго-Восточной Азии и с началом войны стал одним из первых пассажирских кораблей, приспособленных для военных нужд. Бодрые цвета исчезли под краской серо-стального цвета. Роскошный интерьер убрали, оборудовали рубку управления артиллерийским огнем, вместо палубной арматуры установили ящики для боеприпасов и, наконец, поставили вооружение — восемь старых шестидюймовых орудий, по четыре с каждого борта. На то, чтобы

укрепить незащищенные борта и палубы, времени уже не хватило, да и в любом случае это было практически невозможно, поскольку для обладающих огромной пробивной силой современных бронебойных снарядов корпус «Равалпинди» был сделан все равно что из бумаги.

Команда «Равалпинди» знала об этом, но приняла сей факт с философским спокойствием — как еще одну из угроз. Среди двухсот восьмидесяти находившихся на борту офицеров и матросов не было ни одного, кто не знал бы моря и его опасностей, поскольку с точки зрения если не возраста, то опыта экипаж состоял из стариков. За исключением пятидесяти с небольшим офицеров и матросов, служивших на «Равалпинди» в бытность его пассажирским лайнером, это были гражданские лица, прошедшие базовую военно-морскую подготовку, резервисты и пенсионеры, вернувшиеся на флот уже после того, как отслужили двадцать два года. На борту «Равалпинди» не было ни одного офицера или матроса действительной службы, но по части знаний и опыта его команда превосходила экипаж любого военного корабля. Эти люди знали море и его опасности и были готовы к встрече с ними. Также они знали об уязвимости и ограничениях

своего судна и тоже принимали это как должное. И когда в четверг, 23 ноября, в три часа дня на 63°40′ северной широты и 22°29′ западной долготы они увидели строгий силуэт «Шарнхорста», вырисовывающийся сквозь шквальные порывы ледяного дождя в суровых субарктических водах, они поняли, что все кончено, но приняли и это.

Находившийся на мостике капитан Эдвард Каверли Кеннеди, призванный вернуться на флот после семнадцати долгих лет унылой гражданской жизни, увидел опасность и осознал ее последствия раньше, чем кто-либо из его подчиненных. Он ошибочно определил вражеский корабль как «Дойчланд», но эта ошибка имела чисто академическое значение. Он верно идентифицировал судно как немецкий «карманный линкор», или линейный крейсер водоизмещением двадцать шесть тысяч тонн, с тринадцатидюймовой бронезащитой и девятью одиннадцатидюймовыми и двенадцатью в пять целых девять десятых дюйма орудиями, способными дать бортовой залп весом в восемь тысяч фунтов в ответ на его жалкие четырехсот– и стофунтовые снаряды, которые в любом случае не могли пробить мощную броню.

Вынырнув из-за завесы шквального дождя,

«Шарнхорст» подал команду: «Лечь в дрейф». Самым разумным шагом в этой ситуации, шагом, за который его, возможно, никто бы не упрекнул, было бы выполнить приказ «Шарнхорста». Но для Кеннеди, как и для большинства великих британских морских капитанов, на протяжении столетий благоразумие перед лицом врага было качеством, которое он не мог ни приобрести, ни тем более унаследовать. Он понимал, что не может ни сразиться с «Шарнхорстом» на равных, ни уйти от него. Но были айсберги, и был туман, за которыми он мог укрыться, и, пока оставался хотя бы один шанс из тысячи, Кеннеди был полон решимости воспользоваться им. Он приказал развернуться и поставить дымовую завесу, чтобы прикрыть отход.

«Равалпинди» все еще кренился на повороте, когда «Шарнхорст» снова приказал лечь в дрейф. На этот раз сообщение было подкреплено одиннадцатидюймовым снарядом, который упал в море перед британским судном, выбросив столб воды вдвое выше грот-мачты «Равалпинди». Предупреждение было серьезное, и Кеннеди повернул еще дальше от врага и добавил дымовых шашек.

В какой-то момент он даже подумал, что спасение близко. Вдалеке, по правому борту, из-за

дождевого шквала вырвался, взрывая носом воду, и устремился в сторону «Равалпинди» темный корабль. Один из нашего северного патруля, скорее всего «Ньюкасл», обрадованно подумал Кеннеди и приказал изменить курс и направиться навстречу спасителю. Свою ошибку он понял почти сразу, но было поздно. Появление нового корабля означало не спасение, а верную гибель — это был «Гнейзенау», линкор того же типа, что и «Шарнхорст».

Единственный шанс из тысячи не сыграл. Надежда на спасение умерла. Кеннеди знал, что два «карманных» линкора разнесут его хрупкое суденышко в щепки за считаные минуты. Ни о каком даже подобии боя говорить не приходилось. Капитан Эдвард Кеннеди мог бы установить подрывные заряды, сдаться с честью и, в случае возвращения в Британию, без промедления получить под свое командование другой корабль.

Но в долгой и почетной истории, связывавшей семью и Королевский военно-морской флот, подрывные заряды никогда не играли никакой роли, и Эдвард Кеннеди определенно был не тем человеком, который подумал бы о чем-то таком, хотя он уж наверняка ничем не был обязан ни флоту, ни адмиралтейству, которые в 1922-м отдали его,

блестящего офицера, под трибунал по чудовищно несправедливому обвинению и уволили со службы в следующем году, чтобы в трудную минуту, в 1939-м, позвать обратно. О чем он думал тогда, можно лишь догадываться. Мы знаем только, что он сказал, наблюдая, как на него надвигаются два «карманных линкора»: «Мы сразимся с ними обоими». Как смертный приговор кораблю и сотням людей этот был самый лаконичный из всех возможных.

И он сразился с ними обоими. Трижды «Шарнхорст» приказывал ему покинуть корабль, и на третий раз получил в ответ залп — снаряды легли с недолетом. Другой залп — теперь уже в сторону «Гнейзенау» — достиг цели, но снаряды ударили в бронированный корпус. И почти одновременно два немецких линейных крейсера ответили плотным, точным и разрушительным огнем с близкого расстояния.

Первый залп с «Шарнхорста» разрушил высокую надстройку, разнес шлюпочную палубу и сразил почти всех на мостике. Капитан Кеннеди уцелел. Почти сразу же еще один залп одиннадцатидюймовыми снарядами, на этот раз с «Гнейзенау», обрушился на главную рубку «Равалпинди» и превратил ее в руины. Теперь

о каком-либо слаженном огне не могло быть и речи, но семь орудий — одно уже было уничтожено — продолжали стрелять независимо друг от друга.

После очередного залпа снаряды пробили тонкий, незащищенный борт лайнера и разорвались в глубине корпуса.

Взрыв в машинном отделении полностью уничтожил динамо-машины, и этот удар стал фактически исполнением вынесенного Кеннеди смертного приговора. С уничтожением динамо-машин нарушилось электроснабжение, и подъемники, подававшие снаряды наверх, остановились.

Кеннеди, все еще остававшийся на покореженном мостике, приказал, чтобы все свободные члены экипажа помогали вручную поднимать снаряды и катить их по искореженной палубе к боеспособным орудиям. Их осталось уже только пять.

Открытая, изрешеченная шрапнелью и осколками палуба превратилась в место кровавой бойни для тех, кто пытался добраться до умолкших без снарядов орудий. Некоторые подносчики погибли сразу же, и снаряды катались по палубе от борта до борта объятой огнем палубы, плиты

которой раскалялись от пожара. Другие, уже раненные, превозмогая боль, продолжали делать свое дело. Один, огромного мужества матрос, смертельно раненный и с перебитыми ногами, дотащил снаряд, держа его в единственной целой руке, и пытался вслепую найти казенную часть орудия, твердя, что поднесет еще.

Бой был до абсурда односторонним. Снаряды добивали умирающий «Равалпинди», и конец приближался неумолимо. Внизу начали взрываться боезапасы. Весь корабль, за исключением кормы и полубака, был охвачен пламенем.

Одно за другим умолкали орудия — их выводил из строя противник, рядом с ними погибали расчеты, и наконец, когда их отрезала стена огня, прекратился поднос снарядов.

Как с боевой единицей с «Равалпинди» было покончено. Его заставили замолчать и подчиниться, он почти умер. Но шестидесятилетний капитан Кеннеди принадлежал к числу тех, кто в буквальном смысле не приемлет идею поражения. Оставив разрушенный мостик, он на ощупь пробрался через пылающие руины надстройки к корме. Капитана не оставляла мысль, что если удастся сбросить несколько дымовых шашек, то корабль еще можно отвести в безопасное место.

Его разбитый и уже не подлежащий ремонту корабль тонул; его орудия молчали, а экипаж понес огромные потери, но Кеннеди все еще думал о том, как выжить. Такое неукротимое мужество, такое непреклонное стремление к цели, когда никаких возможностей достичь ее уже не осталось, с трудом укладывается в рамки понимания.

Капитан Кеннеди исчез в дыму и пламени и погиб. Корабль пережил его ненамного, как и экипаж, великолепно служивший ему и «Равалпинди». Мало кто уцелел. Еще один снаряд, выпущенный «Шарнхорстом», нанес смертельный удар. Оглушительный грохот и столб белого пламени, взметнувшийся высоко в сгустившихся сумерках, последовали сразу за взрывом главного боезапаса, едва не переломившего «Равалпинди» надвое.

Орудия «Шарнхорста» и «Гнейзенау» замолчали; каждый залп теперь означал лишь бесполезную трату боеприпасов.

Для горстки людей, все еще оставшихся в живых на борту «Равалпинди», дальнейшее пребывание там не имело смысла, разве что смерть пришла бы к ним быстрее и даже вернее, чем в ледяной воде, проникающей через пробоины и медленно поднимающейся вверх.

Можно считать едва ли не чудом тот факт, что две спасательные шлюпки уцелели под шквалом снарядов, и те, кто смог — таких набралось немного, — спустили их на воду и предприняли отчаянную попытку отплыть подальше от пылающего «Равалпинди». В любой момент новый взрыв мог настичь и уничтожить их или корабль, и тогда быстро уходящий под воду лайнер затянул бы шлюпки за собой в глубины океана.

Эти люди, подобранные немецкими кораблями, были единственными выжившими, не считая горстки спасенных на следующее утро. Большинство остальных погибли под артиллерийским огнем, сгорели заживо или оказались в ловушке под палубами и утонули в поднявшейся воде. Некоторые из тех, кто не смог добраться до спасательных шлюпок, прыгали в море, лихорадочно разыскивая обломки лодок, весла — все, что могло бы помочь продержаться еще хоть сколько-то, прежде чем пронизывающий холод остановит их сердца. И еще многие остались на палубах, в проходах и каютах, тяжелораненые, кому не хватило сил ни двигаться, ни позвать на помощь, и кто просто сидел или лежал, спокойно ожидая конца, благословения ледяных вод, несущих избавление от мук.

Двести сорок человек пошли ко дну вместе с «Равалпинди», и, в свете фанатичного мужества, с которым они служили своему кораблю и своему командиру, возможно, не будет преувеличением предположить, что некоторые из тех, кто был еще жив, когда воды сомкнулись над ними в восемь часов вечера, может быть, получили немалое утешение от мысли, что если уж им суждено пойти ко дну вместе со своим кораблем, то они не могли бы просить о большей привилегии, чем сделать это в почетной компании капитана Эдварда Кеннеди.

Потопление «Бисмарка»
Часть 1

Далеко к югу от полярного круга, вдоль великих торговых путей Атлантики, западные ветры стихают до шепота и теплое солнце сияет над спокойными, мягкими волнами. Далеко на севере, в леденящем холоде Баренцева моря, простираются необъятные просторы почти волшебного спокойствия, молочно-белое пространство, растянувшееся от горизонта до горизонта. Но между этими двумя обширными областями, вдоль самого Северного полярного круга, находятся самые суровые в мире моря, и самой суровой частью этих вод, самой свирепой по отношению к человеку и утлым суденышкам, несущим его через бурные воды, считается узкая полоска между Гренландией и Исландией, которую люди называют Датским проливом.

От отважных викингов тысячелетней давности до современных исландских рыболовов люди снова и снова идут этим проливом, но всегда с риском для жизни, всегда только по необходимости, не задерживаясь ни на минуту дольше,

чем требуется. Никто не остается в Датском проливе по доброй воле, но иногда, очень редко, это случается. Так, всего лишь семнадцать лет назад, два корабля с несколькими сотнями людей на борту несли здесь самое долгое для этих хмурых, опасных вод дежурство.

Экипажи крейсеров его величества «Саффолк» и «Норфолк» вымотались буквально до изнеможения. Слишком долго длилась вахта. Даже один зимний день в Датском проливе, где двадцать часов царит непроглядная тьма, метет снег, с голой ледяной шапки Гренландии дует ледяной ветер, а корабль кружится и проваливается в бездну, — это целая жизнь, бесконечно длящийся кошмар. «Норфолк» и «Саффолк» провели там уже несколько месяцев — всю суровую зиму 1940 года и весну 1941 года, — и люди терпели невероятные лишения, страдали от холода и всяческих неудобств, находясь в постоянном напряжении, наблюдая и ожидая. И это напряжение не ослабевало и не кончалось.

Но наконец в Датском проливе наступило лето или то, что там считается летом, и борьба за существование перестала быть единственной заботой. Да, холод все еще пробирался через много слоев одежды — до паковых льдов, тянущихся от

побережья Гренландии, было рукой подать, не больше одной-двух миль, и на востоке, вдоль берега Исландии, стояла густая стена клубящегося тумана, но, по крайней мере, море успокоилось, снегопад прекратился, и тьма долгой зимней ночи рассеялась. Условия вполне сносные по сравнению с теми, которые они только что испытали, но и напряжение значительно возросло. Возросло настолько, что почти достигло критической точки.

В тот момент, о котором мы говорим — самом начале восьмого вечера 23 мая 1941 года, — сильнее всего напряжение сказывалось на капитане Р. М. Эллисе. Уже два дня он бессменно находился на мостике своего крейсера «Саффолк» и был готов пробыть там еще столько же, если не больше. Чего он не мог, так это даже на мгновение ослабить бдительность. Слишком многое зависело от него. Эллис не был старшим офицером в этом районе Атлантики — контр-адмирал Уэйк-Уокер находился на флагманском корабле «Норфолк» относительно недалеко, но его надежно скрывал клубящийся туман.

Основная ответственность лежала на нем, на капитане Эллисе, и это была огромная, давящая ответственность. Он мог не исполнить задание

даже не по своей вине, но, независимо от причин, последствия провала миссии были бы столь катастрофичными, что даже не подлежали обсуждению. Британия уже слишком пострадала и слишком многое потеряла; еще одно поражение, еще одна грубая ошибка — и война вполне могла быть проиграна.

Шел двадцатый месяц войны, и Британия сражалась в одиночку. Двадцать темных, безрадостных и трагических месяцев, мрак, лишь на мгновение рассеявшийся благодаря блистательному мужеству молодых пилотов, разбивших люфтваффе в Битве за Британию. Но теперь дорога впереди казалась еще более смутной, еще более безнадежной, чем когда-либо прежде, и в конце ее не было видно света. Танковые дивизии вермахта стояли наготове в ожидании своего часа, и угроза вторжения по-прежнему висела дамокловым мечом. Нас только что с позором изгнали из Греции. На той же неделе Одиннадцатый авиационный корпус Геринга, о котором Черчилль сказал, что это пламя немецкой армии, предпринял безжалостную и сокрушительную атаку на наши силы на Крите, и теперь их конец был вопросом ближайшего времени. В море было потеряно шесть миллионов тонн грузов, 650 ты-

сяч тонн только за апрель, самый черный месяц войны, и май мог оказаться еще более ужасным, потому что в тот момент, когда капитан Эллис патрулировал северо-восток и юго-запад, по узкой полосе чистой воды между гренландскими льдами и исландскими туманами шло не менее десяти больших грузовых конвоев и один большой и жизненно важный конвой с войсками. Растянувшийся в пути и по большей части плохо охраняемый, конвой продвигался через широкие просторы Атлантики.

И какую же роль, с горечью спрашивали люди, играет во всем этом британский флот метрополии? Наша первая линия обороны, наша последняя надежда в самый темный час, почему он не бросает всю свою огромную мощь в эту битву не на жизнь, а на смерть? Почему он не патрулирует Северное море и Ла-Манш (где «штуки» и «хейнкели» могли легко уничтожить его в светлое время суток), готовый отразить любое вторжение через пролив? Почему он не помог при эвакуации из Греции? Почему его не было севернее Крита, где он мог бы уничтожить посланное морем подкрепление, без которого десантники Геринга не смогли бы захватить остров? Почему он не выходит в море, чтобы своими

мощными орудиями защитить конвои от немецких подлодок? Почему он стоит, беспомощный и бесполезный, укрывшись в Скапа-Флоу? Почему, почему, почему?

Ответ на все эти «почему» заключался в одном слове: «Бисмарк».

Заложенный в 1936 году на верфи «Блом унд Фосс» в Гамбурге, спущенный на воду 14 февраля 1939 года в присутствии самого канцлера Третьего рейха Адольфа Гитлера, «Бисмарк» стал кошмаром, не дававшим покоя всем иностранным военно-морским флотам. Гитлер был гением по части гипербол, но в его обращении к экипажу при посещении линкора в начале мая 1941 года не было и намека на преувеличение, только чистая правда.

«„Бисмарк“, — заявил он, — это гордость германского флота».

И это действительно было так. Линкор мог быть гордостью любого военно-морского флота в мире. Построенный с циничным пренебрежением к предусмотренным договором ограничениям в тридцать пять тысяч тонн, он имел по факту водоизмещение около пятнадцати тысяч тонн и, несомненно, являлся самым мощным из действующих линкоров. Его скорость, более

тридцати узлов, соответствовала скорости любого линейного корабля Британии; огромный бимс — намного больше, чем у любого британского корабля — повышал остойчивость, благодаря чему «Бисмарк» представлял собой идеальную плавучую артиллерийскую платформу для восьми пятнадцатидюймовых и двенадцати шестидюймовых орудий. Германское вооружение превосходило британское и отличалось высокой точностью в любых условиях. Усиленная броневая защита и разделение корпуса на множество отсеков обеспечивали кораблю высокую степень водонепроницаемости; «Бисмарк» считался практически непотопляемым. В руках адмирала Редера он был козырной картой, и теперь пришло время разыграть этот козырь.

«Бисмарк» вышел в море. Сомневаться в этом не приходилось. В первом, от 20 мая, донесении разведки сообщалось, что линкор движется по проливу Каттегат. После полудня 21 мая пилот «спитфайра» сфотографировал его в компании крейсера класса «Адмирал Хиппер» в Гримстадфьорде, к югу от Бергена. В 18:00 следующего дня бомбардировщик «Мэриленд» с военно-морской авиабазы Хатстон на Оркнейских островах пролетел в неблагоприятных погодных условиях и

на небольшой высоте над Гримстад-фьордом и Бергеном и сообщил, что «Бисмарка» там больше нет.

«Бисмарк» вышел в море, и всем было ясно, куда он направляется. Никаких русских конвоев тогда не было — Россия еще не вступила в войну. Линкор мог идти только в Атлантику — вместе с сопровождающим его крейсером класса «Адмирал Хиппер», позже опознанным как «Принц Ойген», в качестве разведчика, — чтобы уничтожать наши атлантические конвои, единственные оставшиеся у нас связи с внешним миром. Сам крейсер, водоизмещением всего в десять тысяч тонн, однажды уже напал на конвой и менее чем за час отправил на дно семь судов. Что мог сделать «Бисмарк», просто не укладывалось в голове.

«Бисмарк» нужно было остановить, и остановить до того, как он вырвется на свободу в Атлантику, и именно ради этой единственной цели — остановить линкор — адмирал сэр Джон Тови, главнокомандующий флотом метрополии, так долго и упорно удерживал свои большие корабли на базе в Скапа-Флоу. Настало время флоту метрополии оправдать свое существование.

Адмирал Тови, отличный тактик, не питал

иллюзий относительно серьезных трудностей, с которыми он столкнется, и прекрасно понимал, какими трагическими последствиями обернется его ошибка в расчетах. «Бисмарк» мог прорваться в Атлантику, пройдя на юго-запад где-нибудь между Шотландией и Гренландией — продуваемое ветрами пространство в тысячу миль, где видимость ухудшают частые проливные дожди, снежные завесы и густые валы тумана.

По плану Тови две эскадры, по два линкора в каждой — он не верил, что один линкор сможет справиться с «Бисмарком», — следовало разместить на стратегически важных позициях в нескольких сотнях миль одна от другой: линейный крейсер «Худ» и «Принц Уэльский» — к югу от Исландии, а его флагманский корабль «Король Георг V», «Рипалс» и авианосец «Викториес» — к западу от Фарерских островов, откуда, как он надеялся, они смогут выдвинуться в любом направлении и перехватить «Бисмарк».

Но прежде чем куда-то идти, нужно было выяснить, где находится «Бисмарк». С этой целью Тови и задержал в море своих сторожевых псов. Между Исландией и Фарерскими островами патрулировали крейсера «Бирмингем» и «Манчестер», тогда как в Датском проливе несли свою затянувшуюся

вахту «Саффолк» и «Норфолк». Они еще не знали, что их долгое ожидание подходит к концу.

23 мая 1941 года, в 19:20 «Саффолк» шел курсом на юго-запад по узкому проходу между льдами и туманом. Капитан Эллис полагал, что если «Бисмарк» пойдет через Датский пролив, то почти наверняка выберет этот проход: западнее путь ему преградят льды, а восточнее — густой туман. Ни один капитан не станет рисковать и вести корабль на скорости около тридцати узлов в условиях практически нулевой видимости. Тем более зная, что туман скрывает минное поле протяженностью в сорок миль. Если «Бисмарк» пойдет через Датский пролив, то только этим маршрутом.

Так и случилось. Взволнованный крик дозорного прозвучал в 19:22. Капитан Эллис и все, кто был на мостике, подняли бинокли и повернулись к правому борту, всматриваясь в указанном дозорным направлении. Эллису хватило одного беглого взгляда, чтобы понять — их долгое изнурительное ожидание действительно закончилось. Даже те, кто никогда его не видел, не могли бы спутать громадный линкор с другим кораблем. (Так тогда казалось — увы, менее чем через двенадцать часов выяснилось, что бывает

иначе.)

Капитан Эллис не собирался задерживаться. Он выполнил первую — и самую важную — часть своей работы. «Бисмарк» и «Принц Ойген» находились всего в восьми милях друг от друга, орудия «Бисмарка» били на двадцать миль, а в его инструкциях о самоубийстве ничего не говорилось. Как раз наоборот — ему надлежало любой ценой избегать боестолкновения, следить за «Бисмарком» и направлять на него линкоры флота метрополии. Радиорубка «Саффолка» едва начала отбивать сообщение «Противник обнаружен» непосредственному командиру Эллиса контр-адмиралу Уэйк-Уокеру на «Норфолке» и сэру Джону Тови на флагманский линкор далеко на юге, как Эллис резко повернул свой крейсер влево и устремился под укрытие тумана, окутавшего судно через несколько секунд после того, как оно вошло в него.

Скрывшись из виду, «Саффолк» развернулся, рискованно маневрируя в проходе между минными полями. Его всевидящий радар отслеживал каждое движение немецкого линкора, на полной скорости уходящего по Датскому проливу. Пропустив «Бисмарк», «Саффолк» и «Норфолк» двинулись следом и держались за ним всю ту дол-

гую, мерзкую арктическую ночь с ее буранами, дождевыми шквалами и стелющимся туманом, время от времени теряя преследуемого, но каждый раз снова его находя. Это ночное слежение за вражеским кораблем стало классикой и вошло в соответствующие наставления. Кроме того, они всю ночь поддерживали радиосвязь, передавая постоянно меняющиеся данные о местоположении, курсе и скорости противника.

В трехстах милях к югу эскадра вице-адмирала Л. Э. Холланда, состоящая из кораблей королевского флота «Худ», «Принц Уэльский» и шести эсминцев, на полном ходу шла на перехват курсом вест-норд-вест. На борту этих кораблей царило необычайное волнение. Для них это тоже был конец долгого ожидания. Никто не сомневался в том, что бой неизбежен, и тем более в его исходе. Все были уверены, что «Бисмарк», при всей его огромной мощи и устрашающей репутации, доживает последние часы.

Имея десять четырнадцатидюймовых орудий против восьми пятнадцатидюймовых у «Бисмарка», «Принц Уэльский», наш новейший линкор, по крайней мере на бумаге мог сравниться с «Бисмарком». (Только его командир, капитан Лич, и горстка старших офицеров знали, что ко-

рабль слишком новый, его экипаж обучен лишь наполовину, артиллерийские башни толком не испытаны и подвержены механическим поломкам, для устранения которых на борту имелась команда техников, которые, работая в турелях, отчаянно пытались устранить обнаруженные дефекты до сближения с «Бисмарком».)

Но никто, даже самый преданный член экипажа, не возлагал надежд на линкор «Принц Уэльский». И в самом деле, зачем, когда всего в нескольких кабельтовых виднелась массивная носовая часть сорокапятитысячетонного «Худа», презрительно раздвигающего жалкие волны и спешащего навстречу врагу. Когда «Худ» рядом, ничего дурного не случится. На Королевском военно-морском флоте это знал каждый.

И не только на флоте. После гибели «Худа» прошло семнадцать лет, но ни один человек из миллионов живущих сегодня и выросших до Второй мировой войны никогда не забудет то особое, почти невероятное впечатление, которое «Худ» произвел на воображение и души британцев. «Худ» — самый известный и любимый корабль за всю нашу долгую военно-морскую историю. Его имя стало нарицательным среди великого множества людей, для которых «мщение» и

«победа» всего лишь слова. Самый большой и мощный линейный корабль в межвоенные годы, он олицетворял собой постоянство, был синонимом непобедимости, вызывал благоговейный трепет и даже служил объектом поклонения. Для миллионов людей «Худ» и был Королевским военно-морском флотом, прижизненной легендой. Но легенды стареют.

И вот теперь, когда закончилась долгая ночная гонка, когда в небе забрезжил рассвет, а на горизонте показался «Бисмарк», для легенды наступал последний час.

Находясь на безопасном расстоянии, матросы «Норфолка» и «Саффолка» наблюдали, как «Худ» и «Принц Уэльский», действуя как единое целое под командованием вице-адмирала Холланда, атаковали «Бисмарк» и «Принц Ойген». Но даже издалека они увидели, что два британских корабля находятся слишком близко друг к другу, что капитан «Принца Уэльского» Лич вынужден повторять маневры «Худа», вместо того чтобы вести бой самостоятельно, используя свои преимущества, и, что еще более невероятно, курс сближения с противником выбран совсем не тот, каким он должен быть.

Поворачиваясь к противнику под довольно ши-

роким углом, корабли становились прекрасной мишенью и в то же время лишали себя возможности задействовать орудия задних башен. В результате «Бисмарк» и «Принц Ойген» могли вести полный бортовой огонь, а британские использовали только половину своих возможностей.

Дальше было еще хуже. «Худ» вступил в бой первым, в 5:52 утра, и по причинам, которые так и не были прояснены до конца, совершил роковую ошибку, сосредоточив огонь на «Принце Ойгене» и упорствуя в этой ошибке до самого конца. Ошибка в идентификации была достаточно серьезной, но ее усугубило качество британского оружия. «Принц Ойген» вышел из этого боя невредимым.

Оба немецких корабля обратили всю боевую мощь против «Худа», который из-за ошибочного угла сближения мог ответить только огнем из пушек передних башен. Правда, «Принц Уэльский» тоже открыл огонь, но на ходе сражения это практически не сказалось: первые снаряды легли более чем в полумиле от цели, второй залп был ненамного лучше, третий тоже прошел мимо. Тот же результат дал четвертый залп. И пятый.

Немцы не промахнулись. Общая поражающая

мощь их огня соответствовала его сокрушительной точности. Первые же, почти одновременные залпы попали в цель. Восьмидюймовые снаряды «Принца Ойгена» сразу же вызвали на «Худе» пожар. «Бисмарк» тоже ударил по «Худу» — огромные, в тонну весом, пятнадцатидюймовые снаряды из бронебойной стали и с мощным зарядом взрывчатки пробили корпус линейного крейсера и взорвались глубоко внутри. Сколько снарядов поразили цель и куда они попали, мы никогда не узнаем, да это и не имеет значения.

Важно другое — то, что известно со слов очевидцев. Ровно в шесть часов утра на «Худ» обрушился пятый залп «Бисмарка». Ослепительный столб белого и оранжевого пламени взметнулся на тысячу футов к серому небу — взрыв боезапаса буквально отправил «Худ» в небытие. Когда последнее эхо замерло за горизонтом и дым медленно осел, разбросанные останки крейсера исчезли без следа, как и сам огромный корабль. Словно его и не было.

Вот так, на двадцать первом году жизни, погиб линейный крейсер «Худ». Его первое за долгую жизнь морское сражение длилось ровно восемь минут, и, уйдя под воду, он забрал с собой жизни полутора тысяч офицеров и матросов. Выжили

лишь трое.

Часть 2

Уничтожение «Худа», непобедимого, неуязвимого «Худа», стало огромным потрясением как для военно-морского флота, так и для страны в целом. Это было невероятно, это было невозможно, а невозможное требовалось как можно скорее объяснить — как устно, так и печатно.

Поскольку информации о морском сражении поступило в то время мало, никто не упомянул ни о самоубийственном для «Худа» угле сближения с противником, ни о фатальной ошибке с идентификацией, из-за которой «Худ» вел огонь по «Принцу Ойгену», а не «Бисмарку», ни о низком уровне артиллерийского вооружения — «Худ» не записал на свой счет ни одного попадания. Возможно, такая неосведомленность британцев о случившемся была только к лучшему.

Причины катастрофы, выдвигавшиеся в то время — кем именно, догадаться нетрудно, — сводились к тому, что «Худ» это все же не линкор, а лишь слабозащищенный линейный крейсер и попадание пятнадцатидюймового снаряда в корабельный боезапас — трагическая случай-

ность, один шанс на миллион. Эти объяснения не выдерживали критики.

Да, с чисто технической точки зрения «Худ» классифицировался как линейный крейсер, но наличие двенадцатидюймового броневого пояса длиной в пятьсот шестьдесят футов с каждой стороны и общий вес бронезащиты, достигавший четырнадцати тысяч тонн, позволяют считать его одним из самых защищенных кораблей в мире. Что касается попадания снаряда в артиллерийский погреб, названного случайностью, «одним шансом на миллион», то следует напомнить, что проектировщики на протяжении двадцати лет указывали на его уязвимость для снарядов, попадающих под прямым углом. Недостаток, легко устраняемый дополнительной броневой защитой. Таким образом, конструкция «Худа» изначально имела серьезные дефекты, и адмиралтейство знало об этом.

Можно с уверенностью предположить, что такого рода мысли не пришли в голову Личу, капитану «Принца Уэльского», когда дым и пыль от взрыва рассеялись, а «Худа» не стало. Теперь «Принц Уэльский» сражался только за свою жизнь, и капитан знал это. Сразу после потопления «Худа» оба немецких корабля повернули

пушки в сторону линкора и обрушили на него согласованный, точный огонь. Оценив ситуацию и взвесив варианты, Лич без колебаний принял решение. Он приказал развернуться, выйти из-под огня и уйти под прикрытием плотной дымовой завесы.

«Сбежавший корабль» — так отзывались с тех пор о «Принце Уэльском». Корабль-трус, показавший противнику спину и оставивший поле боя. Не секрет, что всю оставшуюся короткую жизнь и к кораблю, и к капитану, и к офицерам, и ко всему экипажу на флоте относились с отвращением и холодным презрением, и смыла позор только скорая гибель линкора и его доблестного капитана всего лишь семь месяцев спустя в результате яростной воздушной атаки японцев у побережья Малайи. Такое осуждение корабля и его капитана было более чем несправедливо. И опять-таки вина за это лежит на адмиралтействе.

В оправдание ему можно сказать, что действовало адмиралтейство непреднамеренно. Все началось с официального коммюнике, которое было не лучше и не хуже типичного коммюнике военного времени и, как обычно, преувеличивало ущерб, нанесенный врагу, и преуменьшало понесенные нами потери.

Два заявления в коммюнике вызвали серьезное недоразумение: «На „Бисмарке“ в какой-то момент был замечен пожар» и «„Принц Уэльский“ получил незначительные повреждения». Почему же тогда, спрашивали люди, корабль, получивший лишь незначительные повреждения, не сблизился с кораблем противника, где возник пожар? Чем он оправдывает бегство с поля боя?

Причин для оправдания достаточно. Пожар на «Бисмарке», служащий наглядным свидетельством живости воображения официальных лиц, на самом деле был всего лишь выбросом сажи из трубы. Что касается «незначительных повреждений» «Принца Уэльского», то он выдержал не менее семи попаданий — трех восьмидюймовых снарядов «Принца Ойгена» и четырех пятнадцатидюймовых снарядов «Бисмарка», один из которых полностью разрушил мостик, убив всех находившихся на нем, за исключением Лича и старшины сигнальщиков. Кроме того, одно из больших орудий «Принца Уэльского» полностью вышло из строя, а несколько других стреляли с перебоями или не стреляли вовсе из-за повторяющихся сбоев. Вдобавок заклинивание Y-образного снарядного кольца башни привело к выходу из строя четырех больших орудий, то есть половины

вооружения линкора. В данном случае нужно говорить не о «незначительных повреждениях», а о серьезном ослаблении боевой мощи. Идти на сближение с превосходящими силами противника, подставляться под убийственно точный бортовой огонь было бы не просто глупостью, а прямым самоубийством.

«Бисмарк» не предпринял никаких попыток преследовать противника и вступать с ним в бой. Уничтожив «Худ» и обратив в бегство серьезно поврежденный «Принц Уэльский», немцы добились успеха, превзошедшего их самые смелые мечты. Славная победа, огромный рост престижа германского военно-морского флота и, в руках Геббельса, новое пропагандистское оружие невероятной мощи — так зачем рисковать всем этим, ведь один удачный залп может уничтожить башни, или мостик, или приборы управления артиллерийским огнем, а то и утопить корабль? Кроме того, главная цель проникновения в Атлантику не в том, чтобы ввязываться в бой с флотом метрополии — этого адмирал Лютьенс хотел меньше всего, — а в потоплении наших конвоев.

Победа в бою вызвала бурное ликование на борту «Бисмарка» и еще большее в берлинской

канцелярии, куда известие об этом оглушительном триумфе поступило сразу же после окончания сражения. Не прошло и часа, как эта новость попала во все газеты и на все радиостанции страны.

Во второй половине дня каждый житель Германии — а к вечеру каждой страны Европы — узнал о сокрушительном поражении Королевского военно-морского флота. Вне себя от радости, Гитлер направил поздравления и слова восхищения от имени нации офицерам и матросам «Бисмарка» и лично объявил, помимо прочего, о награждении Рыцарским Железным крестом старшего артиллерийского офицера «Бисмарка».

Только один человек держался в стороне от общего торжества, только одного не затронула радость победы, а ведь у него, казалось бы, были на то все основания. Этот человек — капитан Линдеман, командир «Бисмарка». Линдеман не только не разделял общего ликования, но был немало напуган, и это притом, что никто не ставил под сомнение его мужество. Доблестный и очень опытный моряк, считавшийся одним из лучших на германском военно-морском флоте — никакой другой и не мог командовать лучшим из немецких кораблей, — он был полон дурных

предчувствий, мрачной уверенности в неизбежном поражении.

Хотя ни орудия, ни двигатели «Бисмарка» не пострадали и корабль оставался полностью функционирующей боевой машиной, снаряд, проломивший тяжелую броню и взорвавшийся в топливных баках, снизил скорость хода, и капитан опасался, что ему может не хватить оставшегося топлива для поддержания устойчивого движения на высокой скорости и маневрирования. Линдеман прекрасно понимал, что рано или поздно ему понадобится от «Бисмарка» все, на что способен корабль. Он знал британцев, знал, с каким огромным уважением и любовью они относились к «Худу», и знал, что его гибель посеет в их сердцах не страх, а ярость и жажду мести и что они не успокоятся, пока не выследят и не уничтожат «Бисмарк».

Об этих опасениях он попытался сообщить адмиралу Лютьенсу, предложив немедленно вернуться в Берген для ремонта. Адмирал Лютьенс, по причинам, о которых мы никогда не узнаем — возможно, восторг от грандиозного успеха на время затуманил его рассудок, а мечты о славе, как известно, коварные советчики, — не согласился со своим подчиненным. Все пой-

дет согласно первоначальному плану. Так что «Бисмарк» повернул на юго-запад — дальше в Атлантику.

Королевский флот последовал за ним. Весь день и вечер «Норфолк», «Саффолк» и «Принц Уэльский» следили за обоими немецкими кораблями, постоянно посылая радиограммы адмиралу Тови, который развернул свою эскадру на новый курс перехвата.

На «Бисмарке» знали, что за ними следят, но немцев, казалось, это ничуть не беспокоило. Только один раз, на короткое время, линкор огрызнулся и показал зубы. Около половины седьмого вечера он развернулся в тумане и открыл огонь по «Саффолку», но почти сразу же прекратил бой, когда к последнему присоединился «Принц Уэльский». (В то время никто не понял, что это был всего лишь отвлекающий маневр, чтобы дать «Принцу Ойгену» возможность встретиться с германским заправщиком и благополучно вернуться в Брест.)

«Бисмарк» повернул на запад, и британские корабли последовали за ним. К погоне за линкором присоединилась и эскадра адмирала Тови. Но теперь «Король Георг V», «Рипалс» и «Викториес» были лишь тремя из множества кораблей,

приближавшихся к главному боевому кораблю Германии.

Линкор «Реванш» получил приказ выйти из Галифакса, Новая Шотландия. Из Гибралтара было отозвано соединение «Н» под командованием вице-адмирала Сомервилла — линейный крейсер «Ренаун», ныне легендарный «Арк Ройал» и крейсер «Шеффилд». Линкору «Рамиллис», входившему тогда в состав среднеатлантического конвоя, крейсеру «Эдинбург», находившемуся вблизи Азорских островов, и крейсеру «Лондон», из конвоя у побережья Испании, надлежало выдвинуться на перехват. И последнее, но самое важное: линкор «Родни» был выведен из состава конвоя, направлявшегося в Соединенного Штаты. Сам «Родни» шел в Бостон для срочного и давно назревшего ремонта, так как его машинное и котельное отделения пребывали в плачевном состоянии, но шестнадцатидюймовые орудия «Родни» и способность его капитана Далримпл-Гамильтона, подобно Нельсону, не замечать благонамеренные, но, по его мнению, ошибочные сигналы адмиралтейства оказались аргументами более весомыми, чем аварийное состояние двигателей. Величайшая в истории военно-морского флота охота началась.

Поздно вечером того же дня, уже незадолго до полуночи, торпедоносцы «суордфиш» с «Викториеса» (всего девять) лейтенант-коммандера Эсмонда — погибшего в 1942-м, но посмертно получившего Крест Виктории, высшую военную награду Великобритании, за атаку на «Гнейзенау» и «Шарнхорст», — предприняли атаку на «Бисмарк», задачей которой было задержать линкор. В цель попала только одна торпеда, не причинив вреда массивной броне «Бисмарка».

По крайней мере, об этом сообщает официальное коммюнике адмиралтейства. Так случилось, что на этот раз оценка оказалась заниженной. Барон фон Мюлленхайм Рехберг (ныне консул Германии в Кингстоне, Ямайка), в то время лейтенант-коммандер, отвечающий за кормовую башню «Бисмарка», и старший из выживших офицеров корабля, недавно заявил, отвечая на вопросы по этому поводу, что в результате воздушной атаки с «Викториеса» в «Бисмарк» попали три торпеды. Две торпеды существенного урона не нанесли, но третья, взорвавшись под носовой частью, нанесла серьезные повреждения, еще больше замедлившие ход германского линкора.

Затем, в три часа ночи 25 мая, произошло то, чего более всего на свете боялись адмиралтей-

ство и сэр Джон Тови. Корабли преследования, маневрирующие в водах, кишащих вражескими подводными лодками, совершили первую и единственную ошибку: они потеряли контакт с преследуемым и уже не смогли снова его обнаружить. «Бисмарк» пропал из виду, и никто не знал, где он находится и, что еще хуже, куда направляется.

Позже, в то же утро, адмирал Лютьенс обратился к экипажу «Бисмарка». Оптимистическая уверенность, с которой он всего сутки назад высмеял предложение капитана Линдемана вернуться в Берген, полностью испарилась. Теперь это был уставший и встревоженный человек, ясно осознавший всю чудовищность своего просчета. Невероятно, но, похоже, он еще не знал, что «Бисмарк» оторвался от своих преследователей, и исходил из того, что британцы по-прежнему видят линкор на своих радарах. Когда Лютьенс заговорил, в его голосе отчетливо прозвучали первые нотки отчаяния.

Британцы, сказал он, знают, где находится «Бисмарк», и рано или поздно их большие корабли приблизятся к линкору. Все понимают, чем это закончится. Немцы будут сражаться насмерть, до последнего матроса — за фюрера, и при необ-

ходимости «Бисмарк» будет затоплен. Нетрудно представить, как повлияла эта короткая речь на моральный дух экипажа линкора.

Почему Лютьенс был так уверен, что на них надвигаются главные силы королевского флота? Во-первых, он ошибочно полагал, что «Норфолк» и «Саффолк» все еще ведут преследование и, естественно, направляют британские линкоры к цели. Во-вторых, «Бисмарк» только что связался по радио с германским адмиралтейством, которое, по словам фон Мюлленхайма, не знало об истинном положении дел, и получил от него, несомненно на основе донесений с подводных лодок Деница, информацию о местонахождении своих преследователей, которая не только сама по себе вводила в заблуждение, но и усугублялась ошибками в передаче. Из донесений следовало, что британские линкоры находятся в непосредственной близости от «Бисмарка», и Лютьенс, основываясь на этой ложной информации, приказал изменить курс, что стоило линкору потери нескольких невосполнимых часов, которым и суждено было склонить чашу весов между жизнью и смертью.

Радиопереговоры «Бисмарка» были перехва-

чены постами прослушивания в Британии, что позволило определить координаты линкора. В британском адмиралтействе не могли поверить, что «Бисмарк» совершил самоубийственную ошибку, нарушив радиомолчание и раскрыв свое местоположение, — они, конечно, еще не знали, что на «Бисмарке» оценивают ситуацию хуже, чем есть на самом деле. Недоверие британского адмиралтейства было сравнимо разве что с огромным облегчением. Они тут же передали координаты своему главнокомандующему, адмиралу Тови.

По удивительному совпадению — а случилось все почти одновременно, — когда Лютьенс на борту «Бисмарка» получил ошибочное сообщение о местоположении его преследователей, Тови на борту «Короля Георга V» также получил сообщение. Координаты были переданы правильно, но неправильно прочитаны на борту линкора. В обоих случаях результат был одинаковым. Оба адмирала были введены в заблуждение, причем в критически важный момент.

Расчеты, сделанные на «Короле Георге V», показали, что «Бисмарк» находится к северу, а не, как ожидалось, к югу от своего последнего известного местоположения. Это могло означать только одно

— линкор направляется в Норвегию и домой, а не в Брест, как предполагали до этого. Все решало время, и действовать надо было молниеносно. Тови немедленно приказал своему разбросанному флоту развернуться и следовать в Северное море.

Приказ исполнили все корабли, за исключением «Родни». Его капитан Дэлримпл-Гамильтон усомнился в том, что «Бисмарк» на самом деле направлялся в Северное море, и, поскольку сам в то время находился на пути отхода «Бисмарка» в Брест, то и решил никуда не уходить. Некоторое время спустя адмиралтейство потребовало от него исполнения приказа, но Дэлримпл-Гамильтон проигнорировал и это распоряжение и, полагаясь на собственное суждение, остался на месте.

Позже, во второй половине дня, в атмосфере возрастающего напряжения и почти отчаянной тревоги, Тови получил новые сообщения о местоположении «Бисмарка», из которых следовало, что предыдущие оценки были неверны и линкор действительно направляется в Брест. Тови был глубоко обеспокоен, потому что адмиралтейство, как он знал, располагало такой же информацией и тем не менее молчаливо поддерживало поиски на северо-востоке. Сейчас уже очевидно, что

некий влиятельный человек в адмиралтействе — вероятно, мы уже никогда не узнаем, кто именно, поскольку их светлости вряд ли можно упрекнуть в болтливости, когда речь идет о признании ими своих ошибок, — продолжал, вопреки всем свидетельствам, держаться за свои неверные предположения.

Адмирал Тови, исходя из собственных рассуждений, предпочел не ждать решения адмиралтейства и повернул свой флот к Бресту. Точнее, то, что осталось от флота, ведь, помимо его собственного корабля и «Родни», идущих с юга «Норфолка», «Дорсетшира», «Риноуна», «Арк Ройала» и «Шеффилда» из соединения «Н», все остальные корабли были вынуждены один за другим прекратить преследование из-за нехватки топлива, которым их не обеспечило адмиралтейство.

На «Бисмарке» тоже не хватало топлива — и не хватало катастрофически. Из-за какой-то почти невероятной оплошности или невнимательности корабль недогрузил две тысячи тонн. Во время боя с «Худом» снаряд с «Принца Уэльского» пробил топливные баки и линкор потерял сотни тонн — часть вылилась в море, другая стала непригодной, смешавшись с соленой водой. Теперь у судна едва хватало топлива, чтобы до-

браться до Бреста даже при экономичном режиме скорости хода, и значение имел каждый узел.

Экипаж знал об этом, потому что люди всегда узнают о таких вещах, и, чтобы не допустить падения морального духа, распространялись сообщения о том, что, мол, к ним уже идет для дозаправки нефтяной танкер и что скоро море заполнится их подводными лодками, а небо потемнеет от бомбардировщиков люфтваффе, которые и составят эскорт безопасности.

Но нефтяной танкер не пришел. Не появились и подводные лодки. Не прилетели самолеты. Отчаянные поиски линкора продолжались уже тридцать один час и завершились в 10:30 26 мая, когда пропавший линкор обнаружила летающая лодка командования береговой авиации. Последняя надежда «Бисмарка» умерла. В это время он находился примерно в 550 милях к западу от Лэндс-Энда и направлялся в Брест.

Красноречивый комментарий относительно настроений, царивших в тот момент на линкоре, дал барон Мюлленхайм. По его словам, все было готово для установки фальшивой трубы и использования фальшивого сигнального кода. Но команда пребывала в таком расстроенном состоянии, что ни то ни другое сделано не было,

и последний шанс спасти корабль был упущен.

Узнав, что враг, который, казалось, ускользнул от него, снова обнаружен, сэр Джон Тови испытал, должно быть, огромное облегчение. Но ненадолго. Расчеты показали, что и его корабль, и «Родни», с которым он держал связь, слишком отстали от «Бисмарка» и не могут помешать ему достичь Бреста. Ни «Норфолк», ни «Дорсетшир», ни пять эсминцев под командованием капитана «Казака» Виана, отозванных из южного конвоя, не имели ни единого шанса остановить «Бисмарк» — орудия линкора уничтожили бы их еще до того, как они подошли бы достаточно близко, чтобы нанести торпедный или артиллерийский удар. Оставалось только рассчитывать на самолеты «Арк Ройала», который быстро приближался с юга.

В три часа пополудни того же дня, 26 мая, торпедоносцы «суордфиш» поднялись в воздух для последней, как тогда считалось, отчаянной попытки остановить «Бисмарк». Говоря словами официального коммюнике, «атака оказалась безуспешной». В этом не было ничего удивительного, если учесть факт, о котором умалчивалось в документе: многие торпеды, оснащенные экспериментальными магнитными боеголовками,

взорвались при соприкосновении с водой, что было к лучшему, поскольку, возможно, из-за трагической ошибки в идентификации, целью атаки стал бы не «Бисмарк», а британский эсминец сопровождения «Шеффилд».

Адмирал Тови впал в отчаяние. Теперь «Бисмарк» было не остановить. Обоим британским кораблям отчаянно не хватало топлива, и через несколько часов им пришлось бы поворачивать домой, позволив «Бисмарку» беспрепятственно добраться до Бреста. Это был бы самый жестокий удар за всю его долгую и блестящую карьеру. И сэра Джона Тови, и, по сути, весь Королевский военно-морской флот спасла от горчайшего провала горстка молодых флотских пилотов, полных желания искупить свой позорный промах.

И они его искупили. При почти штормовом ветре, в условиях дождевых шквалов и низкой видимости они каким-то чудом взлетели с предательски мокрой, ныряющей и кренящейся полетной палубы «Арк Ройала», чтобы отыскать «Бисмарк», и, несмотря на плотный зенитный огонь, провели атаку.

Только две торпеды попали в цель; фон Мюллленхайм говорит, что три, но количество не имеет

значения. Последняя из торпед сделала свое дело. Взорвавшись за кормой по правому борту, она повредила рулевые механизмы громадного линкора. «Бисмарк» сделал два круга и остановился, потеряв управление, в четырехстах милях к западу от Бреста. Долгая погоня закончилась, и «Бисмарк» оказался в безвыходном положении.

Часть 3

Так, с того момента как торпедоносцы с «Арк Ройала» вывели из строя рулевое устройство, началась мучительная последняя ночь в короткой жизни «Бисмарка».

Величайший в мире линкор стоял на пороге смерти, и, казалось, сама природа знала, что уже ничто не сможет предотвратить его гибель: та ночь была темной и суровой и полностью соответствовала настроению, мыслям и мрачному отчаянию сотен измученных людей, которые все еще несли вахту на борту «Бисмарка».

Дул сильный ветер, холодный проливной дождь безжалостно хлестал их по лицам, высокие, тяжелые волны рушились на палубу, стояла беспросветная тьма — ни луны, ни звезд, скрывшихся за бегущими по небу тучами.

«Бисмарк» раскачивался с остановленными двигателями, встречая накатывающие одна за другой огромные атлантические волны, а в это время команды машинного отделения лихорадочно пытались освободить заклинившие рули. От их успеха или неудачи зависели жизни всех находящихся на борту людей. От Бреста их отделяло всего двенадцать часов хода, но даже через шесть они уже оказались бы под защитным зонтиком безопасности, который обеспечили бы самолеты люфтваффе. Но, потеряв рулевое управление, они были беспомощны.

Один руль удалось освободить и отцентровать, и, хотя его тут же заклинило, это уже был шаг вперед. Если бы удалось сделать то же самое со вторым рулем, то какая-то надежда еще оставалась. Управлять кораблем можно было бы, изменяя относительную скорость огромных гребных валов и таким образом преодолевая объединенные силы волн и ветра. Но искореженный взрывом торпеды руль направления заклинило намертво.

Ситуация была отчаянная. Время истекало, и инженеры, изможденные, измученные люди, почти забывшие, что такое сон, были практически не способны к каким-либо усилиям, умственным

или физическим, из-за непрекращающейся качки и паров моторного масла, просачивавшихся из пробитых топливных баков. Тяжело приходилось даже самым опытным морякам, почти всех рвало, а некоторых просто выворачивало наизнанку.

Было объявлено, что человек, которому удастся освободить рули, будет награжден Рыцарским Железным крестом — высшим знаком отличия Германии. Но в голове измученного морской болезнью человека нет места мечтам о славе, и даже если бы какой-то ныряльщик прыгнул за борт в черное штормовое море, он не смог бы ничего сделать и погиб бы в считаные мгновения, раздавленный раскачиваемым волнами кораблем.

Старший механик обратился к капитану Линдеману с отчаянным советом: попытаться разблокировать руль направления взрывом. Линдеман, не спавший шесть дней и ночей, ответил с абсолютным безразличием человека, который принял слишком много решений и в бессилии опустил руки. «Делайте, что вам угодно, — ответил он. — Я с „Бисмарком“ все закончил».

Без сомнения, это самые трагичные слова, которые только может произнести капитан военного судна, но винить Линдемана невозможно:

подавленный безнадежностью и отчаянием, полностью вымотанный, он потерял контакт с реальностью.

Наконец был отдан приказ уходить — возможно, самим адмиралом Лютьенсом, — и «Бисмарк» продолжил путь, мало-малу набирая ход, и в конце концов вышел на десять узлов. Без рулевого управления корабль отклонялся то в одну, то в другую сторону, но его общий курс лежал на север — к побережью Англии. Разумеется, Лютьенс хотел этого меньше всего, но поделать ничего не мог. Из-за постоянной качки артиллерийские команды не могли вести огонь, и сам линкор превратился в крайне неустойчивую огневую платформу. Еще важнее было то, что остановившийся корабль представлял собой прекрасную цель для ночных торпедных атак.

И эти атаки последовали. Всю ночь «Бисмарк» преследовала группа британских эсминцев, которые, обладая значительно большей скоростью и маневренностью, кружили вокруг него, как свора гончих, выжидающих момента, чтобы напасть на раненого оленя и прикончить его. Оказалось, однако, что прикончить «Бисмарк» не так-то просто. Снова и снова эсминцы приближались к линкору и выпускали торпеды, но вскоре выяснилось, что

тактика эта неэффективная и рискованная. Так или иначе орудийные расчеты «Бисмарка» — а это были лучшие расчеты германского военно-морского флота — собрались с духом и отогнали британские эсминцы мощным и чрезвычайно точным, управляемым с помощью радаров огнем пятнадцатидюймовых орудий.

Во время продолжительного, то и дело прерывающегося боя, в перерывах между грохотом орудий и ярких вспышек, когда пламя вырывалось из жерл пушек и освещало корабль и море вокруг, один немецкий офицер, чтобы поднять боевой дух команды, взялся комментировать ход боя через систему громкой связи. «Один британский эсминец подбит… Одно попадание и пожар… Корабль взрывается и тонет…»

На самом деле в течение ночи ни один из эсминцев капитана Виана не был ни подбит, ни тем более потоплен. Тут следует напомнить, что изобретательность — качество, присущее не только немцам. Капитаны британских эсминцев заявили — и это заявление подтвердило своим официальным коммюнике адмиралтейство, — что в течение ночи «Бисмарк» был поражен несколькими торпедами (на самом деле ни одна торпеда в линкор не попала).

Рано вечером Гитлер направил экипажу «Бисмарка» личное послание: «Мысленно мы с нашими доблестными товарищами». Ответ прозвучал так: «Корабль полностью неуправляем. Будем сражаться до последнего снаряда».

Трудно представить, какое из двух сообщений произвело более угнетающий эффект. Вероятно, последнее. Слова «доблестные товарищи», обращенные к обреченным людям, звучат довольно иронично, но для Гитлера известие о безнадежном положении великолепного корабля, который он посетил всего неделю назад и который называл «гордостью германского флота», было сокрушительным ударом. Темная ночь тянулась долго, но, несмотря на все старания, задать курс на Брест не получилось. Ради собственной безопасности линкор должен был двигаться, и с учетом всех погодных и прочих условий путь у него был только один — на север.

Приближался рассвет, мрачный, безрадостный рассвет с тяжелыми, несущими дождь тучами и серым штормовым морем. Скрывать от команды курс движения корабля уже не имело смысла, и «Бисмарк» целиком погрузился в отчаяние и страх.

Скорее всего, именно для противодействия

упадническому настроению, тем, кто, борясь с усталостью, оставался на своем месте, было разослано официальное сообщение, из которого следовало, что эскадрильи «штук» уже вылетели из Северной Франции и на помощь «Бисмарку» идут буксиры и нефтяной танкер в сопровождении эсминцев. В этом сообщении не было ни слова правды. Самолеты люфтваффе оставались на земле, придавленные сильным ветром и низкой облачностью, буксиры и танкер стояли в брестской бухте, а эсминцы так и не снялись с якоря.

Вместо этого появились два самых мощных линкора британского флота, «Родни» и «Король Георг V», которые шли с запада так, чтобы «Бисмарк» оказался между ними и светлеющим небом на востоке. Увидев их, команда «Бисмарка» поняла, что на этот раз спасения не будет, обещанные «штуки», эсминцы и подводные лодки не придут и, когда британские линкоры, настроенные отомстить за потопленный «Худ», наконец вернутся домой, они оставят за собой пустынное море.

«Бисмарк» приготовился к смерти.

За орудиями и у огромных двигателей, в артиллерийских погребах и на пунктах управления

огнем сидели и лежали измученные, свалившиеся в беспробудный сон люди. На мостике, по свидетельству одного из немногих оставшихся в живых офицеров, старшие офицеры лежали на своих местах как мертвые, рулевой растянулся у бесполезного штурвала, ни адмирала, ни кого-либо из командования видно не было. Всех их пришлось трясти, тормошить, толкать, чтобы вырвать из столь нужного им сна, пробудить к жестокому, самому горькому в их жизни рассвету, который для всех, за исключением горстки счастливчиков, станет последним.

Еще до того, как все очнулись, поднялись и заняли места согласно боевому расписанию, «Родни», которого заметили лишь четыре минуты назад, открыл огонь из своих мощных шестнадцатидюймовых орудий. Находившиеся на «Бисмарке» стали свидетелями впечатляющего и ужасающего зрелища: полного бортового залпа, произведенного тремя орудийными башнями «Родни», расположенными на невероятно длинной носовой палубе. Но не менее ужасающим был вой приближающихся снарядов, грохот разрывов и столбы воды, взметающиеся на двести футов в серое, угрюмое небо.

Но этот первый залп прошел мимо цели. Почти

сразу после него последовал залп с «Короля Георга V». Теперь уже и «Бисмарк» нанес ответный удар и, поскольку там справедливо заключили, что «Родни» представляет бóльшую опасность, направил первый залп по нему. Снаряды легли с большим недолетом, но всего за четыре коротких дня артиллеристы «Бисмарка» завоевали такую репутацию, что после первого же удара «Родни» предпринял маневр уклонения.

Но британский линкор по-прежнему стрелял из всех орудий, какие только мог пустить в ход, и к нему присоединился «Король Георг V», на который «Бисмарк» временно не обращал внимания. Его шесть носовых пятнадцатидюймовых орудий били снова и снова. Через некоторое время к месту сражения подтянулся крейсер «Норфолк», упорно преследовавший «Бисмарк» из далекого Датского пролива, а немного погодя и «Дорсетшир», спешивший с севера всю ночь через бурное море, вопреки штормовому ветру. Прошло не более пятнадцати минут с начала боя, а «Бисмарк» стал мишенью для двух линкоров и двух крейсеров.

Шансы были ничтожны. Даже боевому кораблю, способному развивать большую скорость и маневрировать, со свежим и уверенным в се-

бе экипажем пришлось бы нелегко под таким мощным обстрелом, а «Бисмарк» теперь мог двигаться разве что ползком, маневрирование для него было невозможно, а команда устала, потеряла надежду и была совершенно деморализована. Сейчас, по прошествии семнадцати лет, наши симпатии могут склониться в сторону «Бисмарка» — беспомощной мишени, безжалостно обстреливаемой со всех сторон. Но в то время о милосердии никто не думал — только о мести и уничтожении врага, и это не удивительно, ведь всего лишь четыре дня назад «Худ» пошел на дно, унеся с собой полторы тысячи человек. К тому же британцы учитывали возможность появления на сцене немецких самолетов и подводных лодок.

Уже через пятнадцать минут после первых британских залпов скорострельность и точность стрельбы «Бисмарка» заметно снизились. Удары тяжелых снарядов, взрывы, облака едкого дыма, безумие звуков и грохот собственных орудий оказывали на команду сильнейший деморализующий эффект. Измученные до предела, потрясенные до основания артиллеристы съеживались от страха в тесных орудийных башнях.

Те немногие офицеры, которые все еще оставались на мостике «Бисмарка», видели, что

орудийный огонь с «Короля Георга V» ослабевает и становится менее ритмичным (этот британский линкор столкнулся с теми же проблемами, что и однотипный с ним «Принц Уэльский», у которого одно время были боеспособны только два орудия из десяти). Последовал приказ — сосредоточить огонь на «Родни». Но было уже слишком поздно.

«Родни» подошел уже достаточно близко и теперь умело распоряжался своим преимуществом. Большие шестнадцатидюймовые снаряды, каждый весом 2700 фунтов, били по жизненно важным центрам противника. Один шестнадцатидюймовый снаряд попал в башню управления огнем, полностью разрушив ее, и после этого ни о каком согласованном огне не могло быть и речи. Другой шестнадцатидюймовый снаряд заставил замолчать сразу обе носовые башни, причем башня «А» была уничтожена полностью, а часть башни «В» рухнула на мостик, убив большинство оставшихся там офицеров и матросов. Снаряды с обоих линкоров рвались глубоко в сердце «Бисмарка», разрушая машинные отделения. Из-за пролившегося топлива пожары охватили всю среднюю часть корабля, и в свете ревущего пламени были хорошо видны огромные пробоины в борту.

Кошмар — вот единственное слово, которым можно было описать происходящее на борту этого разбитого, продырявленного и пылающего нагромождения искореженной стали и изломанных тел — того, что осталось от «Бисмарка» и его экипажа.

Шестнадцатидюймовые снаряды с «Родни», стрелявшего к тому времени с расстояния всего в две мили, били разом по два, четыре и даже шесть, и спятившие от страха люди на верхней палубе слепо метались туда-сюда, словно обезумевшие животные, ища спасения сразу от двух опасностей — смертоносных бортовых залпов и раскаленных докрасна палубных плит, уже прогибавшихся у них под ногами. Большинство из них выбрали легкий выход, прыгнув в растерзанное снарядами море и утонув.

Матросы в башнях бросали свои бесполезные уже орудия и устремлялись к дверям. Некоторые из командиров башен покончили с собой, другие пытались оружием удержать своих людей, но были сметены и раздавлены. Однако, добравшись до дверей, матросы сталкивались с тем, что двери перекошены, что их заклинило и выхода нет. Они уходили на дно Атлантики, запертые в железных гробах башен, которым так верно служили.

Та же картина наблюдалась и с люками по всему кораблю. Двести человек, запертых таким образом в кают-компании, отчаянно пытались прорваться наружу, когда снаряд пробил палубу и взорвался внутри помещения. Смертоносный шквал шрапнели пронесся в ограниченном пространстве и не оставил в живых никого.

И все же им повезло в смерти по сравнению с ужасной судьбой моряков, запертых в погребах. Температура на складах, окруженных со всех сторон пожарами, быстро поднялась до такой степени, что металлические переборки раскалились от огня.

Те немногие, кто еще оставался на посту и мог оценить степень повреждений, понимали, чем все закончится. Они видели, что случилось с «Худом», когда взорвался боезапас. И им не оставалось ничего иного, как только затопить погреба и обречь своих товарищей на смерть.

Жуткое зрелище являл собой и сам «Бисмарк». Набрав тысячи тонн воды, хлынувшей через огромные бреши в бортах, он тяжело, неуклюже переваливался в ложбинах между волнами.

Не было мачты, не было башни управления, не было трубы. Шлюпки разбиты, турели валялись в беспорядке, нацелив стволы в море или пустое

небо. Искореженные балки и плиты бывших надстроек сначала покраснели, а потом, когда внутри разгорелся пожар, раскалились добела. И все же «Бисмарк» еще не умер.

Вне всякого сомнения, он был самым прочным и практически несокрушимым кораблем из всех когда-либо построенных. В него попал «Принц Уэльский», в него попали сотни тяжелых бронебойных снарядов с «Короля Георга V», «Родни», «Норфолка» и «Дорсетшира». В него били торпедами. Но, как ни странно, он выжил. Ни один корабль в истории военно-морского флота не выдерживал и половины того, что выпало на его долю. В этом было что-то пугающее, почти сверхъестественное.

В конце концов, ему не суждено было погибнуть под огнем пушек двух британских линкоров, превративших его в пустой пылающий остов. Возможно, пораженные его невероятной стойкостью, они поверили, что его невозможно утопить артиллерийским огнем. Возможно, сыграли свою роль нехватка топлива и уверенность в скором появлении подводных лодок. А может быть, они просто были по горло сыты этой бойней.

Так или иначе, «Король Георг V» и «Родни», выполнив свою миссию, повернули домой.

«Бисмарк» не сдался. Его флаги все еще развевались, когда «Дорсетшир» приблизился к безмолвному, безжизненному кораблю и трижды торпедировал его с близкого расстояния. Почти сразу же линкор сильно накренился на левый борт, погрузился в воду, затем перевернулся днищем вверх и скользнул под волны в полной тишине, нарушаемой только шипением и бульканьем воды, сомкнувшейся над раскаленной докрасна сталью.

Долгая погоня закончилась. «Худ» был отомщен.

«Мекнес»

В 1939–1945 годах Ла-Манш (или Английский канал, как называют его британцы) служил сценой для многочисленных удивительных, а иногда — во время высадки в Нормандии летом 1944 года — просто невероятных спектаклей, но можно с уверенностью сказать: ни разу за период войны он не представлял зрелища более странного, несообразного и неправдоподобного, чем то, что можно было наблюдать на берегу пролива однажды ночью в конце июля 1940 года, примерно в шестидесяти милях от острова Уайт.

Представьте корабль, обычный грузопассажирский лайнер водоизмещением шесть тысяч тонн, поведение которого не вписывалось ни в какие рамки. Взглянув на него один раз, вы обязательно взглянули бы и еще и все равно отказались бы поверить увиденному собственными глазами. В темное время суток секретность, скрытность и, прежде всего, абсолютно обязательное затемнение были необходимыми условиями, оставлявшими надежду на выживание в военное время.

Один по небрежности пущенный лучик света,

одна бездумно зажженная спичка или огонек на кончике тлеющей в темноте сигареты — и весьма вероятно, что вас уже засекли в перископ подводной лодки или с носа торпедного катера.

А этот корабль светился — и не одним даже, а буквально сотнями огней. Как будто часть иллюминации Блэкпула перенеслась единым махом в центр пролива. Все заслонки для затемнения были убраны, и за иллюминаторами включили свет. Огни сияли на палубе и надстройках. Свет заливал мостик. Мощные прожекторы высвечивали название судна и знаки государственной принадлежности, нарисованные по обе стороны корпуса, и большой флаг, изображенный на палубе. И в довершение всего еще два прожектора были направлены на развевавшийся высоко над кормой триколор.

Ночь выдалась довольно спокойная, небо было ясное, видимость хорошая, и ярко освещенное судно было хорошо видно на площади не менее пятисот квадратных миль и в десять раз большей для любого пролетающего над проливом самолета.

Судно, называвшееся «Мекнес», принадлежало компании «Дженерал трансатлантик», и у него были веские основания для такой от-

кровенной саморекламы. По крайней мере, так тогда представлялось. «Мекнес» направлялся из Саутгемптона в Марсель с тысячей ста восьмьюдесятью французскими военно-морскими офицерами и матросами, в основном резервистами, служившими на французском линейном крейсере до поражения Франции, а затем доставленными в Великобританию. Пробыв там какое-то время, они решили вернуться на родину. Марсель в то время формально был нейтральным портом, и репатрианты не считались комбатантами; французское правительство Виши во главе с престарелым маршалом Петеном только что заключило сепаратный мир с Германией. Таким образом, французские репатрианты имели нейтральный статус, и им предоставлялась защита, предусмотренная международным правом для таких лиц. Соответственно, британское правительство проинформировало Виши о предстоящей репатриации и передало инструкции для германской стороны с просьбой предоставить документы, гарантирующие безопасное передвижение. Британцы обещали принять меры предосторожности, чтобы никто не мог ошибиться в идентификации перевозящего французов судна.

Лайнер вышел из Саутгемптона в 4:30 пополудни, миновал остров Уайт и двигался по Ла-Маншу со скоростью в пятнадцать узлов. И ошибиться в идентификации «Мекнеса» было невозможно.

Первые несколько часов все шло хорошо, и даже те, кто беспокоился больше других, начали успокаиваться, проникаясь уверенностью, что гарантии безопасного прохода соблюдаются. В 10:30 вахтенный офицер услышал рокот мощных двигателей. Ослепленный ярким светом собственных огней «Мекнеса», он не смог разглядеть даже силуэт судна, но по высокому кильватерному следу и характерному звуку двигателей предположил, что это быстроходный германский катер, патрулирующий воды пролива. Вахтенный сразу же снял трубку, чтобы доложить ситуацию командиру «Мекнеса» капитану Дюлроку, но не успел и слова произнести, как катер открыл плотный огонь из пулеметов — по надстройке, палубе и левому борту.

Не обращая внимания на свистящие вокруг пули, расплющивающиеся о стальные переборки и со злобным визгом рикошетящие в темноту, капитан Дюлрок бросился на мостик. Он все еще верил в полученные гарантии и полагал, что слу-

чившееся — ошибка в идентификации, которую легко можно исправить.

На мостике капитан прежде всего позвонил в машинное отделение и приказал остановиться, после чего дал два продолжительных гудка. Пулеметная стрельба почти сразу прекратилась, и Дюлрок тут же просигнализировал: «Кто ты?»

Ответ последовал незамедлительно — еще одна пулеметная очередь в сторону мостика, заставившая находившихся на нем офицеров распластаться по полу.

Снова наступило короткое затишье. Воспользовавшись паузой, Дюлрок послал сигналы азбукой Морзе в направлении невидимого противника, сообщив название корабля, его государственную принадлежность и пункт назначения. Но командир катера как будто не желал принимать никаких объяснений.

Он снова открыл огонь, и на этот раз не только из пулеметов, но и из более крупнокалиберного оружия вроде двухфунтовых пушек.

В течение нескольких секунд все, кроме одной, спасательные шлюпки по левому борту были разбиты и пришли в негодность. Иллюзий у Дюлрока и его офицеров больше не осталось. Пулеметная очередь могла быть следствием ошибочной

идентификации или излишней горячности молодого капитана катера. Но уничтожение бортовых спасательных шлюпок случайностью было не объяснить. Залитый светом многочисленных прожекторов лайнер четко выделялся на фоне окружающей темноты. Немецкий капитан умышленно расстрелял шлюпки из пулеметов, а потом добил из пушки. Гадать о причинах такого поведения не приходилось.

Это означало, что шлюпки намеренно уничтожили, чтобы ими нельзя было воспользоваться. А воспользоваться ими могли бы только те, кто останется в живых. Дюлрок понял — «Мекнес» тоже будет уничтожен.

В 10:55 вечера катер выпустил торпеду — почти в упор. Один из выживших, месье Масе, вспоминает, что обсуждал с друзьями в каюте пулеметный обстрел, когда стены дрогнули от страшного взрыва. Люди попадали друг на друга, кто-то крикнул: «Торпеда!» — хотя и так всем уже было ясно.

Поднявшись, они выбрались через разбитую дверь на палубу и увидели, что корабль уже уходит под воду, быстро опускаясь кормой вниз. Но внимание Масе в тот момент привлек не странный угол наклона судна. Торпеда попала в

находящийся напротив трюм номер три, и там, в узком пространстве, были заблокированы более двухсот человек.

Масе до сих пор помнит крики, стоны и жалобные причитания попавших в смертельную ловушку людей, умирающих и тонущих едва ли не у него под ногами.

Большинство оказавшихся внизу умерли быстро. Многие погибли на месте, другим не хватило сил предпринять нечто большее, чем символическую попытку, спастись от мощного, в сотни тонн, потока воды, хлынувшего через огромную дыру в борту корабля. По словам Масе, из трюма номер три смогло выбраться не более дюжины человек.

Почти столь же ужасная ситуация сложилась на корме судна. Хотя освещение погасло из-за взрыва котлов, с того места, где стоял Масе, ему все было хорошо видно. Носовая часть лайнера не пострадала — в «Мекнес» попала только одна торпеда, — там возникла другая опасность. Поскольку разрушенная корма ушла под воду, нос соответственно задрался, и находившиеся там тяжелые плоты сорвались с креплений и заскользили вниз по палубе, калеча, ломая и давя людей о пиллерсы, надстройки и балки. Из-за

тесноты спастись удалось не всем.

Вот что рассказывает первый помощник капитана «Мекнеса», ныне капитан судна, Филипп Жильбер. По его словам, капитан сразу понял, что надежды на спасение у «Мекнеса» нет. Он приказал передать сигнал SOS — по аварийному радиопередатчику, поскольку электроснабжение отключилось, — и немедленно спустить шлюпки. Жильбер говорит, что немногие оставшиеся в целости шлюпки удалось спустить на воду с поразительной быстротой. Он не ставит это себе в заслугу, хотя лично руководил спуском. Жильбер уверен, что число жертв было бы намного больше, если бы не счастливая случайность: почти все пассажиры-репатрианты сами были моряками, причем опытными. Им не нужно было объяснять, что нужно делать. Они делали все сами, и делали быстро.

Никогда еще от быстроты и уровня подготовки не зависело так много. Гибель «Мекнеса» была столь же стремительной, сколь и впечатляющей — лайнер ушел под воду менее чем за восемь минут после залпа торпедой, и за это время все исправные спасательные шлюпки и почти все доступные плоты были спущены на воду.

Отступая от темы, капитан Жильбер упоминает

удивительный эпизод. Когда тонущее судно легло на бок, одного из находившихся в воде мужчин засосало в корабельную трубу, словно пылесосом. «Мгновением позже встречным давлением с другой стороны его выбросило в море. Он был черный с головы до ног».

Один из счастливчиков, переживший эту трагедию, работает сейчас штурманом в Марселе. Но большинство спасшихся с корабля все равно в ту же ночь погибли.

Некоторые спасательные шлюпки перевернулись, одна или две уплыли пустыми. Еще у одной лодки оказались пробитыми блоки плавучести, и она затонула вскоре после спуска на воду. В большинстве случаев люди спасались, забравшись на плоты или ухватившись за деревянные обломки, которых, по воле Провидения, было достаточно.

За две минуты до того, как «Мекнес» ушел под воду, сотни людей прыгнули в море и поплыли к плотам. По словам Масе, плоты были сильно перегружены. Кроме того, море оказалось далеко не таким спокойным, каким представлялось с палубы «Мекнеса» всего часом раньше, и эти два фактора — перегруженность плотов и волнение — сыграли в данном случае губительную роль.

Плоты ушли под воду, и многие оказались в

ней по грудь, а вода в Ла-Манше может быть холодной даже в июле. Время от времени волна захлестывала плот и уносила какого-нибудь бедолагу с собой. Те, кому повезло, сумели вернуться и снова забраться на плот, если можно назвать этим словом то, что находилось на два фута ниже уровня моря.

Раз за разом, говорит Масе, нерасчетливое движение или изменение положения тела в критический момент, когда набежавшая волна поднимала плот, приводили к тому, что плот переворачивался, сбрасывая людей в воду. Возвратиться удавалось только самым крепким, остальные тонули, обессилев или захлебнувшись, и больше их никто не видел.

Кроме борьбы за выживание, в которой в основном побеждало море, была и другая опасность — враг, только что потопивший корабль. Многие выжившие утверждали, что в них стреляли, когда они плыли к плотам. Возможно, так оно и было, но маловероятно, что это привело к значительным человеческим жертвам. Плывущий в темном море — плохая мишень, и важно, что ни Масе, ни Жильбер, два свидетеля, чьи показания отличаются достаточной точностью, не стали об этом упоминать.

Представляется более вероятным, что после того, как люди добрались до плотов или спасательных шлюпок, по ним уже не стреляли, хотя один выживший, казначей с «Мекнеса», утверждает, что такие обстрелы были и были убитые. Все произошло так быстро и в такой суете, что до истины добраться непросто.

Всю ночь почти тысяча мужчин — и две женщины, жены офицеров, а еще пятилетний мальчик — ждали спасения, некоторые в лодках, но большинство просто цепляясь за плоты и деревяшки.

Вскоре после рассвета над этим районом пролетел самолет, и через некоторое время — до побережья Англии было всего два часа пути — находившиеся в воде французы увидели, что к ним на большой скорости приближаются четыре британских военных корабля.

Спасательные работы были проведены быстро и эффективно, и все выжившие — за исключением тех, кто, предположительно, добрался до французского побережья, и еще пары спасательных шлюпок с сотней моряков на борту, которых, должно быть, разыскивал и обнаружил бомбардировщик «бленхейм», — вернулись в Англию через несколько часов.

Газетные репортажи того времени рассказы-

вают о жалком зрелище, которое представляли собой выжившие, — большинство из них были едва одеты, некоторые в пижамах, некоторые в нижнем белье, а некоторые и вовсе без одежды. Их кое-как одели в то, что попало под руки, накормили во флотских казармах и отправили в шале бывшего лагеря отдыха на северо-востоке страны — дожидаться следующей попытки репатриации. Исключение составили сто пятьдесят офицеров и матросов, которых пришлось сразу отправить в госпиталь.

Гибель «Мекнеса» — одна из крупнейших морских катастроф Второй мировой войны. В ту июльскую ночь погибли почти триста французов, и ни один из них на этот момент не участвовал в боевых действиях. Когда речь заходит о главной причине трагедии, установить истину так же трудно, как и распределить вину. Разумеется, нет никаких сомнений в том, что́ непосредственно привело к гибели судна. Немцы предприняли довольно нелепые попытки свалить вину за случившееся на первого лорда адмиралтейства мистера А. В. Александера на том фантастическом основании, что он отдал приказ потопить «Мекнес» в пропагандистских целях — чтобы возбудить антинемецкие настроения во Франции.

На самом деле на виновника указали сами немцы, опубликовав 25 июля заявление, в котором говорилось, что один из их торпедных катеров потопил судно к югу от Портленда — именно там, где в ту ночь находился «Мекнес», единственный корабль, который был потоплен немцами в этом районе за довольно продолжительное время.

Немцы утверждали, что потопили вспомогательный крейсер водоизмещением восемнадцать тысяч тонн, что было очевидной ложью и попыткой оправдать потопление безоружного нейтрального судна, шедшего с включенными огнями.

Позже немцы изменили тактику. Если они и потопили «Мекнес», то вина за это все равно ложится на Британию. Немецкое информационное агентство заявило, что Великобритания не запрашивала разрешения на безопасный проход этого судна и не сообщила немецким властям о времени его выхода в море и маршруте следования.

На первый взгляд это еще одна голословная фальсификация. Большинство британских национальных газет, сообщая о катастрофе, критиковали вероломство немцев, потопивших судно, которому они дали безусловную гарантию безопасного прохода. Однако на следующий день

под аккомпанемент негромкого барабанного боя британцы официально опровергли заявление о том, что немцы предоставили гарантию безопасного прохода. На самом деле, разъяснялось в этом заявлении, о намерениях британцы проинформировали правительство Виши, которое должно было передать эту информацию германской стороне.

Оказалось, что немцы не только не предоставили гарантий безопасного прохода, но, по всей вероятности, вообще не знали ни о каком запросе.

И тут вмешалось правительство Виши. Французское адмиралтейство недвусмысленно заявило, что британские власти не проинформировали их ни о миссии «Мекнеса», ни о его маршруте, ни даже о пункте назначения. Нетрудно представить, какой эффект произвело это заявление в определенных кругах нашей страны. Затем в британской прессе появились предложения — верное указание на то, до какой степени шовинизм военного времени (если не что-то еще более зловещее) может повлиять на суждение опытных журналистов, — что правительство Виши на самом деле получило всю информацию о том, где будет находиться беззащитная цель, и

передало ее немцам, а потом заявило, что никакой информации от британцев не получило.

Все это представляется крайне маловероятным. Будь это так, немцы не прибегали бы к неуклюжим оправданиям, а изложили свою версию коротко и ясно и с негодованием отвергли бы утверждения о том, что они что-то знали. Также маловероятно, что какой-либо француз согласился бы, пусть даже косвенно, соучаствовать в уничтожении более тысячи своих соотечественников.

Не может быть никаких сомнений в том, что главная ответственность за трагическую гибель «Мекнеса» лежит непосредственно на британском правительстве. Официальное агентство новостей Германии сообщило в то время: «Британское правительство было обязано проинформировать французскую сторону о своем намерении репатриировать французских солдат и дождаться ответа относительно того, возможно ли обеспечить проход транспортного корабля».

Действительно ли проинформировало британское правительство французов? Некий «авторитетный» британский источник сообщил: «Французы… были в общих чертах уведомлены о нашем намерении репатриировать их людей», —

расплывчатая, неясная и трусливая попытка обелить себя, которую вряд ли можно как-либо оправдать.

Французы категорически заявили, что они не были проинформированы об отплытии «Мекнеса».

Что не подлежит никакому сомнению — и в этом суть вопроса, — это то, что никаких гарантий безопасности немцы не предоставили.

Тем не менее было принято решение, не дожидаясь ответа от немцев, позволить невооруженному судну выйти без сопровождения в Ла-Манш, кишащий вражескими катерами и подводными лодками.

Было бы интересно узнать, какая британская служба — или правительственное ведомство — несет ответственность за это решение? Но можно с уверенностью предположить, что покров официальной секретности, скрывающий множество грехов, останется на месте и ни одна из заинтересованных сторон не приподнимет даже его краешек, чтобы ответы на такие вопросы не указали в нежелательную сторону.

Кроме того, на фоне событий великой мировой войны гибель трехсот некомбатантов — это мелочь, о которой быстро и без особых терзаний

забывают, когда меркнет, а потом и проходит первый острый ужас трагедии.

Макхайнери и цветная капуста

— Мистер Макхайнери, с вами все в порядке? — вежливо поинтересовался А Вонг. Он произнес фамилию как «Маккинелли»; и хотя за десять лет, проведенных в Юго-Восточной Азии, Макхайнери привык к тому, как безбожно коверкают имя легендарного шотландского клана, равного по древности любому из перечисленных в Готском альманахе, его гордая кельтская душа содрогалась всякий раз, когда он это слышал. И все же, подумал он снисходительно, не стоит винить А Вонга. В этой части света еще не все, так сказать, вылезли из пещер. Дикари, варвары. Такими же, снисходительно заключил он, были и его соплеменники всего лишь парочку сотен лет назад, когда дела первостепенной важности — кража скота и зарубы с соседними кланами — не оставляли времени для более культурных занятий. Но двадцать прошедших поколений все же дали цивилизующий эффект…

Макхайнери потрогал шрам от пивной бутылки, полученный много лет назад в ходе политических дебатов в Глазго, и сдержанно улыбнулся:

— Все в порядке, мистер Вонг. Как обычно, жить можно.

— По вам не скажешь, — рассудительно произнес А Вонг. — Вы бледны, но обильно потеете. Вы потеете, но дрожите. И ваши глаза — это не глаза здорового человека. — Он повернулся к настенному шкафчику и налил в стакан янтарного цвета жидкость. — Напиток с вашей родины, мистер Макхайнери, проверен многими.

— Ох, старик, это именно то, что нужно. — Макхайнери сделал большой глоток, содрогнулся и закашлялся; по его щекам покатились слезы. А Вонг посмотрел на него, внезапно прищурившись. Еще и месяца не прошло с того дня, как два моряка неожиданно упали замертво, распив в одной из его лавок бутылку того, что преподносилось как фирменный скотч; и если бы не спешная, посреди ночи, передача пары бочек древесного спирта на хранение заклятому врагу и отправка властям письма, подписанного «Pro Bono Publico»[20], у него действительно могли бы быть неприятности. Как бы то ни было, теперь любая негативная реакция на его виски глубоко задевала чувствительную душу А Вонга.

---

[20] Notes: 20
«Ради общественного блага» *(лат.)*.

— Вам не нравится мой виски, мистер Макхайнери? — неспешно осведомился он.

— Не нравится? — Макхайнери откашлялся. — Уф! Да он идеальный. Просто само совершенство. — К несчастью, Макхайнери страдал аллергией на всякий виски, но играть роль инженера-алкоголика из Клайдсайда было не труднее, чем изображать соответствующий акцент. — Просто меня чуточку лихорадит, мистер Вонг, вот и все. — Он по собственному опыту знал, что здесь всем наплевать, ветрянка у тебя или чума.

— Так. — А Вонг расслабился на минуту, большего он никогда себе не позволял. — А вы новый главный инженер «Грассхоппера», мистер Макхайнери.

— За мои грехи. — Макхайнери с горечью покачал головой. — Эта треклятая развалюха, этот ржавый примус…

— Нищим выбирать не приходится, мистер Макхайнери, — сказал А Вонг холодно и помахал каким-то листком. — А вы — нищий. Согласно рекомендательному письму от моего хорошего друга Бенаби, вы провели в сточных канавах Джакарты несколько недель, прежде чем получили у него работу. Даже ваш диплом главного инженера — подделка, настоящий у вас отобрали.

— Да, еще одна грубейшая судебная ошибка…

— Помолчите, — презрительно оборвал его А Вонг. — Груз «Грассхоппера» выгружен и прошел таможню?

— Да, еще и полчаса не прошло. — Макхайнери снова поежился и заерзал на стуле. Пот градом катил по его лицу.

А Вонг сделал вид, что ничего не замечает.

— Хорошо. Вы получили копию декларации. — Он протянул руку. — Дайте мне взглянуть на нее.

— Ну нет, минутку, — хитро усмехнулся Макхайнери. — Вы знаете, кто я. Это вам сказало письмо. Но я не знаю, кто вы. Откуда мне знать, что вы знаете друг друга. Я про вас с Бенаби.

— Дурак, — коротко бросил А Вонг. — Я один из крупнейших импортеров продовольствия в Малайе. Бенаби — владелец фирмы грузовых перевозок, крупнейший поставщик в Индонезии. И мы не знаем друг друга? Глупец!

— Не будем переходить на личности, — упрямо заявил Макхайнери. У меня свои приказы, мистер Вонг. От самого Бенаби. Вы должны кое-что предъявить. — Он достал из бумажника листок рисовой бумаги и показал А Вонгу странную чернильную отметку, размером меньше ногтя

большого пальца.

— Конечно, — улыбнулся А Вонг и, покрутив кольцо с печаткой на среднем пальце, приложил его к чернильной подушечке и оставил на ней идентичный отпечаток. — Печатка сделана из лома. В мире таких только две. Бенаби и я — мы братья.

— Вот уж не подумал бы, — откровенно признался Макхайнери. — Он высокий, хорошо сложенный, симпатичный мужчина, а вы…

— Я говорил метафорически, — сдержанно ответил А Вонг. — Декларация, мистер Макхайнери.

— Да. — Макхайнери встал, открыл кожаный саквояж, который оставил на полу посреди роскошной квартиры, достал декларацию и протянул А Вонгу.

— Зачем вам эта сумка? — полюбопытствовал тот.

— Зачем сумка? — горьким эхом отозвал Макхайнери. — «Грассхоппер» простоит в Сингапуре две ночи, и если вы думаете, что я собираюсь провести их на борту этой чертовой дыры, кишащей блохами и тараканами, то…

— Тишина! — остановил его А Вонг, разворачивая декларацию. — А, да. Говяжья грудинка,

сотня. Свиная грудинка — две сотни. Бананы, лук, фасоль, перец, баклажаны, сливочное масло. Да-да, кажется, все на месте. Лучшая цветная капуста из Бандунга, восемьдесят ящиков. Салат латук, пятьдесят. Да, все в порядке. — Он замолчал, задумчиво посмотрел на Макхайнери и произнес на кантонском: — Я убью тебя, мой друг.

— Что вы сказали? — рассеянно спросил Макхайнери.

— Ничего. — А Вонг улыбнулся. — Подумал, может быть, вы — лингвист. — Он поднял телефонную трубку и быстро заговорил на кантонском, время от времени заглядывая в декларацию и отмечая что-то карандашом, потом повесил трубку и снова улыбнулся. — Заказываю мясо и кое-какие овощи, мистер Макхайнери. Из вашего груза.

— И уж конечно, самое лучшее, — вздохнул Макхайнери. — Никаких чертовых мух.

А Вонг снова улыбнулся. Наверное, мрачно подумал Макхайнери, так улыбается паук, когда в его паутину попадает особенно аппетитная муха.

А Вонг, со своей стороны, счел излишним сообщать Макхайнери, что он чистокровный армянин и имя сменил исключительно в интересах бизнеса, поскольку вел дела в той сфере коммерции, где доминируют китайцы, а еще — и это была

главная причина — потому, что славное имя его предков уже было безнадежно запачкано частым попаданием в досье Интерпола по всему миру.

— Не надо обижаться, мистер Макхайнери, — любезно сказал А Вонг. — Я подумал, что вы, может быть, согласитесь поужинать со мной.

— Поужинать? — После недолгих сомнений на лице Макхайнери появилась примирительная улыбка. — Ну… не-е-ет, мистер Вонг. Вы очень, очень любезны. Для меня будет честью принять такое предложение… — Макхайнери уже не сидел, он беспокойно расхаживал по комнате с блестевшим от пота лицом. Его трясло уже сильнее, чем прежде, и одна сторона лица подергивалась.

— Боюсь, вам нездоровится, — снова сказал А Вонг.

— Я в порядке. — Макхайнери покачал головой. — Нет, черт возьми, нет, я не в порядке. Мне надо отлучиться на минутку за лекарством. Я… я знаю, что нужно. — Он сглотнул. — Мне плохо, мистер Вонг, ужасно плохо. Где у вас ванная? Быстрее…

— Пройдите вон туда.

Макхайнери тут же вышел и затворил за собой дверь. Он открыл оба крана, спустил воду и под

прикрытием шума поднял жалюзи, закрывавшие ванную от жаркого малайского солнца.

На противоположной стороне улицы стоял темный фургон с тонированными в синий цвет боковыми стеклами и вентилятором на крыше. Вентилятор не работал. Макхайнери высунул руку, помахал, подождал еще немного, а когда увидел, что вентилятор заработал, осторожно опустил жалюзи. После чего закрыл краны и вернулся в комнату.

— Полегчало, мистер Макхайнери? — А Вонг попытался изобразить озабоченность и, приложив немалые усилия, справился с этой нелегкой задачей.

— По правде сказать, чувствую я себя ужасно, — признался Макхайнери. Теперь он дрожал, как сломанная пружина кровати, и зубы выбивали мелкую дробь. — Мне нужно выйти, мистер Вонг. Обязательно. Схожу за лекарством. Это быстро.

— Любое лекарство, мистер Макхайнери. Вы только назовите — оно обязательно найдется. Помимо прочего, я поставляю лекарства во многие аптеки.

— Такого, что мне надо, ни в какой чертовой аптеке не найти, — огрызнулся Макхайнери. — Минутное дело, мистер Вонг.

Он направился к двери и… резко остановился. Путь преградил мужчина. По крайней мере, так определил его Макхайнери, руководствуясь соображениями вежливости. В действительности он больше походил на неандертальца, но определенно превосходил пещерного человека габаритами. Плечи — как у быка, руки — две грозди бананов, и грубая физиономия идиота, словно вытесанная из куска гранита.

— Джон, — представил его А Вонг. — Мой секретарь. По-моему, мистер Макхайнери, Джон не хочет, чтобы вы уходили.

— Ну да, секретарь. Большой интеллектуал, да. — Макхайнери поежился и, понизив голос, добавил: — Отойди, приятель.

— Не глупите, — резко сказал А Вонг. — Он может разломить вас на две половинки. Ну же, мистер Макхайнери. Просто сядьте и снимите пиджак. Безумие носить его в жару, когда вы так потеете.

— У меня аллергия на солнечный свет, — прохрипел сквозь зубы Макхайнери. — Я никогда его не снимаю. Уйди с дороги, ты…

— Здесь нет солнечного света, — тихо сказал А Вонг.

— Мне надо выйти! — заорал Макхайнери. —

Надо! Черт бы тебя побрал, Вонг, ты не понимаешь, что со мной делаешь? — Он бросился к дверному проему и попытался поднырнуть под расставленные руки Джона, но врезался головой и плечами в ворота с пятью засовами. То есть по ощущениям это вполне могли быть ворота с пятью засовами. Как будто пара механических лопат обхватили Макхайнери за плечи, без особых усилий оторвали от пола и перенесли в кресло, что стояло посередине комнаты.

— Вы очень глупы, — печально сказал А Вонг. — Я хочу быть вашим другом, мистер Макхайнери. И я хочу, чтобы вы были моим другом. Думаю, мистер Макхайнери, вы можете предложить мне то, что очень редко может приобрести человек в моем положении, — непоколебимую преданность, которую нельзя купить ни деньгами, ни клятвами.

— Я убью тебя, Вонг, — сдавленно прошипел Макхайнери, тщетно пытаясь вырваться из стальных объятий.

— Убьешь меня? Своего доктора? Единственного человека, который может дать тебе нужное лекарство? — А Вонг улыбнулся. — Поразительное отсутствие ума. Джон, сними с него пиджак. — (Джон снял с Макхайнери пиджак.

Сделал он это просто: разорвал по шву на спине и стащил две половинки.) — Теперь рукава рубашки, — пробормотал А Вонг.

Джон прошелся пальцами по рубашке, вырывая пуговицы, и подтянул рукава повыше локтя. Некоторое время все трое смотрели на внутреннюю сторону предплечий Макхайнери, густо усеянных бледно-лиловыми пятнами. На лице А Вонга не дрогнул ни один мускул. Отбросив порванную рубашку, он склонился над кожаным саквояжем Макхайнери, поднял узкую продолговатую коробку, отодвинул защелку, открыл деревянную крышку и извлек шприц для подкожных инъекций.

— Очень удобно держать в руке, — мягко сказал он. — Ваше лекарство в нем, мистер Макхайнери? И на ваших руках уже почти не осталось места, куда можно сделать укол. Вы — наркоман, мистер Макхайнери. И теперь вы лезете на стену, потому что пропустили время для очередной дозы. Я прав, мистер Макхайнери?

— Я убью тебя за это, А Вонг… — едва слышно произнес Макхайнери выхолощенным механическим голосом. — Я убью тебя, и да поможет мне Бог. — Он дернулся в кресле.

— Убьешь меня? — тихо спросил А Вонг. —

Убьешь курицу, несущую золотые яйца? Убьешь своего доктора? Доктора, который не только распознаёт симптомы, но и может прописать лекарство от недуга? Прописать и снабдить им. Предоставить прямо сейчас. Это ведь героин, не так ли, мистер Макхайнери?

Джон немного ослабил хватку. Макхайнери с трудом поднялся на ноги и схватил А Вонга за руки.

— У вас есть? — прошептал он. — Боже, у вас он здесь?

— Да, здесь. — А Вонг посмотрел в широко раскрытые глаза Макхайнери. — Мой друг Бенаби. Он даже умнее, чем я думал. Слабым звеном в нашей организации всегда был курьер из Джакарты. Теперь с этим покончено. Вы будете получать столько белого порошка, мистер Макхайнери, сколько захотите, и так часто, как захотите, и в любое время, когда захотите, — до конца ваших дней.

— Хотите сказать… хотите сказать, что мне больше не придется беспокоиться из-за этого? Не придется врать, клянчить, обманывать или красть, чтобы заполучить это? Я смогу получать это всегда?

— До тех пор, пока будете служить нам, мне

и Бенаби.

— Тогда я ваш по гроб жизни, — твердо заявил Макхайнери.

— Я в этом не сомневаюсь. — А Вонг посмотрел на него с отвращением, отряхнул руки, поднял телефонную трубку и заговорил на кантонском. Потом положил трубку и сказал: — Одну минуту. Не более.

— Боже мой! — воскликнул Макхайнери. — Подумать только, сколько раз я бродил по Сингапуру в поисках этого, едва не воя от отчаяния, гадая, где его достать, где источник снабжения, а ведь можно было…

— Теперь вы у источника, мистер Макхайнери, и гадать больше не надо.

— Вы… вы снабжаете весь город?

— Бóльшую его часть.

— Но… разве вы никогда не задумывались о том, что делаете? Вы когда-нибудь видели человека, закоренелого наркомана, который не может достать наркотик? Или пытается завязать? Они же сходят с ума. Кричат как сумасшедшие. Вы никогда этого не видели?

— Не будьте таким наивным, мистер Макхайнери. Конечно видел. Люди здравомыслящие довольствуются шариком опиума. Извращен-

цам, — А Вонг скривил губы, — этого мало. Если снабжать их не буду я, это сделают другие. — Он презрительно усмехнулся. — Ну что, пойдете известите полицию?

— Горло себе перережу, — прошептал Макхайнери. — Мозги вышибу. Но никогда никому не скажу.

— Знаю, что не скажете, — сухо сказал А Вонг. — А, вот и оно.

Вошедший в комнату слуга поставил на стол ящик с овощами.

— Цветная капуста? — недоуменно спросил Макхайнери.

— Лучшая в Бандунге. — А Вонг поднял кочан, осторожно срезал ножом кочерыжку, извлек целлофановый пакетик и высыпал на дрожащую ладонь Макхайнери немного белого порошка. — Попробуйте.

Макхайнери положил часть его на язык, попробовал и прошептал:

— Боже милостивый! Вот оно. То самое. И вот так это поступает в Сингапур?

— Годами, — спокойно сказал А Вонг. — Обычная цветная капуста. Кочерыжка надрезается, героин закладывается, замазывается шеллаком, после чего кочерыжка приклеивается, и капуста

отправляется в ящик. Таможенники трижды обыскивали «Грассхоппер», но так ничего и не нашли. Да и кто бы подумал о цветной капусте?

— Чертова капуста, — дрожащим голосом прохрипел Макхайнери. Руки у него тряслись сильнее прежнего. — Ради бога, приготовь мне дозу!

А Вонг кивнул, вышел в ванную и через минуту вернулся с маленьким пузырьком жидкости молочного цвета.

— Ваше лекарство, мистер Макхайнери. — Он указал на лежащий на столе шприц.

Макхайнери умоляюще посмотрел на него:

— Ради всего святого, наполните мне шприц. Я не могу…

— Вижу. Дрожат. — А Вонг поднял шприц, надавил на поршень и ввел иглу в пузырек. — Достаточно, я полагаю, мистер Макхайнери?

— Да-да, этого хватит. — Макхайнери выхватил у него шприц, замер в нерешительности и вдруг выпалил: — Видит бог, хоть я и наркоман, но гордость у меня еще осталась, да. Ванная… Чувствую, меня сейчас снова…

— Меня от вас тошнит, — бесстрастно заметил А Вонг. — Идите.

Макхайнери торопливо прошел в ванную,

спустил воду, открыл жалюзи и высунул руку со шприцем в окно. Из фургона внизу выскочили пятеро мужчин. Макхайнери осторожно положил шприц на подоконник, подождал секунд двадцать и вернулся в комнату как раз в тот момент, когда наружная дверь с грохотом распахнулась и пятеро мужчин из фургона, полицейских в форме и с оружием, ворвались в квартиру. Макхайнери кивнул в сторону Джона.

— Не выпускайте парня из виду, — посоветовал он. — Если дернет хотя бы бровью, всадите в него пяток пуль. Только не в голову — отскочат.

А Вонг стоял неподвижно с непроницаемым лицом. Через минуту или две он тихо спросил:

— Это что за безобразие?

— Инспектор Ханбро, — представился старший полицейский. — Ордер на ваш арест, мистер Вонг. Получение, незаконное хранение и распространение заведомо запрещенных наркотиков. Должен предупредить вас…

— Что за глупые шутки? — Лицо Вонга напряглось, в глазах мелькнула настороженность. — Какая дикая чушь! Вы сказали… наркотики?

— Да, наркотики. — Ханбро повернулся к Макхайнери. — Этот человек даст показания…

— Этот человек, — недоверчиво произнес

А Вонг. — Этот шотландец, этот ни на что не годный инженеришка…

— Что любопытно, он действительно был когда-то инженером, — сказал Ханбро. — Да, шотландец. Сменил профессию несколько лет назад. Позвольте представить — инспектор Дональд Макхайнери из отдела по борьбе с наркотиками полиции Гонконга. Направлен в Сингапур для выполнения специального задания. Моих людей в этих местах слишком хорошо знают.

— Можете увести его, инспектор Ханбро, — устало сказал Макхайнери. — Не знаю, сколько разбитых и загубленных жизней на его совести, но теперь это уже не важно. У нас на него столько всего, что вполне набирается на пожизненное.

— Я невиновен по всем пунктам обвинения, — возразил А Вонг глухо. — Как один из крупнейших торговцев и самых влиятельных граждан…

— Заткнитесь, — остановил его Макхайнери. — Вы были правы, мистер Вонг. Ваш бывший курьер, прежний главный инженер «Грассхоппера», был вашим слабым звеном. Однажды ночью в Джакарте он выпил лишнего и разболтался в присутствии человека в штатском. Наболтал он не так уж много, но достаточно, чтобы навести на след. Мы знали, что он не заговорит — в вашем

бизнесе болтуны без вариантов умирают еще до рассвета, — поэтому не стали его трогать, пока я вживался в роль пьющего инженера-наркомана. Когда пришло время, полицейские Джакарты взяли его и упрятали подальше, без связи с внешним миром, а его место занял я. Так что ваш приятель Бенаби не был не то что гениален, но и умен.

— Вы ничего не сможете доказать. Вы не сможете…

— Мы сможем доказать все. Я в Гонконге десять лет и на кантонском говорю не хуже вашего. И даже лучше — у вас, армян, не очень хорошо получаются некоторые гласные звуки. Да, мистер Вонг, нам известно, что вы армянин. Мы знаем о вас все. Я слышал, как вы называли цифры вашему сообщнику, — уверен, они будут в точности соответствовать номерам на ящиках.

— Это только ваши слова…

— Полиция прослушивала вашу линию — для подстраховки.

— Такая запись не будет принята в суде как улика…

— И еще, — безжалостно продолжал Макхайнери, — весь наш разговор сохранен для потомков. В нижней половине моего саквояжа находится очень хороший диктофон. Кроме того, отметки,

которые вы сделали в этой декларации, будут соответствовать номерам ящиков, изъятых у вашего сообщника. Графитовые тесты покажут, что пометки на декларации сделаны тем же карандашом, что лежит на вашем столе, а отпечатки пальцев покажут, что последним его держали вы. Печатка — та, что у вас и у Бенаби, — тоже улика, значение которой признает любой суд. Вот этот ящик с наркотиками на полу в вашей комнате — как вы его объясните? Да что говорить, у вас в ванной достаточно улик для пожизненного заключения. Например, шприц с героином и вашими отпечатками пальцев по всему стеклянному цилиндру.

— Вы сами наркоман. — Голос Вонга упал до шепота. — Наркоманы не могут давать показания. Я… я знаю симптомы. Вы…

— Симптомы? — улыбнулся Макхайнери. — Я уже не дрожу. А как только я сниму три шерстяные фуфайки, то и потеть перестану. Бледность — это макияж. Покрасневшие глаза — разве вы не знали, что острый перец дает точно такой же эффект?

— Но ваши руки, — в отчаянии воскликнул А Вонг. — Посмотрите на них. На них следы от уколов. Как…

— Заостренная вязальная спица. Простерилизовать и окунуть кончик в анилиновый краситель. Не пытайтесь этого делать, мистер Вонг. Это чертовски больно.

«Ланкастрия»

За спиной семьи Тиллиер остался долгий-предолгий путь. Возможно, если мерить только милями, получается не так уж и много — автомобиль, идущий с умеренной скоростью, мог бы преодолеть расстояние между авиационным заводом «Фэйри эвиэйшн» в Бельгии, где Клиффорд Тиллиер работал техником, и портом Сен-Назер за один день.

Но Тиллиеры путешествовали не по мирным равнинам Северной Франции в быстром и комфортабельном автомобиле, их путь пролегал через охваченную войной и хаосом, только что капитулировавшую и полностью деморализованную страну, и ехали они либо в переполненных, беспорядочно курсирующих поездах, которые иногда преодолевали за день всего несколько миль, либо в кузове грузовиков, медленно ползущих по дорогам, забитым тысячами стремящихся на юг беженцев.

Путешествие заняло долгий, мучительный месяц, но в конце концов они все же достигли цели.

Глядя на пристани Сен-Назера, запружен-

ные кораблями союзников — от крошечных тральщиков до огромных океанских лайнеров, ожидающих посадки беженцев и отправления домой, — Клиффорд Тиллиер, прибывший сюда с женой Верой и двухлетней дочкой Жаклин, чувствовал, что они проделали этот путь не зря. Страдания, страх, голод и долгие бессонные ночи — все это осталось позади, и впереди была надежда, свобода и дом.

Эти же чувства разделяли десятки тысяч других людей. Среди них не было беженцев гражданских; здесь собрались последние полки британского экспедиционного корпуса во Франции. Бóльшая часть корпуса эвакуировалась с континента раньше. «Чудо Дюнкерка» случилось всего две недели назад, и почти треть миллиона человек благополучно вернулись с этих пляжей домой. В Англию. Шербур, Сен-Мало и Брест были полностью эвакуированы. Благодаря фантастической операции спасения восемьдесят пять тысяч человек вырвались из сжимающихся клещей танковых дивизий, не потеряв ни одного корабля и ни единого человека. Теперь здесь, на берегах Луары, ждали своей очереди последние. Такие люди, как капрал Джон Бродбент, который почти шесть недель вел свой личный состав из Реймса в

пункт эвакуации и чья фотография, опубликованная в газетах всего мира, вскоре станет известна миллионам. Такие люди, как сержант Джордж Янг из Корпуса тылового обеспечения, проехавший на велосипеде половину Франции, — его приключения в течение следующих трех дней будут чем-то из области фантастики.

Но для сержанта Янга и капрала Бродбента, как и для Тиллиеров, прошлое осталось позади. Теперь их волновало только настоящее, они жили надеждой на то, что скоро подойдет и их черед сесть на один из десятков крошечных траулеров и минных тральщиков, которые доставляли солдат и гражданских лиц на стоящие в удалении от берега большие корабли. Все остальное не имело значения.

Им уже сообщили название корабля, который должен доставить их домой, и они ясно видели его — «Ланкастрия». Даже с расстояния трех-четырех миль он выглядел огромным, надежным и защищенным. «Вот попадем на его борт, — говорили они себе, — и все наши беды кончатся».

Все то долгое утро и даже некоторое время после полудня 17 июня 1940 года лайнер «Ланкастрия», имевший водоизмещение 16 243 тонны и принадлежавший компании «Кунард Уайт

стар», стоял, удерживаемый двумя носовыми якорями на рейде Киброна, а десятки небольших судов перевозили на него солдат и гражданских беженцев. Их численность на борту неуклонно росла — одна тысяча, две тысячи, три тысячи… четыре. А люди все прибывали и, поднявшись на палубу, организованно проходили на отведенные им места.

Капитан Р. Шарп, наблюдавший за происходящим с мостика «Ланкастрии», хотел одного: чтобы погрузка поскорее закончилась и лайнер вышел в море. Стоящий на двух якорях, окруженный маленькими судами, принявший на борт тысячи военных и гражданских, число которых продолжало увеличиваться, огромный корабль не имел ни пространства, ни возможности для маневра, и капитан ясно понимал, что ничего не может противопоставить воздушной или подводной атаке.

В настоящий момент подводные лодки представляли, пожалуй, наименьшую опасность — устье реки постоянно патрулировала флотилия эсминцев. Другое дело воздушное нападение; всего лишь днем ранее в похожей ситуации атаке подверглась и получила повреждения «Франкония». Капитан Шарп опасался, что худшее еще

впереди. Тяжелые бомбардировщики люфтваффе снова начали наносить разрозненные удары по стоявшим на рейде пассажирским судам.

Но при всех своих опасениях и тревоге за корабль, капитан Шарп и представить не мог, что имя «Ланкастрия», до тех пор известное сравнительно немногим, через несколько дней станет всемирным символом величайшей морской катастрофы в истории Великобритании, трагедии, по числу жертв превзошедшей трагедии «Титаника», «Лузитании» и «Атении».

В половине четвертого пополудни включились сирены воздушной тревоги, и зенитные орудия открыли огонь по появившимся над Кибероном тяжелым бомбардировщикам люфтваффе. В это время на борт «Ланкастрии» поднимались последние беженцы — всего лайнер принял почти шесть тысяч мужчин, женщин и детей.

Среди них была семья Тиллиер, капрал Бродбент и сержант Янг.

Миссис Тиллиер уже искупала, вытерла и одела маленькую Жаклин и вместе с мужем и дочерью направилась в столовую. Она вспоминает, что в тот момент ей запомнились порядок и вежливость на борту, спокойная и уверенная работа стюардов в белых куртках, которые выполня-

ли свои обязанности, совершенно не обращая внимания на стрельбу и сирены, и заботливый улыбающийся матрос, поправивший спасательный жилет маленькой Жаклин, чтобы он не сползал с ее хрупких плечиков.

Сержант Янг поднялся на борт почти одновременно с Тиллиерами, неся с собой новый французский велосипед. Проживающий на Викерсли-роуд, в Лондоне, бывший сержант Янг признает, что команда переполненного лайнера отнеслась к его багажу не слишком благосклонно, но он, игнорируя проклятия, втащил велосипед на борт, поставил в относительно безопасном месте и спустился вниз, чтобы побриться. Буквально за секунды до этого, у него на глазах, бомба взорвалась на мостике стоящего рядом лайнера «Оронсей». Бомбежка действовала на нервы, говорит мистер Янг, но потребность в бритье перевешивала все остальное.

Капрал Джон Бродбент такой полумерой, как бритье, не довольствовался. Ныне лондонский таксист, живущий на Ньюпорт-стрит, признается, что испытывал легкое беспокойство не из-за падающих бомб или того факта, что он был полностью раздет и собирался принять ванну, а потому что на двери ванной присутствовала

надпись: «Только для офицеров».

Сразу после половины четвертого в «Ланкастрию» ударили три воздушные торпеды. Одна попала в носовую часть, другая — в корму, но именно третья нанесла основной ущерб и стала причиной многих человеческих жертв. По чистой случайности эта воздушная торпеда угодила в трубу «Ланкастрии» и взорвалась на удивление негромко, но с огромной разрушительной силой в ограниченном пространстве котельного отделения и прилегающих отсеков, набитых солдатами, которым не нашлось места наверху.

Котельная была разрушена, топливные баки и трубопроводы прорваны, и тысячи галлонов нефти вылились в море, так что вода вокруг «Ланкастрии» покрылась толстым нефтяным слоем. Но много ужасней оказалась судьба людей, находившихся в подводных отсеках: около пятисот из них, в основном военнослужащих Королевских ВВС, были выброшены взрывом через большие рваные пробоины в тонких, незащищенных бортах огромного лайнера. Многие погибли уже в момент взрыва от ударной волны, от разлетающейся в замкнутом пространстве шрапнели, от вырванных из переборок и разбросанных повсюду стальных пластин. Но и из тех, кто ока-

зался в воде живым, многие умерли от удушья, захлебнувшись в густой нефти, вытекавшей из пробитых цистерн и трубопроводов.

«Ланкастрия» сильно накренилась и начала медленно оседать. Даже самые неопытные на борту — а большинство из них ничего не знали о море — понимали, что лайнер долго не протянет.

Сотни людей оказались в ловушке под палубами. В нескольких случаях водонепроницаемые двери были плотно закрыты или, как и многие другие двери, сильно деформированы в результате взрыва. Другие попали в не менее смертельную ловушку, застряв в толпах, которые заполнили проходы и лестницы. При создавшейся толчее у последних в очередях шансов на спасение не было. Некоторые выбрались через иллюминаторы, некоторые — через бортовые грузовые порты. Отец Чарльз Макменеми, бывший католический капеллан в тюрьме Вормвуд-Скрабс, провел группу оказавшихся в ловушке людей к грузовому порту примерно в шести футах над водой, отдал свой спасательный жилет не умевшему плавать старшему сержанту и, отправив всех в море, сам выбрался последним. Отец Макменеми определенно заслужил шанс на спасение — и он спасся.

Тиллиеры, капрал Бродбент и сержант Янг были в числе счастливчиков — тех, кто благополучно добрался до верхней палубы. Бродбенту и Янгу пришлось отстоять в плотной очереди к ведущему наверх трапу, по которому солдаты медленно поднимались наверх, к обманчивой безопасности.

Путь наверх для миссис Тиллиер был намного легче. Как только она вышла из столовой с малышкой Жаклин на руках, десяток голосов призвали собравшихся расступиться и дать дорогу женщине с ребенком. Мужчины на трапе посторонились, пропустив ее вперед, хотя каждый из них понимал, что корабль уходит под воду вместе с ними. И так было во всех случаях с женщинами и детьми. Невозможно подсчитать, скольким мужчинам это стоило жизни, сколько человек пожертвовали секундами, отделявшими жизнь от смерти.

Вспоминая об этих нескольких ужасных часах, все они — Тиллиеры, Бродбент и Янг — особенно выделяют три самых ярких впечатления, и первое из них — абсолютное спокойствие, доброта и бескорыстие солдат и экипажа. Конечно, была и путаница, была и спешка — это неизбежно, — но паники не было и в помине.

Но это впечатление, пусть и навсегда оставшееся в памяти, было все же мимолетным — на что-то большее не хватило бы времени. Воздух дрожал от непрерывного грохота зенитных орудий, над лайнером все еще кружили бомбардировщики люфтваффе, и некоторые из них безжалостно обстреливали резко накренившиеся палубы «Ланкастрии» из пулеметов — пули со стальными наконечниками прошивали плотные ряды людей, стоящих в очереди к спасательным шлюпкам.

Первыми в них сели женщины и дети. Клифорд Тиллиер увидел свою жену и Жаклин на борту одной из этих лодок как раз в тот момент, когда ее собирались опустить. Он отступил, шагнув в сторону, но солдаты танкового полка схватили его и усадили рядом с женой и ребенком. «Садитесь, мистер, — сказали ему. — Вам нужно присмотреть за малышкой».

Но в той ситуации спасательная шлюпка была убежищем столь же временным, сколь и опасным. Еще не коснувшись воды, она уже начала крениться. Тиллиеры не колебались. Они вместе перевалились через борт и поплыли прочь от тонущего корабля. Мистер Тиллиер, как мог, держал голову Жаклин над маслом.

Сержанту Янгу и капралу Бродбенту спасательных шлюпок не хватило. Все, которые можно было спустить, уже были спущены, и многие из них перевернулись.

Впервые за много недель сержант Янг совсем забыл о своем велосипеде. С мыльной пеной на лице, он подошел к борту и прыгнул в воду, кишащую обломками и людьми, многие из которых не умели плавать и не имели спасательных жилетов. Не все смогли за что-то ухватиться, и эти несчастные отчаянно барахтались в воде.

Янг знал, что бывает с теми, кто остается слишком близко к тонущему кораблю — а «Ланкастрия» погружалась фут за футом у него на глазах, — и поспешил отплыть подальше, чтобы не попасть в смертельную воронку, когда лайнер пойдет ко дну.

Капрал Бродбент по-прежнему пребывал в том виде, в каком собирался ступить в ванну, то есть совершенно голым. (В таком виде ему предстояло провести еще три долгих дня.) По его словам, тогда этот факт беспокоил его меньше всего. Когда палуба уже уходила у него из-под ног, капрал обменялся церемонным рукопожатием со своим другом Сидом Кинаном — который как раз был в ванной, когда торпеда ударила в «Лан-

кастрию», — и прыгнул в море.

Вот тогда случилось то, что произвело на двух солдат и Тиллиеров — впрочем, не только на них, но и на всех, кто это увидел, — второе неизгладимое впечатление. Огромные гребные винты показались над водой, и «Ланкастрия», прежде чем затонуть, медленно, но неумолимо перевернулась. Сотни солдат, большинство из которых, по-видимому, не умели плавать, все еще цеплялись, как муравьи, за огромный корпус. Ни криков, ни воплей, ни каких-либо признаков страха. Вместо этого люди пели «Выкатывай бочку»[21] и «Англия пребудет навеки»[22], и голоса их были слышны, даже когда море сомкнулось над ними. Неудивительно, что многие из выживших солдат так и не смогли заставить себя снова петь «Выкатывай бочку», неофициальный гимн армии в первые годы войны.

Капрал Бродбент был одним из тех, кто оказал-

---

[21] Notes: 21

«Выкатывай бочку» («Roll out the barrel») — первоначально песня существовала без слов, это была полька, сочиненная в 1927 году чешским музыкантом Яромиром Вейводой. В 1934 году появился текст, и впоследствии песня приобрела всемирную популярность, особенно во время Второй мировой войны.

[22] Notes: 22

«Англия пребудет навеки» («There'll always be an England») — патриотическая песня, написанная в 1937 году для фильма-мюзикла «Открытия» («Discoveries»).

ся ближе всего к кораблю, когда тот пошел ко дну. Когда «Ланкастрия» перевернулась, Бродбент увидел человека, запертого в каюте и отчаянно пытающегося разбить толстое закаленное стекло иллюминатора. В одно короткое мгновение перед капралом мелькнуло искаженное ужасом лицо, и в следующую секунду иллюминатор скрылся под черной от масла поверхностью моря.

А потом случилось, пожалуй, самое страшное из всего пережитого ими ужаса — пожар. Пожар не на борту «Ланкастрии» — спастись от него не составило бы труда, — а на поверхности моря, и от него мало кто спасся. И пожар не был случайностью; он был результатом холодной расчетливости и бессердечия, которым не может быть прощения. Мало того, что пилоты люфтваффе обстреливали людей из пулемета — например, на одном плоту погибли человек двадцать, — так они еще и подожгли покрытое нефтью море, сбросив зажигательные бомбы.

Горящее масло — самая ужасная, самая жестокая смерть, известная людям. Это смерть от медленной, мучительной пытки, когда человек тонет, спасаясь от огня, или умирает от асфиксии, потому что пламя поглощает весь живительный кислород над поверхностью моря и люди зады-

хаются в раскаленном, безжизненном воздухе. Смерть от утопления тиха, спокойна и почти безболезненна, и когда надежды на спасение не остается, только сумасшедший будет продлевать напрасное мучение, когда под рукой есть средство милосердного избавления от боли.

Официальная история войны на море признает, что не может объяснить, почему так много людей — две тысячи восемьсот двадцать три человека — погибли при крушении «Ланкастрии», хотя катастрофа произошла средь бела дня на рейде, в присутствии множества небольших маневренных судов, которые быстро оказались на месте происшествия, и один только противолодочный траулер «Кембриджшир» спас почти тысячу выживших.

Трудно понять и вот такую загадку: как в этой ситуации удалось спасти так много людей — около двух с половиной тысяч человек. Многие другие суда занимались своими делами и отражали атаки немецких бомбардировщиков. Те же, что подошли к месту гибели «Ланкастрии», обнаружили залитое топливом море, мусор и лишь небольшое число выживших, оставшихся после ухода «Кембриджшира». Сотни умерли в момент взрыва, не меньше погибло из тех, кто не

сумел выбраться из нижних помещений лайнера. Немало было и погибших в охваченном огнем море, а также тех, кто в поисках безопасности заплыл слишком далеко за радиус первоначальных поисков.

Среди последних были капрал Бродбент, сержант Янг и семья Тиллиер.

Бродбента, находившегося в воде почти без сознания, спасло небольшое суденышко, доставившее его потом, все еще совершенно голого, на «Джон Холт», где его и нашла камера репортера. Спустя три дня капрал прибыл в Плимут — по-прежнему без клочка одежды, но жалуясь только на то, что у него нет карманов, куда можно было бы положить подаренные сигареты, — где его уже ждала слава, а сделанную репортером фотографию все газеты мира опубликовали как символ катастрофы.

Сержант Янг ухватился за ящик из-под апельсинов, как и еще девять человек, нашедших эту хрупкую опору. Когда четыре часа спустя его спас французский траулер, в живых осталось только трое — остальные семеро ушли один за другим под воду, когда их силы иссякли.

Сержанта поместили в монастырскую больницу, где за ним ухаживала миссис Джоан Роудс,

позже известная как «Ангел Сен-Назера». Переодетого в форму французского моряка, его перевезли в военный госпиталь, и там немецкий офицер сказал, что он военнопленный и будет застрелен, если попытается сбежать. Вместе с несколькими другими Янг захватил фургон Красного Креста и добрался до побережья, где его подобрал эсминец «Панджаби».

Тиллиеры, вероятно, провели в воде даже больше времени, чем Янг. Память сохранила отдельные обрывки. Миссис Тиллиер отчетливо помнит, как какой-то солдат отдал им деревяшку, за которую держался, и что она сама так часто повторяла: «Малышка здесь, малышка здесь», что Жаклин приняла эти слова как какую-то игру и, когда сил уже не осталось, твердила только: «Малышка здесь».

Их крики услышали, и помощь пришла — спасательная шлюпка с эсминца «Хайлендер». Ни мистер Тиллиер, ныне управляющий отделом компании «Фэйри эвиэйшн» в Лондоне, ни его жена не пострадали, хотя выглядели довольно шокирующе.

Все закончилось хорошо и для Жаклин, двухлетней девочки, твердившей восемнадцать лет назад: «Малышка здесь, малышка здесь» в за-

литых топливом водах бухты Киброн, — 5 июля этого года она вышла замуж.

Маккриммон и голубые лунные камни

Ветер дул с берега, со стороны туземного квартала, так что дышать в центре города было довольно-таки затруднительно. Ночь, пусть даже не под руку с покоем, спустилась на город. В этот поздний час все честные граждане мирно спали у себя дома. С наступлением темноты улицы Александрии заполнили толпы неспящих.

Типично восточная сцена. Тысячи горожан вышли на законный промысел: чистить сапоги и карманы и сбывать все мыслимые и немыслимые товары, продажа которых строго-настрого запрещена египетскими законами. Но по большей части люди просто бесцельно бродили по улицам. Одни шли туда, другие сюда — направление значения не имело, оно определялось случаем.

Но был среди них человек, явно выделявшийся из общей суеты целеустремленностью и сосредоточенностью. Твердая, быстрая походка выдавала человека действия, спокойное лицо — решимость, ясные, с блеском, глаза — деловитость и, возможно, неумеренность по части употребления джина.

Опытный моряк-профессионал, торпедист на

борту корабля его величества «Илара», гордый обладатель двух знаков отличия, носитель славного имени, человек высоких моральных принципов, Маккриммон спешил на важную, не терпящую отлагательств встречу.

Боевой корабль «Илара» вернулся в Александрию этим утром из Эгейского моря с серьезно поврежденной кормовой трубой — результат небольшого конфликта, возникшего между ним и немецкими батареями на острове Милос. Без сожалений пожертвовав послеполуденным сном, Маккриммон сразу же после обеда спешно сошел на берег и отыскал некоего мистера Маккриммона, своего четвероюродного или еще более дальнего по родству брата. Мистер Маккриммон работал на верфи или, точнее, получал зарплату за то, что проводил на верфи определенное время. До возвращения домой ему надлежало пробыть здесь еще примерно два года. Как оказалось, недавно в его руки попала некая ценная информация, а поскольку кровь — даже сильно разбавленная — все же не водица, он, посоветовавшись сам с собой и подкрепившись бренди, решил поделиться ею с кузеном. Последний, слушая родственника, старательно сохранял выражение отстраненной скуки, которое, впрочем,

никого не могло обмануть.

Информация, если вкратце, сводилась к следующему. Окольным путем, но через вполне надежный канал мистер Маккриммон узнал о некоем местном жителе, собравшем весьма приличную коллекцию полудрагоценных камней. В том, что камни не являются фамильной ценностью и не приобретены иным законным способом, он не сомневался, но это к делу не относилось. Важно было то, что нынешний владелец готов продать их по фантастически низкой цене. В Британии, при существующем положении внутреннего рынка, за камни можно получить в разы больше. Не согласится ли кузен, которому он доверяет больше, чем кому-либо на свете, и который должен в скором времени вернуться домой, осуществить сделку за него и получить пятьдесят процентов от прибыли?

Кузен согласился, и вот мы уже видим, как он шагает по ночным оживленным улицам, не поглядывая ни влево, ни вправо, машинально отгоняя чересчур назойливых чистильщиков обуви и изредка останавливаясь, чтобы, пробормотав проклятие, бросить пристальный взгляд на предлагаемые произведения искусства, работы старых и прочих мастеров, и продолжить путь.

Дело, как уже отмечалось, не терпело отлагательств. Он и так уже задержался в салуне рядом с Биржей, где утолил жажду и сыграл в покер с тремя армянами и одним киприотом. Игра складывалась удачно, и Маккриммон, возможно, еще оставался бы там, если бы какой-то не в меру любознательный зритель не счел уместным восхититься искусной работой мастера, нанесшего пятьдесят два разных узора на рубашки карт. Созданная экспромтом следственная комиссия тут же приступила к установлению личности обладателя колоды, и Маккриммон поспешно ретировался, даже не забрав выигрыш. Вспоминая об этом, он скрипел зубами и раздраженно пинал пыль улицы Саада Заглула — главной улицы города.

Дойдя до ее конца, он повернул налево и скрылся в одном из нарядных заведений, совмещавших ресторан с танцевальным залом и расположенных вокруг вокзала Рамле. Козырнув швейцару, которого он принял за контр-адмирала, Маккриммон прошел в вестибюль, миновал, придерживая пальто и шляпу, гардероб и огляделся.

Никого. Продавец камней еще не пришел.

Отдав короткие указания и оставив администратору несколько пиастров, Маккриммон

направился в ресторан, где выбрал столик, откуда можно было без напряжения для глаз наблюдать за кабаре. Убрав со стола табличку «Зарезервировано», он величественным жестом вручил ее проходящему мимо официанту и распорядился насчет выпивки. Официант, уверенный, что имеет дело с еще одним переодетым королем-изгнанником, низко поклонился и удалился.

Маккриммон надменным взглядом окинул зал. Ресторан ничем не отличался от других — те же плюшевые диванчики, занавешенные ниши, бронзовые поручни, крошечный танцпол, утомленные пальмы и еще более усталый струнный оркестр.

Какое-то время он безучастно наблюдал за стараниями пары профессиональных танцоров, демонстрирующих старинный вальс. В ярком рекламном листке, который лежал на столе, их называли «парой талантливых и зрелых артистов». Насчет первого у Маккриммона возникли сомнения, но со вторым он полностью был согласен, про себя определив, что зрелость наступила минимум лет двадцать назад. Становилось скучно.

Прошел час. Маккриммон заправился пятым «Джоном Коллинзом» и уже начал терять

терпение, но тут официант подал знак. Когда Маккриммон выходил, оркестр заиграл «Кармелиту», и музыка удачно сочеталась с приятным позвякиванием хромированной пепельницы и вилок с ложками в кармане пальто.

Вложив в руку благодарного официанта кружок из некоего неблагородного металла, Маккриммон вышел в вестибюль. Там опять-таки было безлюдно, но, предупрежденный официантом, он вышел из вестибюля через единственную — это не считая входной — дверь.

И снова пустой — в некотором смысле — билет. Да, в умывальной комнате никого не было, но профессиональное внимание Маккриммона привлекли сверкающие хромированные краны. Напомнив себе, что его дядя — владелец процветающей фирмы по установке сантехнического и газового оборудования в Брумило, Глазго, он пробормотал под нос что-то вроде «потерянного времени не вернешь», достал десятидюймовый гаечный ключ фирмы «Стилсон», прикинул на глаз диаметр гайки на кране и уже прилаживал ключ, когда низкий, свистящий голос у него за спиной произнес:

— Миста!

Маккриммон вздрогнул, произвел ловкую и

быструю манипуляцию с ключом и как ни в чем не бывало обернулся.

Если бы невинность выражения лица могла служить хоть каким-то критерием, любой непредвзятый судья, увидев его в компании обычного, ничем не приметного архангела навесил бы на последнего ярлык закоренелого преступника.

Перед ним стоял, низко склонившись, темнокожий человечек с алой феской на голове, в замызганной местами ночной рубахе и вдобавок босой. На первый взгляд могло показаться, что он здоровается с самим собой, крепко сцепив на животе руки. Маккриммон истолковал это как жест.

— Миста Кримон? — осведомился человечек.

Маккриммон счел напрасным поправлять неграмотного язычника, исковеркавшего имя легендарного клана, и просто кивнул в знак согласия. Абориген, мужчина в равной степени немногословный, не сказал больше ни слова и, жестом поманив за собой, повернулся, выскользнул за дверь, пересек вестибюль и вышел на улицу.

Маккриммон, на которого вся эта таинственность, произвела должное впечатление, с сожалением взглянул на хромированные краны и,

сделав мысленную пометку в следующий раз не забыть захватить рюкзак, последовал за ним.

Убедившись, что он не один, абориген поплелся через площадь. Маккриммон, как и подобает хранителю достоинства западной цивилизации, шествовал за ним, демонстративно держась на расстоянии нескольких шагов. Проводник повернул на улицу Сафии Заглул, что вела через холм в туземный квартал, расположенный к востоку от доков.

Теперь они шагали по темным, неприветливым, зловонным улицам, и чем дальше шли, тем крепче Маккриммон сжимал в руке гаечный ключ. Он не колебался. Разве он не Маккриммон? Разве его предки не исполнили свой долг в сражениях при Бэннокбёрне и Флоддене?[23] Разве в более поздние времена его дед не перевез больше контрабандного самогона на Гебридские острова, чем кто-либо в современной истории? Разве он не видел собственными глазами, как его отец с насмешливым презрением к смерти,

---

[23] Notes: 23

Сражение при Бэннокбёрне — одно из главных сражений англо-шотландских войн XIII–XVI веков, состоявшееся 23–24 июня 1314 года близ реки Бэннокбёрн. Разгром в битве английской армии обеспечил восстановление независимости Шотландии. *Сражение при Флоддене* — состоявшаяся 9 сентября 1513 года битва между шотландцами и англичанами на Флодденском поле (графство Нортумберленд), закончившаяся поражением войска шотландского короля Якова IV.

столь характерным для Маккриммонов, не приветствовал победу «Глазго рейнджерс», находясь во враждебном окружении сплоченной фаланги болельщиков «Селтика»? И таких славных примеров было предостаточно. Да он и сам разве не принял на грудь более чем достаточно за этот вечер? Его храбрости хватило бы на десятерых. Маккриммон шел, твердо печатая шаг.

Внезапно проводник остановился перед обветшалым кафе; по крайней мере снаружи оно выглядело в высшей степени непривлекательно. Проследовав за закрывающую дверной проем тростниковую штору, Маккриммон обнаружил за облупившимся фасадом интерьер куда более безобразный: длинная барная стойка, с полдесятка столиков с плетеными стульями и несколько табуретов. В стороне неопрятного вида тип поджаривал лепешку на открытой жаровне. Рядом с ним два сидящих на корточках пожилых джентльмена, как и подобает мужчинам, потягивали булькающий кальян. Что происходит на другом конце заведения, Маккриммон видеть не мог — видимость здесь не превышала четырех футов.

Проводник явно чувствовал себя здесь как дома. Подведя Маккриммона к шаткому столику

у жаровни, он сел и в порыве откровенности назвался Мохаммедом Али. Тут нужно заметить, что пятьдесят процентов мужского населения Египта именуют себя Мохаммед Али; остальные же пятьдесят, те, что не отличаются честолюбием, довольствуются тем, что называют себя или только Мохаммедом, или Али.

После несколько запоздалого представления Маккриммон, чуждый изысканности, обходительности и прочих тонкостей большого бизнеса, заказал выпивку и в довольно резкой манере предложил перейти к делу. Мохаммед Али сунул руку в складки своего одеяния и вытащил небольшую сумку из выделанной кожи. Многозначительно подержав сумку на ладони, будто бы взвешивая ее, он выразительно посмотрел на Маккриммона, ничего при этом не говоря.

Маккриммон потребовал показать камни — Мохаммед Али отказался. Пусть английский «миста» докажет свою добропорядочность и для начала хотя бы предъявит деньги. Уязвленный двойным оскорблением — порочащим его эпитетом «английский» и открыто выраженным недоверием, ставящим его вровень с дикими племенами Востока, — Маккриммон схватился за гаечный ключ.

Мохаммед Али, для которого высшие формы этикета были, очевидно, закрытой книгой, выбрал этот момент, чтобы заняться маникюром. Его пилочка для ногтей ничем не отличалась от девятидюймового обоюдоострого метательного ножа. Маккриммон, рассудив, что несчастные создания в силу неотесанности и дурного воспитания заслуживают скорее жалости, чем порицания, великодушно изменил свое мнение относительно использования ключа и сунул руку в левый карман, где у него лежал бумажник. Рука задержалась в кармане на несколько секунд, потом медленно выползла. Пустая. На лице Маккриммона проступило странное выражение. Если не вдаваться в детали, бумажник исчез.

Далее последовала сцена, которая повергла бы в экстаз любого начинающего этимолога. Драматический монолог, в котором Маккриммон предал анафеме мир в целом и Александрию в частности, монолог, в котором каждое второе слово было непечатным и ни одно не прозвучало дважды, длился пять минут. Аудитория слушала его как завороженная. Наконец он унялся, успокоенный как утешительными словами Мохаммеда Али, так и несколькими стаканами местного арака.

В результате продолжительного обмена аргу-

ментами стороны условились встретиться снова на следующий вечер в кафе на улице Шерифа-паши, на чем настоял Маккриммон. Преимущества этого места были очевидны: кафе находилось в белом квартале, где Маккриммона знали, и если бы встреча проходила там сегодня, то необходимость в следующей никогда бы не возникла.

Пребывая в мрачном настроении и не видя со стороны Мохаммеда Али желания продолжить угощение, Маккриммон принял нелегкое решение. Держась за старающуюся уйти из-под руки стойку бара, он тяжело поднялся, как человек, с которым судьба обошлась со всей возможной жестокостью. В конце концов он имел все основания для такого суждения.

Двигаясь в общем направлении к двери, он обнаружил, что путь ему преграждает квартет неких личностей, дерзко проигнорировавших приказ предоставить проход. Не без труда сфокусировав взгляд, Маккриммон уставился на ближайшего из четверки и, дав памяти задний ход, опознал в нем того самого киприота, которому он несколько ранее этим вечером преподал урок игры в покер. Интуиция подсказала, кем могут быть трое других джентльменов.

Немного протрезвев от шокирующего столкно-

вения с реальностью, Маккриммон прохрипел боевой клич своего клана и отскочил назад. Рука его с быстротой, за которой не поспела бы и самая высокоскоростная камера, метнулась к ключу. Сам Дикий Билл Хикок[24] в свои лучшие годы застыл бы в безмолвном изумлении. К несчастью для Маккриммона, рука его в поисках оружия запуталась в добытых ранее трофеях в виде ложек и вилок, и секундная задержка сыграла свою роковую роль: наука давно установила тот непреложный факт, что тяжелый табурет, брошенный разъяренным армянином, может преодолеть расстояние в четыре фута менее чем за половину этого времени.

Случилось так, что в тот момент, когда Маккриммон не вполне естественным образом выбирался из зарешеченного окна, мимо кафе проходил военно-морской патруль. Что и говорить, способ эвакуации довольно оригинальный, но не настолько, чтобы видавший виды военно-морской патруль счел необходимым учинить расследование. Задержавшись ровно настолько, чтобы освободить боевого товарища от повисшей на шее гирлянды из останков решетки, патруль

[24] Notes: 24

Джеймс Батлер Хикок (1837–1876), известный как Дикий Билл Хикок, — герой Дикого Запада, стрелок и разведчик.

поставил его на ноги и сопроводил в надежное убежище — в доки.

Оторвавшись от зеркала, в которое он с восторженным восхищением вглядывался последние десять минут, Маккриммон поправил фуражку, придав ей угол наклона, приличествующий мореходу, состоящему на действительной военной службе, надел дождевик, проверил свой арсенал и приготовился покинуть кубрик.

Был вечер следующего дня, воскресенья. Утром Маккриммон провел военный совет со своим кузеном, который в тот день задержался, накапливая часы переработки, в орудийной башне. Поначалу вторжение Маккриммона вызвало у него понятное раздражение, поскольку даже самые флегматичные из нас терпеть не могут, когда кто-то нарушает их глубокий, здоровый сон, но уже вскоре он изрыгал громкие проклятия и скрежетал зубами, преисполняясь сочувствием к Маккриммону по мере того, как последний излагал свою печальную историю. При этом он не опускался до обвинений в адрес родственника — среди Маккриммонов было не принято упрекать или порицать своих. Необходимые средства, пообещал он, будут собраны и доставлены к вечеру. Маккриммон заверил благодетельного

кузена, что потеря будет возмещена двумя-тремя сверхурочными вахтами, хотя он уже не тот, что был когда-то, и в последнее время тяжко страдает от бессонницы.

Человек меньшего калибра в сложившихся обстоятельствах и в свете последних событий категорически отказался бы сойти на берег, но среди Маккриммонов таковые не водились. В ту ночь ему надлежало нести вахту, но это формальное препятствие устранялось легко: он просто обменял ночную вахту на трехдневную порцию рома в пользу товарища по кают-компании. Практика эта противоречила строгим служебным установлениям и, соответственно, была тем более по душе Маккриммону.

Убедившись, что все в порядке и что бумажник, предъявлять который надлежало лишь в крайнем случае, надежно спрятан во внутреннем кармане, он проворно взобрался по веревочной лестнице на верхнюю палубу. Здесь стоит отметить, что стоявшая в этом месте стальная лестница была демонтирована утром, чтобы наварить новые опоры на истертые до блеска старые ступени.

Минут через тридцать он высадился на берег из шлюпки, доставившей отпущенных в увольн-

нительную, вышел из дока, миновал туземный квартал, прогулялся по широкой мостовой улицы Суэр, свернул на площадь Мохаммеда Али, пересек ее по диагонали и исчез на улице Шерифа-Паши.

По прибытии на место встречи он обменялся любезностями с владельцем кафе — своим старым знакомым, — передал некоторое количество настоящих египетских денег двум рослым югославским официантам и расположился в укромном уголке, отгороженном от общего зала занавеской. Сидя там в ожидании Мохаммеда Али, он время от времени самодовольно улыбался и машинально трогал тяжелый гаечный ключ в кармане.

Мохаммед Али появился минут через десять, и не один. Следовавший за ним верзила был более шести футов ростом и такой ширины, что ему пришлось повернуться боком, чтобы протиснуться в дверной проем. Здоровяк по любым меркам, он, однако, казался тщедушным и низкорослым по сравнению с двумя другими — темнокожими типами, высившимися за его спиной. Похоже, в выборе спутников Мохаммед Али совершенно не учитывал эстетический фактор.

До глубины души пораженный порочностью

и недоверчивостью, столь глубоко укоренившимися в человеческой натуре, Маккриммон заскрежетал зубами от ярости, но заставил себя широко улыбнуться и поприветствовал Мохаммеда Али с сердечностью, которая смутила бы и тронула человека с самым черным сердцем. Мохаммед Али остался невозмутим.

Гаечный ключ опустился на дно бокового кармана, а из внутреннего был извлечен бумажник. Мохаммед Али, позволив себе едва заметную ухмылку, достал мешочек из мягкой кожи, развязал шнурок и высыпал содержимое на стол. Всего камней было восемнадцать. Восемнадцать голубых лунных камней, небольших, но идеально подобранных по цвету и по размеру. Маккриммон, разбиравшийся в камнях еще меньше, чем на улице первый встречный, достал увеличительное стекло, по неосторожности оставленное штурманом на навигационном столе, и принялся рассматривать камни с видом эксперта из Хаттон-Гардена[25].

Подолгу разглядывая камни один за другим и тщательно изучая каждый, он пренебрежительно отбрасывал их без каких-либо комментариев,

---

[25] Notes: 25

Хаттон-Гарден — ювелирный квартал Лондона и центр торговли бриллиантами в Соединенном королевстве.

но с выражением растущего разочарования.

Мохаммед Али ерзал и закипал от злости, но Маккриммон как будто не замечал его терзаний. Терпение продавца явно истощалось. Откашлявшись в своей обычной неприятной манере, он объявил цену — восемьсот пиастров. Маккриммон быстро прикинул, что на основании расчетов кузена прибыль составит всего лишь пятьсот процентов, и, с отвращением отшвырнув последний лунный камень, глухо рассмеялся. Смех этот был итогом длительных и усердных репетиций и, доведенный до совершенства, уже не раз доказывал свою эффективность.

Однако на Мохаммеда Али он не произвел ни малейшего впечатления. Скрипнув зубами, Маккриммон предложил пятьсот — цену издевательски высокую и объяснимую лишь щедростью покупателя, чуждого мелочности и не позволяющего себе торговаться из-за лишнего пиастра. Мохаммед, по-видимому, придерживался тех же принципов, потому что повторил прежнюю цену. И вот тут-то начался настоящий торг. Обе стороны заказали выпивку — не из дружеских побуждений, как мог бы подумать простодушный человек, а с горячечной, пусть и нехристианской, надеждой, что алкоголь затуманит разум

другого.

Когда два часа спустя Маккриммон вышел из кафе, голубые лунные камни лежали у него в кармане, но и кошелек облегчился на пятьсот пиастров. Тем не менее он был более чем доволен результатом.

Правда, не обошлось и без неприятностей. Маккриммон попытался было рассчитаться греческими деньгами (из-за инфляции обменный курс в 1944 году составлял примерно пять миллионов драхм за пенни), но, взглянув на одного из телохранителей Мохаммеда Али, который с рассеянным видом вязал в узлы небольшой ломик, отказался от этой затеи. Тем не менее, как уже отмечалось выше, Маккриммон был доволен и решил отпраздновать успешное завершение делового предприятия.

Где-то после полуночи до него дошло, что каждые двадцать шагов дают ему продвижение вперед не более чем на один ярд. Произведенный несложный расчет показал, что при таком раскладе ему понадобится несколько часов, чтобы преодолеть расстояние в одну милю, отделяющее его от доков. Подозвав наемный экипаж, он забрался на повозку, взгромоздился на сложенный

верх и попытался приободрить дряхлого еху[26], без особого успеха колотившего тощий мешок из кожи и костей, который с трудом удерживался на оглоблях.

Через десять минут они подъехали к воротам № 14. Маккриммон грациозно перемахнул через бортик повозки и рухнул в канаву, где и распростерся, не подавая признаков жизни. Извлеченный из канавы и приведенный в чувство армейским часовым, он добрел до пристани и обнаружил, что последняя шлюпка с возвращающимися из увольнения отошла три часа назад. Маккриммон нанял фелуку, и его мощный, слегка фальшивый баритон разнес между притихшими судами звуки «Песни о лодке с острова Скай»[27]. Налегая на весла, два гребца вывели фелуку из безветренной внутренней гавани. Во внешней гавани, когда они поставили парус,

---

[26] Notes: 26

Еху (йеху) — вымышленные человекоподобные существа, населяющие страну лошадей-гуигнгнмов, из романа Дж. Свифта «Путешествия Гулливера».

[27] Notes: 27

«Песня о лодке с острова Скай» («Skye Boat Song») — шотландская песня конца XIX века, источником которой является гэльская песня «Кукушка на дереве», сочиненная Уильямом Россом в 1782 году. В оригинальном варианте герой жалуется кукушке на безответную любовь.

Маккриммон переключился на «Шенандоа»[28], за которой последовали и другие произведения из его мучительно обширного репертуара. На заключительном этапе, когда фелука оказалась в пределах слышимости вахтенного офицера «Илары», он исполнил «Правь, Британия»[29].

Пока туземцы искали на дне лодки небрежно брошенные трамвайные жетоны «Глазго корпорейшн», Маккримон ловко поднялся по цепной лестнице, пробрался вперед и растворился в темноте, весьма кстати окутавшей левый борт «Илары». Там он открыл тяжелые стальные дверцы небольшого отсека и положил внутрь сумку с голубыми лунными камнями. Теперь они были надежно спрятаны. Маккриммон закрыл дверцу, затянул ключом винты, ухмыльнулся и, поздравив себя с гениальным решением, двинулся дальше. Никогда еще вера Маккриммона в своих боевых товарищей не проявлялась так явно.

Он прошел через переднюю сетчатую дверь и

---

[28] Notes: 28

«Шенандоа» («Shenandoah») — народная песня, исполняемая в Северной и Южной Америке. К середине 1800-х годов версии этой песни превратились в морскую балладу, которую пели моряки в разных частях света.

[29] Notes: 29

«Правь, Британия» («Rule Britannia») — патриотическая песня, написанная по поэме Джеймса Томсона на музыку Томаса Арна в 1740 году.

нетвердой походкой направился к люку, ведущему в кают-компанию. Над люком ярко горела красная сигнальная лампа, которую он ошибочно принял за новое яркое пятно, одно из тех, что в последнее время мелькали у него перед глазами. С небрежной самоуверенностью прирожденного моряка Маккриммон перекинул ногу через комингс и сделал шаг на лестницу. Лишь через несколько часов, очнувшись в лазарете, он вспомнил, что лестницу убрали накануне. Тремя днями позже, когда Маккриммон уже шел верным курсом к выздоровлению, у него случился серьезный рецидив.

В семь часов утра на четвертый день «Илара» перехватила и потопила небольшой немецкий транспорт, перевозивший с Крита войска. Маккриммон, конечно, не мог не слышать беспорядочной стрельбы и около десяти ноль-ноль подозвал дежурного по больничной палате и поинтересовался подробностями. Ему сообщили, что транспорт был остановлен артиллерийским огнем, а затем, после эвакуации экипажа, потоплен торпедой.

Трудно представить, как лицо цвета седельной кожи может в одно мгновенье стать бледнее белоснежной подушки, но Маккриммону это удалось.

Дыхание его затруднилось, но он все же нашел в себе силы спросить дежурного, известно ли ему, какие торпедные аппараты использовались. Дежурный ответил, что стрельба велась аппаратами левого борта, и всерьез встревожился, увидев, как его пациент, словно в предсмертной агонии, вцепился пальцами в простыню.

Издав мучительный стон, Маккриммон собрал последние остатки легендарного маккриммоновского мужества и слабым голосом спросил, какой из аппаратов нанес смертельный удар — X, Y или Z. Добавив:

— А-а-а! Только не X.

— Да, X, — было ему ответом.

Когда первая волна милосердного забвения накрыла истерзанное тело, Маккриммон заново, но теперь уже с нестерпимой мукой, пережил те мгновения, когда его осенило спрятать мешочек с лунными камнями в трубу торпедного аппарата. Гениальная хитрость обернулась маниакальной глупостью. Фраза об «изумрудно-сапфировом Эгейском море» больше не была пустыми словами, как во времена Байрона. Осознав это, Маккриммон впал в шоковое беспамятство, что заставило дежурного по палате срочно вызвать сразу двух медиков.

В результате физически Маккриммон выздоровел полностью, но душевные травмы остались с ним на всю жизнь. Что еще ужаснее, междоусобная война разрушила историческую сплоченность клана Маккриммонов. На днях я встретил его в Глазго — он бодро шагал по Аргайл-стрит с пустым рюкзаком за спиной. Сказал мне, что навещал дядю-водопроводчика в Брумилоу, и с грустью признался, что даже по прошествии стольких лет кузен все еще разыскивает его.

Чистильщики моря

Утро еще не наступило, когда мы отчалили от пристани и вышли во внешнюю гавань, забитую мирно стоящими там на якоре судами всех размеров и стран. Холодный, серый дождь безжалостно хлестал по палубе, растекаясь по ней и взбивая в пену мутную воду; дальше носа нашего тральщика с мостика было уже ничего не видно. Мы продвигались в открытое море едва ли не на ощупь, задев по пути борт соседнего тральщика, а чуть позже зацепив якорный трос корабля, черная громадина которого маячила в опасной близости. Приближаясь к выходу из гавани и чувствуя себя в относительной безопасности, мы прибавили ходу и едва не столкнулись с большим финским транспортным судном, которое шло в противоположном направлении, с трудом преодолевая силу отлива. От столкновения спасли проступившие в темноте огромные шестифутовые белые буквы «SUOMI» на носу корабля. Наш шкипер коротко выругался, положил руль вправо, и мы, благополучно разминувшись, вышли в открытое море без особых происшествий.

В защищенной гавани было сравнительно теп-

ло, но за мысом нас ожидала совершенно другая картина. Тральщик раскачивался на набегающих с Атлантики длинных, тяжелых волнах. Время от времени бурное море вспенивалось у самого носа, заливало док-палубу, перекатывалось через нее и уходило через шпигаты, но такое случалось нечасто. Ветер, умеренный, но колючий, пробирал до костей, заставлял поднимать воротник и укрываться на подветренной стороне верхней палубы. В мире мало найдется мест более мрачных и безрадостных, чем западное побережье Шотландии ранним январским утром.

Пока траулер, направляясь к назначенному месту, в холодных предрассветных сумерках бороздил морские просторы, два офицера на мостике обсуждали перспективы предстоящей операции. Оба сошлись во мнении, что день будет трудный, изнуряющий и такой же унылый, как всегда, и что, как всегда, никаких мин им не встретится. Но вот их мнения относительно погоды разошлись. Лейтенант полагал, что ветер, скорее всего, не стихнет и погода не претерпит особенных изменений; шкипер же считал, что и то и другое, вероятно, случится позже в течение дня.

Ни того ни другого никак нельзя было назвать

молодыми людьми. Лейтенант носил три ряда орденских лент, воевал в Дарданеллах и заметно прихрамывал — память о Зебрюгге[30]. Десять лет назад он вышел в отставку, но с началом новой войны отказался от комфортной и даже роскошной жизни ради трудной и рискованной службы на минном тральщике. Сделал он это не для того, чтобы оказать услугу своей стране, — он выполнял свой долг.

Да, лейтенант был немолод, но шкипер был, по меньшей мере, на десять лет старше. С тех пор как он впервые вышел в море, минуло полвека. Во время войны 1914–1918 годов он расчищал моря от мин, но в этой войне считал себя слишком старым для такой сложной работы. Однажды во время траления в Северном море его судно атаковал «хейнкель». Бомбы в цель не попали, а вот пулеметная очередь буквально изрешетила одного из членов экипажа. Им был его сын. И тогда шкипер поменял мнение насчет своего возраста.

Через час после выхода из гавани мы прибыли в заданный район и снизили мощность двигателей до такой степени, чтобы тральщику едва

[30] Notes: 30

Зебрюгге — портовый город в Бельгии. В ходе Первой мировой войны здесь была размещена немецкая военно-морская база, которую безуспешно пытались атаковать англичане.

хватало сил маневрировать среди волн. Мы ждали прибытия второго тральщика, который появился минут через десять, — смутный силуэт в тусклом полумраке, идущий с сильным креном на правый борт.

Мы опустили с кормы бросательный конец, и второй тральщик изменил курс, чтобы подобрать его. К концу был прикреплен стальной трос, который мы стравили за корму. Через равные промежутки времени два моряка, чьи стоические лица не выдавали никаких признаков крайнего дискомфорта — а они его, должно быть, испытывали из-за содранных ладоней и негнущихся, онемевших от холода пальцев, — привязывали к тросу предметы необычной формы, в профессиональном плане известные как «воздушные змеи». Эти «воздушные змеи» действовали как грузила, удерживая трос на нужном уровне под поверхностью воды.

Справиться с этой задачей — стравить трал — не смогла бы никакая «сухопутная крыса»; ее выполнение требовало самых высоких стандартов морского мастерства. Координация и чувство времени у рулевого, двух «зацепщиков» и, прежде всего, машиниста лебедки были поистине изумительными. Работали они так же слаженно

и четко, как хорошо смазанные и отрегулированные винтики сложной машины.

Все устроилось как нельзя лучше, и наш лейтенант подал сигнал другому траулеру о готовности приступить к тралению. Судно ответило на его сигнал, развернулось к нам правым бортом, и мы двинулись в южном направлении.

Волнение на море усилилось, и лейтенант, старательно отводя глаза от шкипера, улыбался с плохо скрываемым удовлетворением. Погодные прогнозы шкипера обычно сбывались, но на этот раз он, похоже, ошибся.

Мы шли бортом к волне, то поднимаясь на пенистый гребень, то соскальзывая вниз в облаках обрушивающихся на палубу ледяных брызг. Килевая качка сменилась бортовой, что определенно изменило ситуацию к худшему. Вот тут-то и проявился гений — истинный гений — лебедчика. В его обязанности входило следить за тем, чтобы трос не провисал слишком сильно и не натягивался слишком туго, что могло бы привести к трагедии. Перетянутые тросы — это то, перед чем моряки не без оснований испытывают священный ужас. Лопнувший трос — это смертоносное оружие, и его разрушительная сила устрашает; такой трос может запросто и намного

эффективнее срезать человеку голову, чем самый острый топор. Хотя, судя по кажущейся беспечности нашего лебедчика и обманчиво небрежной легкости, с которой он манипулировал рычагами, можно было подумать, что мысль о чем-то подобном никогда и в голову ему не приходила.

На мостике лейтенант внимательно изучал расстеленную перед ним подробную карту из адмиралтейства. Сверялся с ней — впрочем, не стараясь вникать в детали — и шкипер, делавший это только для того, чтобы ненароком не задеть чувства лейтенанта, к которому он питал большое уважение. В глубине души он относился к такого рода картам и подобной им ерунде с величайшим презрением, считая их недостойными настоящего моряка. Сам шкипер никакими картами никогда не пользовался; ему вполне хватало порванного, захватанного грязными пальцами школьного атласа.

Посчитав, что маршрут пройден до конца, лейтенант включил сирену, и другой тральщик снизил скорость до минимума. Мы же продолжали двигаться на полном ходу, описывая полный полукруг. Маневр может показаться простым, как и все остальное в минном тралении, но на самом деле требует большого мастерства. Посто-

ронний наблюдатель, видя этот доведенный до совершенства маневр в исполнении двух судов, мог бы не без основания подумать, что нас ведет центростремительная сила, и в этом примере второй тральщик играет роль оси, а трос — соединяющего звена.

Так мы работали все утро, прочесывая назначенный район и постепенно продвигаясь на запад. Ветер тем временем сменился с западного на северо-западный; стало заметно холоднее. Кому доставалось больше всех и кого было особенно жаль, так это машиниста лебедки, принимающего на себя удары всех сил природы, но мы утешали себя мыслью, что он человек, подготовленный для таких испытаний и способный противостоять холоду благодаря своим масштабным размерам. Каково же было наше удивление, когда мы узнали, что парень был обычного телосложения, но носил под штормовкой и спасательным жилетом еще пять слоев верхней одежды. Впрочем, возможно, то были просто злонамеренные слухи, и никаких подтверждений того, что это правда, мы так и не получили. Достаточно сказать, что его полное безразличие к погоде было до определенной степени спартанским.

Если лебедчик, бесспорно, был самым важным

членом команды, то второе место по значимости, без сомнения, занимал кок. Балансируя с удивительной ловкостью, достигнутой за счет долгой практики, он появлялся через определенные промежутки времени — не более чем через три четверти часа — с большим покореженным железным чайником в одной руке и разнокалиберным набором оловянных кружек, висящих на пропущенной через ручки проволоке. В чайник наливался либо крепкий сладкий чай, либо какао. И в одном, и в другом случае содержимое превосходило все, что мы когда-либо пробовали в лучших ресторанах города. Что касается кофе, то он, по всей видимости, не пользовался благосклонностью экипажей тральщиков.

Траление — занятие на редкость монотонное, но нам удавалось довольно сносно коротать время, покуривая сигареты, травя байки и гоняя чаи. Рано утром прямо над нами пролетела здоровенная четырехмоторная летающая лодка берегового командования, снизившаяся в знак признания нашего скромного присутствия. Около полудня на южном горизонте появился небольшой конвой, исчезнувший из виду уже через полчаса. Время от времени над нашими головами пролетали чайки или дикие утки, и дважды мы

видели, как из волны выныривала круглая, черная и блестящая голова особо любознательного тюленя; удостоив нас равнодушным взглядом, свойственным этим обитателям моря, он снова уходил под воду с выражением брезгливости на усатой морде. Поскольку ничего более примечательного не происходило, мы постепенно погружались в состояние настороженной дремы.

Около двух часов пополудни, когда разговоры иссякли и мы начали придумывать, чем бы таким угоститься за ужином, в наши мечтанья ворвался громкий и неразборчивый, но безошибочно узнаваемый торжествующий крик неутомимого лебедчика. Мы бросились к правому борту, рассчитывая увидеть первую за день мину — и никак не иначе. Машинист лебедки тоже ничего не видел, но, по его словам, почувствовал, как какое-то постороннее тело соприкоснулось с тросом. Человек с огромным опытом, ошибиться он не мог.

Ситуация была напряженная и предполагала два варианта развития событий в самое ближайшее время: неприятный и не очень. (В скобках отмечу, что в существовании мины мы не сомневались, поскольку полностью доверяли нашему лебедчику.) В первом случае наш трал мог заце-

пить взрывной механизм, и тогда последующий взрыв уничтожит трал. Более того, если мина находится в непосредственной близи от тральщика, нашего или другого, то погибнуть может и само судно. Такое уже случалось. Менее неприятный вариант заключался в том, что трал потянет мину за собой, пока один из резаков не оторвет ее от минрепа, и тогда она всплывет, не причинив никому вреда. К нашему огромному облегчению, именно так и произошло.

Мина медленно поднялась на поверхность практически ровно посередине между двумя тральщиками и остановилась, лениво покачиваясь на волнах, — зловещего вида смертоносный сфероид из черной стали, около трех футов в диаметре, утыканный рожками. Эти рожки, если их сломать, и приводят в действие взрывной механизм. Мы прошли еще некоторое расстояние, чтобы отвести трал подальше от мины, и не успели остановиться, как двое членов экипажа взяли винтовки и открыли по мине огонь, спеша побыстрее ее уничтожить и полюбоваться взрывом. В этих похвальных усилиях их благородно поддержал и экипаж другого траулера.

После того как с каждого траулера произвели примерно по дюжине выстрелов, стало ясно:

обезвреживание мины будет делом отнюдь не простым. Попасть в качающуюся на волнах цель с ходящей под ногами палубы траулера не получалось. Тем не менее упорство принесло результат, пусть и не совсем тот, на который все рассчитывали: изрешеченная пулями мина опустилась на дно; ни один из детонаторов не сработал. Хотя цель была достигнута и мина больше не представляла угрозы для судоходства, все до единого были глубоко разочарованы бесславным потоплением мины, лишившим нас возможности стать свидетелями более драматичного финала. С чувством удовлетворения, к которому примешивалось легкое разочарование, мы вернулись на прежние позиции и продолжили работу.

Вопреки распространенному мнению, тральщики не вылавливают и не уничтожают десятки мин ежедневно. Иногда проходят недели, когда мы даже не видим их. Высокую черную трубу нашего тральщика украшали девять белых шевронов — по числу подорванных мин, — и мы уже готовили краски и кисть, чтобы нарисовать десятый по прибытии в порт или, если позволит погода, еще в море.

К вечеру небо начало проясняться, ветер снова

переменился на западный, бурное море постепенно успокоилось, и волнение сменилось легкой зыбью. Если лейтенант и огорчился из-за неудачи в качестве метеорологического пророка, он умело скрыл свои чувства, а скорее всего, просто забыл о своем прогнозе в волнениях прошедшего дня. Некоторое время спустя тучи на западе рассеялись, и впервые за долгие часы мы увидели солнце — огромный тускло-красный шар, четко вырисовывающийся за низко стелющейся зимней дымкой.

Полчаса спустя солнце медленно опустилось за горизонт на юго-западе, оставив над морем ломаную багровую дорожку. Вскоре начало смеркаться, и лейтенант дал сигнал второму тральщику прекратить работу и отсоединить трал. Мы подняли его на борт, отстегнули и аккуратно уложили «воздушных змеев» и наконец-то в сгущающейся темноте взяли курс на восток — домой.

Дневная работа была закончена. Шкипер, нежно поглаживая штурвал, тихо разговаривал с лейтенантом, который сидел в расслабленной позе на видавшем виды походном стуле, прислонившись спиной к переборке и заложив руки за голову. Внизу кок, завершив свои дела, лежал

на койке с детективным романом. Неустрашимый лебедочник, несмотря на ледяной ветер, остался на месте и теперь задумчиво смотрел на растворяющийся за кормой слегка фосфоресцирующий след. Двое мужчин, укрывшись от пронизывающего ветра на док-палубе перед мостиком, спокойно курили. Еще двое, на мостиковой палубе, поддерживали лестницу, на верхней ступеньке которой сидел человек, помешать которому в выполнении задания не могли ни небольшая качка, ни плохое освещение, ни холодный ночной ветер. Для него искусство было превыше всего. Он рисовал на трубе наш десятый шеврон…

Невозможно выразить словами, чем мы обязаны этим людям — рыбакам с Гебридских островов и Маллаига, Вика и Питерхеда, Абердина и Гримсби, Лоустофта и Ярмута. Назовите их героями — и они усмехнутся, но это так: они — герои. Их работа — самая незаметная, монотонная и опасная из всех, что выполняют армия и флот империи, и самая необходимая для обеспечения безопасности морских торговых путей, нашего спасательного троса, связывающего нас с окружающим миром. Они выходят в море утром, веселые или хмурые, и… некоторые не возвращаются. Но они сплачи-

вают ряды и продолжают делать свое дело.

«Сити оф Бенарес»

Колин Райдер Ричардсон, городской брокер, и Кеннет Спаркс, почтовый служащий, живут на западной окраине Лондона, первый — в Вустерпарке, графство Суррей, второй — в Альпертоне, графство Мидлсекс. Оба примерно одного возраста, оба женаты, у каждого маленький сын. Это поверхностное сходство, сходство, которое может дублироваться десять тысяч раз, но через всю жизнь этих двух молодых людей проходит цветная нить воспоминаний, отличающая их от всех остальных, воспоминаний о той темной, горькой и безнадежной ночи восемнадцать долгих лет назад, когда торпедированный лайнер «Сити оф Бенарес» скрылся под волнами продуваемой штормовым ветром и бичуемой ледяным дождем Северной Атлантики, оставив их умирать в холодных и беспощадных водах.

В ту ночь они должны были умереть. Их шансы на выживание, как и у любого ребенка, оказавшегося в северных водах, были невелики. Но случилось невероятное, и они выжили. Они и горстка других детей. Горстка, не больше. Шансы были невелики, и в истории с потоплением

«Сити оф Бенарес», трагедии, вызвавшей больше сожаления и негодования, чем любая другая трагедия на море за все время войны, закон средних чисел проявил себя во всей своей неумолимости. Из сотни детей, находившихся на борту лайнера, не менее восьмидесяти трех, оторванных от родителей, дома и друзей, с которыми они до этого момента прожили всю свою недолгую жизнь, погибли в ту ночь, 17 сентября 1940 года.

В тот день, когда «Сити оф Бенарес» отправился из Англии в Канаду, на его борту находилось четыреста шесть человек — сто девяносто один пассажир и двести пятнадцать членов экипажа. Кеннету Спарксу исполнилось к тому времени тринадцать лет, а Колину Ричардсону — одиннадцать. Даже сегодня Кеннет Спаркс вспоминает, как неодобрительно ворчали некоторые члены команды по поводу выбора даты отплытия — пятницы, 13 сентября.

Но тогда никто не обратил внимания на их мрачные предчувствия, и уж конечно не дети в возрасте от пяти до пятнадцати лет, для которых это путешествие обещало стать самым захватывающим приключением в жизни. Их ждало столько интересного, и им было на что посмотреть и чем заняться: наблюдать за другими

кораблями конвоя, исследовать большой лайнер, играть в разные игры, наслаждаться великолепными блюдами.

Почти все дети, в том числе и Кеннет Спаркс, эвакуировались, согласно постановлению правительства, из районов, подвергавшихся самым сильным бомбежкам: Лондона, Мидлсекса, Сандерленда, Ливерпуля и Ньюпорта. Для их сопровождения было официально отобрано девять человек. Исключение составлял Колин Ричардсон, находившийся на попечении мистера Рашкаи, венгра, который по договору с родителями Колина обязался быть его опекуном во время путешествия.

На третий день после отплытия из Англии конвой благополучно миновал признанную опасной зону, и эсминцы повернули домой. Конвой остался без прикрытия. В военное время даже у самых закаленных моряков возникает ощущение незащищенности при виде уходящего военного конвоя. Но уже к вечеру следующего дня эти понятные опасения забылись — погода резко ухудшилась, лайнер неуклюже закачался на волнах, ветер усилился до штормового и засвистел между палубными надстройками и в такелаже.

Напряжение на борту «Сити оф Бенарес» спало;

теперь можно было почти расслабиться. Подводные лодки, конечно, представляли собой серьезную угрозу, но все знали, что при таком волнении попасть торпедой в цель очень трудно, даже если капитану подводной лодки посчастливится увидеть ее и прицелиться, несмотря на холодный дождь с мокрым снегом, обрушившиеся на темнеющее море. Кроме того, согласно общепризнанной конвенции и законам ведения морской войны торпедирование лайнеров в штормовом море запрещалось, поскольку шансы на выживание в таких условиях приближались к нулю.

«Сити оф Бенарес» был торпедирован ровно в 10:00 вечера того же дня. Торпеда попала в левый борт, ближе к корме, почти прямо напротив того места, где находились каюты большинства эвакуированных детей. Точно неизвестно, сколько из них погибло в момент смертельного удара, когда взорвавшаяся торпеда проделала огромную дыру в незащищенном корпусе лайнера чуть выше и намного ниже ватерлинии. Вполне вероятно, что почти половина детей либо умерли сразу, либо были слишком тяжело ранены, чтобы бороться за выживание или даже просто позвать на помощь, либо оказались запертыми в своих

каютах из-за перекошенных дверей, и их унесло ко дну вместе с кораблем.

С другой стороны, некоторые дети поначалу совершенно не представляли масштабов разрушения, а кто-то даже не знал о том, что именно случилось. Среди ничего не подозревавших были Колин Ричардсон и Кеннет Спаркс.

В это время Колин был в каюте один и, лежа на койке, читал комикс. Он ощутил сильный толчок, но не придал этому значения — наверное, его увлек комикс — и продолжал читать. И только когда зазвенели корабельные колокола, мальчик отложил книжку, сунул ноги в тапочки, надел поверх пижамы халат и спасательный жилет с капоком в качестве наполнителя поверх халата. Жилет дала ему мать, строго наказав носить всегда. Ярко-красный, он бросался в глаза, так что на корабле его владельца уже называли Уиллом Скарлетом[31]. Поверх всего Колин надел еще пробковый жилет и в такой экипировке направился в сторону корабельного ресторана, где люди уже выстраивались в очереди к шлюпкам.

В 10:00 вечера Кеннет крепко спал. Его и еще двоих ребят — оба погибли в ту темную ночь

---

[31] Notes: 31

Уилл Скарлет — один из веселых молодцев в балладах о Робин Гуде.

— разбудил сигнал тревоги. Мальчики вскочили, натянули верхнюю одежду, надели спасательные жилеты и поспешили к своим шлюпкам на верхней палубе. Между тем корабль быстро терял ход и неуклюже барахтался, проваливаясь между волнами.

Что происходит, Кеннет Спаркс понял только тогда, когда увидел сорванные крышки люков, сломанную мачту, разлетевшиеся по палубе обломки, ошеломленных и испуганных матросов-индийцев. И он, и Колин Ричардсон хорошо помнят, что среди детей не было ни паники, ни страха, и только один маленький мальчик тихо плакал в темноте, и его голос едва слышался в те мгновения затишья, когда корабль кренился на борт, блокируя шум ветра.

Одну за другой на воду спускались спасательные шлюпки — работа трудная и опасная при сильной качке в темном море. Несколько шлюпок сразу же перевернулись, и люди попадали в воду — почти никого из них никто больше не видел. Некоторые зачерпнули воды и были брошены спасающимися. Люди подходили к веревочным лестницам, но зачастую спустившиеся по ним женщины с детьми обнаруживали, что шлюпок уже нет. У многих просто не хватало сил снова

подняться на борт, и они висели на раскачивающихся лестницах, то поднимаясь, то окунаясь в воду, а потом ослабевшие пальцы разжимались, и они исчезали в морской пучине.

Другие женщины брали детей на руки и прыгали в темноту, туда, куда с борта бросали спасательный плот. Кому-то — очень немногим — удавалось вскарабкаться на него, и они падали, обессиленные, придавленные ветром, ливнем и волнами. Но слишком часто, спрыгнув в море, они не могли найти плот в кромешной тьме, где видимость из-за высоких волн ограничивалась несколькими футами, или же видели, как плот уплывает от них, а они не в состоянии были его догнать.

«Сити оф Бенарес» затонул всего за десять минут, и можно только удивляться, что кому-то вообще удалось спастись. В эти десять минут экипаж вел себя мужественно и самоотверженно. Матросы прыгали в воду, чтобы поправить перевернувшиеся шлюпки и спасти тех, кого еще можно было спасти. Оставшиеся на скользких наклонившихся палубах до последнего пытались освободить застрявшие плоты и шлюпки. Многие из них ушли под воду вместе с кораблем.

Первой и единственной задачей почти для каж-

дого члена экипажа и пассажира было спасение детей. Капитан погиб, разыскивая тех, кто остался внизу, под палубой. Также погиб полковник Болдуин-Уэбб, член парламента от избирательного округа Рекин в Шропшире, выводивший детей из кают к спасательным шлюпкам. Опекун Колина, мистер Рашкаи, уступил свое место в спасательной шлюпке женщине и ребенку, потом, спустившись вниз, вывел из горящих кают еще нескольких женщин и детей, вернулся на верхнюю палубу и прыгнул в море, но не для того, чтобы спастись самому, а чтобы спасти тонущих детей. Никто не знает, где и как он погиб. Мистер Рашкаи был венгром, но национальность и вероисповедание не имели для него значения — только человечность.

Главный квартирмейстер также погиб, разыскивая детей. Он погрузил в спасательную шлюпку женщин и детей, передал ее под командование другого моряка, поднялся на борт, и больше его никто не видел. Назначенные официально сопровождающие также полностью оправдали оказанное им доверие: только трое из них остались в живых.

Одной из них была миссис Таунс. Оставаясь на борту, она усаживала детей в лодки и, отказав-

шись от места, прыгнула за борт — хотя никогда в жизни не плавала. Каким-то образом добравшись до перевернутой шлюпки, она ухватилась за нее, одна из пятнадцати человек, в основном детей, кому это удалось. Но холод пробирал до костей, хлестал град, и бушующие волны сковывали руки и ноги, и в течение той горькой, бесконечной ночи дети один за другим теряли сознание. Когда наступил рассвет, в живых остались только миссис Таунс и две маленькие девочки. Они выжили.

Колину Ричардсону и Кеннету Спарксу повезло больше — им удалось спастись на шлюпках. Колин хорошо помнит сам момент погружения «Сити оф Бенарес», помнит, как какого-то человека выбросило взрывом через дверь, как распахнулись двери и вентиляционные заглушки от резкого повышения давления внутри.

Он также помнит, как странно выглядело море, усыпанное красными огоньками фонариков, крепящихся к спасательным поясам членов экипажа, как плывшие рядом умоляли взять их в и без того переполненную лодку, как почти все они тихо и беспрекословно принимали объяснение, что мест нет, и уплывали на поиски подходящих обломков, понимая, что лишь оттягивают

неизбежную смерть от переохлаждения, если их не подберут на плот или шлюпку. Помнит он и одного или двоих обезумевших от страха и отчаянно пытавшихся забраться на борт и едва не перевернувших лодку.

— Страшная была ночь, — рассказывает Колин Ричардсон. — Все замерзли от ледяного ветра и дождя. Чтобы поддержать дух, мы попытались петь, но ничего не получилось — стоило открыть рот, как в него попадала соленая вода. Так что мы смирились и сидели молча, сосредоточившись на том, чтобы удержаться на своем месте.

Сделать это было не так-то легко. Шлюпка заполнилась водой почти по самые борта и держалась на плаву только благодаря воздушным ящикам. Все сидели по пояс в ледяной воде — те, что помладше, как Колин, по грудь; и каждый раз, когда приходила волна — а волны приходили одна за другой на протяжении всей бесконечной ночи, — детям приходилось держаться изо всех сил, чтобы их не смыло в море. У тех, кто, как Колин, не мог дотянуться ногами до днища, шансов остаться в шлюпке было немного. Колин удержался — и выжил.

Другим удержаться не удалось — они погибли. Люди умирали один за другим — кто-то от пере-

охлаждения, кто-то тонул оттого, что судорогой сводило мышцы, человеку не хватало сил вцепиться в планширь, и он падал за борт, где его ждала быстрая смерть.

Матросы-ласкары умерли первыми — все десять, один за другим. Привыкшие к тропической и субтропической жаре, они оказались беззащитными перед невыносимым холодом. У многих — белых членов команды, а также нескольких женщин и детей, остававшихся всю ночь по грудь в ледяной воде, — просто остановилось сердце. Один мужчина сошел с ума и прыгнул за борт. Пожилая корабельная медсестра умерла на коленях у Колина, который старался успокоить ее и раз за разом повторял, что помощь уже идет. (Мистер Ричардсон, когда у него недавно брали интервью, не упомянул, что получил королевскую благодарность за смелость, проявленную в ту ночь на борту шлюпки. Очевидно, он один из самых юных, отмеченных такой благодарностью.)

Наступил рассвет, море успокоилось, но холод не отступал. И они все еще умирали, один за другим. Один эпизод той ночи особенно запомнился Колину Ричардсону: перевернутая шлюпка и пять человек, держащихся за нее.

— Увидев нас, они бодро нам помахали. Но вре-

мя шло, они слабели и один за другим уходили под воду. Пять, четыре, три, два, один…

Спасение пришло в 16:00 — их заметили с эсминца «Харрикейн», который поравнялся с ними. Только один человек смог взобраться по спущенной высадочной сети — двадцатипятилетний Ангус Макдональд, корабельный плотник, старший на шлюпке, человек, которому спасшиеся обязаны жизнью. Все десять из первоначальных сорока.

Приключения Кеннета Спаркса разительно отличаются от истории Колина Ричардсона. Он тоже оказался в переполненной спасательной шлюпке — в ней было не менее сорока шести человек, — но провел в ней не восемнадцать часов, как Колин, а восемь дней и ночей. И все сорок шесть человек чудом выжили, оставаясь во власти суровой, враждебной Атлантики.

Разница в показателях выживаемости на первый взгляд кажется необъяснимой, но нужно иметь в виду, что шлюпку Кеннета Спаркса не затопило, а тем, кто находился в ней, не пришлось сидеть, скорчившись, по грудь в ледяной воде; они разделили одежду, одеяла и все остальное и прижимались друг к другу, делясь теплом. В такой ситуации перенести можно даже ночной

холод Атлантики; шансов нет лишь у того, кто находится в ледяной воде, у кого нет никакой защиты.

У них также было еще одно большое преимущество. В спасательной шлюпке Ричардсона в первые же мгновения унесло все весла, но на лодке Кеннета их просто не было. Вместо весел у них был длинный приводной вал с гребным винтом, начинающим действовать за счет установленных между сиденьями двухтактных рычагов. Это устройство не только обеспечивало шлюпку курсовой устойчивостью и позволяло старшему, третьему помощнику Первису, маневрировать в бурных водах, но и давало каждому возможность работать рычагами и таким образом согреваться даже в самые холодные ночи.

Конечно, им пришлось нелегко. От холода, ветра и дождя никуда не денешься — после спасения Кеннет провел в больнице два месяца, — и они претерпели все те же трудности и лишения. На шлюпке был запас продуктов и питьевой воды, но в недостаточном количестве, и голод, жажда и недосыпание сопровождали каждый из восьми дней. Кеннет Спаркс убежден, что он и пятеро других детей, находившихся на борту той шлюпки, обязаны жизнью мисс Корниш, одной

из официально назначенных сопровождающих, отмеченной впоследствии за проявленное мужество. Эта женщина постоянно растирала своим подопечным руки и ноги для поддержания нормального кровообращения, проводила с ними упражнения и рассказывала бесконечные истории с целью отвлечь детей от мрачных мыслей и отчаяния. Лучшая оценка ее усилий — слова Кеннета о том, что никто из них не терял надежды на спасение. В конце концов они были спасены: сначала их обнаружил патрульный самолет, а потом подобрал подошедший эсминец, который и доставил выживших домой в Шотландию.

Такова трагическая история «Сити оф Бенарес» — несомненно, самая трогательная и душераздирающая история войны на море. Можно надеяться, что любой капитан, даже самый безжалостный, не стал бы торпедировать корабль, если бы знал, что на его борту находится сотня детей, но предположения не утешают и не делают историю менее жуткой.

Да, история ужасная, но в ней нашлось место доблести и благородству. Кроме Колина, Кеннета и их пятерых товарищей выжило еще только двенадцать детей. Жалкая горстка. Но именно ради того, чтобы дать шанс на жизнь этой жалкой

горстке, десятки взрослых из ста шестидесяти трех членов экипажа и пассажиров добровольно и самоотверженно отдали свои жизни.

Кто он, тот человек, который отбуксировал плот от тонущего корабля, чтобы его не затянуло под воду, доставил их на спасательную шлюпку, вернулся за другим плотом с женщиной и четырьмя детьми, оттащил его ко второй шлюпке и снова ушел в темноту, чтобы найти и спасти оставшихся, и которого больше никто не видел?

Мы не знаем, кто он, да это и не важно. Мы только знаем, что этот человек, пожертвовавший собой, никогда бы не подумал о признании или благодарности и не придал им значения, если бы получил их. Неизвестный, безымянный, он навсегда остался символом духа «Сити оф Бенарес».

Золотые часы

Эти часы были предметом величайшей гордости нашего капитана. Массивные, не менее трех дюймов в диаметре, изготовленные из чистого золота, с красивой гравировкой в виде необычайно сложных каббалистических знаков и, наконец, пристегнутые к цепи, размеры которой могут показаться невероятными, если не увидеть ее собственными глазами. Цепь, разумеется, тоже была золотая. Каждому, кто опрометчиво позволял себе усомниться в этом, холодно предлагалось лично удостовериться в наличии клейма на каждом звене.

Вдобавок к вышеупомянутым достоинствам часы, по словам нашего капитана, были полностью водонепроницаемыми. Мы неоднократно убеждали его подтвердить эти слова практическим образом, погрузив предмет спора в тазик с водой, но каждый раз капитан с оскорбленным видом отвечал, что, если мы не верим ему, он не станет опускаться до того, чтобы доказывать нам что-то. Из этого мы заключили, что капитан, как и мы, сомневается в способности своих часов противостоять разрушительному воздействию

воды. Понятно, что для него это действительно был очень, очень больной вопрос и что он искренне хотел бы доказать свою правоту, но ему недоставало смелости подвергнуть свое сокровище рискованному испытанию.

Дабы уберечь часы от любопытных глаз черни, капитан прятал их в запертый футляр, который лежал под замком в ящике стола в капитанской каюте.

Но в этот день они покоились в кармане жилета, тогда как цепь, казалось, охватывала капитана в области максимальной окружности. Жилеты у «белых» — предмет одежды весьма необычный, и на корабле ходили злонамеренные слухи о том, что наш капитан пошил свой специально для того, чтобы помещать в него часы и соответствующие аксессуары. Так это или не так, но в тот жаркий июньский день он сошел на берег для встречи со своими агентами в Басре с добродушной улыбкой на лице и своим любимым хронометром, находящимся примерно в двух футах к югу от лица капитана.

По прошествии всего лишь двух часов капитанский катер вернулся, проложив путь между груженными финиками лихтерами, которые буквально окружили наше судно, стоящее посе-

редине реки. Добродушного выражения на капитанском лице как не бывало. Это же относилось и к часам, и наше основанное на дедуктивном методе предположение о том, что второе обстоятельство объясняет первое, оказалось верным. Вспотевший, с раскрасневшимся лицом, капитан поднялся с нашей помощью на борт. Мы терпеливо ждали.

Поначалу гнев мешал ему изъясняться, и он только издавал нечленораздельные звуки, что при наличии явно выраженных признаков повышенного кровяного давления вызвало у нас опасение — не хватит ли капитана апоплексический удар. К счастью для себя, он обрел наконец дар речи, что позволило в значительной степени стравить переполнявшие его эмоции. Он был зол и вдобавок выражался языком, который шокировал нас, но, надо признать, у него были на то все основания.

После встречи с агентами капитан, по его словам, преспокойно возвращался на корабль в самом миролюбивом настроении и без злобы в сердце в отношении кого-либо, но при этом не забывая о мерах предосторожности для сохранности бумажника и часов в толпе базарного сброда. Миновав беспокойный район и посчитав,

что находится в безопасности, он позволил себе расслабиться. У входа в доки капитану пришлось проталкиваться через группу арабских моряков, которых он по своему достойному сожаления невежеству посчитал людьми чести, такими же, как он сам. (В этом месте повествования в его голосе прозвучала нотка горечи.) Внезапно кто-то с силой толкнул его в спину, а когда он обернулся, чтобы заявить протест против столь нелюбезного поведения, то даже не почувствовал, как часы и цепь отдали швартовы. Проделано это было с быстротой и ловкостью, свидетельствующими о долгой и упорной практике, так что, уже собираясь лечь на прежний курс, он обнаружил, что часов нет.

В этот момент капитан снова потерял дар речи, и нам, наблюдавшим за ним испуганными глазами, отказ всех систем представлялся не только вероятным, но и неизбежным. Однако, овладев собой гигантским усилием воли, он продолжил рассказ. Не сумев опознать вора, который с похвальной осмотрительностью и проворством бесследно исчез с места преступления, капитан попытался задержать толкнувшего его человека, логично заподозрив в нем сообщника. Преследование растянулось на полмили и закончилось

тем, что араб ускользнул от него на людной улице. Этим, как мы поняли, и объяснялся близкий к апоплексическому цвет лица капитана и обильное потоотделение.

Он снова заговорил междометиями, сбился на тему мщения, поочередно бормоча «мои часы» и «негодяи», причем первое произносилось с трогательным пафосом, а второе — которому предшествовал ряд в высшей степени описательных прилагательных — с необычайной прочувственностью.

По прошествии тридцати часов праведный гнев нашего капитана ничуть не уменьшился, хотя теперь он мог говорить как разумное существо, пусть и с особым упором на свои прискорбные злоключения предыдущего дня. На закате мы загрузили последний ящик фиников и рано утром, когда первая серая полоска над восточным горизонтом предрекла еще один знойный день, с облегчением покинули зловонный порт Басры.

Мы уже вышли в залив и шли курсом на юго-восток сквозь душную тропическую ночь, во тьме которой холодно поблескивали невообразимо далекие пятнышки звезд, рассыпанных по безлунному небу.

Наш капитан, чьи оскорбленные чувства, оче-

видно, лишили его благословенного утешения сном, только что поднялся на мостик и теперь расхаживал по нему, как леопард в клетке, рассказывая о том, какую страшную кару он обрушит на голову незаконного владельца часов, если, конечно, судьба предаст негодяя в его руки. Рулевой-ласкар, проявлявший особое усердие в присутствии капитана, старательно изучал компас, тогда как впередсмотрящий на носу то ли унесся мыслями в родную деревушку в далеком Бомбее, то ли обнаружил, что, в отличие от капитана, может уснуть даже на вахте.

Конечно, последнее было всего лишь чистой воды предположением, но, по всей видимости, не таким уж далеким от истины, потому что о дау[32], оказавшемся на нашем пути, он узнал только тогда, когда громкий треск, сопровождаемый еще более громкими яростными воплями, оповестил его о том, что наш стальной нос разнес злополучное дау в щепки.

— Только не говори, что мы раздавили еще одну из этих чертовых посудин, — устало простонал наш капитан (нужно отметить, что такого рода происшествие случается на удивление ча-

[32] Notes: 32

Дау — легкие деревянные парусные суда, распространенные в странах арабского мира.

сто) и, дав сигнал «стоп», громогласным рыком приказал спустить на воду шлюпку. Приказ был исполнен, и уже через несколько минут спасательная шлюпка вернулась с дрожащей и промокшей командой злосчастного дау. Капитан, как того и требует долг службы, спустился на палубу посмотреть на спасенных.

Веревочный трап дернулся: и когда первая незадачливая жертва — еще не сознававшая в тот момент, насколько незадачливая, — ступила на борт, челюсть у капитана отвисла на целых два дюйма, и он застыл как вкопанный.

— Это же тот джентльмен, за которым я гнался вчера, — радостно воскликнул он («джентльмен», как легко понять, употребляется в эвфемистическом смысле) и остановился, уставившись остекленевшими глазами на второго моряка, как раз появившегося в этот момент над перилами. С грязной шеи этого «джентльмена» свисало, едва ли не до пояса, совершенно необычное для бедного араба украшение — не что иное, как украденные часы и цепь нашего капитана, чудесным образом возвращенные ему благодаря игривому капризу фортуны.

Затаив дыхание и с искренней жалостью в сердце, мы ждали, что вот сейчас обрушатся

небеса и капитан исполнит свои не однажды провозглашенные кровожадные обещания, — короче говоря, мы ждали полного изничтожения арабов (всего их было четверо), смотревших на капитана с трепетным беспокойством, которое они даже не пытались скрыть.

К нашему немалому удивлению — и, можно добавить, облегчению, — ожидаемого смертоубийства не случилось. Осторожно шагнув вперед, капитан бережно снял часы и цепь с шеи съежившегося, дрожащего от страха араба и странно мягким голосом, в котором, как нам показалось, прозвучали едва сдерживаемые нотки торжества, произнес:

— Отведите этих людей вниз и дайте им поесть чего-нибудь теплого; утром мы передадим их полиции Бахрейна.

Мы были поражены. Мы были потрясены. Мы были совершенно ошеломлены. Мы просто не могли постичь этого своим скудным умишком. В чем, с удивлением спрашивали мы себя, причина такой невероятной перемены? К счастью, мы недолго оставались в неведении.

Повернувшись к нам и высоко подняв часы, капитан крикнул:

— Смотрите! Э-э-э… то есть слушайте!

И мы услышали. Громкое тиканье карманных часов повергло бы в стыд любой уважающий себя будильник.

— Водонепроницаемые! — ликующе воскликнул он. — Они водонепроницаемые, чертовы скептики! Водонепроницаемые!

Полагаю, то был величайший момент в жизни нашего капитана.

Рандеву

Стемнело, и Большая северная дорога A1, самая пустынная из автомагистралей Европы, выглядела так, словно о ней забыли. Время от времени в темноте вырисовывался огромный грузовик «Бритиш роудуэйс»: водитель вежливо переключал свет фар с дальнего на ближний и приветственно вскидывал руку; тишину нарушал нарастающий рокот трудяги-дизеля — и дорога снова погружалась в темноту. Оставался только мягкий шорох шин, черная лента автострады и огни «ягуара», призрачные, гипнотические, прорезающие мрак.

Одиночество и сон, сон и одиночество. Враги и спутники человека за рулем. Один так и норовит поддавить педаль газа, другой, притаившийся и настороженный, дожидается своего шанса проскользнуть за баранку и взять управление на себя. Я хорошо знал обоих — и опасался.

Но в ту ночь я обошелся без них. Им не досталось места. Мне хватало и других пассажиров. Рядом сидела Стелла — смеющиеся глаза и печальное сердце; Стелла, умершая в немецком концентрационном лагере. На заднем сиденье

— Ники, золотой парень, или Пассьер, так и не вернувшийся в свои напоенные солнцем виноградники в Систероне. Нет места для сна и одиночества? Если втиснуть инженера Таффи с его вечными жалобами на что-то и вице-адмирала Старра с его кустистыми бровями, то и мне самому придется потесниться.

Я взглянул на часы на приборной доске.

Два часа ночи; девять часов, с тех пор как я выехал из Инвернесса и только раз остановился заправиться. Я поймал себя на том, что проголодался.

Через пару миль за плотной завесой мороси замигал яркий неоновый свет. Придорожная закусочная. Я свернул с шоссе на стоянку, припарковался рядом с тяжелыми грузовиками и, прихрамывая, вошел.

Заведение было шумное, веселое и заполненное примерно наполовину. Я взял бекон, сосиски и яичницу и направился к свободному столику у окна.

Перекусив, я закурил сигарету и уставился в окно, за которым лил дождь. Время от времени с автострады доносился шум проезжающего грузовика или ночного автобуса.

Большая северная дорога. Прелюдия перед са-

мыми важными событиями моей жизни: долгими летними каникулами в Италии, на отцовском корабле, Оксфорд и юридический факультет, королевские военно-морские казармы, Портсмут. Я подумал о том, что тогда во всем этом была какая-то неопределенность. Как и в этот раз. Но тогда меня переполняли волнение и предвкушение чего-то нового. Теперь — сомнения, недоумение, дурные предчувствия и тлеющая злость.

Я снова вытащил телеграмму от Ники.

ТОЛЬКО ХОРОШИЕ ЛЮДИ УМИРАЮТ МОЛОДЫМИ ТЧК АЛЛИЛУЙЯ ТЧК ДЬЯВОЛ СВОИХ НЕ БРОСАЕТ ТЧК НЫНЕ УСПЕШНЫЙ ВЛАДЕЛЕЦ НЕФТЯНЫХ СКВАЖИН ТЧК ОСТАНОВИЛСЯ В САВОЕ С ПРОЧИМИ МИЛЛИОНЕРАМИ ТЧК RRR НИККИ

Я сунул телеграмму в карман. Кодовый знак спецслужбы — «Где встретимся?». Я телеграфировал в ответ:

УВИДИМСЯ В САВОЕ СРЕДА 7 ВЕЧЕРА.

Я и теперь еще не знал, зачем это сделал. Так было надо. В моей жизни осталось одно незаконченное дело, под которым следовало подвести черту. Смелость, страх, любопытство, гнев — все это было ни при чем. Я просто должен был это сделать.

Я расплатился по счету, сел в «ягуар», выехал на шоссе A1, дал газу и покатил дальше.

Кое-что в телеграмме сбивало с толку. Фразу насчет дьявола — «дьявол своих не бросает» — он позаимствовал у меня, это понятно. Он видел огненный взрыв с расколотой сталью и горящим маслом, когда планирующая бомба с «хейнкеля» попала точно в машинное отделение F149. У меня не было ни одного шанса остаться в живых, сказал хирург, но подлатал меня неплохо — починил сломанную ногу и искореженную руку.

Но остальное я не понял. Слишком дружелюбный тон. Слишком дружелюбный для человека, который, когда мы расставались в последний раз — за пять минут до взрыва, — стоял на пустынном тосканском холме под прицелом моего служебного кольта. Я как будто видел его сейчас: гаснущий гнев в глазах, недоверие, изумление, бесстрастная маска лица. Я стоял там, безуспешно пытаясь вызвать в себе ненависть к нему и изо всех сил стараясь не возненавидеть себя. И это у меня тоже не получилось. Я и сейчас слышу его спокойный голос: «Не забывай, Мак, — я тебя разыщу».

Я вздохнул. А вот первая наша встреча получилась совсем не такой. Я щелкнул переключателем

на приборной панели. 2:45. До Лондона двести миль. И до упора выжал педаль газа.

Мальта, 1943 год. Остров Креста Георга. Остров Веры, Надежды и Милосердия — три устаревших истребителя против свирепых воздушных флотов стран Оси. Мальта. Потрепанная столица Валетта и бухта Гранд-Харбор, пункт назначения немногих, особо удачливых торговых судов, быстроходных минных заградителей, дающих сорок и более узлов, подводных танкеров-заправщиков и бессмертного «Огайо».

Но в то весеннее утро война была очень далеко. И в штаб-квартире адмиралтейства, когда я пришел туда, было тихо, мирно и светло.

— Лейтенант Макиндо к адмиралу Старру? — повторил дежурный старшина. — По коридору, первая дверь налево, сэр. У него сейчас никого нет.

Я постучал и вошел. Большая, почти пустая комната, жалюзи на окнах, карты на стенах и доминирующая над всем этим массивная фигура человека, сидящего за единственным столом в комнате. Огромный — весом в двести пятьдесят фунтов, — с красным лицом и кустистыми бровями, вице-адмирал Старр стал легендой еще при жизни. Простецкое лицо с выражением, боль-

ше подходящим типичному фермеру, острый и быстрый, как рапира, ум и глубоко укоренившаяся нетерпимость к тем, кто понапрасну тратит время и слова.

Убрав в папку какие-то бумаги, он жестом пригласил меня сесть.

— Доброе утро, Макиндо. Вы выполнили данные вам инструкции?

— В точности, сэр, — осторожно ответил я. — Канонерская лодка Эф сто сорок девять полностью подготовлена. Вчера установлены дополнительные топливные баки, а также приемо-передающие устройства ближнего и дальнего действия. Заправлена топливом, обеспечена провизией — к выходу в море готова.

Он удовлетворенно кивнул:

— А команда?

— Самая лучшая, сэр. Люди опытные и абсолютно надежные.

— Хорошо. — Он поднялся. — Вечером свяжетесь с Равалло и получите от него последние инструкции.

— С Равалло, сэр?

— Майор Равалло, армия США. Лучший агент-разведчик и, пожалуй, лучшая сделка по ленд-лизу за все время. С этого момента он ваш непосред-

ственный начальник.

Новость стала для меня неприятным сюрпризом.

— Должен ли я, сэр, понимать это…

— Таков приказ, — твердо сказал он и усмехнулся. — Равалло примет вас с распростертыми объятиями. Когда он в последний раз возвращался с Сицилии, ему пришлось проплыть последние две мили. Был очень недоволен.

— Совершенно верно, сэр. Мне встретиться с ним здесь?

Адмирал Старр откашлялся.

— Э-э-э, нет, не совсем. Майор Равалло — американец. — Он произнес это так, словно других объяснений не требовалось. — Вы найдете его в баре «Трианнон» в шесть часов.

— Выпей еще, Мак, — с настойчивостью гостеприимного хозяина предложил Ники Равалло. — Сегодня вечером это не будет лишним.

Майор Равалло, подумал я, имел бы большой успех в Голливуде. Темные взъерошенные волосы, голубые глаза в сеточке морщинок, темный загар, белые зубы и чудная форма, определенно пошитая по заказу, — прямо-таки карибский пират или второй д'Артаньян. На мой взгляд, лихой майор относился к войне чересчур лег-

комысленно, а кроме того, я все еще чувствовал себя уязвленным тем, что меня поставили под команду какого-то американца, который вдобавок ко всему с улыбкой отказался посвятить меня в детали предстоящей морской операции до выхода в море.

— Нет, спасибо, — сухо ответил я. — До сих пор я обходился без заправки алкоголем накануне операции и сейчас меняться не собираюсь.

Я понимал, что веду себя не лучшим образом, но не мог сдержаться.

— Смотри сам, Скотти. — Равалло ничуть не обиделся и сохранил позитивный настрой. — Старр говорит, что ты хорошо знаешь и итальянское побережье, и язык, да к тому же ты лучший штурман канонерской лодки. Это то, чего я и хочу. Идем.

Мы молча прошли к гавани по улицам с белыми стенами и также молча спустились в сгущающихся сумерках по крутому склону утеса. Там мы наняли дико[33], и нас отвезли к канонерской лодке F149, пришвартованной в дальнем конце бухты Анджело-Крик.

Уже на борту я познакомил его со своей коман-

---

[33] Notes: 33

Дико — малое судно для перевозки на ближнее расстояние.

дой — Таффи, Пассьером, Хильярдом, Джонсоном, Хиггинсом и Уилсоном, моим заместителем. Похоже, Равалло произвел на них благоприятное впечатление, а они — на него, хотя мне не пришлось по вкусу его бодрое предложение:

— Вот что, парни, зовите меня просто Ники.

Чего доброго, они начнут называть меня Сэмми, и я не уверен, что мне это понравится.

— Что еще за Пассьер? — спросил Равалло, когда мы снова остались одни. — На англосаксонское имя не похоже.

— Как и Равалло? — предположил я.

Он рассмеялся:

— Тушé. Но все-таки что он здесь делает?

— «Свободная Франция», — объяснил я. — На нашей стороне их тысячи — в основном на своих же кораблях. Он беженец из вишистской Франции, кавалер Военного креста и, пожалуй, лучший радист, с которым мне довелось поработать. Надеюсь, — добавил я любезным тоном, — вы не возражаете против присутствия на борту этого судна лиц, не являющихся гражданами Великобритании?

— Еще раз извини, — рассмеялся он. — Похоже, я сам на это напросился. — Он с сожалением провел ладонью по своим густым черным волосам и

немного смущенно усмехнулся.

Впервые за весь вечер я в ответ улыбнулся.

Час спустя 149-я вышла из бухты Гранд-Харбор. Равалло был со мной в рулевой рубке и, устроившись на складном стуле, спокойно курил.

— Мы направляемся на Сицилию, Мак, — внезапно сообщил он. — Место встречи — в двух милях к северо-западу от мыса Пассеро. Договорились?

Я не ответил и повернулся к своим картам и таблицам.

— Уилсон, средняя скорость. Курс ноль-пять-ноль. Хильярд, Джонсон на вахте. Верно?

— Да, сэр.

Равалло торопливо поднялся:

— Эй, это что такое? Средняя скорость? Послушай, Мак, мы должны прийти на место минута в минуту. Ровно в полночь — не завтра утром. Когда я в прошлый раз возвращался с Сицилии, у меня это заняло четырнадцать часов. В том числе два часа вплавь, — с горечью добавил он.

Мы с Уилсоном посмотрели друг на друга и усмехнулись.

— Боюсь, шеф, у нас завелся сомневающийся. Сейчас мы с майором прогуляемся. Скажи Таффи, пусть откроет — только для демонстрации.

Демонстрация не заняла много времени и произвела нужный эффект. По ее окончании мы медленно прогулялись от носа до кормы и сели, прислонившись к пустым бомбосбрасывателям. Вид у Равалло был задумчивый, чуть ли не потрясенный.

Так случалось постоянно. Шум воды, гигантская носовая волна, сильнейшая, до дрожи в костях, вибрация и жуткий вой мощных авиадвигателей неизменно производили потрясающий эффект.

Первым молчание нарушил Равалло:

— Еще раз извини, Мак. — Он оживился и заговорил с юношеским восторгом. — Боже мой, на свете осталось не так уж много чудес, и это — одно из них. Сколько она выдает — узлов сорок, да? Сорок пять?

— Военная тайна, — с важным видом ответил я. — Если серьезно, то беспокоиться, по-моему, не о чем — в Средиземном море нас никто не догонит. И вот что, майор, как насчет дополнительной информации?

— Ники, — рассеянно поправил Равалло. — Да, Мак, так оно и есть. Все эти секретные распоряжения, они ведь отдаются не ради забавы, а продиктованы необходимостью. Знаешь, сколько агентов мы потеряли в этом году в Италии?

Двадцать шесть. — Он стукнул кулаком по палубе — не сильно. Глаза его были спокойны, голос — ровный.

— Двадцать шесть, — эхом повторил за ним я. — Это невозможно.

В то время никто из нас не знал, что только в Голландии британцы потеряли в два раза больше людей. Все погибли.

Он, казалось, не слышал меня.

— Двое — потому что работа такая, рискованная. Еще с полдюжины — из-за разного рода утечек информации. Остальные… — Он махнул рукой. — Вот для чего и нужна эта лодка.

— Продолжай. — У меня проснулся интерес.

— Немецкие и итальянские станции радионаблюдения, — объяснил Равалло. — Почти вся информация передается по радио. Сообщения с довольно мощных передатчиков успешно перехватываются и противником, и нами. Несколько перекрестных пеленгов — и готово.

— Но ты так и не объяснил…

— Я как раз подхожу к этому. Идея в том, чтобы снабдить наших агентов слабыми передатчиками малой дальности, практически полевыми, что снижает риск обнаружения на девяносто процентов. Ваше судно будет находиться неда-

леко от берега — в двух-трех милях — и сможет принимать сообщения наших агентов на свой приемник малого радиуса действия и передавать их на базу. Старр говорит, что к концу года в строю будет шесть таких лодок.

— Ага! Ну вот, кое-что проясняется, — сказал я. — Мог бы и сам об этом подумать. Что ж, может сработать.

— Должно сработать, — поправил он. — Мы потеряли слишком много наших лучших агентов.

Мы посидели еще немного в дружелюбном молчании, выкурили по последней за день сигарете, затем Равалло выбросил за борт окурок и легко поднялся.

— Мак?

Я повернулся к нему.

— Не возражаешь, если я загляну в радиорубку?

— Конечно. Пожалуйста. Пассьер сейчас как раз ужинает.

Он ушел. Я посидел еще пару минут, размышляя над тем, о чем рассказал Равалло, а потом и сам отправился в каюту.

После ужина мы отправились в рулевую рубку. Я сменил Уилсона, который спустился вниз. Море было спокойным, как мельничный пруд, ночь

— безлунной. Условия идеальные. Я посмотрел на часы — 11:00 вечера — и пожалел, что нельзя курить.

— Что будет на рандеву? — спросил я Равалло.

— Заберем агента, — коротко ответил он. — В районе Сиракуз в последнее время становится слишком жарко.

— Твой друг?

— Вроде того. В нашей работе иметь друзей — непозволительная роскошь. Слишком много в этой работе печального. Кроме того… — Он помолчал. — Стелла не поощряет… э-э-э… дружбу.

— Стелла? — Я бросил на него быстрый взгляд. — Ты имеешь в виду…

— Да, наш агент — женщина, — сдержанно сказал Ники. — Почему бы и нет? Она одна из лучших в своем деле и не вызывает подозрений. Парашютировалась два месяца назад.

Я обдумал его слова.

— На итальянском, надо полагать, говорит бегло?

— Было бы странно, если бы не говорила, — улыбнулся Ники. — Она родом из Ливорно.

— Итальянка! — поморщился я. — Ну, деньги, наверное, хорошие.

В два быстрых шага Равалло оказался рядом и

схватил меня за плечо.

— Осторожно, Скотти, — негромко сказал он. — Следи за тем, что говоришь. Она натурализованная американка — такая же, как и я.

Я мысленно обругал себя, высвободил руку и криво усмехнулся:

— Похоже, у нас сегодня рекордный вечер по части извинений. Чертовски глупо с моей стороны. Ты ведь ничего не пропускаешь, да, Ники?

Мы провели на месте встречи около часа. Беспокойство нарастало. Я видел, что Ники встревожен и расстроен, что было не в его характере.

Шел второй час, когда издалека донесся ворчливый рокот небольшого подвесного мотора. Из темноты вынырнул и плавно скользнул вдоль борта двенадцатифутовый ялик с двумя темными фигурами на борту. Толчок, протянутые руки, и в следующую секунду ялик уже отошел в сторону, а на палубе, невольно дрожа от холода, стоял кто-то в брюках и ветровке.

— Ты опоздала, черт возьми. Намного, — сердито, но не повышая голоса, заговорил Равалло. — Сколько раз тебе говорить: нельзя, чтобы лодка долго ждала в чужих водах. Наверное, носик надо было попудрить?

— Извини, Ники, — взмолилась она. Голос у нее

был теплый, мягкий и чуточку хрипловатый. — Джонни обнаружил течь в бензобаке, так что пришлось вернуться за…

— Успокойся! — прошептал я. — Потише.

— Послушай, Мак, — злился Ники, — это уже второй раз…

— Помолчи и послушай!

Теперь они тоже услышали — приглушенный, зловещий скрип.

— Течь в бензобаке — черта с два, — тихо, с горечью произнес я. — Хочешь сказать, он вернулся предупредить своих приятелей? Отведи ее в мою каюту, Ники, быстро.

Он взял ее за руку, но она вырвалась, схватила меня за лацкан и прошептала:

— Уходи как можно скорее. У немцев в гавани два быстроходных катера с хорошим вооружением. Они в постоянной готовности и…

— Отведи ее вниз. — Я отвел руку девушки. — И держи там.

Экипаж 149-й знал свое дело на отлично. Две-три негромкие команды — и, когда с правого и левого борта взлетели магниевые ракеты, канонерка уже неслась по воде со скоростью, близкой к двадцати узлам. Уилсон стоял за прожектором, орудийные расчеты заняли свои места.

Их было три. Три гребные лодки; и в каждой по три солдата — как мне показалось, немца — в спасательных жилетах и вооруженные до зубов. Выглядели они устрашающе, прямо-таки отчаянная абордажная команда. Но я знал — проблем с ними не возникнет.

Я на мгновение остановил двигатель, опустил стекло, крикнул экипажу, чтобы они укрылись, приказал Таффи дать полный ход и заложил полуоборот. Через двадцать секунд все было кончено. Короткий огонь из карабинов — несколько пуль попали в пуленепробиваемое стекло рулевой рубки, — пара разворотов на скорости в двадцать пять узлов, и три лодки перевернуты и затоплены. Мы остановились, выловили из воды двоих мокрых солдат — в штабе пленным всегда рады — и взяли курс на юго-запад, домой. Только тогда я понял, что Ники и Стелла все это время были со мной в рулевой рубке.

— По-моему, вам было сказано спуститься вниз, — рассердился я.

— Вот уж нет! — восхищенно заявил Ники. — Такое пропустить невозможно.

— Пожалуйста, сделайте, как я прошу. Вы здесь только мешаете, — холодно добавил я. — Хиггинс принесет вам кофе и сэндвичи.

Когда я присоединился к ним полчаса спустя, к кофе и сэндвичам они так и не прикоснулись. Стелла сидела на моей койке, и я впервые увидел ее по-настоящему. Даже резкий свет с потолка, даже заплаканные глаза и разводы от слез на щеках не испортили впечатления от безупречной красоты овала ее лица, смуглой, оливковой, кожи, небольшого аристократического носа, шелковистых черных, как вороново крыло, волос.

— Господи! — Я устало вздохнул. — Что на этот раз?

— Профессиональные разногласия, — коротко ответил Ники. Волосы у него были взъерошены даже больше, чем обычно. — Послушай, Мак, где-то произошел прокол. Утечка с базы практически невозможна. А раз так, то остается Стелла. Как-то где-то она в последние день-два допустила ошибку. Не иначе.

— Никакой ошибки не было, — прошептала она. — Клянусь тебе. Я нигде даже шага в сторону не сделала. Правда, Ники.

— Ладно, ладно, — сказал Ники устало. — Давай не будем больше об этом.

Мы и Ники вышли на палубу и остановились у фальшборта. Через минуту я повернулся к нему:

— Ники.

— Да?

— Ты ведь не подозреваешь ее всерьез?

Он медленно повернулся и посмотрел на меня:

— Скотти, как ты можешь быть таким чертовым глупцом? — В его голосе мне послышалась холодность и даже враждебность. Он отвернулся и спустился вниз. Я остался наедине со своими мыслями. Подумать было о чем.

— Как по-твоему, что насчет всего это думает адмирал Старр? — поинтересовался Ники.

Я допил свой бенедиктин, задумчиво поставил бокал на стол и улыбнулся. После восьми часов сна мы оба пребывали в гораздо лучшем расположении духа.

— Трудно сказать. Старик — стреляный воробей и слова лишнего не скажет. Полагаю, он в таком же неведении, как и мы.

— Вот и я примерно того же мнения. А вот и Стелла. — Он кивнул в сторону входных дверей «Трианнона» и помахал рукой.

Стелла определенно заслуживала внимания. В простом белом платье на пуговицах, без каких-либо украшений, она выглядела очаровательной и желанной.

Ники, должно быть, наблюдал за выражением моего лица.

— Хороша, правда, Мак?

Я медленно кивнул, но ничего не сказал.

— В такую трудно не влюбиться, — пробормотал он с полувопросительной улыбкой. — Даже ты, Мак…

— Возможно, — спокойно ответил я.

Ники посмотрел на меня со странным, загадочным выражением:

— Не надо, приятель, не надо. — Он ухмыльнулся. — Я уже говорил тебе, Мак, в таком деле, как наше, от этого только одни печали. Добрый вечер, Стелла. — Он улыбнулся ей и повернулся к бармену. — «Дюбонне» даме.

Несколько минут разговор шел практически ни о чем. Я закурил сигарету, посмотрел в зеркало за стойкой и неожиданно для себя спросил:

— Вы уже помирились?

— Да. — Стелла улыбнулась.

— Понятно. — Я потянулся ей за спину и убрал руку, которая — это я рассмотрел в зеркале — нежно пожимала руку Стеллы.

— Майор Равалло! — строго сказал я. — Не трогайте! В нашем деле от этого одни печали.

Они переглянулись, потом посмотрели на меня и рассмеялись.

Я вдруг почувствовал, что устал. Нет, меня не

клонило в сон, я просто устал. Дождь прекратился, и луна старалась пробиться через мутную завесу туч. Часы показывали 4:15. До Лондона оставалось еще сто миль.

В моей памяти четко запечатлелись первая и последняя встречи с Ники. Годы между ними смешались в туманное пятно.

Мы трое — Стелла, Ники и я — очень сблизились друг с другом. С экипажем 149-й у нас сложилась отличная команда. Наша оперативная база трижды менялась — Палермо, Салерно, Неаполь. Одиннадцать раз мы высаживали их, поодиночке или вместе, на вражеском побережье и каждый раз подбирали потом без происшествий. Каждый в моей команде делал свою работу совершенно бескорыстно, что особенно проявилось в случаях с Уилсоном и Пассьером, которые дважды отказывались от повышения ради того, чтобы остаться в экипаже.

Но ближе к концу ситуация стала постепенно, но неуклонно меняться к худшему, и проявлялось это по-разному. Все реже и реже я замечал смех в глазах Стеллы. Она похудела, выглядела напряженной, временами — апатичной и подавленной. Не прошло и недели, а американские бомбардировщики «либерейторы» и британские

«ланкастеры» уж дважды атаковали цели на территории ее родины, основываясь, насколько мне известно, на информации, предоставленной ею самой. Для нее это было, наверное, сущим адом.

Ники тоже изменился. Веселый, обходительный кавалер, каким он был на Мальте, превратился в необщительного и неулыбчивого молчуна. Конечно, это ведь была и его родина тоже. Возможно, дело было в Стелле, но я так не думаю. Пробыв некоторое время на Мальте, Ники последовал собственному совету и все чаще демонстрировал свое безразличие к ней. Едва ли не каждый их разговор заканчивался пререканием и ссорой.

Зимой 1943-го смешанный батальон рейнджеров и коммандос, опередив армию союзников, высадился на побережье в тихой бухте, выбранной командованием. Безопасность высадки гарантировали Ники и Стелла. Буквально через полчаса после того, как на берег сошел последний солдат, батальон был уничтожен в результате атаки танковой дивизии. Возможно, это было простое совпадение. Месяц спустя в руки немцев попала самая крупная за всю войну партия оружия и боеприпасов. Ожидавший поставку партизанский отряд был уничтожен — пол-

ностью. Это тоже могло быть совпадением, но совпадением нельзя объяснить то, как враг сумел получить правильные сигналы опознавания и согласованную последовательность запуска сигнальных маркеров.

Наконец, в конце весны недалеко от Чивитавеккьи на побережье высадились восемь агентов. Три ночи мы ждали радиосигналов. Они так и не вышли на связь. Что с ними случилось, было понятно без слов.

На шоссе A1 уже начинало светать, но на моем настроении это никак не сказывалось. На сердце было так же тяжело, как и в тот жаркий летний полдень, когда я направлялся в штаб адмирала Старра в Неаполе. Я знал, по крайней мере подсознательно, почему он послал за мной.

Адмирал тоже изменился и выглядел еще более уставшим, чем раньше, а на его лице появились новые морщины. И он был предельно откровенен.

— «Предательство» — мерзкое слово, Макиндо. — Он тяжело вздохнул. — Пришло время его произнести. Каждый месяц тысячи британских и американских парней погибают и становятся инвалидами. Нам придется снять лайковые перчатки. Согласен?

Я молча кивнул.

— У нас нет доказательств, — с горечью продолжал он. — Ни одного. Но вот что я знаю точно. Одно совпадение — слишком мало, три — слишком много. После гибели нашего батальона персонал службы безопасности базы был полностью заменен. Но все осталось по-прежнему. Утечка идет с твоей стороны, Макиндо. Логика проста. — Адмирал выдержал паузу и криво улыбнулся. — Полагаю, я вне подозрений.

Он опустил глаза и негромко продолжил:

— Равалло и его подруга — оба италоамериканцы. Армейская разведка уверена в их полной лояльности. Я в этом не уверен. Что-то мне подсказывает, что и ты тоже.

Он взглянул на меня из-под кустистых бровей — наверное, проверял, как я это воспринял. Я снова промолчал.

— Встретитесь с ними завтра в Анцио, — резко продолжил Старр. — Скажете им, что из-за утечки информации это задание будет для них последним. Убедите их, что задание самое обычное и организует его служба безопасности базы. На самом деле все не так, и знать об этом будем только мы с вами. Предоставьте им свободу действий — до возвращения на борт.

— Так точно, сэр.

— Вы доверяете помощнику и радисту?

— Безусловно, сэр.

— Хорошо. Введете в курс дела только их. Может быть, и не стоило бы, но иначе не получится. Их задача — не допустить никого из этих двоих к палубному сигнальному оборудованию и радиорубке. Вопросы есть?

Я ответил не сразу.

Слово «радиорубка» взорвало бомбу в моем сознании, а когда все улеглось, детали мозаики встали на свои места. Я выругал себя за глупость.

— Никак нет, сэр. — Я перевел дух, понимая, как будет трудно. — Вы правы, сэр, подозрения у меня есть. Это Равалло, сэр.

Он вскинул голову.

— Господи, откуда такая уверенность?

И я рассказал.

Мы вышли из Неаполя на рассвете и прибыли в Анцио в полдень. По дороге я ввел в курс дела Уилсона и Пассьера. Оба встретили новость с недоверием и очень огорчились — другого слова не подобрать. Вся команда привязалась к Ники и Стелле почти так же сильно, как и я.

В полночь канонерка находилась в трех милях к северу от Чивитавеккьи. И Равалло, и Стелла

были непривычно сдержанны — оба притихли, услышав от меня, что эта их миссия — последняя. Мне показалось, оба вздохнули с облегчением. Планировалось, что на берег сойдет одна Стелла. Ей предстояло выйти на связь с местным партизанским отрядом, который прошлой ночью уже получил от Старра предупреждение — через сброшенного парашютиста — о возможной вылазке немцев, и радировать по возможности быстрее.

Когда через пару часов от Старра пришли соответствующие инструкции, я ожидал от Равалло бурных протестов, но он ничего не сказал.

То спокойствие, с которым он принял поступившие распоряжения, только укрепило меня в подозрениях. Я решил, что его такой вариант вполне устраивает, и предполагал, что он уже связался с противником до нашего выхода из Анцио. Как связался — я не знал, но этот городок, судя по имеющейся информации, кишел шпионами. Конечно, поднявшись на борт канонерки, связаться с кем-либо на берегу Равалло уже не мог. Об этом позаботились Уилсон и Пассьер.

Стелла высадилась на берег, и Хильярд вернулся на динги[34] обратно. Через три часа приемник

---

[34] Notes: 34

Динги — небольшая шлюпка вместительностью два-три человека.

в радиорубке начал потрескивать. Мы с Равалло стояли в дверях и ждали.

Внезапно Пассьер изменился в лице и, прильнув к приемнику, прислушался. Потом несколько раз нажал телеграфный ключ, вскочил со стула и сорвал наушники. Руки его дрожали.

— Они схватили ее! — выпалил он. — Схватили Стеллу! Сразу после кодового сигнала и подтверждения пришел код MMR[35]. Там еще что-то насчет бронеавтомобиля и… все. — Он рубанул рукой воздух.

У меня свело живот. Вот что бывает даже с самыми продуманными планами. Снова прокол. Стеллу схватили! Но почему там не было партизан?

Я бросил взгляд на Равалло. Он стоял с бесстрастным лицом. Меня переполняла злость. Не такое ли лицо было у Иуды? Так что, Ники уже получил свои тридцать сребреников?

Я отогнал посторонние мысли и сосредоточился на том, что должен сделать сейчас. Я уже понимал, чем это все закончится для меня. Военным трибуналом. Но в тот момент мне было наплевать.

---

[35] Notes: 35

MMR — кодовое обозначение опасности, используемое спецслужбами. — *Примеч. автора.*

Я быстро повернулся к Равалло:

— Ты знаешь, Ники, куда она пошла?

— Конечно знаю. — Он словно прочел мои мысли и первым бросился к шлюпке.

Хильярд доставил нас на берег. Мы выскочили на галечный берег и побежали. На полпути я остановился и негромко окликнул его:

— Ники!

Он обернулся:

— Черт возьми, Скотти, у нас нет времени… — Ники не договорил, увидев у меня в руке кольт. — Это еще что такое? — медленно спросил он.

— Дальше я не пойду. Поздравляю, сыграно было отлично.

Надо отдать должное, держался он прекрасно. Гнев, нетерпение, недоумение — все было исполнено на высшем уровне.

— Оставайся на месте! — приказал я. Он сделал шаг вперед. — Единственное объяснение, которого ты заслуживаешь, — это почему ты все еще жив. Я скажу тебе. Предатели — не всегда какие-то чудовища. Ты мне нравился. Я считал тебя чертовски хорошим парнем. Во-вторых, война не повод для жестокости. Ты это знаешь. И я думаю, несправедливо просить человека работать против своей страны.

— Что ты пытаешься мне сказать? — едва ли не шепотом спросил он.

— Перестань, Равалло. Не надо. Я мог бы доставить тебя в Неаполь. Ты знаешь, чем это закончилось бы для тебя. Военный трибунал и — к стенке. Я этого не сделаю. Ты получишь то, чего лишил Стеллу, — шанс. Среди своих, — с горечью закончил я. — Ты выдал себя год назад, Равалло. Я понял это только вчера. Помнишь Пассеро? Помнишь ту ночь, когда немцы пытались атаковать нас? Помнишь, что сказала Стелла насчет быстроходных катеров, которые были у немцев в Пассеро? Помнишь, Равалло, помнишь?

Я бросал в него слова обвинения, вколачивал их, как гвозди. Он будто не слышал. Будто оцепенел. Никакой реакции. Блестящий актер.

— Кто предупредил немцев, Равалло? — безжалостно продолжал я. — Почему они не послали против нас свои быстроходные катера? Я скажу тебе почему. Они знали, что не смогут нас взять. Знали, что их единственный шанс — внезапность. А знали они это только потому, что ты им сказал. Только ты мог это сделать. Только ты из всех подозреваемых подходил по всем четырем основным пунктам: ты знал скорость сто сорок девятой, знал место назначения, знал, как поль-

зоваться передатчиком, и имел к нему доступ.

Равалло стоял, понурясь, и молчал; ему нечего было сказать, и он это знал. Он не мог защищаться — только отрицать.

Из-за туч выглянула почти полная луна. Нужно было спешить.

Он поднял наконец голову и посмотрел на меня:

— Ты хорошо подготовился, Мак?

— Да, подготовился. Видит бог, мне от этого не легче. Сегодня ты снова выдал себя. Старр сузил круг подозреваемых до вас двоих — тебя и Стеллы. Он предположил, что это ты. Вернее, я предположил. Он устроил так, чтобы дать тебе возможность предать Стеллу. На базе никто об этом задании не знал. Только вы двое, ты и Стелла, Старр и я. А ведь я мог бы поклясться, что ты любишь эту девушку. — Я посмотрел на Ники, изо всех сил стараясь вызвать в себе ненависть к нему. — Знаешь, я бы и с собакой так не поступил.

На его лице не отразилось никаких чувств.

— Поэтому ты бросил ее на съедение волкам, да, Мак?

«Почему партизаны не позаботились о ней?» — подумал я про себя.

Их ведь предупредили заранее. Как ни странно, я чувствовал себя чертовски виноватым и впервые ощущал соленый привкус презрения к самому себе. Но я держал это внутри себя.

— У меня был приказ. Кроме того, Ники, — насмешливо добавил я, — у нас ничего бы не получилось без твоего бесценного сотрудничества. Прощай.

— Мак! — крикнул он мне в спину.

Я обернулся.

— Не забудь, Мак, рано или поздно я тебя найду.

Рано или поздно. Вот так.

Я добрался до Лондона в шесть часов утра и сразу лег. Несколько часов я лежал без сна, пытаясь разобраться во всей этой мешанине. Почему союзники не арестовали его после войны? Теперь он явно был человеком преуспевающим. Ему было что терять, и я поражался его выдержке и дерзости. Надо же, он все-таки меня разыскал. Чего он хочет, спрашивал я себя. Просто позлорадствовать? Нет, он мог быть кем угодно, но мелочностью не отличался. Оставалось только одно — месть. Но как? Застрелить меня в холле отеля «Савой»? Это уже что-то из области фантастики. К тому же Ники — парень умный. Около

полудня я бросил это бесполезное занятие и забылся беспокойным сном.

Семь часов вечера. В лаунж-зоне было полно народа, но я увидел его почти сразу. Ники бросался в глаза — единственный мужчина в костюме, он сидел у дальней стены, сумев, что характерно, не только получить столик, но и отстоять его исключительно для себя.

Насколько я мог судить, он ничуть не изменился. Все тот же жизнерадостный, темноволосый, смеющийся д'Артаньян. Смех — улыбка на морде тигра.

Выскочив из-за стола, он направился ко мне — с дружески протянутой рукой, сверкая широкой белозубой улыбкой.

— Мак, ах ты, старый сукин сын! — весело воскликнул он. — Боже мой, как же я рад снова тебя видеть!

— Так ты уже и не надеялся найти меня? — негромко спросил я, не ответив на его приветственный жест.

Он медленно опустил руку. Я смутно сознавал, что на нас с любопытством смотрят десятки людей.

Равалло все еще улыбался, хотя теперь уже немного печально. Образец несправедливо

обиженного друга, добродушного и снисходительного.

«А ты хорош, — подумалось мне, — чертовски хорош».

— Мой адрес, — резко произнес я. — Как ты его узнал?

— Успокойся. В адмиралтействе — ты все еще числишься в резерве. — Он улыбнулся, но немного неуверенно.

Да, об этом я не подумал, а следовало бы.

— Что ж, вот он я, здесь. Что дальше? Небольшое представление в итальянском духе — с метанием ножей? Может быть, привел одного из своих друзей-мафиози? Чего ты хочешь, Равалло?

— Вежливости, Скотти. Простой вежливости. — От улыбки уже ничего не осталось. — И пяти минут твоего времени, если ты сможешь продержаться так долго, не валяя дурака. Вот мой столик. Выпьешь чего-нибудь?

— Прошло девять лет, война закончилась, но предательство от этого не стало менее отвратительным преступлением. — Я даже не потрудился понизить голос. — Насчет выпить — не за твой счет, Равалло. Я возьму себе сам.

Что-то было не так, и мне нужно было подумать. Я повернулся, чтобы пробиться сквозь толпу к

бару, но Равалло схватил меня за руку. Силы ему было не занимать.

— Все то же, что и в Чивитавеккье, да, Мак? — тихо спросил он. — Те же присяжные, тот же судья и палач? Так, да?

— Да, — спокойно сказал я. — Так.

— И я приговоренный?

— И ты приговоренный.

— Тогда последнее желание. — Он понизил голос. — У меня есть такая привилегия.

Что-то в его глазах, в голосе — какая-то отчаянная искренность — меня зацепило. Даже актер Спенсер Трейси не мог бы сыграть так убедительно. И впервые во мне зашевелилось сомнение.

Я медленно проследовал за ним к столику и сел. Толпа любопытных постепенно рассеялась.

— Ладно, послушаю.

— Даже слушать не придется, — сказал он с улыбкой. — Просто прочти вот это.

Он осторожно положил на стол два документа и аккуратно разгладил листы. Немного поколебавшись, я взял первый.

Это была стенограмма из архивов ВМС США. Запись была сделана в Пентагоне.

Старший сигнальщик Жорж Пассьер.

Служебный номер P/JX 282131.

Тело неизвестного в форме тропического образца Королевского военно-морского флота обнаружено на берегу в четырнадцати милях к югу от Чивитавеккьи. 16 мая 1944 года.

Опознан по идентификационному жетону.

За подкладкой клапана поясной сумки обнаружен клеенчатый конверт. В конверте список из тридцати передающих и принимающих волновых частот. Шесть станций опознаны как немецкие, остальные неизвестны.

Я медленно положил документ на стол и, заметив стоящего у столика официанта, машинально взял с подноса бокал.

Deutscher Geheimdienst.

Документы немецкой контрразведывательной службы, захваченные в Турине.

Расшифровано в Неаполе, октябрь 1944 года.

Луиджи Метастазио: родился в Риме в 1919 году.

(Далее сведения о школьной жизни

Метастазио, гражданской службе, фашистской идеологической обработке, службе в армии, подготовке в контрразведке).

Свободно владеет французским, немецким и английским языками. Тайно доставлен во Францию в апреле 1940 года. В августе 1940 года на территории Франции, оккупированной Германией. В мае 1941 года переброшен из Фекана в Англию на рыболовном судне. Принят в Портсмутские казармы в мае 1941 года как квалифицированный телеграфист.

Остальное значения не имело, и последнюю строчку я знал еще до того, как ее прочел: «Вымышленное имя — Жорж Пассьер».

Я положил один отчет на другой и уставился на него, как загипнотизированный. Молча. Не было ни мыслей, ни слов. Мозг как будто остановился. Я чувствовал себя разбитым, сломленным, больным. Я был ошеломлен и растерян.

А вот Ники явил невиданное милосердие. В первый момент я едва расслышал его голос.

— Просто прелесть, Мак. Вот в чем красота коротковолнового приемника. — Он рассмеял-

ся. — Конечно, немцы не могли прослушивать радиосообщения наших агентов. Но точно так же и мы не могли мониторить сообщения Пассьера на коротких волнах, которые, вероятно, сразу же передавались на немецкие и итальянские прослушивающие посты. Расстрелянные партизаны, погибшие рейнджеры и коммандос, провалы наших агентов, наводка на Пассеро — все это работа нашего друга Пассьера.

— И… и Стелла? — Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы задать этот вопрос. Мозг наконец включился, и осознание, суровое и неумолимое, совершенного мною много лет назад обрушилось, как удар молотка.

Я сам же и ответил на свой вопрос, прошептав то, во что не хотел верить:

— Пассьер! Так вот что с ней случилось. Это я, я сам доверился Пассьеру. Ники, я все ему рассказал!

— Да, — пробормотал он.

По всей вероятности, так все и было. Узнав, что это задание последнее для нее, что никакой пользы от нее больше не будет, Пассьер наверняка сдал ее немцам.

Наверное, Ники не молчал. Наверное, он что-то еще говорил. Не знаю. Знаю только, что его голос,

тихий, ровный, доброжелательный, терялся у меня в ушах. Я больше не мог его слушать. Не мог на него смотреть. Знал, что должен сказать что-то — мол, никогда себе не прощу, — но понимал, что никакими словами не выражу своих чувств.

— Это я отправил ее на смерть. Я отдал ее на съедение волкам. Я все это сделал, и никто другой. Никто другой, Ники. Только я.

Я уронил голову и закрыл лицо руками. На нас смотрели десятки глаз, но мне было все равно. В лаунж-зоне сделалось тихо. Секунды — каждая как вечность, заполненная горечью, презрением к себе и отчаянием, — медленно тянулись одна за другой. Ужасно, ужасно медленно.

Внезапно две мягкие ладони закрыли мне глаза, и голос, который врезался в меня на всю жизнь, голос, чуть хрипловатый от эмоций, сочувственно прошептал:

— Хватит, Ники, хватит. Привет, Мак, дорогой.

Четыре или пять секунд я сидел окаменевший, не веря своим ушам. Потом вскочил, повернулся, сбросив на пол несколько бокалов — в этот вечер богатеньким клиентам «Савоя» определенно было на что посмотреть, — и увидел Стеллу.

Стелла! В первый момент я лишился дара речи. Я только стоял и смотрел на нее. Стоял и смотрел.

Это была она, та самая Стелла, темноволосая, милая, улыбающаяся, такая, какой я знал ее в те дни на Мальте. Только сейчас в ее глазах блестели слезы.

А потом я схватил ее, сжал в объятьях и держал, пока она не взмолилась о пощаде. И я наконец-то поцеловал ее.

Зрители смотрели на нас во все глаза. Они все поняли, так что за стол мы садились под шквал аплодисментов.

— Значит, они все-таки тебя не поймали? — спросил я.

— А почему они должны были меня поймать? — улыбнулась Стелла.

— Пассьер подделал сообщение, — объяснил Ники. — Не было ни MMR, ни бронеавтомобиля. Он, когда вскочил, должно быть, задел переключатель. Рассчитывал, что мы отправимся за ней, и тогда он свяжется со своими, и они возьмут нас всех. Да только вышло совсем иначе. Ты вернулся, а его дружки — тот парень из «хейнкеля» — вышли на контакт первыми.

— Ники нашел меня в тот вечер, — продолжила Стелла. — Рассказал, что случилось, что сто сорок девятая потоплена. Я плакала. Правда, Ники? Я проплакала всю ночь. Такая ужасная плакса.

Второсортная шпионка. — Она промокнула глаза крошечным кружевным платочком.

Я улыбнулся и повернулся к Ники.

— Значит, ты разыскал Стеллу после войны? Да?

Он ухмыльнулся:

— Ну, в некотором роде.

Я посмотрел на кольца на ее левой руке.

— Так вы, — продолжал я угрюмо, — надо полагать, поженились.

Стелла улыбнулась.

— Вообще-то нет, не совсем. Видишь ли, мы уже были женаты — с тридцать восьмого года.

Такого моя нервная система выдержать не могла. Я уже исчерпал весь запас эмоциональных реакций и теперь сидел словно оглушенный, чувствуя, как лицо постепенно заливается краской.

— Извини, Мак, — сказал Ники. — Не мог сказать даже тебе. Стоило кому-то узнать — с нашей стороны или с той, — и нас бы просто отстранили. Мы стали бы угрозой даже для своих. Я не раз тебе говорил: нельзя давать заложников судьбе.

Постепенно до меня дошло. Я увидел всю картину в целом и проклял себя за слепоту.

Их подчеркнутая небрежность и бесцеремонность в отношении друг к другу. Постоянные

ссоры и в то же время непоколебимая преданность и вера друг в друга — все как в семье. Странное поведение Ники, когда я предположил, что могу влюбиться в Стеллу. (При этой мысли я поежился.) Как они, когда думали, что их никто не видит, держались за руки. Постоянное напряжение и беспокойство, которые я видел в Ники. А что бы чувствовал я сам, если бы моя жена оказалась в такой ситуации? И наконец, его отчаянное стремление спасти ее — вопреки всем запретам и приказам спецслужбы и несмотря на риск попасть в плен или погибнуть.

Не говоря ни слова, я отодвинул свой стул от стола и осторожно поднялся. Медленно отвел ногу назад и расчетливо пнул себя самого.

Публика, все до одного завзятые театралы, наградила меня горячими аплодисментами. И только опустившись на стул, я понял, что причина ее восторженного энтузиазма не только я один.

Смех, слезы и любовь всегда гуляют рука об руку. Стелла и Ники целовались с совершенно неанглийской непринужденностью. Весь мир принял бы их за пару молодоженов.

Во всяком случае для меня они такими и были.

«Джервис-Бей»

Второй год войны, самый мрачный год за всю историю Британии, неуклонно приближался к своему мрачному завершению. Ноябрь 1940-го. Позади остались долгие мучительные месяцы лишений и страданий, сокрушительное поражение, потеря наших последних союзников в Европе, бессмысленное разрушение наших городов, гибель тысяч мирных граждан и постоянная угроза вторжения безжалостного и непримиримого врага, целью которого было уничтожение нашей страны как единого целого, как нации.

Правда, сокрушительное поражение отошло в прошлое, пусть даже и недавнее. Непобедимые танковые дивизии Гитлера вымели нас из Европы, и только чудо спасло оставшихся в живых и помогло им добраться до пустынных пляжей Дюнкерка. Крушение Франции также давно стало свершившимся фактом, и теперь мы точно знали, что остались одни.

Но Битва за Британию все еще продолжалась. Ночь за ночью, в долгие часы октябрьской и ноябрьской тьмы, тяжелые бомбардировщики люфтваффе, числом примерно в две сотни, про-

летали над нашими портами и городами и без разбора сбрасывали свой смертоносный груз на доки, фабрики и жилые дома — но преимущественно на жилые дома. И угроза вторжения, начало давно ожидаемой операции «Морской лев», оставалась нависшей опасностью, которая могла в любой час дня или ночи обернуться реальной катастрофой.

В этот темный час Британия оказалась в положении осажденного гарнизона, остатков почти разбитой на поле боя армии, укрывшихся за стенами и запертыми воротами. Но осажденный гарнизон может пасть, что неизбежно случается, если страх и отчаяние подрывают волю к жизни или если постоянное истощение ослабляет защитников до такой степени, что дальнейшее сопротивление становится физически невозможным. Но чаще и вернее всего к капитуляции склоняют голод и нужда.

На первый взгляд, бояться было нечего. Непокорность вспыхнула, как пламя, и народ Британии был готов следовать призыву Черчилля сражаться за каждый пляж, улицу и поселок, вооружившись пиками, дубинками и самодельными зажигательными бомбами. Но лишения и страдания — дело совсем другое.

Выбор был прост: добыть продовольствие или умереть. Нам требовалось сырье, металлы, химикаты для производства танков и оружия для наших безоружных армий; топливо для кораблей, охраняющих берега, для фабрик, заводов и электростанций, для наших «харрикейнов» и «спитфайров», которые были единственной силой, стоявшей между нами и бомбардировщиками люфтваффе.

Продукты питания, топливо и многие виды сырья, необходимые для осажденного гарнизона, приходилось импортировать, и путь их доставки был только один — морем. Гарнизон без надежды на помощь, мы полностью зависели от торговых судов, единственного оставшегося спасательного каната, связывающего нас с миром. Но спасательный канат можно перерезать. Немцы знали это так же хорошо, как и все остальные.

Они не жалели сил, чтобы раз и навсегда перерезать пути сообщения. Диверсии в иностранных портах, атаки бомбардировщиков с воздуха и подводных лодок в море — они использовали все средства, какие только были в их распоряжении. Но в то время самым эффективным оружием были рейдеры — тяжелые крейсера и «карманные линкоры», большие быстрые и мощные суда,

остановить которые могли только линкоры. Атака вооруженного рейдера на беззащитный конвой означала неизбежную и безжалостную бойню — так, например, тяжелый крейсер «Адмирал Хиппер» сумел менее чем за час пустить на дно одиннадцать торговых судов.

После сокрушительного поражения Франции и падения Норвегии Германия получила в качестве базы тысячи миль морского пространства Атлантики, а с приходом зимних штормов и долгих зимних ночей еще и практически неограниченную возможность прорываться в Атлантику. Угроза достигла критического уровня. Обладая почти полной свободой действий, рейдеры шли куда хотели, атаковали там, где хотели, и безнаказанно топили торговые суда.

Ситуацию можно было бы изменить к лучшему, сократив риски и удвоив эффективность контрмер, если бы мы располагали базами ближе к торговым маршрутам. В этом, не меньше чем адмиралтейство, была уверена вся страна. Использование определенных портов в Южной Ирландии позволило бы перенести наши аванпосты далеко на запад, а полученные за счет этого преимущества, десятки сохраненных кораблей и тысячи спасенных жизней, могли бы полностью

изменить ситуацию и склонить чашу в пользу жизни против смерти. Но Южную Ирландию вопрос жизни и смерти ее соседа нисколько не интересовал (не интересовал официально — нельзя забывать, что тысячи ее граждан добровольно и доблестно служили в наших вооруженных силах во время войны), и она категорически отказывала нам в использовании какого-либо порта. Мало того, отказав нам в помощи в самые темные дни, Ирландия была готова стоять в стороне в то время, когда немецкие рейдеры перерезали пути сообщения, связывавшие нас с миром, и тем самым обрекали нас на поражение.

Во второй половине 1940 года антиирландские настроения в Британии были особенно сильны, и так случилось, что именно ирландцу, капитану Эдварду Фогарти Фегену, было суждено зажечь во тьме маяк надежды, показать, что мы можем выжить, несмотря на отсутствие баз, что конвой способен вынести даже полномасштабное нападение «карманного линкора». При условии, конечно, что между конвоем и врагом стоит такой моряк, как Феген.

Вечером 5 ноября 1940 года конвой HX 84 находился на 52°45′ северной широты и 32°13′ западной долготы — в самом сердце Атланти-

ки, — уверенно возвращаясь домой, в Англию. Безоблачно-голубое небо, исключительная видимость, легкий юго-восточный ветерок и позолоченная лучами заходящего солнца тихая гладь Атлантики, которая не бывает такой почти никогда.

Выстроившийся девятью параллельными линиями большой конвой медленно двигался зигзагом, пересекая широкое пространство океана. Всего в этом конвое было тридцать семь судов, включая одиннадцать танкеров, и общая стоимость его грузов — продовольствия, оборудования и нефти — не поддавалась подсчету. Речь шла о миллионах и миллионах фунтов. Впрочем, груз в такого рода случаях оценивается не только в деньгах; в расчет нужно принимать и сотни жизней тех, кто доставлял груз из Галифакса домой, и тех, кто с нетерпением ожидал его в Англии.

Среди тридцати семи кораблей были такие, которые по той или иной причине привлекали к себе особое внимание чаще. Например, новозеландский «Рангитики» водоизмещением семнадцать тысяч тонн, самый крупный корабль в составе конвоя; «Пак», самое крошечное судно водоизмещением всего тысяча тонн, которому во-

обще нечего было здесь делать; «Корниш-Сити», несший флаг командора конвоя, контр-адмирала Молтби. В отличие от них, как и от пары других, никто не присматривался к двум кораблям, которым была уготована почти не поблекшая с годами слава: танкеру «Сан-Деметрио», Лондон, и шведскому теплоходу «Стурхольм», Гётеборг. Не вызывал интереса и третий, тот, что уверенно шел курсом в бессмертие: океанский лайнер «Джервис-Бей», переоборудованный с началом войны во вспомогательный крейсер.

Единственный защитник и эскорт почти четырех десятков судов, «Джервис-Бей», находился в середине конвоя. Ни внешне, ни фактически он не вызывал доверия у кораблей, которые должен был защищать. «Джервис-Бей» имел водоизмещение четырнадцать тысяч тонн, но на войне размеры мало что значат. Важно то, что его спустили на воду в 1922-м, он не был защищен и имел на вооружении лишь несколько шестидюймовых орудий, далеко не новых и не отличающихся точностью. С другой стороны, «Джервис-Бей» обладал всем необходимым в лице капитана Фогарти Фегена.

Капитан Феген, крупный, крепкий, сорокасемилетний холостяк-ирландец, сын адмирала,

внук капитана, уже дважды награжденный за храбрость, находился на своем обычном месте на мостике, когда далеко, на чистой северной линии горизонта был замечен корабль. Делать этому кораблю здесь было нечего, и сигнальный фонарь на мостике крейсера «Джервис-Бей» тут же потребовал от неизвестного назвать себя.

Ответа не последовало, но чужак продолжал полным ходом двигаться в сторону конвоя. Второй запрос тоже остался без ответа. После третьего все стало ясно. Феген понял, с кем имеет дело. В курятник пожаловала лиса.

Лисой был «карманный линкор» «Адмирал Шеер» водоизмещением десять тысяч тонн, развивавший скорость тридцать узлов, мощный, тяжело бронированный рейдер, оснащенный шестью одиннадцатидюймовыми орудиями феноменальной дальнобойности и дополнительным вооружением из восьми пушек калибра 5,9 дюйма. Остановить его могли разве что «Нельсон», «Родни» или «Худ» — и никто другой. «Шеер» был кораблем-убийцей, и его беззащитным, беспомощным жертвам не оставалось ничего другого, как только покорно ждать неминуемой смерти. Расстояние сократилось, и с кораблей конвоя уже можно было видеть золотистые блики на

белой воде, вздымающейся из-под носа корабля, идущего на максимальной скорости.

На борту крейсера прозвучал сигнал «Все по местам», а на нок-рею взлетел вымпел «Подготовиться к рассеиванию». Почти сразу же находящийся на «Корниш-Сити» контр-адмирал Молтби отдал приказ повернуть вправо, подальше от противника, и корабли конвоя устремились на юго-восток под прикрытием дымовой завесы.

Все, кроме одного.

Капитан Феген прекрасно понимал, что никакая, даже самая большая завеса не помешает «Адмиралу Шееру» прорвать ее и разделаться с разбегающимся конвоем, преследуя и уничтожая каждый корабль по отдельности. Одного только дыма было недостаточно, что задержать германский линкор и дать кораблям конвоя время затеряться на просторах Атлантики, чтобы дождаться спасительного покрова ночи. Резко развернувшись влево, «Джервис-Бей» устремился навстречу «Адмиралу Шееру».

Еще до того, как он выровнялся по курсу, германский линкор, не приняв во внимание этот безумный дерзкий жест, открыл огонь из одиннадцатидюймовых орудий. Несколько снарядов упали на конвой. «Рангитики» чудом уцелел, а

вот танкер «Сан-Деметрио» получил сильные повреждения, загорелся и был оставлен командой. Позже он был обнаружен, на него вернулся экипаж, и танкер с триумфом дошел до дома.

Впрочем, в тот момент внимание «Шеера» занимал не конвой, а большой лайнер, переоборудованный в корабль прикрытия, который шел пересекающимся курсом. Два первых дальнобойных залпа подтвердили репутацию немцев как отличных артиллеристов — снаряды легли по обе стороны от вспомогательного крейсера. Третий залп ударил в корпус судна.

Одним ударом была снесена фок-мачта, почти полностью разрушен мостик, разбиты навигатор и дальномер и выведена из строя передающая станция управления артиллерийским огнем. Кроме того, были перебиты электрические кабели, так что управлять орудиями можно было только самым примитивным образом — вручную.

Бой еще и не начался по-настоящему, но как с боевой единицей с британским кораблем было покончено. Капитан «Адмирала Шеера» Теодор Кранке знал, что опасаться бывшего пассажирского лайнера не приходится. Он сразу же изменил курс на восток, чтобы догнать убегающий конвой, но обнаружил, что путь ему снова

преграждает «Джервис-Бей». Британец тоже положил руль на борт и быстро приближался, угрожая лобовым столкновением.

«Адмирал Шеер» набросился на поврежденный торговый крейсер, отвлекавший его от преследования конвоя. На этот раз дело не ограничилось одним-двумя залпами — они следовали один за другим, и каждый снаряд нес шестьсот пятьдесят фунтов фугасной стали. Проносясь со свистом над холодным морем, они с ужасающей точностью попадали в цель, убивая, калеча и разрушая, сметая палубные надстройки смертоносным ураганом шрапнели или взрываясь в глубине тяжело раненного корабля. Теперь немцы уже не думали о том, чтобы просто заглушить орудия крейсера «Джервис-Бей» и обойти его с юга, они намеревались покончить с ним быстро и безжалостно.

Но задача оказалась не такой уж и простой. Невероятно, но вспомогательный крейсер не только уцелел, но и продолжал уверенно держать курс, направляясь к «карманному линкору», который методично и беспощадно выколачивал из него жизнь. На левом борту, выше ватерлинии и ниже, зияли огромные пробоины, котельное отделение было серьезно повреждено; радиорубка сметена; мостик и надстройка содрогались от

непрерывных ударов, и с каждым мгновением судно кренилось сильнее и сильнее.

Фогарти Феген стоял на искореженном и горящем мостике. В первые несколько минут капитан, как и его корабль, получил смертельное ранение, но, как и корабль, невероятным образом продолжал жить и шел на сближение с противником уже после того, как смерть должна была забрать его себе.

Ранения его были ужасны. Разрывом снаряда ему оторвало левую руку чуть ниже плеча, и артериальная кровь выливалась с каждым ударом сердца. Описать его страдания невозможно, но Феген не обращал внимания на боль. Он продолжал отдавать приказы — в своей обычной спокойной манере, коротко и с неизменной вежливостью, — и руководил огнем своих жалких древних орудий, посылавших снаряды с большим недолетом.

После очередного залпа с «Адмирала Шеера» вышел из строя главный рулевой механизм. Капитан Феген немедленно приказал старшине-рулевому перейти на запасной пост управления рулем. Во что бы то ни стало нужно было сохранить управление, чтобы подойти еще ближе к германскому линейному крейсеру.

Горящий мостик уже начал прогибаться под ногами, и оставаться на нем не имело смысла. Опираясь на здоровую руку, Феген спустился по витому стальному трапу и, пошатываясь, побрел на корму по прогулочной палубе сквозь удушливый дым и бушующее пламя — к кормовому мостику. За каждым его шагом по обугленной и почерневшей палубе оставался кровавый след.

Оказавшись на корме, капитан Феген, бледный как мел от потери крови, обнаружил, что подняться на пост не может из-за слабости. Но он оставался капитаном, и теперь у него была одна цель — как можно больше сократить расстояние, отделяющее его от «Адмирала Шеера», и тем самым дать конвою возможность оторваться от погони и раствориться в быстро надвигающихся сумерках.

Думая только о конвое, капитан Феген приказал сбросить еще несколько дымовых шашек, чтобы укрыть HX 84 от «Адмирала Шеера».

Он также приказал бросить за борт горящие заряды кордита, а к немногочисленным орудиям, которые все еще стреляли, назначить новые команды вместо тех, кто лежал мертвыми вокруг них. Но и после этого старые, отжившие свой век орудия не могли достать врага.

Новый одиннадцатидюймовый снаряд, за ним еще и еще, и вот уже машинное отделение разрушено, двигатели разбиты и утонули под сотнями тонн воды. Для Фогарти Фегена это уже не имело значения. Судно водоизмещением четырнадцать тысяч тонн, идущее с максимальной скоростью, имеет огромный запас хода, и он знал, что «Джервис-Бей» не отстанет от «Адмирала Шеера» в тот короткий промежуток времени, который отпущен ему и его кораблю.

Оглушительный рев, вспышка обжигающего пламени — и кормовой мостик над головой Фегена исчез в разрыве снаряда. И этот неустрашимый человек, истекающий кровью, льющейся из раздробленного плеча и ран на голове, побрел назад сквозь дым и пламя, к горящему мостику, который только что оставил, чтобы оттуда руководить боем, если происходившую ужасную бойню можно было назвать этим словом.

Он так и не добрался до цели. Где-то в огне его сразил разорвавшийся снаряд, и смерть, должно быть, была мгновенной, потому что, по любым медицинским стандартам, он умер на ногах еще до того, как снаряд окончательно оборвал тонкую нить жизни, за которую он цеплялся с таким невероятным мужеством и упорством.

В один короткий час ноябрьских сумерек Фогарти Феген заслужил посмертно Крест Виктории и прославил имя, которое навсегда останется в памяти британцев вместе с именем сэра Филипа Сидни как символ непокорности и почти нечеловеческой храбрости перед лицом ужасающих обстоятельств. Крест Виктории и бессмертие… Но возможно, ни то ни другое его не интересовало. Капитан Феген справился со своей работой. Он отнял у капитана Кранке жизненно важные минуты и тем самым спас большую часть конвоя. Капитан Феген погиб, но победа осталась за ним.

Но не только за ним. Все, кто был под его командой, сражались до тех пор, пока не смолкли пушки, сражались с той же отвагой, что и их капитан. Для большинства цена их мужества была одинакова. Из двухсот шестидесяти членов экипажа почти двести уже были убиты, мертвы или тяжело ранены и умирали.

Судно накренилось, ушло под воду кормой и почти остановилось. Снаряды все еще били в корпус, и теперь уже весь корабль был охвачен пламенем и мог затонуть в любую минуту. Оставшиеся в живых — а их было немного — покинули гибнущий «Джервис-Бей» за несколько минут до того, как он ушел в глубину, унося с собой всех,

кто не успел отплыть или был слишком слаб, чтобы сопротивляться смертельному водовороту.

Маловероятно, что кто-либо из спасшихся продержался бы долго — «Адмирал Шеер» не предпринял никаких попыток подобрать людей, — если бы капитан шведского судна «Стурхольм», Свен Оландер, сознавая свой огромный долг перед выжившими с корабля, который спас конвой, не проигнорировал все приказы и не повернул назад в темноте ночи, чтобы отправиться на поиски моряков с крейсера «Джервис-Бей».

Это был акт величайшего мужества, потому что всю ночь «Адмирал Шеер», лишенный своей добычи, рыскал туда-сюда, стреляя осветительными снарядами, в поисках разбросанных кораблей конвоя HX 84. Но огромный риск, на который шел Оландер, оправдался: они нашли и спасли из ледяных ночных вод Атлантики не менее шестидесяти пяти человек.

Многие потом назвали потерю крейсера бесполезной жертвой. Посылать незащищенный вспомогательный крейсер против мощного «карманного линкора» было глупостью и бравадой, равносильными безумию. Без сомнения, такие люди правы, и, возможно, это было безумие, но, наверное, капитан Феген и его люди гордились бы

тем, что их причисляют к безумцам этого мира.

И пожалуй, было бы по меньшей мере неумно выражать столь резкие суждения в присутствии кого-либо из членов экипажей кораблей конвоя HX 84, которые благополучно вернулись домой, потому что Фогарти Феген и матросы с крейсера «Джервис-Бей» встали на пути «Адмирала Шеера» и умерли ради того, чтобы они могли жить.

Черный шторм

Я не знаю, сколько стоил старина Гласс. Если уж на то пошло, думаю, он и сам толком не знал. Но то, что он был богат как Крез, — это факт.

Впрочем, кем бы он ни был — Крезом или наследственным пэром, — редко случалась неделя, когда он не приходил из Большого дома в мою контору в порту — просто так, скоротать время. Вот только в ту субботу — солнечным ветреным утром в конце июня — что-то на уме у него было.

Затянувшись трубкой, он окинул взглядом гавань, поблескивающие под солнцем волны, покачивающиеся топ-мачты рыбацких лодок. Потом повернулся ко мне и, как это обычно у него и бывает, сразу перешел к делу.

— Том, — спокойно сказал он, — что ты о них думаешь? По-настоящему.

— Что я думаю о ком?

— Ты и сам, черт возьми, прекрасно знаешь! О Тэллонах. — Он ткнул черенком трубки в сторону двух мужчин, работающих возле старой рыбацкой лодки из желтой сосны. — Посмотри на них. Сегодня праздник, все парни там, а эти здесь.

— Что ж, похоже, им нравится работать, — сдер-

жанно заметил я.

Лорд Гласс бросил на меня сердитый взгляд:

— Я тебя спрашивал…

— Ладно, ладно, — быстро сказал я. — Ну, если хочешь знать, мне они нравятся, старина Джон Тэллон и его сын.

— Кроме тебя, они никому не нравятся. — Гласс нахмурился.

— Нет? — Я кивнул в окно и тут же схватил Гласса за руку, когда он потянулся к дверной ручке. — Оставь ее в покое, Дункан. Что с ней может случиться?

— Да, возможно, ты прав, — пробормотал он. — В данном случае.

По набережной шла девочка, темноволосая, в красном килте; в одной руке она держала холст, краски и кисти, другой приветственно махала Тэллонам. Когда девочка поравнялась с их лодкой «Джинни», парень запрыгнул на причал, улыбнулся и заговорил с ней. Вскоре он уже сидел на тумбе и смотрел на холст, который показывала ему девочка. Две головы, черная и цвета льна, едва не касались одна другой.

— Мне это не нравится. — Гласс вцепился зубами в мундштук. Голос у него был странный — злой и в то же время спокойный. — Совсем не

нравится.

— Что значит тебе не нравится? — Я знал, как Дункан Гласс относится к Маири — после гибели ее родителей во всем мире у него осталась только его одиннадцатилетняя внучка, — но думал, что он чересчур суров с ней. — Почему бы не признаться честно, Дункан?

— Ты меня винишь? — спросил он сердито.

— Не больше, чем я виню любого другого. Ты ничем не лучше их. Сорок пять лет в Лондоне, а дух западного побережья не выветрился. Тэллоны, они с восточного. Масло с водой не смешивается.

Гласс зарычал, но я поднял руку:

— И ты так же, как и другие, любишь совать нос не в свои дела. Тэллоны — непонятные ребята, а тебе загадки не по вкусу. Но если они идут через Каледонский канал и меняют регистрацию «Джинни» на острове Скай, чтобы никто не знал, откуда они взялись, — это, вообще-то, их дело. И уж точно не наше.

— Ты так рассуждаешь, будто сам с восточного берега, — хмуро заметил Гласс. — Согласись, люди они неприветливые, держатся особняком.

Я промолчал. Знал, что он не прав, но знал и то, что переубедить его не смогу. А еще я знал, что́ на самом деле раздражает лорда Гласса и остальных.

Тэллоны, безусловно, были лучшими рыбаками в Инвергласе. В деревне они прожили всего шесть месяцев и уже вылавливали вдвое больше, чем большинство тех, кто прожил здесь и рыбачил в этих водах всю свою жизнь. Понятно, что те семь шкиперов, которые ходили на лодках Гласса и делили прибыль с ним пополам, были недовольны. Когда после неудачного дня они стояли, угрюмые и молчаливые, на причале, наблюдая, как из переполненных корзин «Джинни» сыплется на весы пятнистая треска и серебристо-голубая скумбрия, их это раздражало.

Но сказать это все Глассу я не мог, а он думал, что раз я молчу, то сказать в их защиту мне нечего. И теперь он сменил тему разговора, но отступил от нее только на шаг.

— Маири ведь часто здесь бывает?

— Как лодки приходят, так она здесь. А так обычно на заливе пропадает. Всегда с красками. Способная у тебя девочка, Дункан.

— Да, она такая. — Лорд Гласс позволил себе горделивую улыбку, но тут же вспомнил, кто он такой. — А с молодым Тэллоном она видится часто?

— Время от времени. — Мне было не по себе от его расспросов. — Когда он не работает.

— И ты, конечно, понятия не имеешь, о чем они говорят?

— Вообще-то, имею. — Я почувствовал себя увереннее. — Всегда об одном и том же. О живописи. Слышал на днях. Молодой Тэллон говорил ей, как важно все видеть — линии, глубину, тени и, прежде всего, цвет. Указывал на что-то — на деревню, бухту, небо — и просил описать, что она видит. Думаю, он ей помогает.

— Да что он, черт возьми, понимает в живописи? — фыркнул Гласс. — Невежа, юнец, никогда и нигде…

— Да откуда ты знаешь… — сердито перебил я, но за спиной у Гласса был шестидесятилетний жизненный опыт, и кое в чем он разбирался.

— Извини, Том, извини, давай не будем ссориться из-за ерунды. Но мне все равно это не нравится. Больно уж далеко все зашло. Надо это прекратить.

— Для Маири безопаснее здесь, чем у залива. Если прилив…

— Там с ней всегда Макартур. — (Макартур был его шофером.) — Ничего с ней не случится. Увидимся на следующей неделе, Том.

Он ушел, забрав с собой Маири, а я задумался о Тэллонах. Они действительно были странной

парой, отец и сын. Всегда вместе — Джон, отец, широкоплечий, с седой бородой и нерабочей ногой, болтающейся между костылями, и Майкл, сын, на полголовы выше отца, с длинными блондинистыми волосами и какими-то чудными, мечтательными блеклыми голубыми глазами.

Они всегда были вместе — всегда. Вместе выходили в море, чинили снасти или просто копались на огороде за небольшим домиком, который снимали на холме. Они были неразлучны, как сиамские близнецы. Они трудились не покладая рук, держались друг друга, и, конечно, в городе их недолюбливали. То есть до той ночи Черного шторма.

Черный шторм. Буря разразилась ранним вечером в июле, в день ярмарки в Глазго, и в тот день Инверглас как будто весь вымер. В Далбрите, что за заливом, в семи или восьми милях отсюда, это был главный день в году — большой праздник с представлениями и танцами едва ли не до утра. Все, кто мог, были там.

Но кое-кто и остался. Я остался на своем месте в портовом офисе, потому что прогноз погоды не обещал ничего хорошего — ветер до девяти баллов, сильное волнение на море и гроза — и мне надо было находиться на месте на случай,

если какой-нибудь терпящий бедствие корабль будет искать помощи или убежища.

Тэллоны тоже остались — любому и каждому было понятно, что они никуда не пойдут. Они, конечно, знали, что никто их там видеть не желает, но дело не только в этом. Тэллоны не тратили деньги ни на развлечения, ни на выпивку, а всем известно, что на празднике нет веселья, если не промочил горло. Если подумать, трезвенность тоже не добавляла им популярности — рыбаки Западного Хайленда обычно посматривают искоса на скупца, предпочитающего оставить денежку в кармане, чем потратить ее на выпивку.

Тэллоны как раз закончили откачивать воду из «Джинни», когда начался дождь. И не просто дождь — небеса разверзлись, и полило как из ведра.

Эти двое сразу подняли воротники и поспешили уйти, да только быстро у них не получалось, потому что Джон едва ковылял. Я открыл дверь и, когда они проходили мимо, крикнул, чтобы вошли.

Они, конечно, были рады. Когда я закрыл за ними дверь, старина Джон опустился в кресло и шумно перевел дух.

— Спасибо, мистер Бернетт, спасибо вам. — Он

посмотрел на небо, уже темное, как могила, и покачал головой. — Ночка обещает быть бурной.

— Да уж наверняка. — Я кивнул в сторону плиты. — Только что чай заварил. Хватит на троих.

Джон Тэллон, поколебавшись, улыбнулся:

— Очень любезно с вашей стороны, мистер Бернетт.

Но чая мы так и не выпили. Я как раз собирался разливать, когда дверь с грохотом распахнулась и на пороге появился сам лорд Гласс — с перекошенным, серым от усталости лицом.

— Где все… мужчины, Том… рыбаки? — спросил он, задыхаясь. — Я не вижу…

— Сегодня все в Далбрите, Дункан. Ты это знаешь. Ярмарочная пятница. Ради бога, что такое… — Я не договорил, поняв вдруг в чем дело. — Маири?

— Да. — Он тяжело кивнул, закрыв лицо руками.

— У залива?

Он снова кивнул, но ничего не сказал.

— И прилив уже поднялся до половины! — Я почувствовал, как кровь стынет в жилах. — Но Макартур, ваш шофер, он ведь должен быть с ней…

— Уехал в Далбрит и ни слова мне не ска-

зал. — Голос его на мгновение окреп. — Только попадется мне на глаза… — Он снова сник.

— Ты уверен, что она там?

— Я знаю. Когда началась гроза, я бросился ее искать. И не нашел. Поехал к заливу и увидел там ее пони. — Он сжал кулаки, грудь его все еще вздымалась. — Я сбежал вниз по тропинке, но было уже поздно. Вода уже отрезала мыс.

— Ты видел ее?

— Да, видел. Крикнул ей, чтобы забралась как можно выше. А потом поехал сюда.

Снаружи завывал, набирая силу, ветер. Долго ли продержится девочка на скале в такую погоду?

Я вздрогнул и обернулся — внезапный порыв ветра разметал по офису лежавшие на столе бумаги. Майкл Тэллон стоял у открытой двери рядом с опирающимся на костыли отцом.

— Мы вернемся через полчаса, — негромко сказал старик. — Можете пойти с нами, если хотите, но ночка сегодня неспокойная.

Неспокойная! Ночь была сумасшедшая!

«Джинни» перебиралась с волны на волну, ныряла и проваливалась, и, казалось, уже следующая впадина будет для нее последней, но старушка держалась — дизель «Глениффер» работал без сбоев, а старина Джон, похоже, знал, как

встретить каждую надвигающуюся волну, даже если она была чернее жилетки самого властителя ада. Лодкой он управлял так, будто родился с румпелем под мышкой.

Нам пришлось обогнуть мыс Санда, чтобы не стать бортом к волне, — мы бы и глазом не моргнули, как лодку переломило бы пополам, и, ей-богу, повторить такое я бы не согласился. Ветер ревет, гром грохочет, дождь и брызги бьют в лицо, и «Дженни» бросает то туда, то сюда, — знаете, одного такого приключения хватит на всю жизнь.

Но мы справились и через несколько минут вошли в залив Санда, где было относительно тихо.

Мы были примерно в сорока ярдах от обрыва — песчаный берег ушел глубоко под воду, — когда Джон переключил «Глениффер» на реверс и крикнул Майклу, чтобы тот бросил якорь. Двигаясь в темноте с уверенностью кошки, Майкл пробрался на нос между ящиками и канатами, и уже секунд через тридцать лодка стояла на якоре носом к устью бухты. «Глениффер» пыхтел, помогая ей держаться, и подзор качался в опасной близости от утеса.

Вообще-то это был даже не утес, а что-то наподобие. На середине утеса имелся выступ, и вот под

этим выступом мы и увидели Маири — ее белая блузка четко выделялась на фоне темной скалы. Бедняжка изо всех сил цеплялась за этот выступ, и в мгновенья затишья мы слышали ее плач.

Мы все ждали, что ее заберет Майкл, — спрыгнуть на берег дело нетрудное и подъем не так уж опасен для такого крепкого парня, как он. Старина Джон пойти за ней не мог — по понятной причине. Мы — Гласс или я — могли бы, но не забывайте, что и ему, и мне уже перевалило за шестьдесят пять.

Я смотрел на Майкла и недоумевал, почему он колеблется и не спешит идти за Маири. Никогда не забуду страдальческого выражения на лице его отца, когда он смотрел на сына.

— Ты жалкий трус! — Увидев, что любимая внучка в безопасности, Дункан Гласс обрел свойственную ему уверенность, и голос его напоминал удары плетью. — Такой молодчик, когда сидишь с детским альбомом в руке. Но если я еще раз увижу тебя за милю от…

Он подавился злостью и попытался пройти мимо Майкла, но тут крепкая рука схватила его за грудки и заставила сесть на бухту каната. Майкл Тэллон наклонился и негромко сказал что-то отцу, выслушал ответ и спрыгнул на берег.

Там, наверное, и трех футов не было, но он все равно едва не промахнулся. Колени дрогнули, он пошатнулся, замахал руками и, все же сохранив равновесие, ухватился за выступ и начал подниматься.

Весь подъем я не видел — слишком темно, — но тому, что видел, поверить было невозможно. Более неуклюжего человека трудно себе представить. Если на раскачивающейся лодке он двигался с грацией и уверенностью канатоходца, то на утесе совершенно потерялся. Казалось, он поднимается на ощупь, и я, наблюдая за ним, то и дело замирал от страха. И все же Майкл добрался до нее, подхватил одной рукой — к тому моменту бедная девочка уже совсем обессилела — и начал медленно спускаться. Полностью сосредоточившись на главной задаче, он забыл обо всем остальном и, наверное, ступил бы в воду, если бы Джон не предупредил его криком.

Дождь почти прекратился, и ветер переменился — переменился так, что корма «Джинни» ушла от утеса футов на семь или восемь. Джон поднял канат и бросил конец Майклу, чтобы он подтянул лодку ближе. Конец попал Майклу в грудь и, прежде чем он успел его поймать, упал в воду.

Дункан Гласс подтянул канат и бросил его сно-

ва. Майкл вскинул руку, чтобы схватить его, но снова промахнулся, и канат, ударившись о его запястье, соскользнул в воду опять.

— Боже мой, парень, да ты что, ослеп? — раздраженно крикнул Гласс и снова подтянул канат. Сделать третью попытку он не успел. Я отобрал у него канат и бросил его с таким расчетом, чтобы он упал Майклу на плечи. Во рту у меня пересохло, и откуда-то словно дохнуло могильным холодом.

— Он слепой, Дункан, — произнес я дрожащим шепотом. — Он ничего не видит.

Так оно и было. Остальное мы узнали позже, тем же вечером, когда сидели в библиотеке Гласса перед большим камином и с большими бокалами виски.

— Мы были там вместе, когда поезд попал в аварию, — рассказывал Джон. Похоже, он был даже рад возможности поговорить, покончить со всей это секретностью и ничего больше не скрывать. — У меня тогда нога… ну, укоротилась немножко. А Майкл… да, он тоже пострадал. И теперь, как вы уже видели, с глазами у него не все хорошо.

«Не все хорошо, — подумал я. — Какого черта, парень живет в мире тьмы!» Мы сидели там, и

чем дальше, тем больше мне становилось не по себе. Я только что не ерзал от стыда — за себя и за всех нас. Неудивительно, что парень постоянно рядом с отцом. Неудивительно, что на «Джинни» всегда порядок и все вещи находятся на своих местах. Неудивительно, что Майкл так уверенно двигался в темноте, ведь для него день и ночь — одно и то же. И неудивительно, что он просил малышку Маири так тщательно все ему описывать — не только потому, что он хотел видеть тот новый мир, в котором теперь жил, но и потому, что он сам, как мы узнали, был художником и учился на последнем курсе в Школе искусств, а девочка открывала ему то, что больше всего его интересовало.

— Боже ты мой, старина, — подал голос Гласс, — почему ж вы раньше ничего не сказали?

— Потому что была надежда… да и все еще есть. — В голосе Джона послышалась усталость. — Нам сказали в Глазго, что в Балтиморе есть человек, в больнице Джонса Хопкинса, настоящий гений по части глазной хирургии. Вот мы и пытались собрать немного деньжат, поехать туда и заплатить за операцию.

Все было так просто и так по-человечески прекрасно, что мы с Глассом не нашли что сказать.

Отец без ноги, незрячий сын, тяжелый труд с рассвета до заката — нет, это не просто трогательно…

— Но все равно, — могли бы и сказать, — пробормотал Гласс.

— И потерять разрешение на ловлю рыбы? Со слепой командой — кто бы его дал? На что тогда жить? Откуда брать деньги?

— Не знаю. Ничего не знаю. — Гласс допил виски, посидел немного молча, потом медленно, довольно улыбнулся. — Но, видит бог, я знаю, откуда их взять.

Операцию Майклу еще не сделали, но в последнем письме Джон сообщил, что все предварительные тесты уже пройдены. И когда время придет — я знаю, надеяться и молиться за него будет весь Инверглас.

Добрый самаритянин

Когда я выехал из Тарнфорда по горной дороге, до заката оставался почти час, но короткие весенние сумерки уже почти рассеялись. Небо потемнело, но не из-за близости ночи, а из-за плотных грозовых туч, растянувшихся пурпурно-черным саваном над холмами и долинами до самого горизонта. Дождь — его струи в свете фар поблескивали, словно толстые металлические прутья, — барабанил по ветровому стеклу, отскакивал на несколько дюймов от туманистой дороги и смешивался в миниатюрном кипящем котле; вода скапливалась в перевернутой ступице запасного колеса на капоте двигателя.

Вообще-то меня не волновала ни погода, ни дождь, ни ослепительные электрические разряды молний, оставляющих свой зазубренный контур на сетчатке глазного яблока, ни следующие один за другим артиллерийские раскаты грома. Мне было не до них, потому что я слишком устал, чтобы обращать на что-то внимание. Я не спал всю прошлую ночь, пытаясь спасти одну из чистокровных кобыл полковника, и только добрался до дома, как позвонили из Тарнфорда,

где в тот день проходила большая ярмарка скота. Пришлось ехать туда — подозрение на ящур. Тревога оказалась ложной, но рисковать я не мог. Одиннадцать часов в загоне, и теперь я был совершенно измотан.

То ли из-за усталости, то ли из-за дождя, бежавшего струями по ветровому стеклу, я вовремя не заметил раскачивающиеся над дорогой красные фонари. Нажал на педаль тормоза и, когда «ровер» остановился, высунулся из бокового окна:

— Вы что, черт возьми, вытворяете? Под колеса захотелось? — (В отраженном свете фар блеснул мокрый плащ.) — Полиция?

— Да, сэр, — ответил резкий, обезличенный голос. — Ваши водительские права, пожалуйста.

— Водительские права? — Наверное, прозвучало немного раздраженно, но, как ветеринар, я привык — наряду с врачами и служителями культа — к тому, что внимание полиции распространяется на меня в меньшей степени. — С какой стати… — Я осекся, потому что вспомнил кое-что. — Ну конечно! Селлерс и Риордан!

Селлерс и Риордан. На ярмарке о них только и говорили; даже тема ящура отступила на второй план. И не без оснований. За шесть коротких дней Селлерс и Риордан стали самой обсуждае-

мой парой в Англии. За семь коротких дней они завоевали репутацию двух самых безжалостных и кровожадных преступников, находящихся на свободе в Британии. За семь коротких дней они ограбили банк в Степни, убили управляющего, ранили кассира, застрелили полицейского, который пытался им помешать, были арестованы, оказав при задержании отчаянное сопротивление, пробыли под стражей ровно двадцать четыре часа, а затем сбежали, оставив после себя одного мертвого надзирателя и еще одного, который мог выжить или умереть.

Теперь они, как предполагалось, находились где-то поблизости. Их искали в Эймсбери и Фроуме, их заметили в Гластонбери, и вот уже весь Девон к северу от болот и Сомерсет к западу от Куанток-Хиллс прочесывались полицейскими, на помощь которым были направлены тысяча двести вооруженных военнослужащих. Хотя для Эксмура в такую погоду и двенадцать тысяч человек не так уж и много.

— Да, сэр, Селлерс и Риордан. — Голос полицейского, уже более дружелюбный, вернул меня к действительности. — Ваши права, пожалуйста.

Я протянул их, и он кивнул:

— Мистер Картрайт. Мне показалось, я узнал

вас, сэр. Далеко собрались?

— Домой. В Липском.

— В Липском? Далековато. — Он посмотрел на меня, но его лица я не видел. — Будьте осторожны, сэр.

— Думаете, они так близко? — Я инстинктивно бросил взгляд в темноту, пытаясь разглядеть что-нибудь сквозь косую завесу дождя.

— Близко, — мрачно сказал он. — Констебль видел их возле Тивертона чуть больше часа назад.

— Он мог ошибиться. — Я понимал, что пытаюсь успокоить себя. — Еще человек пятьсот полагают, что видели их сегодня.

— Вот только никто из этих пятисот не получил пулю в плечо, — бесстрастно заметил он. — Так что будьте осторожны, мистер Картрайт. Никаких остановок. И никого не подвозите, даже собственную бабушку.

— А железнодорожные переезды? — Я постарался не выдать беспокойства. — По пути до Липскома их три, и если они закрыты…

— Нет. — Он покачал головой. — Место слишком открытое. Риордан осторожен и рисковать, попытавшись сесть в остановившуюся машину, не станет.

— Но если все же попытается?

— Тогда ему крышка. На каждом переезде в северном Девоне размещен взвод солдат с автоматическим оружием. Вы их не увидите. Но они там есть.

Полицейский, конечно, был прав. И на первом переезде, к которому я подъехал, охрана, конечно, находилась где-то в засаде, но мне, пока я сидел в темноте под утихающим дождем и с выключенным двигателем, прислушиваясь в ожидании товарного поезда, от того, что я знал о взводе солдат, легче не стало. Я ерзал на сиденье и подтягивал повыше шарф, помня, как умер надзиратель — его задушили гарротой. И сделал это Риордан. Многие называли его диким зверем, лишенным всякой жалости, страха и всего человеческого.

Поезд катился через переезд целую вечность, но в конце концов проехал, шлагбаум подняли, и я сразу же сорвался с места, дав полный газ. Я держался середины дороги, время от времени сдавая влево или вправо, когда на фоне дождя, косыми струями рассекающего свет фар, смутно вырисовывалась неясная фигура или тень. Мне было страшно. Более чем.

Второй железнодорожный переезд был открыт, и теперь извилистая дорога шла между холмами

— пять миль от переезда до Харфорда, станции, обслуживающей Липском.

Дорога была абсолютно пустая. После Тарнфорда я не встретил ни велосипедиста, ни машины, ни пешехода.

Искать причину не приходилось. Передачи западного регионального радио в течение всего дня прерывалась из-за постоянных предупреждений, так что все сидели по домам. Страх охватил округу. Даже дома выглядели испуганными — двери закрыты и, несомненно, заперты, окна плотно занавешены.

Я увидел его ближе к вершине длинного подъема, за которой начинался спуск к Харфорду, — сначала неясное, едва двигающееся пятно у края дороги, пятно, трансформировавшееся затем, когда я приблизился, в фигуру человека, медленно, с трудом ползущего по обочине. Именно ползущего, осознал я с ужасом. Он спускался по склону навстречу мне, опустив голову, и его покачивало из стороны в сторону. Я был уже близко и, вцепившись в руль, с каким-то болезненным интересом смотрел на него, когда он шлепнулся на траву и замер, вытянув одну руку к дороге, лицом к ночному небу.

Гнев пересилил страх. Я не сомневался, что Ри-

ордан и Селлерс были здесь и оставили свой след. Я резко затормозил, выскочил из «лендровера» почти на ходу и склонился над несчастным.

— Добрый самаритянин, — раздался насмешливый голос у меня за спиной. — Встань, простофиля, и стой смирно.

Я встал и замер на месте. Из ниоткуда появился и теперь стоял в свете фар высокий худой мужчина с пистолетом в руке. Я посмотрел на своем веку немало фильмов и уже понял, что штуковина в виде цилиндра на стволе пистолета есть не что иное, как глушитель. Человек, который только что полз по обочине дороги, проворно вскочил у меня за спиной.

— Риордан и Селлерс, — бесстрастно сказал я. Страха не было, но я знал, что он придет позже.

— Они самые, недотепа, — согласился высокий. — Я — Риордан, а он — Селлерс. Садись за руль, и покатили. У тебя два пассажира на заднем.

— Заднего сиденья здесь нет — это «лендровер».

— Тем лучше. Шевелись.

Даже если бы я не знал, с кем имею дело, было в его голосе что-то, требовавшее беспрекословного подчинения. Я сел за руль. Риордан перелез через

два сиденья слева от меня, а Селлерс протиснулся сзади. Оба были вооружены, и один ствол ткнулся мне в спину.

— Трогай. Но не гони. Хочу с тобой потолковать.

Аккуратно, не допуская лишних движений, но словно во сне, я завел машину.

— Тебя как звать, мистер? — Голос за спиной пробился сквозь рокот двигателя.

— Картрайт.

— Уж больно ты спокоен, Картрайт. Ни о чем таком не подумываешь, а?

— Нет.

— Кем работаешь?

— Ветеринар.

— Где живешь?

— Липском.

— Это мили четыре отсюда?

— Около того. Вы что со мной сделаете?

— Заткнись, — без всякого выражения сказал он. — Отсюда до Тарнмута далеко?

Тарнмут был крошечной рыбацкой деревушкой.

— Примерно столько же. Четыре мили.

— Вот туда мы и едем. Мы все.

Я ничего не сказал, отчаянно стараясь при-

думать что-то, но страх уже накатил, а ничего конструктивного в голову не приходило. Я думал только о том, что за спиной у меня двое безжалостных вооруженных убийц, для которых чужая жизнь ничего не значит.

— Зачем вам в Тарнмут? — спросил я и услышал, как дрогнул мой голос.

— Чтобы взять лодку, мистер Картрайт.

И тут я вспомнил, что Риордан — ирландец, родом из Керрима. Друзья у него были, и об этом полиция знала, но не знала, что эти друзья готовы рискнуть: встретить его на побережье и переправить ночью через пролив Святого Георгия. А уж там, в холмистой пустоши Корка и Керри… Дальше этого рассуждения дело не пошло, все вытеснила ужасная мысль. Они не оставят меня в живых, иначе не рассказали бы о своих планах. Они убьют меня — это так же верно, как то, что завтра утром взойдет солнце.

— Давно здесь живешь, мистер Картрайт?

— Семь лет.

— Ветеринар, да? Все тебя знают?

— Полагаю, да.

— Вот и отлично. Ты, Картрайт, наш надежный проводник. Такого доброго целителя никто ни в чем и не заподозрит. Но запомни вот что, и

запомни хорошо. Если нас остановят, ты не должен никого и ничего упоминать. Ни имени, ни названия места. Понял?

— Боюсь, я…

— Послушай, Картрайт. Если тебя остановит полиция и ты скажешь им, что едешь на ферму Тимбукту или был у Смита-бакалейщика, а здесь нет ни фермы Тимбукту, ни Смита-бакалейщика, то они ведь могут что-то заподозрить, так? Поэтому чем меньше слов, тем лучше. И ничего такого, что я не мог бы проверить.

Надо отдать должное, этот Риордан — парень сообразительный. Мне ничего подобного и в голову не приходило.

— Для чего все эти мешки, Картрайт? — снова подал голос Риордан. — Все ветеринары возят такое с собой?

— Да, бывает. Это для больных животных и…

— Ладно, — перебил он. — Вот ими мы и прикроемся. Если кто-нибудь спросит, скажешь, что везешь больных животных. Имей в виду, я твое лицо в зеркале вижу. И дуло в трех дюймах от твоей спины.

Третий переезд был закрыт — ждали, пока пройдет вечерний поезд. Когда я остановился, ко мне подбежал Джон Ховарт, начальник станции:

— Я так и думал, что это ты, Питер. С этого поезда сойдет Мэри. Ты подвезешь ее домой? Ночь отвратительная, а тут еще два этих проклятых убийцы.

— Конечно подвезу, — сказал я. — Скажи ей, пусть подождет на автобусной остановке с другой стороны.

— Спасибо. — Он внимательно посмотрел на меня. — Что-то ты немного подавленный. Слишком много… Извини, уже идет. — Он повернулся и торопливо ушел, а мы услышали звук приближающегося поезда.

— Мэри, да? — пробормотал Риордан из-под мешков. — Твоя подруга?

— Да, — коротко ответил я. — И забирать ее я не стану.

— Придется.

— Думаете, я допущу, чтобы вы, два убийцы…

— Ты пообещал, что заберешь. Если не заберешь, она скажет начальнику станции, и они там заподозрят неладное.

— Мне наплевать, и ты меня не заставишь.

— Конечно. И ничего она начальнику станции не скажет. Кстати, кто он ей? Тоже друг?

— Ее отец.

— Итак, мистер Картрайт, где находится эта

автобусная остановка?

— Примерно в ста ярдах от станции.

— А автобусы в это время ходят?

И я — вот же дурак! — ответил:

— Нет.

— Значит, и на остановке никого нет, — тихо сказал Риордан. — У меня глушитель, так что до утра никто и не увидит, что она там лежит. И никаких подозрений.

Через три минуты я подъехал к автобусной остановке. Мэри выбежала, открыла дверцу и забралась внутрь. Темные мокрые волосы прилипли к ее шее, но, как всегда, она была весела и улыбалась.

— Привет, Питер! Как я рада видеть тебя сегодня! Как подумаю, что пришлось бы идти домой пешком… — Она замолчала и пристально посмотрела на меня. — Что, черт возьми, случилось, Питер?

— Передвинься на среднее сиденье, Мэри. — Страх за нее вытеснил страх за себя, и мой мозг наконец заработал. Я увидел проблеск надежды. Шанс. Рискованный шанс, но я сам был человеком рисковым.

Она медленно придвинулась, пристально глядя на меня.

— Боюсь, дорогая, у меня для тебя плохая новость. — Я обнял ее за плечи и почувствовал, как они напряглись под моей рукой. В следующее мгновение ее глаза расширились. — Ты слышала о Риордане и Селлерсе?

Она молча кивнула.

— Они позади нас, дорогая, и у них оружие в руках.

Она ничего не сказала, просто медленно повернулась и вскинула руку, подавляя судорожный вздох, когда увидела пистолет и бледное лицо в полумраке.

— Не кричите, юная леди, — быстро и тихо сказал Риордан. — Это пистолет. Поезжай, Картрайт. Не вините своего друга, леди. Если бы он не остановился… — Коротко объяснив ситуацию, он задумчиво продолжил: — Дорогая то, дорогая это… Похоже, Картрайт, она и впрямь твоя подруга.

— Будь ты проклят, Риордан! — свирепо сказал я. — Она моя невеста, а теперь…

— Твоя невеста, да? Так-так-так… — У него даже голос изменился. — Откуда мне знать, что она твоя невеста?

— Какое, к чертям, это имеет значение?

— Это очень важно. Я никогда никому и ничему

не доверяю. Помолвлена? Кольцо?

— Да.

— Какое?

— С изумрудом и четырьмя бриллиантами.

— Покажи.

Не говоря ни слова, Мэри стащила с пальца кольцо. «Боже, — подумал я, — какая молодец!» Она подала кольцо Риордану, который, чиркнув спичкой, осмотрел его и вернул.

— Ну что ж, — тихо сказал он. — «Сон юной любви»[36]. Идеальная парочка, а, Селлерс? Кто бы сомневался.

На въезде в Липском нас встретил полицейский патруль. Из темноты появились покачивающиеся красные фонари, на заднем плане виднелся перегородивший дорогу грузовик. По обе стороны дороги я увидел двух незнакомых мне полицейских, сидящих на красных мотоциклах «тандерберд-триумф». Оба выглядели так, как обычно и выглядят все полицейские на мотоциклах, — среднего роста, худощавые, крепкие, знающие свое дело. Но ко мне подошел сержант Уинн. За исключением, возможно, Эйнсворта, молодого викария, Уинн был моим лучшим дру-

---

[36] Notes: 36
Название стихотворения Томаса Мура.

гом в Липскоме.

— Добрый вечер, Пит, — улыбнулся он. Луч фонарика коснулся лица Мэри. — О, привет.

— Добрый вечер, Джордж, — перебил я. — Что случилось? — Я кивнул в сторону полицейских на мотоциклах и почувствовал, как в спину мне ткнулся глушитель. — Ищете наших беглецов, Риордана и Селлерса?

— Ищем, — мрачно подтвердил Уинн. — Ты, Пит, наверное, никого не видел?

— Извини. — Я пожал плечами. — От Тарнмута и досюда — никого. Тебе не позавидуешь — такая ночка выдалась.

— Да уж, — с чувством сказал Уинн. — Я бы лучше дротики побросал в «Лошади и плуге». — Мы оба были членами местной команды по дартсу. — Может, увидимся там вечерком, а, Пит?

— Может, да, а может, нет. — Я пожал плечами и усмехнулся, зная, что Риордан наблюдает за мной в зеркало заднего вида. — В Тарнмуте танцы. Может быть, потом… — Я не договорил, обнял Мэри, и она склонила свою темную головку мне на плечо. — Да ты сам знаешь, Джордж.

— Знаю. — Он достал носовой платок, вытер мокрое от дождя лицо и улыбнулся. — Сам-то я женат, но знаю, как оно бывает. До встречи, Пит.

— Увидимся. — Я подождал, пока грузовик отъедет в сторону, выжал сцепление и тронулся с места. За спиной пошевелился Риордан.

— Неплохо, Картрайт, совсем неплохо. Ты зачем упомянул Тарнмут, черт бы тебя побрал? — В его голосе зазвучала угрожающая нотка.

— Не будь дураком, — устало сказал я. — Единственная дорога из Липскома ведет туда.

Некоторое время мы ехали молча. Большую часть пути я ехал на пониженной передаче и только один раз переключился на высокую. Было шумновато, но пониженная передача годилась для этой дороги, а шум устраивал меня. И все четыре мили я боялся, что вот сейчас Риордан прикажет остановиться и сядет за руль, и тогда нас с Мэри ждет только вечный сон в придорожной канаве или за ближайшим кустом. Но он тоже молчал до самой пристани в Тарнмуте.

— Хватит, стоп! — резко приказал Риордан. Напряжение сказалось и на нем. — Глуши мотор.

Я придавил ногой педаль сцепления, перевел рычаг на первую передачу, выключил зажигание, прикрыл правой рукой красную лампочку зажигания, снова включил его и стал ждать. Ручной тормоз я не трогал.

— Не двигайтесь, вы, оба, — предупредил Ри-

ордан. Теперь он был в безопасности — до края причала пятнадцать футов, а дальше глубокая вода. Сбежать мы никак не могли. Я посмотрел в зеркало заднего вида и увидел полоску бледного света — они подняли защитную створку над дверцей багажника, — услышал металлический стук ботинка о дверцу и в тот же миг нажал на автостартер.

Все произошло в одно мгновение. «Лендровер» резко рванулся вперед на пару футов, и мотор заглох. Риордан и Селлерс с проклятиями грохнулись на землю, а в ночную тьму и тишину ворвались яркие лучи одновременно вспыхнувших мощных фар и оглушительный рев двухцилиндровых двигателей «тандербердов».

У Риордана и Селлерса не было ни шанса. Ослепленные светом фар, они еще пытались подняться на ноги, когда на них наехали мотоциклы, а из стоявшей за мотоциклами машины выскочили, размахивая дубинками, четыре здоровенных полицейских.

— Отлично сработано, Пит. Нет, в самом деле, — сказал сержант Уинн, делая вид, что не замечает, как дрожат мои руки и ноги. — В дартс мы еще сыграем, но только после парочки пинт. А теперь расскажи мне все.

Я рассказал ему все, а когда закончил, Уинн повернулся и холодно улыбнулся ошеломленному Риордану, уже стоявшему с «браслетами» на руках.

— Мистер Картрайт имел уникальную возможность хорошо рассмотреть обручальное кольцо этой молодой леди. Он, должно быть, раз двадцать видел, как ей на пальчик на предсвадебной репетиции надевали еще одно колечко, ведь мистер Картрайт был шафером. Крайне маловероятно, — сухо закончил Уинн, — что жена викария отправится танцевать всю ночь с другим мужчиной всего через сорок восемь часов после свадьбы.

От автора
Успех: Награды и ответственность

Насколько помнится, в 1954 году газета «Глазго геральд» организовала конкурс коротких рассказов. У меня не было особых писательских амбиций — я не буду говорить о литературных амбициях, есть немало тех, кто упорно утверждает, что у меня никогда их не было и до сих пор нет, — нет, соответственно, и никакой надежды.

Однако первый приз в сто фунтов стерлингов был весьма значительной приманкой для человека, у которого денег не было вообще. Я рискнул и принял участие в конкурсе с рассказом о море в Вест-Хайленде под названием «Дилеас». Я выиграл, и ко мне обратился Иэн Чепмен, нынешний директор издательства «Коллинз», который спросил меня, не напишу ли я роман. К всеобщему удивлению, Коллинз по-прежнему остается моим издателем. Спустя двадцать семь лет.

За эти двадцать семь лет я написал двадцать семь книг, четырнадцать сценариев и множество статей в журналах и газетах. Достаточно честный

способ заработать на жизнь — был и остается. Меня называют успешным, но успех в его наиболее распространенном употреблении — термин относительный, и применять его следует с большой осторожностью, особенно в писательском деле. Количественная оценка — это далеко не все. Глубины падения некоторых самых «успешных» книг, журналов и газет в истории издательского дела так велики, что не поддаются описанию. Возможно, просвещение не является моей сильной стороной, но и порочность тоже.

Трудно сказать, какой эффект произвели ваши книги, какой степени успеха или провала они достигли. Рассмотрим, например, реакцию тех, кто имел спорную привилегию быть членом редакционного совета «Глазго геральд» в то время, когда проводился тот давний конкурс рассказов.

Кто-то может испытывать некоторое удовлетворение от того, что ему хватило дальновидности или проницательности не выбрать полного неудачника; слишком многие авторы, придумав одну историю, потом умолкают навсегда. Другим членам совета, возможно, на все это было глубоко наплевать. Третьи, не исключено, скрежетали зубами, оттого что открыли дорогу автору, чей стиль, по их мнению, никоим образом не соответ-

ствует высоким стандартам, заданным ведущей газетой Шотландии. Этого я никогда не узнаю.

Столь же трудно оценить влияние на читающую публику. Я написал пару книг, которые можно считать значимыми или примечательными, но, судя по реакции читателей, не приходится сомневаться, что я — единственный, кто придерживается такого мнения. Мне следовало бы прислушаться к Сэму Голдвину, сказавшему, что доставкой сообщений занимается «Вестерн юнион».

С тех пор я сосредоточился на том, что считаю чистым развлечением, хотя, как выяснилось, между моим пониманием, что такое развлечение, и пониманием других людей может пролегать пропасть.

Я получаю довольно много писем, в большинстве своем вполне доброжелательных, но отдаю себе отчет в том, что они не обязательно отражают общий одобрительный настрой. Я не склонен вступать в полемику, и те, кто подписывается «С возмущением» или «С негодованием» из Уолтемстоу или откуда-то еще, либо не читают моих книг, либо, если и читают, не удостаивают их даже пренебрежительным комментарием.

Как писательство влияет на меня самого, я,

конечно, знаю хорошо, но и здесь может быть место для ошибочной самооценки. Основные преимущества писательской работы в том, что она в известной степени дает независимость и свободу, но эту свободу ни в коем случае нельзя истолковывать как безответственность.

Мне не нужно начинать работу в девять утра, и я этого не делаю: мой обычный рабочий день начинается между шестью и семью утра. Но, с другой стороны, хотя я часто работаю по семь дней в неделю, я не работаю пятьдесят две недели в году. Когда никто не указывает тебе, что делать, — это замечательно. Но нельзя быть полностью независимым. У меня есть ответственность перед моими издателями.

Издательства вовсе не являются, как иногда утверждают, прибежищами для жуликов, воров и преступников, действующих в интеллектуальной сфере, чье существование зависит от их умения наживаться на способностях и талантах тех немногих, кто, получая жалкие гроши, способен делать то, на что совершенно не способны издатели: выстраивать цепочки из слов таким образом, чтобы они имели какой-то смысл. Некоторыми издательствами руководят люди, в которых можно распознать человеческое суще-

ство. Мое в их числе.

Я также чувствую ответственность, хотя и небольшую, перед редакторами. Редактор, по определению «Нового словаря английского языка» Коллинза, — это тот, кто проверяет текст, сокращает, изменяет и опускает из него что-то при подготовке к публикации. Я чувствую себя достаточно компетентным, чтобы делать это все самому до того, как рукопись попадет в редакцию. Но все же они могут помочь — одним больше, другим меньше.

Я не чувствую никакой ответственности перед книжными критиками. Первая критическая заметка, которую я прочитал, касалась моей дебютной книги «Крейсер „Улисс“». Ныне не существующая шотландская газета отвела ей целых две страницы и поместила изображение суперобложки, охваченной пламенем. Заголовок гласил: «Сожги эту книгу». В ней я сделал Королевскому военно-морскому флоту величайший комплимент, на который только был способен, и автор заметки, этот болван, счел ее клеветнической.

То был первый так называемый литературный обзор, который я когда-либо читал, и он же стал последним.

Боюсь, что я ставлю рецензентов художе-

ственной литературы в один ряд с экспертами, руководящими так называемыми писательскими школами. Невозможно не восхищаться той смелостью, с которой они, без тени смущения, дают советы, читают лекции, поучают и критикуют то, на что сами совершенно не способны.

Я в величайшем долгу перед теми, кто покупает мои книги и дает мне возможность вести тот образ жизни, который я веду. Получая совершенно оправданное удовлетворение от указания на мои частые фактические ошибки, они никогда не говорят мне, как нужно писать. За что им признателен.

Одним из преимуществ свободы является возможность путешествовать. Я путешествую не для расширения кругозора или в исследовательских целях. Да, я бывал в Арктике, Эгейском море, Индонезии, на Аляске, в Калифорнии, Югославии, Голландии, Бразилии и множество других мест и писал о них, но, с другой стороны, я также бывал в Мексике и Китае, Перу и Кашмире, но очень сильно сомневаюсь, что когда-нибудь напишу про эти поездки.

Что касается будущей работы, то я действительно не знаю. Время от времени мистер Чепмен высказывает — как мне кажется, с легкой грустью

— предположение, что когда-нибудь я, возможно, соберусь и напишу хорошую книгу. Что ж, ничего невозможного нет, и я — несомненно, к отчаянию всех тех книжных обозревателей, которых я никогда не читаю, — пока еще не хотел бы уйти в отставку.